

ISSN 2619-0559 (print)
ISSN 2658-5863 (online)

Выпуск 6

2024

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

METHODOLOGICAL PROBLEMS
OF THE CIVIL LAW
RESEARCHES

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF THE CIVIL LAW RESEARCHES

2024 • Volume 6

YEARLY PERIODICAL SCIENTIFIC JOURNAL

Editor-in-Chief:

KUZNETSOVA O.A. – Doctor of Juridical Sciences, Deputy Dean of the Law Faculty for Scientific Work, Perm State University (Perm, Russia)

Editorial Staff:

BERND WIESER – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice Dean of the Law Faculty, Head of the Department of Public Law and Political Science, Karl-Franz University of Graz (Graz, Austria)

CLIVE SEALEY – PhD Social Policy, University of Birmingham, Senior Lecturer in Social Policy and Theory, University of Worcester (Worcester, Great Britain)

HUBERTUS GERSDORF – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of State and Administrative Law, Media Law, University of Leipzig (Leipzig, Germany)

SAMUEL D. BERNAL – PhD (University of Chicago, USA), Doctor of Juridical Sciences (Loyola University San Fernando, Los Angeles, USA), Honorary Professor of medicine of California University (San Fernando, USA), Honorary Doctor of California University (Los Angeles, California, USA), Professor of Business Management of Asian Institute of Management (Manila, Philippines), licensed lawyer (admitted in California and federal US courts)

TURLUKOWSKI JAROSLAW – Assistant professor at the Institute of Civil Law, Faculty of Law and Administration, University of Warsaw, Head of the Center for Research on the Law of Eastern Europe and Central Asia at the Faculty of Law and Administration, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

WANG ZHI HUA – Doctor of Juridical Sciences, Professor of China University of Political Science and Law (Beijing, China)

GABOV A.V. – Doctor of Juridical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Sciences of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

GOLUBTSOV V.G. – Doctor of Juridical Sciences, Head of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State University (Perm, Russia)

GONGALO B.M. – Doctor of Juridical Sciences, Head of the Department of Civil Law, The Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia)

VAVILIN Y.V. – Doctor of Juridical Sciences, Head of the Department of Family and Housing Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

VALEEV D.KH. – Doctor of Juridical Sciences, Vice Dean of the Law Faculty of the Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia)

ZAITSEV V.V. – Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Legal Support of Market Economy, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

SEROVA O.A. – Doctor of Juridical Sciences, Deputy Vice-rector for Academic and International Activities, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Pskov State University (Pskov, Russia)

The journal is published 1 time a year (annual)

The journal is published one time a year (annual) Reprint and republication of all the materials of the Methodological Problems of the Civil Law Researches Journal are allowed only with the consent of the Publisher. The appropriate reference to the source of publication is obligatory. The Publisher and the Editor's office do not render information and consultations and do not enter into correspondence. Manuscripts are not being returned. The Founders and the Publisher are not responsible for the content of advertisements and announcements.

The opinions expressed in the publications refer to the authors and do not necessarily reflect the official view of the organizations they represent.

ISSN 2619-0559 (print publication)

ISSN 2658-5863 (web publication)

Reg. No.: PI No. FS77-73465

(registered by Roskomnadzor on August 17, 2018)

Founder: O.A. Kuznetsova

Editors office: 614990, Russia, Perm, Bukireva st., 15, Bldg. 9, Office 30-a.

Phone: +7 (3422) 396-275; e-mail: metodology59@mail.ru,

www.metodol59.ru

Publisher: LLC «Publishing House «Statut»

119454, Russia, Moscow, Lobachevskogo st., 92, Bldg. 2

Phone: +7 (495) 649-18-06, e-mail: market@estatut.ru,

www.estatut.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2024 • Выпуск 6

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ – ЕЖЕГОДНИК

Главный редактор:

КУЗНЕЦОВА О.А. – доктор юридических наук, заместитель декана юридического факультета по научной работе Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь, Россия)

Редакционная коллегия:

ГАБОВ А.В. – доктор юридических наук, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный юрист РФ (г. Москва, Россия)

ГОЛУБЦОВ В.Г. – доктор юридических наук, заведующий кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь, Россия)

ГОНГАЛО Б.М. – доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург, Россия)

ВАВИЛИН Е.В. – доктор юридических наук, заведующий кафедрой семейного и жилищного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (г. Москва, Россия)

ВАЛЕЕВ Д.Х. – доктор юридических наук, заместитель декана юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань, Россия)

ЗАЙЦЕВ В.В. – доктор юридических наук, профессор кафедры правового обеспечения рыночной экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, заслуженный юрист РФ (г. Москва, Россия)

СЕРОВА О.А. – доктор юридических наук, заместитель проректора по учебной работе и международной деятельности, профессор кафедры гражданского права и процесса Псковского государственного университета (г. Псков, Россия)

ВИЗЕР БЕРНД – доктор юридических наук, профессор, заместитель декана юридического факультета, заведующий кафедрой публичного права и политологии Грацкого университета имени Карла и Франца (г. Грац, Австрия)

КЛАЙВ СИЛИ – кандидат социологических наук, преподаватель социальной политики и теории Вустерского университета (г. Вустер, Великобритания)

ГЕРСДОРФ ГУБЕРТУС – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и административного права, права о средствах массовой информации юридического факультета Лейпцигского университета (г. Лейпциг, Германия)

САМУЭЛЬ Д. БЁРНАЛ – доктор философии (Чикагский университет, США), доктор юридических наук (Университет Лойолы, г. Лос-Анджелес, США), почетный профессор медицины Калифорнийского университета (г. Сан-Фернандо, США), заслуженный доктор Калифорнийского университета (г. Лос-Анджелес, штат Калифорния, США), профессор делового менеджмента Азиатского института менеджмента (г. Манила, Филиппины), лицензированный адвокат (штат Калифорния и федеральные суды США)

ЯРОСЛАВ ТУРЛУКОВСКИЙ – профессор Института гражданского права, руководитель Центра исследования права Восточной Европы и Центральной Азии факультета права и управления Варшавского университета (г. Варшава, Польша)

ВАН ЧЖИХУА – доктор юридических наук, профессор Китайского университета политологии и юриспруденции (г. Пекин, Китай)

Журнал выходит один раз в год (ежегодник)

Перепечатка материалов из журнала «Методологические проблемы цивилистических исследований» допускается только с согласия Издателя. Ссылка на источник опубликования обязательна. Издатель или редакция не дают справок и консультаций и не вступают в переписку. Рукописи не возвращаются. Учредитель, Издатель не несут ответственности за содержание рекламы и объявлений.

Мнения, высказанные в публикациях авторами, необязательно отражают официальную точку зрения.

ISSN 2619-0559 (печатное издание)

ISSN 2658-5863 (сетевое издание)

Рег. номер: серия ПИ № ФС77-73465

(зарегистрирован Роскомнадзором 17 августа 2018 г.)

Учредитель: О.А. Кузнецова

Редакция: 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15, корп. 9, каб. 30-а.

Тел. +7 (3422) 396-275; e-mail: metodology59@mail.ru

www.metodol59.ru

Издатель: ООО «Издательство «Статут»

119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 92. корп. 2

Тел. +7 (495) 649-18-06; e-mail: market@estatut.ru

www estatut.ru

CONTENTS

FORMATION OF RESEARCH COMPETENCIES IN CIVIL LAW AND CERTIFICATION OF SCIENTIFIC PERSONNEL

Gabov A.V. (Russia)

Monitoring the Activities of Dissertation Defense Councils
Established by Organizations That Have the Right to Independently
Award Academic Degrees, and Monitoring Compliance by Such
Councils with Established Requirements..... 11

Bogdan V.V. (Russia)

The Impact of Categorization of Russian Scientific Journals
on the Publications of Applicants Academic Degrees.....43

Ershova I.V., Tarasenko O.A. (Russia)

About Independence and Plagiarism in Scientific Research52

Kamyshanskij V.P. (Russia)

Organizational and Legal Problems of Staffing the Strategic Academic
Leadership Program «PRIORITY 2030»64

Komissarova E.G. (Russia)

The Plan of the Scientific Qualification Work: the Methodological
Aspect of the Issue78

Kuznetsova O.A. (Russia)

«Dissertational» Disputes in Judicial Practice: Marking
the 10th Anniversary of the Regulations on Awarding
Academic Degrees92

Pavlov A.A. (Russia)

Artificially Generated «Scientific» Texts: Current Status
and Future Perspectives111

GENERAL THEORETICAL ISSUES OF CIVIL METHODOLOGY

Vinichenko Yu.V. (Russia)

On the Correlation of Civil Circulation and the Subject of Civil Law 128

Matveev A.G. (Russia) Interbranch Relations Between Human Rights Law and Intellectual Property Law	142
Morozov S.Yu. (Russia) Methodology For Determining the Role of Legal Means in the Study of Civility Mechanisms	164
Sushkova O.V. (Russia) Methodology for Researching the Rule of Law in of Business and Innovation Activity.....	182

METHODS OF CIVILISTIC RESEARCH

Ananyeva A.A., M.A. Bazhina (Russia) Interdisciplinary and Interbranches Approaches in the Study of Multimodal Transportation.....	196
Ilyina O.Yu., Tumanova L.V. (Russia) Empirical Interpretation in the Context of the Relationship of Private and Public Interests in Family Law.....	214
Martyanova E.Yu. (Russia) Research of the Institute of Joint Performance Through the Prism of the Theory of Group Dynamics	233

METHODOLOGY OF RESEARCHING CERTAIN CIVIL LAW PROBLEMS

Barkov A.V., Grishina Ya.S. (Russia) A Look at the Civil Methodology Through the Prism of National Security	247
Bogdanova E.E. (Russia) A Methodological Study of the Problems of Interaction Between Public Law and Private Law Principles in the Field of Antimonopoly Regulation in Commodity Markets	265
Golubtsov V.G., Valeev D.Kh. (Russia) Methodological Problems of the Cognition of Civil Procedure Principles (Based on the Materials of Dissertation Research).....	281

Vaskevich V.P., Demieva A.G. (Russia)

On the Methodology of the Study of the Legal Regulation of the Professorial Activity of an Athlete	304
---	-----

Fioshin A.V. (Russia)

Methodology of the Study of Evaluative Concepts of Inheritance and Family Law	323
--	-----

Khodyreva E.A. (Russia)

Methodological Problems of The Study of Hereditary Legal Relations	351
---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

ФОРМИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ЦИВИЛИСТИКЕ И АТТЕСТАЦИЯ НАУЧНЫХ КАДРОВ

Габов А.В. (Россия)

Мониторинг и контроль деятельности советов по защите диссертаций, созданных организациями, имеющими право самостоятельного присуждения ученых степеней 11

Богдан В.В. (Россия)

Влияние категоризации российских научных журналов на публикации соискателей ученых степеней43

Ершова И.В., Тарасенко О.А. (Россия)

О самостоятельности и плагиате в научных исследованиях52

Камышанский В.П. (Россия)

Организационно-правовые проблемы кадрового обеспечения программы стратегического академического лидерства «ПРИОРИТЕТ 2030»64

Комиссарова Е.Г. (Россия)

План научно-квалификационного произведения: методологический аспект вопроса 78

Кузнецова О.А. (Россия)

«Диссертационные» споры в судебной практике: к 10-летию действия Положения о присуждении ученых степеней92

Павлов А.А. (Россия)

Созданные с использованием искусственного интеллекта «научные» тексты: текущее состояние и перспективы развития111

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Виниченко Ю.В. (Россия)

О соотношении гражданского оборота и предмета гражданского права..... 128

Матвеев А.Г. (Россия)

Межотраслевые связи права прав человека и права
интеллектуальной собственности 142

Морозов С.Ю. (Россия)

Методология определения ролей правовых средств при
исследовании цивилистических механизмов 164

Сушкова О.В. (Россия)

Методология исследования верховенства права в
предпринимательской и инновационной деятельности 182

МЕТОДЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**Ананьева А.А., Бажина М.А. (Россия)**

Междисциплинарный и межотраслевой подходы
в исследовании смешанных перевозок 196

Ильина О.Ю., Туманова Л.В. (Россия)

Эмпирическая интерпретация в контексте соотношения
частных и публичных интересов в семейном праве 214

Мартьянова Е.Ю. (Россия)

Исследование института совместного исполнения
через призму теории групповой динамики 233

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ
ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ****Барков А.В., Гришина Я.С. (Россия)**

Взгляд на цивилистическую методологию через призму
национальной безопасности 247

Богданова Е.Е. (Россия)

Методологическое исследование проблем взаимодействия
публично-правовых и частноправовых начал в сфере
антимонопольного регулирования на товарных рынках 265

Голубцов В.Г., Валеев Д.Х. (Россия)

Методологические проблемы познания принципов
цивилистического процесса (по материалам диссертационных
исследований) 281

Васькевич В.П., Демиева А.Г. (Россия)

О методологии исследования правовой регламентации
профессиональной деятельности спортсмена 304

Фиошин А.В. (Россия)

Методология исследования оценочных понятий
наследственного и семейного права..... 323

Ходырева Е.А. (Россия)

Методологические проблемы исследования наследственного
правоотношения 351

ФОРМИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ЦИВИЛИСТИКЕ И АТТЕСТАЦИЯ НАУЧНЫХ КАДРОВ

УДК 34.09

DOI: <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2024-6-6-11-42>

МОНИТОРИНГ И КОНТРОЛЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТОВ ПО ЗАЩИТЕ ДИССЕРТАЦИЙ, СОЗДАНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯМИ, ИМЕЮЩИМИ ПРАВО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ПРИСУЖДЕНИЯ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ

А.В. Габов

Институт государства и права Российской академии наук,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Ульяновский государственный университет
E-mail: gabov@igpran.ru

Введение: Одним из важнейших изменений государственной системы научной аттестации за последние десять лет стала возможность (нормативно закреплённая в 2016 г.) для ряда научных и образовательных организаций самостоятельно присуждать ученые степени, формировать диссертационные советы, а также формировать собственную нормативную базу по соответствующим вопросам. Долгое время действующее законодательство не определяло никаких контрольных полномочий государственных органов в части соответствующих диссертационных советов, однако в 2022 г. в Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»

были внесены изменения, в соответствии с которыми уполномоченный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, получил право осуществлять мониторинг и контроль деятельности подобных советов. В 2023 г. регулирование вопросов мониторинга и контроля было дополнено специальным подзаконным нормативным актом, принятым Минобрнауки России. **Целью** исследования являются анализ положений законодательства о науке и научно-технической политике в части осуществления мониторинга и контроля деятельности диссертационных советов, созданных научными и образовательными организациями, имеющими право самостоятельного присуждения степеней. **Методы:** общенаучный (диалектический) метод, а также такие частнонаучные методы познания, как формально-юридический и логический. **Выводы:** наличие функции мониторинга деятельности диссертационных советов, созданных организациями, получившими право самостоятельного присуждения ученых степеней, следует оценить положительно, однако его регулирование выглядит недостаточным; по существу можно говорить о некотором смещении в подзаконных нормах мониторинга деятельности самой такой организации (что принципиально верно) и мониторинга деятельности ее диссертационных советов (что предусматривает закон). Эта неопределенность предмета мониторинга должна быть устранена. Возвращение ограниченного государственного контроля за присуждением ученых степеней организациями, получившими право самостоятельного присуждения ученых степеней, следует оценить положительно. Текущее регулирование, по мнению автора статьи, не является в полной мере определенным — цели, порядок, процедуры и правовые последствия осуществления подобного контроля требуют более тщательного описания, следует закрепить на уровне федерального закона. При этом понятно, что текущее регулирование скорее всего носит временный характер, поскольку в 2024 г. Президент РФ указал на необходимость дальнейшего развития Высшей аттестационной комиссии под эгидой Российской академии наук. Подобное решение повлечет необходимость существенного изменения текущего регулирования вопросов государственной системы научной аттестации, включая и вопросы контроля.

Ключевые слова: государственная система научной аттестации; ученая степень; присуждение ученых степеней; диссертация; диссертационный совет; контроль; мониторинг.

MONITORING THE ACTIVITIES OF DISSERTATION DEFENSE COUNCILS ESTABLISHED BY ORGANIZATIONS THAT HAVE THE RIGHT TO INDEPENDENTLY AWARD ACADEMIC DEGREES, AND MONITORING COMPLIANCE BY SUCH COUNCILS WITH ESTABLISHED REQUIREMENTS

A.V. Gabov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Ulyanovsk State University,
Belgorod State National Research University
E-mail: gabov@igpran.ru

Introduction: One of the most important changes in the state system of scientific attestation over the past ten years has become the opportunity (statutorily enshrined in 2016) for a number of scientific and educational organizations to independently award academic degrees, create dissertation councils, and also create their own regulatory framework on relevant issues. For a long time, the currently governing law did not define any control powers of state bodies in terms of the relevant dissertation councils, however, in 2022, changes were made to the Federal Law of August 23, 1996 No. 127-FZ «On Science and State Scientific and Technical Policy», in accordance with by which the authorized executive body exercising the functions of developing state policy and legal regulation in the field of scientific and scientific-technical activities received the rights to monitor and control the activities of such councils. In 2023, the regulation of monitoring and control issues was supplemented by a special by-law adopted by the Russian Ministry of Education and Science. **The purpose** of the study is to analyze the provisions of the legislation on science and science and technology policy in terms of monitoring and control of the activities of dissertation councils created by scientific and educational organizations which are entitled to independently award degrees. **Methods:** a general scientific (dialectical) method, as well as such particular scientific methods of cognition as formal legal and logical. **Conclusions:** the presence of a function for monitoring the activities of dissertation councils created by organizations entitled to independently award academic degrees should be assessed positively, however its regulation seems insufficient; in essence, we can talk about some confusion in the by-laws of monitoring the activities of such an organization itself (which is fundamentally true) and monitoring the activities of its dissertation councils (which is provided for by law). This uncertainty about the subject of monitoring must be eliminated. The restitution of the restricted government control over the awarding of academic degrees by organizations entitled to independently award academic degrees should be assessed positively. Current regulation, according to the author of the article, is not fully defined — the goals, order, procedures and legal consequences of such control require a more thorough description — should be enshrined in federal law. At the same time,

it is clear that the current regulation is most likely temporary, since in 2024 the President of the Russian Federation indicated the need for further development of the Higher Attestation Commission under the auspices of the Russian Academy of Sciences. Such a decision will entail the need for a significant change in the current regulation of issues of the state system of scientific attestation, including the issues of monitoring and control studied in the paper.

Keywords: state system of scientific attestation; attestation; awarding of scientific degrees; thesis; dissertation council; control; monitoring.

Введение

2016 г. стал важной вехой в развитии государственной системы научной аттестации — были внесены изменения¹ в Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее — Закон о науке и научно-технической политике)², в соответствии с которыми³ (п. 3.1 ст. 4) Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, а также научные организации и образовательные организации высшего образования⁴, включенные Правительством РФ в специальный перечень, получили право (далее в настоящей работе все нижеперечисленные права в совокупности будут именоваться «правом самостоятельно присуждать ученые степени»):

— создавать на своей базе советы по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (далее в этой работе мы будем использовать понятие «диссертационный совет»), определять и изменять состав и устанавливать полномочия этих советов, определять перечни научных специальностей, по которым диссертационным советам предоставляется право

¹ См.: Федеральный закон от 23 мая 2016 г. № 148-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона “О науке и государственной научно-технической политике”» // СЗ РФ. 2016. № 22. Ст. 3096 (далее — Федеральный закон от 23 мая 2016 г. № 148-ФЗ).

² СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

³ В данном случае приводится первоначальная редакция указанного пункта в соответствии с изменениями, внесенными Федеральным законом от 23 мая 2016 г. № 148-ФЗ.

⁴ В тексте данного пункта помимо указания на включение в перечень круг соответствующих организаций был охвачен следующей формулировкой: «которые достигли высоких результатов в научной и (или) научно-технической деятельности, обладают авторитетом в вопросах подготовки научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации, в том числе которые реализуют разработанные и утвержденные самостоятельно образовательные стандарты по всем уровням высшего образования, либо являются национальными исследовательскими центрами, либо имеют статус государственного научного центра, либо в отношении которых установлена категория “федеральный университет” или “национальный исследовательский университет”».

приема диссертаций для защиты, осуществлять контроль за деятельностью диссертационных советов, приостанавливать, возобновлять и прекращать их деятельность;

– устанавливать порядок присуждения ученых степеней, включая критерии, которым должны отвечать диссертации на соискание ученых степеней, порядок представления, защиты диссертаций на соискание ученых степеней, порядок лишения, восстановления ученых степеней, рассмотрения апелляций;

– утверждать положение о диссертационном совете, формы дипломов об ученых степенях, технические требования к таким документам, порядок их оформления и выдачи.

Спецификой изменений, внесенных в Закон о науке и научно-технической политике Федеральным законом от 23 мая 2016 г. № 148-ФЗ¹, стало полное отсутствие каких-либо контрольных полномочий федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, в отношении организаций, получивших право самостоятельного присуждения ученых степеней.

Среди немногих обязанностей таких организаций Закон о науке и научно-технической политике устанавливал: их обязанность представлять в федеральную информационную систему государственной научной аттестации информацию о собственных локальных нормативных актах, касающихся присуждения ученых степеней, о диссертационных советах по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, о присуждении, лишении, восстановлении ученых степеней; состав информации, которая в обязательном порядке должна содержаться в документах об ученых степенях, присуждаемых подобными организациями. Кроме того, ч. 4 ст. 2 Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 148-ФЗ наделила федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, полномочием осуществлять мониторинг деятельности диссертационных советов, созданных организациями, имеющими право самостоятельно присуждать ученые степени, на основе информации, представляемой в федеральную информационную систему государственной научной аттестации. Каких-либо контрольных и иных полномочий, связанных с таким мониторингом, указанный орган не получал, равным образом не накладывались в связи с проведением

¹ Также см.: [3; 12; 13].

указанного мониторинга и какие-либо дополнительные обязанности на соответствующие организации.

Следует обратить внимание на формулировку, регулирующую полномочие по мониторингу, — в ней предмет подобного мониторинга указан как *деятельность диссертационных советов*, т.е. не деятельность самой организации по присуждению ученых степеней (что было бы логично в силу перечня информации, подлежащей размещению в федеральной информационной системе государственной научной аттестации, которая включает среди прочего и локальные нормативные акты данной организации), а только деятельность диссертационных советов, без конкретизации того, что такая деятельность включает. Учитывая наличие в перечне прав организации, получившей право самостоятельного присуждения ученых степеней, установленных п. 3.1 ст. 4 Закона о науке и научно-технической политике, и права осуществления контроля за деятельностью созданных этих советов, получалось, что *новая модель научной аттестации была основана на принципе самоконтроля (сама организация осуществляет контроль за своей деятельностью)*.

Состоянию государственной системы научной аттестации за период после изменений, внесенных в Закон о науке и научно-технической политике Федеральным законом от 23 мая 2016 г. № 148-ФЗ, по настоящее время были даны оценки в целом ряде научных исследований¹; видимо², накопившийся опыт функционирования государственной системы научной аттестации привел к пониманию необходимости коррекции текущего регулирования.

Модель государственной научной аттестации после изменений, внесенных в Закон о науке и научно-технической политике в 2022 г.

В конце 2022 г. был принят Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 397-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального

¹ В частности, см.: [1; 3–11; 13; 14].

² Допущение, а не утверждение связано не с наличием у автора работы каких-либо сомнений в части необходимости соответствующих изменений, а с тем, что, как показывает изучение пояснительной записки к соответствующему законопроекту (№ 85708-8 // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/85708-8>), никаких пояснений относительно законодательных новаций там нет. Причина этого в том, что интересующие нас изменения при внесении законопроекта и не планировались — они появились согласно Таблице поправок, рекомендуемых Комитетом Государственной Думы по науке и высшему образованию к принятию, только при подготовке законопроекта ко второму чтению (авторы поправок те же, что и авторы самого законопроекта, — депутаты Государственной Думы С.В. Кабышев и А.Г. Мажуга); при этом указанная Таблица поправок информации о целях (пояснений) предлагаемых поправок не содержит.

закона “О науке и государственной научно-технической политике” и статью 11 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”»¹ (далее также – Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 397-ФЗ), которым в п. 3.1 ст. 4 Закона о науке и научно-технической политике были внесены следующие изменения.

Во-первых, подвергся существенному изменению подход в части определения круга организаций, которые получают право самостоятельно присуждать ученые степени, – теперь такие организации разделены на две категории.

Первая категория состоит из:

а) двух организаций, названия которых Закон упоминает прямо (что имело место и ранее), – «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургский государственный университет»;

б) большой группы организаций, которая обозначена следующим образом: «образовательные организации высшего образования, в отношении которых установлена категория «федеральный университет» или «национальный исследовательский университет», образовательные организации высшего образования, которые вправе в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» разрабатывать и утверждать самостоятельно требования к программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), научные организации, которые являются национальными исследовательскими центрами либо имеют статус государственного научного центра».

Юридическая техника обновленного п. 3.1 ст. 4 Закона о науке и научно-технической политике такова, что два указанных университета и образовательные и указанные научные организации получают соответствующие права без какого-либо дополнительного решения (подтверждения) путем включения их в специальный перечень.

При этом, однако, следует обратить внимание на следующие слова при описании этой категории: *«образовательные организации высшего образования, которые вправе в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ “Об образовании в Российской Федерации” разрабатывать и утверждать самостоятельно требования к программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)»*. Как видно, эта часть организаций здесь указана через отсылку к иному закону – Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской

¹ СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 6959.

Федерации»¹ (далее — Закон об образовании). В Законе об образовании (ст. 2) мы встречаем среди понятий, используемых этим Законом, и такое: «требования, устанавливаемые образовательными организациями высшего образования», определяемые следующим образом: «обязательные требования к программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), устанавливаемые образовательными организациями высшего образования, определенными настоящим Федеральным законом или указом Президента Российской Федерации (далее — самостоятельно устанавливаемые требования)». Часть 11 ст. 11 Закона об образовании к числу образовательных организаций высшего образования, которые вправе разрабатывать и утверждать самостоятельно устанавливаемые требования, относит организации, указанные в ч. 10 этой же статьи. Часть 10 ст. 11 Закона об образовании в свою очередь указывает следующее: «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, образовательные организации высшего образования, в отношении которых установлена категория «федеральный университет» или «национальный исследовательский университет», образовательные организации высшего образования, осуществляющие образовательную деятельность на территории инновационного центра «Сколково» и территориях инновационных научно-технологических центров, а также федеральные государственные образовательные организации высшего образования, перечень которых утверждается указом Президента РФ, вправе разрабатывать и утверждать самостоятельно образовательные стандарты по программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, программам ординатуры и программам ассистентуры-стажировки».

Таким образом, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургский государственный университет, а также образовательные организации высшего образования, в отношении которых установлена категория «федеральный университет» или «национальный исследовательский университет», в настоящее время входят в первую категорию дважды — и в соответствии с прямым указанием в п. 3.1 ст. 4 Закона о науке и научно-технической политике, и через указание о них в Законе об образовании (ст. 11).

Через ст. 11 Закона об образовании входят в первую категорию образовательные организации высшего образования, осуществляющие образовательную деятельность на территории инновационного центра «Сколково» и территориях инновационных научно-технологических

¹ СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

центров. Еще часть федеральных государственных образовательных организаций высшего образования входит в первую категорию после их включения в специальный перечень, утверждаемый указом Президента РФ¹.

Вторая категория обозначена следующим образом: «а также научные организации и образовательные организации высшего образования, которые достигли высоких результатов в научной и (или) научно-технической деятельности, обладают авторитетом в вопросах подготовки научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации и *перечень которых устанавливается Правительством Российской Федерации*».

Эти организации получают соответствующие права (самостоятельно присуждать ученые степени) *только после включения их в специальный перечень*. Включение же в указанный перечень зависит от подзаконного регулирования — как установлено п. 3.1 ст. 4 Закона о науке и научно-технической политике, порядок формирования указанного перечня, в том числе показатели научной и (или) научно-технической деятельности в целях включения указанных организаций в этот перечень, основания и порядок исключения из него указанных организаций, устанавливается Правительством РФ².

Во-вторых, Закон закрепил обязанность организаций, получивших право самостоятельного присуждения ученых степеней, направлять в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, решения о начале реализации ими соответствующих прав, а также в течение 30 дней со дня принятия этих решений представлять в федеральную информационную систему государственной научной аттестации информацию о локальных нормативных актах организаций, касающихся присуждения ученых степеней, о советах по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, о присуждении, лишении, восстановлении ученых степеней. Данное положение в целом следует

¹ В настоящее время — Указ Президента РФ от 5 июля 2021 г. № 405 «Об утверждении перечня федеральных государственных образовательных организаций высшего образования, которые вправе разрабатывать и утверждать самостоятельно образовательные стандарты по образовательным программам высшего образования» (СЗ РФ. 2021. № 28 (ч. 1). Ст. 5491).

² Порядок формирования перечня установлен в настоящее время постановлением Правительства РФ от 7 марта 2023 г. № 357 «О порядке формирования перечня научных организаций и образовательных организаций высшего образования, предусмотренного абзацем первым пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона “О науке и государственной научно-технической политике”» (СЗ РФ. 2023. № 11. Ст. 1812).

признать верным, однако почему-то при установлении обязанности ставить в известность соответствующий орган о начале реализации этих прав в Закон не внесены положения об обязанности ставить в известность тот же орган о прекращении использования таких прав.

В-третьих, правомочие федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, осуществлять мониторинг деятельности диссертационных советов теперь перенесено из Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 148-ФЗ непосредственно в текст Закона о науке и научно-технической политике (при этом из текста Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 148-ФЗ (ч. 2 ст. 2) соответствующее положение не изъято). Следует обратить внимание на то, что законодатель именно «перенес» формулировки Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 148-ФЗ в текст Закона о науке и научно-технической политике, поскольку существо регулирования не претерпело изменений.

В-четвертых, у федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности в отношении диссертационных советов организаций, получивших право самостоятельного присуждения ученых степеней, впервые появилось контрольное полномочие — контролировать соблюдение подобными советами определенных требований.

В тексте нормы (п. 3.1 ст. 4 Закона о науке и научно-технической политике) пределы контроля сформулированы следующим образом: «контролирует соблюдение такими советами требований настоящего абзаца». Абзац, о котором идет речь, включает помимо полномочий мониторинга и контроля первое предложение следующего содержания: «Критерии, которым должны отвечать диссертации на соискание ученых степеней, присуждаемых в соответствии с настоящим пунктом, а также требования к научной квалификации членов советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, создаваемых в соответствии с настоящим пунктом, не могут быть ниже аналогичных критериев и требований, установленных в соответствии с пунктом 2.1 и абзацем третьим пункта 1 настоящей статьи», т.е. речь идет о критериях, установленных Положением о присуждении ученых степеней и Положением о диссертационном совете, которые, соответственно, утверждаются Правительством РФ¹ и федеральным органом исполнительной власти,

¹ В настоящее время — постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (СЗ РФ. 2013. № 40 (ч. 3). Ст. 5074) (далее — Положение о присуждении ученых степеней).

осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности¹.

Таким образом, предмет контроля установлен предельно ясно — он включает:

а) соответствие критериев, которым должны отвечать диссертации, защищенные в диссертационных советах, созданных организациями, получившими право самостоятельного присуждения ученых степеней, критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней;

б) соответствие требований к научной квалификации членов диссертационных советов, созданных организациями, получившими право самостоятельного присуждения ученых степеней, требованиям, установленным Положением о диссертационном совете.

Никаких иных предметов контроля нет, т.е., к примеру, вопросы локального нормотворчества, а также соблюдения установленных локальными нормативными актами организаций процедур и иных требований федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, не контролирует² — эти вопросы остаются полностью в зоне самоконтроля самой организации, получившей право самостоятельного присуждения ученых степеней.

В-пятых, для осуществления полномочий мониторинга (чего ранее не было) и контроля (нового полномочия) федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, получил право устанавливать порядок такого мониторинга и контроля, т.е. получил право ограниченного подзаконного регулирования (регулирования процедур).

В-шестых, федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, получил право «приостановить или возобновить

¹ В настоящее время — приказ Минобрнауки России от 10 ноября 2017 г. № 1093 «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» (официальный интернет-портал правовой информации: URL: <http://pravo.gov.ru>, 06.12.2017) (далее — Положение о диссертационном совете).

² На указанную ограниченность контроля уже обращалось внимание в специальных исследованиях (см: [14, с. 10]).

деятельность» диссертационных советов, причем, как можно понять из буквального толкования новой нормы, *по результатам проведения контроля* («и контролирует соблюдение такими советами требований настоящего абзаца, в том числе вправе приостановить или возобновить деятельность таких советов»).

Во исполнение указанных нормативных положений принят приказ Минобрнауки России от 4 мая 2023 г. № 478 «Об утверждении Порядка мониторинга деятельности советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, осуществляемой в соответствии с пунктом 3.1 статьи 4 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ “О науке и государственной научно-технической политике”, и контроля соблюдения такими советами требований, предусмотренных абзацем пятым пункта 3.1 статьи 4 указанного Федерального закона»¹ (далее — Порядок мониторинга и контроля), в связи с чем можно проанализировать имеющееся подзаконное регулирование.

Порядок осуществления мониторинга и контроля и последствия выявления несоответствия диссертаций/ членов диссертационных советов установленным критериям/требованиям

Порядок мониторинга и контроля, принятый в 2023 г., имеет простую структуру — его текст разделен на пункты (23 пункта), не сведенные в какие-либо более крупные тематические блоки (группировки) норм.

Предмет регулирования Порядка мониторинга и контроля описан в его п. 1; он включает два блока отношений:

а) правила проведения мониторинга деятельности диссертационных советов, созданных организациями, получившими право самостоятельного присуждения ученых степеней;

б) правила проведения контроля соблюдения такими диссертационными советами / их членами установленных критериев/требований к научной квалификации членов диссертационных советов, в том числе приостановления или возобновления деятельности таких советов.

Данное описание предмета в полной мере соответствует обновленным (после принятия Федерального закона от 7 октября 2022 г. № 397-ФЗ) положениям п. 3.1 ст. 4 Закона о науке и научно-технической политике. Интересно при этом, что п. 4 Порядка мониторинга

¹ Официальный интернет-портал правовой информации: URL: <http://pravo.gov.ru>.

и контроля устанавливает соотношение между двумя полномочиями уполномоченного государственного органа — мониторинга и контроля (чего нет в тексте п. 3.1 ст. 4 Закона о науке и научно-технической политике), указывая, что контроль осуществляется «по результатам» проводимого мониторинга.

Пункт 5 Порядка мониторинга и контроля определяет цели мониторинга (чего нет ни в тексте п. 3.1 ст. 4 Закона о науке и научно-технической политике, ни в ч. 4 ст. 2 Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 148-ФЗ) — информационная поддержка выработки и реализации государственной политики в сфере государственной научной аттестации, анализа составов диссертационных советов, содержания и результатов их деятельности. С данной формулировкой можно в целом согласиться, а вот определение целей контроля (п. 3 Порядка мониторинга и контроля) — формирование условий по обеспечению прав соискателей ученых степеней, а также равных академических и профессиональных прав обладателей документов об ученых степенях в системе государственной научной аттестации, предусмотренных Законом о науке и научно-технической политике, вызывает вопросы.

Как мы уже отметили выше, полномочия федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, ограничиваются выявлением соответствия фактических критериев/требований нормативно установленным критериям/требованиям (Положением о присуждении ученых степеней и Положением о диссертационном совете); при этом содержание локальных нормативных актов (на предмет соответствия тем правам и ограничениям, которые закреплены нормативно), а также соблюдение установленных подобными актами процедур и иных требований предметом контроля не являются. Поэтому о такой цели контроля, как «формирование условий по обеспечению прав» соискателей ученых степеней, с нашей точки зрения, при осуществлении контроля в рамках Порядка мониторинга и контроля речь идти не может. Даже если защита диссертации имела место с нарушением установленных локальными актами процедур/требований, критерии диссертации и требования к членам диссертационного совета не соответствовали в момент защиты установленным критериям/требованиям и защита прошла успешно, федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, не имеет полномочий каким-либо образом оспорить присуждение.

Вторая из указанных в норме целей — обеспечение равных академических и профессиональных прав обладателей документов об ученых степенях в системе государственной научной аттестации, предусмотренных Законом о науке и научно-технической политике, вообще не ясна. Как думается, цели контроля в Порядке мониторинга и контроля определены не вполне ясно; при этом, конечно, вопрос не только (и не столько) в юридической технике самого документа, а в том, место ли определению таких целей в нем. Это вопрос (предмет) законодательного регулирования (Закона о науке и научно-технической политике).

При анализе предмета регулирования Порядка мониторинга и контроля следует обратить внимание на п. 2 этого документа, в соответствии с которым установлено, что указанный документ *не распространяется на отношения, связанные с осуществлением контроля за деятельностью диссертационных советов, приостановлением, возобновлением и прекращением деятельности этих советов в соответствии с абз. 2 п. 3.1 ст. 4 Закона о науке и научно-технической политике*. Абзац, на который сделана ссылка в этом пункте, имеет сложное содержание — «создавать на своей базе советы по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, определять и изменять составы этих советов, устанавливать полномочия этих советов, определять перечни научных специальностей, по которым этим советам предоставляется право приема диссертаций для защиты, осуществлять контроль за деятельностью этих советов, приостанавливать, возобновлять и прекращать деятельность этих советов». Как видно из текста приведенного правила, в нем указано на полномочия организации, имеющей право самостоятельного присуждения ученых степеней:

а) осуществлять контроль за деятельностью созданных этой организацией диссертационных советов (т.е. самоконтроль);

б) приостанавливать, возобновлять и прекращать деятельность таких советов.

Таким образом, сущность правила, установленного п. 2 Порядка мониторинга и контроля, состоит в том, что полномочия (их осуществление) федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, по мониторингу и контролю, а также по приостановлению или возобновлению деятельности диссертационных советов, созданных организациями, получившими право самостоятельного присуждения ученых степеней, *не отменяют или не заменяют соответствующих полномочий самих указанных организаций, предоставленных им п. 3.1 ст. 4*

Закона о науке и научно-технической политике. С нашей точки зрения, правило п. 2 Порядка мониторинга и контроля сформулировано не вполне ясно; не понятна и цель его помещения в указанный документ — права, предоставленные п. 3.1 ст. 4 Закона о науке и научно-технической политике (включая и контроль) научным и образовательным организациям, не изменились (в том числе после принятия Федерального закона от 7 октября 2022 г. № 397-ФЗ).

При этом за рамками регулирования остались важные вопросы (причем не только к тексту Порядка мониторинга и контроля, но и к тексту п. 3.1 ст. 4 Закона о науке и научно-технической политике, обновленного после принятия Федерального закона от 7 октября 2022 г. № 397-ФЗ). Главный из них: как могут (должны) соотноситься между собой результаты обеих форм контроля — самоконтроля и государственного контроля (со стороны уполномоченного органа)? Для обоснованности постановки вопроса отметим следующее. К правам организации, получившей право самостоятельного присуждения ученых степеней, отнесены полномочия по приостановлению, возобновлению и прекращению деятельности собственных диссертационных советов (в тексте Закона это буквально сформулировано следующим образом: *«приостанавливать, возобновлять и прекращать деятельность этих советов»*). Права федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, в п. 3.1 ст. 4 Закона о науке и научно-технической политике указаны следующим образом: *«приостановить или возобновить деятельность таких советов»*¹. Подобное регулирование порождает вопросы относительно возможности появления потенциально противоречащих друг другу решений организации, получившей право самостоятельного присуждения ученых степеней, и уполномоченного органа.

Порядку осуществления мониторинга посвящены п. 6–11 Порядка мониторинга и контроля (в будущем было бы целесообразно, как думается, структурировать текст этого документа с выделением больших тематических блоков, в том числе и положений, регулирующих порядок мониторинга).

Пункт 6 Порядка мониторинга и контроля устанавливает, что мониторинг проводится *на основании информации*, представленной организациями, получившими право самостоятельного присуждения ученых

¹ Интересно (и не вполне понятно), почему законодатель не предусмотрел для уполномоченного государственного органа права прекращать деятельность диссертационных советов.

степеней, в федеральную информационную систему государственной научной аттестации. Это положение представляет собой дублирование регулирования, уже имеющегося в Законе о науке и научно-технической политике, и, строго говоря, для данного документа является излишним. При этом следует обратить внимание на то, что в документе (Порядке мониторинга и контроля) есть положения, не вполне ему соответствующие.

В частности, п. 7 Порядка мониторинга и контроля к *информации, в отношении которой проводится мониторинг*, относит информацию, представляемую организациями, получившими право самостоятельного присуждения ученых степеней, для включения в федеральную информационную систему государственной научной аттестации, состав которой утверждается федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности¹. Буквально получается, что предметом мониторинга, согласно этому правилу, выступает *информация, помещенная в указанную информационную систему*, тогда как в соответствии с законом (п. 3.1 ст. 4 Закона о науке и научно-технической политике) государственный орган «осуществляет мониторинг деятельности» диссертационных советов; таким образом, информация, помещенная в соответствующую информационную систему, является не предметом мониторинга, а информацией, на основании которой он (мониторинг деятельности) осуществляется, что, собственно, также закреплено и в п. 6 Порядка мониторинга и контроля. Дефектность формулировки п. 7 Порядка мониторинга и контроля состоит еще и в том, что определенный в нем предмет мониторинга — это уже не только информация о деятельности диссертационных советов (как мы отметили выше, в Законе о науке и научно-технической политике (п. 3.1 ст. 4) говорится именно о «мониторинге деятельности советов по защите диссертаций»), но и вся иная информация, которая помещается в информационную систему, т.е. предмет мониторинга п. 7 косвенно расширяется до оценки деятельности организации, получившей право самостоятельного присуждения ученых степеней, по реализации ею прав, установленных п. 3.1 ст. 4 Закона о науке и научно-технической политике.

В связи с изложенным вызывает замечания п. 8 Порядка мониторинга и контроля, в котором дано специальное определение мони-

¹ Состав информации о государственной научной аттестации для включения в федеральную информационную систему государственной научной аттестации утвержден приказом Минобрнауки России от 9 января 2020 г. № 1 (официальный интернет-портал правовой информации: URL: <http://www.pravo.gov.ru>).

торинга как сбора, обработки, систематизации, хранения и анализа информации о локальных нормативных актах организаций, касающихся присуждения ученых степеней, о диссертационных советах, о присуждении, лишении, восстановлении ученых степеней:

- определение исходит из того, что в мониторинг входит сбор информации, тогда как с точки зрения Закона о науке и научно-технической политике и п. 6 Порядка мониторинга и контроля ничего собирать не надо — информация вносится в информационную систему в определенном виде для анализа, выводов из него (собственно мониторинга);

- в мониторинг включен сбор информации не только о диссертационных советах, но и о лишении, восстановлении ученых степеней и даже о локальных нормативных актах организаций. Однако, как мы уже установили, предметом мониторинга является деятельность диссертационных советов на предмет соблюдения критериев/требований. Соответственно, анализ локальных актов и порядка их выполнения формально предметом мониторинга вообще не является; лишение и восстановление ученых степеней также может лежать вне сферы деятельности диссертационных советов (здесь все зависит от локального регулирования). Кроме того, следует обратить внимание на то, что таким определением в мониторинг «затягиваются» вопросы функционирования федеральной информационной системы государственной научной аттестации¹, между тем ст. 6.4 Закона о науке и научно-технической политике, регулирующая вопросы создания и функционирования этой системы, слово «мониторинг» не использует, да и сама система рассчитана как на организации, диссертационные советы которых создаются с разрешения федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, так и на организации, получившие право самостоятельного присуждения ученых степеней.

В целом следует указать на то, что определение мониторинга, данное в Порядке мониторинга и контроля, описание его предмета не отличаются ясностью.

Пункт 7 Порядка мониторинга и контроля определяет сроки направления организациями, получившими право самостоятельного присуждения ученых степеней, информации, установленной (по перечню) приказом Минобрнауки России от 9 января 2020 г. № 1. Такая информация направляется ежегодно два раза:

¹ Получается, что мониторинг — это помимо прочего и само внесение информации в федеральную информационную систему государственной научной аттестации (сбор), хотя п. 7 указывает, что собранная информация — это и есть предмет мониторинга.

— до 1 августа за период деятельности диссертационных советов с января по июнь текущего года;

— до 1 февраля за календарный год деятельности диссертационных советов, предшествующий году представления информации.

Пункт 9 Порядка мониторинга и контроля предусматривает право федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, в случае необходимости уточнения поступившей информации направить соответствующий запрос в организацию, получившую право самостоятельного присуждения ученых степеней; такая информация направляется в срок не более 10 рабочих дней со дня поступления запроса в организацию. Следует обратить внимание на то, что какой-либо нормы о последствиях неисполнения указанной обязанности организации, получившей право самостоятельного присуждения ученых степеней, не установлено.

Нормы, формально фиксирующие окончание мониторинга и его результаты, в Порядке мониторинга и контроля нет. При этом п. 11 этого документа упоминает о «*дне подведения итогов мониторинга*» и даже указывает обязанности федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, в связи с подведением итогов мониторинга, используя (видимо, для описания такого итога) понятие «систематизация» («поступившая... в рамках мониторинга информация систематизируется...»¹).

Косвенно из содержания п. 11 можно понять, что им установлен предельный срок для подведения итогов мониторинга — не позднее одного месяца после направления информации в соответствии с п. 7 Порядка мониторинга и контроля, поскольку не позднее этого срока систематизированная (что понимается под «систематизацией», документ при этом не раскрывает) информация должна быть передана в Высшую аттестационную комиссию. При этом говорить об определенности этого срока в полной мере нельзя — п. 7 Порядка мониторинга и контроля, как было показано выше, включает два вида сроков: два ординарных и один специальный (для уточнения поступившей информации). В связи с этим возникает вопрос: как рассчитывать

¹ Здесь в очередной раз обратим внимание на системные противоречия Порядка мониторинга и контроля — п. 8 включает в понятие мониторинга систематизацию, т.е. это часть мониторинга, тогда как из анализируемого п. 11 следует, что систематизации подлежит информация, поступившая в рамках мониторинга, т.е. по п. 8 — уже ранее кем-то и по каким-то критериям систематизированная.

начало течения срока? В этой части Порядок мониторинга и контроля явно требует уточнения и конкретизации. Необходимо четко определить «день подведения итогов мониторинга», поскольку п. 11 Порядка мониторинга и контроля указывает обязанность государственного органа в течение 10 рабочих дней со дня подведения итогов мониторинга направить его (мониторинга) результаты в Высшую аттестационную комиссию.

Пункт 10 Порядка мониторинга и контроля предусматривает обязанность для государственного органа ежегодно обеспечивать подготовку доклада о результатах проведения мониторинга с его размещением на своем официальном сайте в сети «Интернет» и на сайте Высшей аттестационной комиссии (ВАК); конкретных сроков публикации доклада и требований к его содержанию документ не устанавливает.

Пункт 11 (абз. 2) Порядка мониторинга и контроля представляет правило, показывающее переход мониторинга в контрольные мероприятия (в будущем все-таки, как думается, следует в тексте выделить отдельный раздел, посвященный контролю), — этим правилом на ВАК возложена функция представить в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, рекомендации о проведении контроля соблюдения установленных критериев и установленных требований. Соответствующие рекомендации ВАК должна сделать на основании информации, полученной по результатам мониторинга, в течение 15 рабочих дней со дня ее поступления¹. Причины установления такого (достаточного непродолжительного) срока для подготовки рекомендаций со стороны ВАК не ясны. Не вполне понятно и то, что может/должно быть содержанием подобных рекомендаций, равно как и перечень действий, которые для подготовки таких рекомендаций следует совершить (сплошной контроль, выборочный контроль и пр.).

Рекомендации, направленные ВАК в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, в соответствии с абз. 2 п. 12 Порядка мониторинга и контроля являются основанием для запроса этим органом (в течение трех рабочих дней со дня поступления информации) у организации, получившей право самостоятельного присуждения ученых степеней, публикаций для уточнения основных научных результатов диссертаций, а также иных материалов, подтвер-

¹ Предусматривается только одно условие продления срока (на два месяца) — при перерыве в работе ВАК и ее экспертных советов.

ждающих соответствие диссертации и научной квалификации членов диссертационных советов установленным критериям/требованиям. Согласно данному пункту запрашиваемые материалы направляются (представляются) такой организацией в срок не более 10 рабочих дней со дня поступления запроса в электронном виде. Пункты 13, 14 Порядка мониторинга и контроля регулируют вопросы проверки поступивших материалов для экспертизы — согласно п. 13 федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, в течение трех рабочих дней со дня поступления материалов проводит проверку их полноты; в случае представления организацией материалов не в полном объеме указанный орган в течение трех рабочих дней со дня завершения проверки полноты таких материалов направляет организации, получившей право самостоятельного присуждения ученых степеней, уведомление о необходимости представления запрашиваемых материалов не позднее 10 рабочих дней со дня направления уведомления. В случае представления материалов в полном объеме (п. 14) указанный орган в течение трех рабочих дней со дня завершения проверки их полноты направляет в ВАК представленные материалы, а также обращения, поступившие в указанный орган, содержащие аргументированные доводы о нарушении диссертационными советами установленных критериев/требований, и поручает ВАК проведение экспертизы соответствия диссертаций и научной квалификации членов диссертационных советов установленным критериям/требованиям.

В п. 14 Порядка мониторинга и контроля обращает на себя внимание направление в ВАК обращений в части имеющихся замечаний о деятельности диссертационных советов. Подобный подход следует поддержать — в перспективе ВАК и должна быть тем местом, где разбирают жалобы (обращения) в связи с прошедшими защитами диссертаций вне зависимости от того, где они были защищены. И при этом нельзя не отметить, что при таком регулировании ВАК и сам уполномоченный орган, строго говоря, несколько «подменяют» организации, получившие право самостоятельного присуждения ученых степеней, которые в логике прав, предоставленных им п. 3.1 ст. 4 Закона о науке и научно-технической политике, должны осуществлять контрольные функции (в рамках самоконтроля). В целом этот вопрос, как думается, все-таки не уровня Порядка мониторинга и контроля — он должен быть решен на уровне закона.

Функции ВАК в механизме контроля (помимо рекомендаций, которые ВАК должна предоставить в соответствии с п. 11 Порядка мониторинга и контроля) описаны в п. 12, а также в п. 14–16 Порядка

ка мониторинга и контроля. Пункт 12 указывает, что ВАК проводит экспертизу соответствия диссертаций и научной квалификации членов диссертационных советов установленным критериям/требованиям *«в целях осуществления контроля»*.

Пункт 14 устанавливает, что подобная экспертиза проводится в течение 60 рабочих дней¹ со дня получения ВАК материалов от федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности. Соответствующая экспертиза проводится с участием экспертных советов ВАК — хотя такой нормы (прямого указания) в документе нет, тем не менее это ясно следует из его положений. К примеру, п. 15 Порядка мониторинга и контроля указывает на возможность принятия экспертным советом ВАК заключения о необходимости получения дополнительного заключения — в этом случае сама диссертация, а также поступившие в ВАК материалы направляются (по рекомендации ВАК, как можно понять из текста нормы) в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, на дополнительное заключение в диссертационный совет, созданный на основании разрешения, выданного федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, либо в другой диссертационный совет. Слова «другой диссертационный совет» означают, что указанные диссертации и материалы могут быть направлены в любой диссертационный совет (по соответствующей специальности), созданный организациями, получившими право самостоятельного присуждения ученых степеней. Данное решение следует признать концептуально верным — необходимость правового решения, которое «соединит» две подсистемы государственной системы научной аттестации, отмечалась в исследованиях [5, с. 179]. Однако возникает вопрос о его (решения) практической реализации: в настоящее время п. 3.1 ст. 4 Закона о науке и научно-технической политике положений об обязанности диссертационных советов, созданных организациями, получившими право самостоятельного присуждения ученых степеней, рассмотреть диссертацию и материалы, поступившие от ВАК, не содержит; Положение о присуждении ученых степеней и Положение о диссертационном

¹ Предусматривается только одно условие продления срока — на два месяца при перерыве в работе ВАК и ее экспертных советов.

совете на такие организации и созданные ими диссертационные советы не распространяются; для диссертационных советов, созданных на основании разрешения, выданного федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, соответствующей обязанности (рассматривать диссертации, защищенные в диссертационных советах, созданных организациями, получившими право самостоятельного присуждения ученых степеней) Положением о присуждении ученых степеней и Положением о диссертационном совете не закреплено. При этом п. 15 Порядка мониторинга и контроля предусматривает необходимость со стороны диссертационных советов направить в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, дополнительное заключение в срок не более двух месяцев со дня поступления диссертации и материалов. Как думается, в части дополнительного заключения в будущем потребуются изменения и в Законе о науке и научно-технической политике, и в Положении о присуждении ученых степеней, и в Положении о диссертационном совете.

По итогам проведения экспертизы (п. 16 Порядка мониторинга и контроля) соответствия диссертаций и научной квалификации членов диссертационных советов установленным критериям/требованиям с учетом заключений экспертных советов ВАК готовит рекомендации о наличии или отсутствии признаков несоблюдения диссертационными советами установленных критериев/требований и направляет их в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, в течение трех рабочих дней по истечении 60 рабочих дней со дня получения ВАК материалов (с учетом возможности продления срока) либо по истечении двух месяцев со дня получения дополнительного заключения.

Пункт 17 Порядка мониторинга и контроля устанавливает виды решений, которые может принять федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, на основании рекомендаций ВАК:

- о направлении в организацию, получившую право самостоятельного присуждения ученых степеней, уведомления, содержащего рекомендации по соблюдению установленных критериев и (или) установленных требований;

— о приостановлении деятельности диссертационного совета на один год¹.

Каких-либо критериев выбора соответствующего решения документ не содержит; весьма негибким кажется и срок ограничения — один год, хотя лучше было бы указать, что приостановление возможно на срок до одного года.

При анализе соответствующего положения обращает на себя внимание то, что оно не в полной мере учитывает специфику регулирования прав организаций, получивших право самостоятельного присуждения ученых степеней, установленных п. 3.1 ст. 4 Закона о науке и научно-технической политике. Эти права не ограничивают такие организации в создании как постоянно (или в течение установленно-го продолжительного срока) действующих диссертационных советов, так и разовых советов для осуществления одной конкретной защиты. Предположим, что в ходе экспертизы ВАК будет установлено, что диссертация, защита которой прошла в разовом совете, не соответствует установленным критериям, какой смысл имеет второе решение, разовый совет ведь и так прекратил свое существование? Иного же решения — лишения права создавать подобные разовые советы (или приостановления такого права) федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, принять не вправе; собственно, и сама защита в данном случае не может быть оспорена таким органом².

¹ В соответствии с п. 23 Порядка мониторинга и контроля решение о приостановлении деятельности диссертационного совета в течение 10 рабочих дней со дня принятия такого решения направляется в организацию, получившую право самостоятельного присуждения ученых степеней, на базе которой создан диссертационный совет; в этот же срок сведения о принятом решении вносятся в федеральную информационную систему государственной научной аттестации, а также размещаются на официальных сайтах федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, ВАК, а также организации, получившей право самостоятельного присуждения ученых степеней, в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

² На эту проблему обращалось внимание в специальных исследованиях еще до принятия Порядка мониторинга и контроля. Так, С.И. Пахомов писал, что «предоставленные на основании Закона № 397 полномочия Минобрнауки России по осуществлению контроля предусматривают приостановление деятельности диссертационных советов в случае установления нарушений при оценке научной квалификации члена диссертационного совета и требований к диссертации. Иные, в том числе процедурные, нарушения не являются предметом контроля, а содержание такой меры, как приостановление работы диссертационного совета, не может эффективно применяться к разовым советам» ([14, С. 10]).

Сходные замечания вызывает в этой связи и п. 18 Порядка мониторинга и контроля, в соответствии с которым до момента возобновления деятельности диссертационного совета, в отношении которого принято решение о приостановлении его деятельности, организацией, получившей право самостоятельного присуждения ученых степеней, не может быть принято решение о создании нового диссертационного совета по соответствующей отрасли науки и научной специальности, в том числе диссертационного совета, создаваемого для проведения защиты одной диссертации (разового диссертационного совета): если защита была в разовом совете, который уже прекратил свое существование (т.е. приостановить деятельность невозможно, поскольку нет субъекта этой деятельности), то и данное ограничение просто не работает. Есть и более существенное замечание к этому пункту (в части уже постоянно действующих советов): если возможность приостановить деятельность диссертационного совета решением федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, п. 3.1 ст. 4 Закона о науке и научно-технической политике признает, то вот возможности ограничения прав, предоставленных этой же нормой в связи с таким приостановлением (на создание новых советов), закон не предусматривает. Порядок мониторинга и контроля — это *документ о процедурах*, его положениями нельзя лишить (ограничить) права организаций, получивших право самостоятельного присуждения ученых степеней; в этой части п. 18 содержит регулирование, не просто не предусмотренное законом, а прямо ему противоречащее.

Пунктом 20 Порядка мониторинга и контроля установлена обязанность организации, получившей право самостоятельного присуждения ученых степеней, в течение 20 рабочих дней со дня получения решения о приостановлении деятельности диссертационного совета направить федеральному органу исполнительной власти, осуществляющему функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, принявшему такое решение, информацию об устранении выявленных нарушений с приложением подтверждающих материалов. Указанный государственный орган в соответствии с п. 21 Порядка мониторинга и контроля направляет полученную информацию об устранении выявленных нарушений с приложением подтверждающих материалов в ВАК для рассмотрения и подготовки рекомендаций ВАК. Срок рассмотрения указанным органом информации об устранении выявленных нарушений установленных критериев/требований составляет 20 рабочих дней со дня получения информации

об устранении выявленных нарушений. Права указанного органа при рассмотрении поступивших документов установлены п. 22 Порядка мониторинга и контроля:

— если документы подтверждают устранение выявленных нарушений, то на основании рекомендации ВАК федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, принимает решение о возобновлении приостановленной деятельности диссертационного совета. При анализе этого вида решения следует обратить внимание уже не на негибкость правила п. 17 о приостановлении деятельности диссертационного совета на один год, о чем было отмечено выше, а на определенное противоречие анализируемому правилу: если деятельность приостанавливается на один год, то о каком восстановлении деятельности ранее этого срока может идти речь?

— если документы не подтверждают устранение выявленных нарушений или подтверждают неполное их устранение или организацией, получившей право самостоятельного присуждения ученых степеней, не приняты меры по устранению выявленных нарушений, то на основании рекомендации ВАК федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, принимает решение о продлении срока приостановления деятельности диссертационного совета не более чем на шесть месяцев;

— если срок приостановления истек, а документы об устранении выявленных нарушений не представлены либо повторно представленные документы не подтверждают их устранение, то на основании рекомендации ВАК федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, принимает решение об отказе в возобновлении приостановленной деятельности диссертационного совета, а также направляет в организацию, получившую право самостоятельного присуждения ученых степеней, рекомендацию о рассмотрении вопроса о целесообразности прекращения деятельности диссертационного совета.

Как и в случае с приостановлением деятельности диссертационного совета, п. 23 Порядка мониторинга и контроля предусматривает в части решений о продлении срока приостановления деятельности, возобновлении деятельности и отказе в возобновлении деятельности диссертационного совета в течение 10 рабочих дней со дня принятия

соответствующего решения необходимость его направления в организацию, получившую право самостоятельного присуждения ученых степеней, внесение информации в федеральную информационную систему государственной научной аттестации, а также размещение на официальных сайтах федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, ВАК, а также организации, получившей право самостоятельного присуждения ученых степеней, в сети «Интернет».

Пункт 19 Порядка мониторинга и контроля предусматривает, что в случае приостановления в течение календарного года деятельности более трех диссертационных советов организации, входящей в перечень научных организаций и образовательных организаций высшего образования, предусмотренный абз. 1 п. 3.1 ст. 4 Закона о науке и научно-технической политике, на основании рекомендации ВАК федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, получает право внести в Правительство РФ проект распоряжения об исключении организации из указанного перечня.

Это правило вызывает существенные возражения. И проблема здесь не в неверном выборе санкции — лишении самого права самостоятельно присуждать ученые степени, в этой части как раз вопросов нет. Проблема в другом. Для ее понимания надо вернуться к началу настоящего исследования в части порядка определения круга научных и образовательных организаций. Как мы увидели выше, часть таких организаций — два университета (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет), образовательные организации высшего образования, в отношении которых установлена категория «федеральный университет» или «национальный исследовательский университет», и ряд других научных и образовательных организаций получают право самостоятельного присуждения ученых степеней без какого-либо их включения в специальный перечень, а вот другая часть организаций получает право только через (после) включение в перечень.

В результате получается, что санкция п. 19 Порядка мониторинга и контроля касается только второй категории научных и образовательных организаций; организации, входящие в первую категорию, под эту санкцию не подпадают. В этой части очевидно неравенство научных и образовательных организаций, входящих в первую и вторую категории.

Выводы

Развитие государственной системы научной аттестации после 2016 г. (после принятия Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 148-ФЗ) при сохранении ее формального единства в реальности характеризовалось формированием двух самостоятельных систем, одна из которых (присуждение ученых степеней диссертационными советами организаций, получивших право самостоятельного присуждения ученых степеней) оказалась на определенный (и достаточно длительный) промежуток времени вне какого-либо государственного контроля.

В 2022 г. (после принятия Федерального закона от 7 октября 2022 г. № 397-ФЗ) государственный контроль, хотя и в ограниченном виде, был возвращен (только в деятельности диссертационных советов в части соблюдения установленных критериев/требований). Данное решение следует приветствовать, хотя оптимальной новую модель регулирования назвать нельзя. Из проведенного исследования хорошо видно, что положения п. 3.1 ст. 4 Закона о науке и научно-технической политике имеют множество пробелов в регулировании, причем пробелы эти необходимо заполнять именно на уровне федерального закона. Попытки закрыть имеющиеся пробелы в рамках подзаконного регулирования, что частично сделано в Порядке мониторинга и контроля, объяснимы, но вряд ли могут быть признаны успешными в полной мере в силу ограниченности пределов такого регулирования (часть вопросов может быть решена только на уровне федерального закона).

В целом новое состояние государственной системы научной аттестации, возникшее после принятия Федерального закона от 7 октября 2022 г. № 397-ФЗ, можно охарактеризовать как переходное, временное, явно требующее новых правовых решений в будущем. Для таких новых решений есть и достаточно серьезное основание — в 2024 г. Президент РФ в ходе выступления на торжественном вечере, посвященном 300-летию Российской академии наук, указал на необходимость дальнейшего развития ВАК под эгидой Российской академии наук (РАН), а также руководства со стороны РАН деятельностью диссертационных советов¹, что, очевидно, повлечет необходимость существенного из-

¹ В выступлении было отмечено следующее: «...РАН должна взять на себя руководство деятельностью диссертационных советов, экспертизу их решений и анализ выдвигаемых на защиту диссертаций... Академии нужно напрямую участвовать в формировании новых подходов к присуждению ученых степеней и званий, в аттестации научных и научно-педагогических кадров. В этой связи логично и целесообразно, чтобы дальнейшее развитие Высшей аттестационной комиссии, организация ее деятельности

менения текущего правового регулирования государственной системы научной аттестации, включая и вопросы контроля.

Библиографический список

1. *Бекин А.В., Збарацкий Б.А.* Проблемы реализации принципов гласности и доступности в системе аттестации научных кадров Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4. С. 11–22.

2. *Васильев С.А., Зенин С.С.* Отдельные проблемы нормативно-правового обеспечения реализации права по самостоятельному присуждению ученых степеней образовательными и научными организациями // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2018. № 13. С. 53–63.

3. *Габов А.В.* Государственная система научной аттестации как предмет правового регулирования в постсоветское время // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. Вып. 2. С. 48–88.

4. *Габов А.В.* О критериях диссертационных исследований в организациях, получивших право самостоятельно присуждать ученые степени // Юридическое образование и наука. 2019. № 11. С. 3–15.

5. *Габов А.В.* Дополнительное заключение по диссертации // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2021. № 3. С. 163–180.

6. *Габов А.В.* Темпоральные элементы института лишения ученой степени // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 223–234.

7. *Егоров С.Ю.* Проблема целостности новой российской системы научной аттестации (на примере требований к диссертации) // Современное образование. 2022. № 1. С. 9–21.

8. *Нарутто С.В.* Демократические тенденции в новой модели государственной системы научной аттестации и проблемы сохранения единого правового пространства // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1 (54). С. 124–130.

9. *Нарутто С.В., Бодров А.В.* Концепция развития механизма репутационной ответственности организации в рамках новой модели научной аттестации // Правоприменение. 2023. Т. 7. № 3. С. 34–44.

10. *Пахомов С.И.* Система государственной научной аттестации: состояние и перспективы развития // Юрическое образование и наука. 2019. № 7. С. 3–9.

11. *Пахомов С.И., Петров М.П., Абалакин К.С., Мацкевич И.М.* Право на самостоятельность. Размышления о первом опыте самостоятельного присуждения ученых степеней ведущими центрами науки и образования и насущных задачах развития системы научной аттестации в стране // Высшее образование сегодня. 2019. № 8. С. 2–12.

12. *Пахомов С.И., Мацкевич И.М., Гуртов В.А., Мелех Н.В., Заугольникова Е.И.* Результативность деятельности организаций, получивших право самостоятельного присуждения ученых степеней // Интеграция образования. 2020. Т. 24. № 1. С. 111–143.

13. *Пахомов С.И., Щеголева Л.В., Гуртов В.А.* Новые горизонты в делегировании государственных функций по аттестации кадров высшей научной квалификации // Экономика и управление. 2023. Т. 29. № 8. С. 989–1000.

14. *Пахомов С.И.* Переход к новой модели государственной научной аттестации: вызовы и перспективы // Юрическое образование и наука. 2023. № 8. С. 4–10.

References

1. *Bekin A.V., Zbaratsky B.A.* *Problemy realizacii principov glasnosti i dostupnosti v sisteme attestacii nauchnyh kadrov Rossijskoj Federacii* [Problems of Implementation of the Principles of Transparency and Accessibility in the Certification System of Scientific Personnel of the Russian Federation]. *Aktualnye problemy rossijskogo prava* — Actual problems of Russian law. 2021. Vol. 16. Issue 4. Pp. 11–22. (In Russ.)

2. *Vasiliev S.A., Zenin S.S.* *Otdelnye problemy normativno-pravovogo obeshcheniya realizacii prava po samostoyatelnomu prisuzhdeniyu uchenyh stepeney obrazovatelnyimi i nauchnymi organizacijami* [Some Problems of Regulatory Support for the Implementation of the Right to Independently Award Academic Degrees by Educational and Scientific Organizations]. *Vestnik obshchestvennoj nauchno-issledovatel'skoj laboratorii «Vzaimodejstvie ugovolno-ispolnitel'noj sistemy s institutami grazhdanskogo obshchestva: istoriko-pravovye i teoretiko-metodologicheskie aspekty»* — Bulletin of the Public Research Laboratory «Interaction of the Penal Enforcement System with Civil Society Institutions: Historical, Legal, Theoretical and Methodological Aspects». 2018. Issue 13. Pp. 53–63. (In Russ.)

3. *Gabov A.V.* *Gosudarstvennaya sistema nauchnoj attestacii kak predmet pravovogo regulirovaniya v postsovetskoe vremya* [The State System of Scientific Certification as a Subject of Legal Regulation in the Post-Soviet Period].

Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovanij – Methodological problems of civil studies. 2020. Issue. 2. Pp. 48–88. (In Russ.)

4. Gabov A.V. *O kriteriyah dissertacionnykh issledovanij v organizatsiyah, poluchivshikh pravo samostoyatelno prisuzhdat uchenye stepeni* [On the Criteria of Dissertation Research in Organizations that Have Received the Right to Independently award Academic Degrees]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka* – Legal Education and Science. 2019. Issue 11. Pp. 3–15. (In Russ.)

5. Gabov A.V. *Dopolnitelnoe zaklyuchenie po dissertatsii* [Additional Conclusion on the Dissertation]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovanij* – Methodological Problems of the Civil Researches. 2021. Issue 3. Pp. 163–180. (In Russ.)

6. Gabov A.V. *Temporalnye elementy instituta lisheniya uchenoy stepeni* [Temporal Elements of the Institute of Academic Degree Deprivation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Bulletin of Tomsk State University. 2021. Issue 471. Pp. 223–234. (In Russ.)

7. Egorov S.Yu. *Problema celostnosti novoy rossijskoy sistemy nauchnoy attestatsii (na primere trebovaniy k dissertatsii)* [The Problem of the Integrity of the New Russian System of Scientific Certification (on the Example of Requirements for a Dissertation)]. *Sovremennoe obrazovanie* – Modern Education. 2022. Issue 1. Pp. 9–21. (In Russ.)

8. Narutto S.V. *Demokraticheskie tendentsii v novoy modeli gosudarstvennoy sistemy nauchnoy attestatsii i problemy sohraneniya edinogo pravovogo prostranstva* [Democratic Trends in the New Model of the State System of Scientific Certification and the Problems of Preserving a Single Legal Space]. *Vestnik Akademii prava i upravleniya* – Bulletin of the Academy of Law and Management. 2019. Issue 1 (54). Pp. 124–130. (In Russ.)

9. Narutto S.V., Bodrov A.V. *Koncepciya razvitiya mekhanizma reputatsionnoy otvetstvennosti organizatsii v ramkah novoy modeli nauchnoy attestatsii* [The Concept of Developing the Mechanism of Reputational Responsibility of an Organization Within the Framework of a New Model of Scientific Certification]. *Pravoprimerenie* – Law Enforcement. 2023. Vol. 7. Issue 3. Pp. 34–44. (In Russ.)

10. Pakhomov S.I. *Sistema gosudarstvennoy nauchnoy attestatsii: sostoyanie i perspektivy razvitiya* [The System of State Scientific Certification: the State and Prospects of Development]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka* – Legal education and science. 2019. Issue 7. Pp. 3–9. (In Russ.)

11. Pakhomov S.I., Petrov M.P., Abalakin K.S., Matskevich I.M. *Pravo na samostoyatelnost. Razmyshleniya o pervom opyte samostoyatel'nogo prisuzhdeniya uchenykh stepeney vedushchimi tsentrami nauki i obrazovaniya i nasushchnykh zadachah razvitiya sistemy nauchnoy attestatsii v strane* [The Right to Independence. Reflections on the First Experience of Independent Awarding of Academic Degrees by Leading Centers of Science and Education and

the Urgent Tasks of Developing the Scientific Certification System in the Country]. *Vysshee obrazovanie segodnya* – Higher Education Today. 2019. Issue 8. Pp. 2–12. (In Russ.)

12. *Pakhomov S.I., Matskevich I.M., Gurtov V.A., Melekh N.V., Zagolnikova E.I. Rezultativnost deyatel'nosti organizatsiy, poluchivshih pravo samostoyatel'nogo prisuzhdeniya uchenykh stepeney* [Effectiveness of the Activities of Organizations that Have Received the Right to Independently Award Academic Degrees]. *Integratsiya obrazovaniya* – Integration of Education. 2020. Vol. 24. Issue 1. Pp. 111–143. (In Russ.)

13. *Pakhomov S.I., Shchegoleva L.V., Gurtov V.A. Novye gorizonty v delegirovaniy gosudarstvennykh funktsiy po attestatsii kadrov vysshej nauchnoy kvalifikatsii* [New Horizons in the Delegation of State Functions for the Certification of Highly Qualified Personnel]. *Ekonomika i upravlenie* – Economics and Management. 2023. Vol. 29. Issue 8. Pp. 989–1000. (In Russ.)

14. *Pakhomov S.I. Perekhod k novoy modeli gosudarstvennoy nauchnoy attestatsii: vyzovy i perspektivy* [Transition to a New Model of State Scientific Certification: Challenges and Prospects]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka* – Legal Education and Science. 2023. Issue 8. Pp. 4–10. (In Russ.)

Информация об авторе:

А.В. Габов

Член-корреспондент РАН,
главный научный сотрудник, заведующий сектором Института
государства и права Российской академии наук,
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.

Научный руководитель Юридического института
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, д. 85.

Научный руководитель юридического факультета
Ульяновский государственный университет,
432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42.

ORCID: 0000-0003-3661-9174.

Researcher ID: Q-9357-2017.

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-385-399.

DOI: 10.21638/11701/spbu14.2017.301.

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-186-224.

DOI: 10.17223/15617793/435/28. DOI: 10.17223/22253513/32/3.

Information about the author:**A.V. Gabov**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
10 Znamenska st., Moscow, 119019, Russia.

Belgorod State National Research University,
85 Victory st., Belgorod, 308015, Russia.

Ulyanovsk State University,

42 Lev Tolstoy st., Ulyanovsk, 432017, Russia.

ORCID: 0000-0003-3661-9174.

Researcher ID: Q-9357-2017.

Articles in the databases «Scopus»/«Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-385-399.

DOI: 10.21638/11701/spbu14.2017.301.

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-186-224.

DOI: 10.17223/15617793/435/28.

DOI: 10.17223/22253513/32/3.

ВЛИЯНИЕ КАТЕГОРИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ НА ПУБЛИКАЦИИ СОИСКАТЕЛЕЙ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ

В.В. Богдан

Юго-Западный государственный университет

Email: KurskPravo@yandex.ru

Введение: Изменение качественных требований к опубликованию результатов научных исследований соискателями ученых степеней связано с категоризированием российских журналов, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий. Несмотря на то что нормативный правовой акт, закрепляющий новые требования, отсутствует, с 1 сентября 2023 г. все соискатели ученых степеней должны придерживаться рекомендаций, которые дала Высшая аттестационная комиссия Минобрнауки России в части соблюдения количественного критерия наличия публикаций категорий К1 и К2. **Цель:** показать возможное влияние категоризации российских научных журналов на публикации соискателей ученых степеней на примере юридических исследований. **Методы:** используются логический анализ, сравнение, статистическая обработка данных. **Результаты:** 1) Категоризация научных журналов никак не затрагивает соискателей ученой степени кандидата юридических наук, что нельзя признать удачным решением. 2) Для соискателей ученой степени доктора юридических наук введены требования в части наличия не менее пяти публикаций в журналах категорий К1 и К2 из общего числа их необходимого количества. 3) Категоризирование российских научных журналов, связанное с отменой¹ в Российской Федерации требований (обязательности) публикаций соискателей ученых степеней кандидата наук, доктора наук, не принесет значительных результатов в части повышения качества научных публикаций.

Ключевые слова: соискатель; научный журнал; категории журналов; научная статья; диссертация.

¹ В Рекомендации Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ от 26 октября 2022 г. № 2-пл/1 указана отмена, несмотря на то что в Постановлении Правительства РФ от 19 марта 2022 г. № 414 указано о неприменении (мораторий) соответствующих требований до 31 декабря 2023 г.

THE IMPACT OF CATEGORIZATION OF RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNALS ON THE PUBLICATIONS OF APPLICANTS ACADEMIC DEGREES

V.V. Bogdan

Southwest State University

Email: kurskPravo@yandex.ru

Introduction: *The change in the quality requirements for the publication of research results by applicants for academic degrees is associated with the categorization of Russian journals included in the List of leading peer-reviewed scientific publications. Despite the fact that there is no regulatory legal act fixing the new requirements, from September 1, 2023, all applicants for academic degrees must adhere to the recommendations given by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation regarding compliance with the quantitative criterion for the availability of publications of category K1 and K2. **Purpose:** to show the possible impact of the categorization of Russian scientific journals on the publications of applicants for academic degrees on the example of legal research. **Methods:** logical, analysis, comparison, statistical data processing are used. **Results:** 1) The categorization of scientific journals does not affect applicants for the degree of Candidate of legal sciences in any way, which cannot be considered a successful solution. 2) For applicants for the degree of Doctor of Law, requirements have been introduced regarding the availability of at least 5 publications in journals of category K1 and K2 out of the total number of their required number. 3) The categorization of Russian scientific journals associated with the abolition in the Russian Federation of the requirements (mandatory) of publications of applicants for academic degrees of Candidate of sciences, Doctor of Sciences will not bring significant results in terms of improving the quality of scientific publications.*

Keywords: *applicant; scientific journal; journal categories; scientific article; dissertation.*

Введение

6 декабря 2022 г. в адрес главных редакторов, председателей редакционных коллегий и редакционных советов рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования было направлено информационное письмо № 02-1198 (далее — информписьмо), согласно которому по результатам проведенного анализа наукометрических показателей все научные издания, входящие в Перечень рецензируемых научных

изданий, были выстроены по убыванию по коэффициенту научной значимости, распределены по категориям в соотношении: К1 – 25%, К2 – 50%, К3 – 25%, переданы на рассмотрение в профильные экспертные советы ВАК. В результате работы экспертных комиссий все журналы были распределены по категориям и Перечень был утвержден на заседании рабочей группы 20 октября 2022 г. Всего Перечень включил в себя 2587 журналов. Согласно данному информационному письму повторное рассмотрение и категорирование изданий, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, планируется в IV квартале 2023 г.

Категоризация научных журналов вызвала оживленную дискуссию в научном сообществе. Как и любое новое, ставящее привычное и отработанное на иной уровень необходимости понимания и осмысления, а главное, освоения, у некоторых представителей юридической науки возник вопрос: для чего нужна категоризация?

Предтечей работы по категорированию российских журналов стало введение моратория до 31 декабря 2023 г. на обязательность публикаций в международных базах. Так, постановлением Правительства РФ от 19 марта 2022 г. № 414 «О некоторых вопросах применения правовых актов Правительства Российской Федерации, устанавливающих требования, целевые значения показателей по публикационной активности» определены случаи, при которых не требуются публикации в изданиях (научных изданиях), журналах, индексируемых в международных базах данных *Web of Science* и *Scopus*, а также целевые значения показателей, связанных с публикационной активностью. Особо подчеркивалось, что мораторий — это не запрет, поэтому в информписье указано, что журналы, входящие в международные базы данных *Web of Science*, *Scopus*, *PubMed*, *MathSciNet*, *zbMATH*, *Chemical Abstracts*, *Springer* или *GeoRef* и перечень журналов *RSCI*, приравниваются к изданиям категории К1 (в том числе издания, одновременно входящие в Перечень рецензируемых научных изданий).

С 1 сентября 2023 г. на основании рекомендации ВАК при Минобрнауки России от 26 октября 2022 г. № 2-пл/1 «О новых критериях к соискателям ученых степеней кандидата наук, доктора наук, к членам диссертационного совета» введены следующие количественные критерии:

- количество публикаций, в которых излагаются основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, в рецензируемых научных изданиях;
- количество публикаций, в которых излагаются основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора наук, в рецензируемых научных изданиях;

— количество публикаций, в которых излагаются основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора наук, оформленной в виде научного доклада;

— критерии оценки результативности кандидатов в члены диссертационных советов (за последние пять лет, предшествующих дате подачи ходатайства) при рассмотрении ходатайств о создании диссертационных советов, возобновлении деятельности диссертационных советов, внесении частичных изменений в состав диссертационных советов (по юридическим наукам — не менее восьми в изданиях, отнесенных к категориям К-1 и К-2, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, либо в научных изданиях, индексируемых в базе данных *RSCI*, или в научных изданиях из Q1 и Q2, индексируемых международными базами данных, перечень которых определен в соответствии с рекомендациями ВАК);

— критерии оценки результативности кандидатов в члены диссертационных советов при рассмотрении ходатайств о создании диссертационных советов, возобновлении деятельности диссертационных советов, внесении частичных изменений в составы диссертационных советов для включения в составы диссертационных советов ученых со степенью *PhD* или кандидата наук (за последние пять лет, предшествующих дате подачи ходатайства).

В связи с изложенным представляется целесообразным определить влияние категоризации научных журналов на публикации соискателей ученой степени доктора юридических наук.

Количество & количество

Количественные показатели научных публикаций в настоящее время приобрели первостепенное значение для многих направлений научной деятельности: требования к членам диссертационных советов, оппонентам по диссертациям, ведущим организациям, соискателям ученых степеней, руководителям грантов¹, отчетности по выполненным научно-исследовательским работам.

¹ Несмотря на мораторий, Российский научный фонд предъявляет требования к потенциальным руководителям НИР исходя из наличия у них изданий, индексируемых в библиографических зарубежных базах данных публикаций и/или *Russian Science Citation Index (RSCI)*. См., например, конкурсную документацию на проведение открытого публичного конкурса на получение грантов Российского научного фонда по приоритетному направлению деятельности Российского научного фонда «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (<https://rscf.ru/upload/iblock/5e1/ou28kf6wtgcbknsf4j4f95zgdyc6aj0xc.pdf>). При этом указание на это обстоятельство дается в примечании, а не в самом тек-

Как справедливо отметила И.В. Ершова, обеспечение публикационной активности — обязанность соискателя, которая закреплена в Положении о порядке присуждения ученых степеней [1, с. 47]. С 1 сентября 2023 г. соискатели ученых степеней должны учитывать рекомендации ВАК. Так, у соискателя ученой степени кандидата юридических наук должно быть опубликовано не менее трех научных статей, в том числе в журналах, индексируемых базой данных *RSCI* и международными базами данных, перечень которых определен в соответствии с рекомендациями ВАК. У соискателя ученой степени доктора юридических наук — не менее 15, из которых не менее пяти публикаций должны быть опубликованы в изданиях, отнесенных к категориям К-1 или К-2, из Перечня рецензируемых научных изданий, либо в научных изданиях, индексируемых базой данных *RSCI*, а также в научных изданиях, индексируемых международными базами данных, перечень которых определен в соответствии с рекомендациями ВАК. Приведенные количественные показатели никак не влияют на соискателей ученой степени кандидата юридических наук: все научные статьи могут быть опубликованы в журналах категории К3. Насколько осложнена публикационная результативность будущим докторам юридических наук?

В целях получения объективных результатов была проведена выборка диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук по пяти новым научным специальностям с 1 января по 26 июня 2023 г., всего 21 работа. Анализ разделов авторефератов диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук «Список работ, опубликованных автором по теме диссертации» показал, что авторами были соблюдены требования, вводимые с 1 сентября 2023 г.: максимальное количество статей, опубликованных в журналах категории К1, составляет 28, минимальное — 1.

Статьи, опубликованные в журналах категории К3 соискателями ученой степени доктора юридических наук, встречаются редко, а в пяти диссертационных работах они отсутствовали.

Несовпадение общего количества публикаций и суммарного числа журналов категорий К1, К2, К3 вызвано тем, что в ряде работ присутствовали публикации, опубликованные в журналах, которые не вошли в распределение по категориям. Кроме того, в списках были представлены работы, опубликованные в журналах, которые в Перечень ведущих рецензируемых журналов не входили, что представляется удивительным, поскольку проверка публикаций соискателя осуществ-

Таблица 1

Количество публикаций соискателей ученой степени доктора юридических наук по кварталам

Наименование специальности	Количество проанализированных авторефератов	Общее количество публикаций из Перечня рецензируемых научных изданий ¹	Статьи в журналах категории К1	Статьи в журналах категории К2	Статьи в журналах категории К3
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки	4	20	2	12	7
		25	3	19	3
		32	12	13	0
		17	7	6	4
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки	4	16	12	2	2
		29	2	21	4
		24	18	5	0
		25	11	11	1
5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки	3	24	24	0	0
		29	13	5	9
		28	28	0	0
5.1.4. Уголовно-правовые науки	10	20	3	8	7
		33	5	15	9
		24	16	3	3
		21	4	2	15
		21	1	15	3
		19	4	4	3
		16	1	8	7
		43	19	12	0
		25	10	13	2
		33	2	29	1

¹ Приведенных в автореферате соискателя ученой степени доктора юридических наук. Статьи, входящие в международные базы цитирования, не включались.

ляется как минимум при обсуждении диссертационного исследования в организации, при решении вопроса о принятии диссертационной работы к защите. Как указывает В.А. Болдырев, результатом работы комиссии, создаваемой диссертационным советом, является заключение, содержащее сведения в том числе о «выполнении требований к публикации основных научных результатов диссертации в журналах, рекомендуемых ВАК РФ (в том числе по количественному критерию)» [2, с. 137]. В рамках настоящего исследования этот вопрос имеет лишь опосредованное значение, поскольку общие результаты показали полное соответствие минимальным требованиям по количеству публикаций, однако выявленные факты исключительно нежелательны.

Выводы

Формирование новых требований к апробации результатов научных исследований в части опубликования научных статей в ведущих рецензируемых изданиях должно преследовать цели повышения качества такой апробации, мотивирования соискателей ученых степеней тщательнее относиться к качеству своих научных исследований, предлагаемых научному сообществу для ознакомления, дискуссии. Дальнейшее эффективное развитие юридических исследований должно обеспечиваться качественными научными публикациями, отвечающими критериями научной новизны, теоретической и/или практической значимости.

Проведенный анализ в отношении юридических исследований свидетельствует о том, что новые требования, введенные с 1 сентября 2023 г., — это лишь фиксация *status quo*. В этой части не удалось обнаружить диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук, которая бы не отвечала им, что подтвердила случайная выборка диссертационных работ более ранних периодов. Можно предположить, что возникнет «обратный эффект»: именно редакции журналов будут уделять пристальное внимание качеству публикуемых статей. Но будут ли? Потребители журналов категории К3 — соискатель, аспирант, профессорско-преподавательский состав, не задействованный в работе диссертационных советов, а также докторанты, поскольку требование по количеству работ в журналах категорий К1 и К2 минимизировано (из 15 минимально требуемых — пять). Учитывая, что до настоящего времени складывается пагубная практика для аспирантов публиковаться в платных журналах, отсутствие требований по опубликованию статей в журналах категорий К1 и К2, у них будет отсутствовать мотивация публиковать результаты своих исследований в журналах более высокой категории ввиду соблюдения формальных

результатов. Думается, что в отношении соискателей ученой степени кандидата юридических наук необходимо повысить уровень и ввести требование о публикации как минимум в одном журнале категории К2, а соискателей ученой степени доктора юридических — не менее пяти публикаций в журналах категории К1, не менее 10 — категории К2.

Библиографический список

1. *Ершова И.В.* Научные публикации: императив творчества // Методологические проблемы цивилистических исследований. М.: Статут, 2019. С. 46–63.
2. *Болдырев В.А.* Заключение о диссертациях по гражданскому праву // Методологические проблемы цивилистических исследований. М.: Статут, 2020. С. 126–144.

References

1. *Ershova I.V. Nauchnye publikacii: imperativ tvorchestva* [Scientific Publications: The Imperative of Creativity]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovanij* – Methodological Problems of the Civil Law. Moscow, 2019. Pp. 46–63. (In Russ.)
2. *Boldyrev V.A. Zaklyucheniya o dissertatsiyah po grazhdanskomu pravu* [Conclusions on Dissertations on Civil Law]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovanij* – Methodological Problems of the Civil Law. Moscow, 2020. Pp. 126–144. (In Russ.)

Информация об авторе:

В.В. Богдан

Доктор юридических наук,
заведующий кафедрой гражданского права,
директор Правового центра
Юго-Западный государственный университет,
305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94.
Профессор кафедры гражданского права и процесса
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, д. 85.
ORCID: 0000-0001-9686-4687.
Researcher ID: B-4785-2016.
Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:
DOI: 10.14704/WEB/V18SI04/WEB18174.

DOI: 10.1007/978-3-030-47945-9_127.
DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.8.11500.
DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.17.12.12350.
DOI: 10.14704/WEB/V18SI04/WEB18174.
DOI: 10.14419/ijet. v7i4.38.24453.

Information about the author:

V.V. Bogdan

Southwest State University,
94, 50 Let Oktyabrya st., Kursk, 305040, Russia.
Belgorod State National Research University,
85 Victory st., Belgorod, 308015, Russia.
ORCID: 0000-0001-9686-4687.
Researcher ID: B-4785-2016.

Articles in the databases «Scopus»/«Web of Science»:

DOI: 10.14704/WEB/V18SI04/WEB18174.
DOI: 10.1007/978-3-030-47945-9_127.
DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.8.11500.
DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.17.12.12350.
DOI: 10.14704/WEB/V18SI04/WEB18174.
DOI: 10.14419/ijet. v7i4.38.24453.

О САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И ПЛАГИАТЕ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

И.В. Ершова

Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: inna.ershova@mail.ru

О.А. Тарасенко

Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: olga201175@gmail.com

Введение: Внимание к проблематике самостоятельности научных исследований объясняется рядом факторов. Несмотря на пристальный интерес ученых к данной проблематике, на практике возникает много вопросов. **Цель:** выявление проблем и формулирование предложений, направленных на построение адекватного механизма оценки оригинальности научных трудов, минимизацию негативных последствий для соискателей ученой степени. **Методы:** анализа, синтеза, сравнения, историзма, описания, интерпретации. **Результаты:** представлены наукометрические показатели уровня разработанности темы. Обращено внимание на проблемы, касающиеся предмета исследования, а именно на оценку самостоятельности диссертаций и охрану авторских прав. Предпринят обзор регулирования возникающих отношений нормативными правовыми актами, а также локальными актами образовательных организаций. Выявлены коллизии практики применения правил о сроке лишения ученой степени. Объем работы по лишению ученых степеней проиллюстрирован статистикой Диссернета по удовлетворенным Министерством науки и высшего образования РФ соответствующим заявлениям. На основе опыта деятельности авторов в диссертационном совете сделан вывод о том, что самостоятельность исследования и охрана авторских прав тщательно проверяется на всех стадиях написания научно-квалификационных работ всеми задействованными в процессе прохождения диссертации субъектами: научным руководителем; рецензентами кафедры; председателем, ученым секретарем и членами комиссии диссертационного совета; оппонентами. Выявлены проблемы, возникающие по результатам

проверки текста работ в системе «Антиплагиат», проводимой в отсутствие последующей экспертной оценки текста. Аргументировано мнение о том, что это не только существенно искажает результаты проверки, но и в целом умаляет назначение этого программного продукта. На конкретных примерах показана некорректность приведения данных об авторах в системе Национальной библиографической базы данных научного цитирования (РИНЦ). **Выводы:** экспертная оценка отчета проверки текстов научных работ системой «Антиплагиат» должна носить обязательный характер. Это правило следует отразить в локальных актах образовательных организаций. Выявленный в работе объем заимствований должен быть препарирован в корреляции со структурной частью работы, где данное заимствование располагается. Правомерность и корректность самих заимствований надлежит подвергать детальному анализу. Необходимо более тонкая настройка наукометрических данных российских ученых, представляемых Российским индексом научного цитирования.

Ключевые слова: оригинальность научных исследований; плагиат; лишение ученой степени; охрана авторских прав; система «Антиплагиат»; экспертная оценка; диссертация; Российский индекс научного цитирования.

ABOUT INDEPENDENCE AND PLAGIARISM IN SCIENTIFIC RESEARCH

I.V. Ershova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

E-mail: inna.ershova@mail.ru

O.A. Tarasenko

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

E-mail: olga201175@gmail.com

Introduction: Attention to the problem of independence of scientific research is explained by a number of factors. Despite the close interest of scientists in this problem, many questions arise in practice. **Purpose:** identification of problems and formulation of proposals aimed at building an adequate mechanism for assessing the originality of scientific papers, minimizing negative consequences for applicants for an academic degree. **Methods:** analysis, synthesis, comparison, historicism, description, interpretation. **Results:** scientometric indicators of the level of development of the topic are presented. Attention is drawn to the problems concerning the subject of the study, namely the assessment of the independence of dissertations and copyright protection. A review of the regulation of emerging

*relations by regulatory legal acts, as well as local acts of educational organizations, is undertaken. The collisions of the practice of applying the rules on the term of deprivation of an academic degree are revealed. The volume of work on the deprivation of academic degrees is illustrated by the statistics of the Dissert-net on the relevant applications satisfied by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Based on the experience of the authors in the dissertation council, it is concluded that the independence of research and copyright protection is carefully checked at all stages of writing scientific qualification papers by all subjects involved in the process of passing the dissertation: supervisor; reviewers of the department; chairman, academic secretary and members of the dissertation Council commission; opponents. The problems arising from the results of the verification of the text of works in the «Anti-Plagiarism» system, carried out in the absence of subsequent expert evaluation of the text, are revealed. It is argued that this significantly distorts not only the results of the audit, but also generally detracts from the purpose of this software product. Specific examples show the incorrectness of bringing data about authors in the system of the National Bibliographic Database of Scientific Citation (RSCI). **Conclusions:** The expert evaluation of the report of the verification of the texts of scientific papers by the «Anti-Plagiarism» system should be mandatory. This rule should be reflected in the local acts of educational organizations. The volume of borrowings identified in the work should be dissected in correlation with the structural part of the work where this borrowing is located. The legality and correctness of the borrowings themselves should be subjected to a detailed analysis. It is necessary to fine-tune the scientometric data of Russian scientists represented by the Russian Science Citation Index.*

Keywords: *originality of scientific research; plagiarism; deprivation of academic degree; copyright protection; anti-Plagiarism system; expert evaluation; dissertation; Russian Scientific Citation Index.*

Введение

Проблема самостоятельности и оригинальности научных исследований относится к числу востребованных для изучения. Достаточно обратить внимание на результаты предпринятых авторами поисковых запросов в электронной научной библиотеке *e-library*: на тему «оригинальность научных исследований» было представлено 10 132 источника, по проблеме «самостоятельность научных исследований» в подборке оказалось 10 083 наименования, а на слово «плагиат» информационная система предложила 11 667 публикаций.

В то же время столь высокий теоретический интерес пока не позволил выработать алгоритм действий, следование которому ограждало

бы от затруднительных ситуаций, так часто возникающих, к примеру, на стадии подготовки, защиты, оценки диссертационных работ. Отметим, что обозначенная проблема является интернациональной, что нашло отражение в научной литературе [2].

Таким образом, на практике возникает много вопросов, ответы на которые еще предстоит выработать профессиональной общест-венности.

Основной контент

В юридической литературе к настоящему времени проявились две общепризнанные проблемы, касающиеся предмета исследо-вания: *оценка самостоятельности диссертаций и охрана авторских прав*. При этом обрисовались и две концепции плагиата: «с позиций академической этики плагиат рассматривается как академическое мошенничество (нарушение авторской честности); с позиций ав-торского права — как нарушение интеллектуальных прав на произ-ведение» [9, с. 124].

Локальные акты вузов в основном лапидарно регулируют возника-ющие при этом отношения. Так, например, в Положении о выпускной квалификационной работе, утвержденном приказом ректора Уни-верситета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) от 2 апреля 2021 г. № 98, указывается, что «ВКР представляет собой самостоятельно спланиро-ванное и проведенное обучающими исследование» (п. 1.5); «в отзыве на ВКР указывается на степень самостоятельности и личный вклад автора в раскрытие проблемы, анализ отчета на объем заимствований» (п. 2.7)¹.

Вместе с тем существуют образовательные организации, утвердив-шие регламенты использования системы «Антиплагиат», которые, к примеру, устанавливают следующее:

- процент оригинальности выпускной квалификационной работы устанавливается в объеме не менее 60% для студентов магистратуры;
- при обнаружении работы, процент оригинальности которой составляет менее указанного порогового значения, руководитель квалификационной работы обязан проанализировать совместно с вы-пускником отчет на предмет заимствования. Если на заимствование по тексту работы имеются ссылки, то подобное заимствование счита-ется обоснованным и руководитель работы исключает этот источник из списка необоснованных заимствований и повторно проверяет

¹ URL: <https://msal.ru/upload/iblock/63b/gl2j34xrr0r8yqupeheahxn93v8p4qdk.pdf>.

работу в системе «Антиплагиат» на предмет достижения ею 60% оригинальности текста¹.

Более содержательно требования к оригинальности диссертаций и охране авторских прав изложены в Положении о присуждении ученых степеней (далее также — Положение)². В частности, п. 10, 14 данного акта закрепляют, что:

- диссертация должна быть написана автором самостоятельно;
- в диссертации соискатель ученой степени обязан ссылаться на автора и (или) источник заимствования материалов или отдельных результатов.

О *последствиях нарушения данных требований* говорит подп. «г» п. 20 Положения, где указывается, что использование в диссертации заимствованного материала без ссылки на автора и (или) источник заимствования, результаты научных работ, выполненных соискателем ученой степени в соавторстве, без ссылок на соавторов является основанием для отказа в приеме диссертации к защите.

Кроме того, несоблюдение диссертантом требования о корректном заимствовании фрагментов чужих работ может стать основанием для лишения его ученой степени. Для подачи заявления о лишении ученой степени установлен *10-летний срок* со дня принятия диссертационным советом решения о присуждении ученой степени (п. 65, 66 Положения).

Следует сказать, что на практике положение о сроке лишения ученой степени применяется не вполне однозначно. Например, в соответствии с п. 2 постановления Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» заявление о лишении ученой степени, решение о присуждении которой было принято до вступления в силу настоящего Постановления, может быть подано в Министерство науки и высшего образования РФ в течение 10 лет со дня принятия решения о ее присуждении, *если на день вступления в силу настоящего Постановления не истек трехлетний срок, предусмотренный п. 42 Положения о порядке присуждения ученых степеней*, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30 января 2002 г. № 74 «Об утверждении Единого реестра ученых степеней и ученых званий и Положения о порядке присуждения ученых степеней», который устанавливал, что «вопросы об обоснованности принятия диссертационным советом решения о присуждении ученой степени, состоявшегося более 3 лет назад, не рассматриваются».

¹ Документ в настоящее время не размещен в открытом доступе, взят из личных архивов авторов статьи.

² Утв. Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (СЗ РФ. 2013. № 40. Ст. 5074).

Отсюда следует, что если, допустим, ученая степень кандидата юридических наук была присуждена соискателю 10 марта 2012 г., а Постановление Правительства РФ № 842 вступило в силу с 1 января 2014 г., то, соответственно, на день вступления в силу Постановления № 842 еще *не истек трехлетний срок* со дня присуждения соискателю ученой степени кандидата юридических наук, в связи с чем заявление о лишении его ученой степени может быть подано в течение 10 лет со дня принятия решения о ее присуждении, несмотря на то что во время защиты диссертации действовал трехлетний срок для лишения ученых степеней. Отметим, что обозначенная и иные проблемы, касающиеся сроков лишения ученых степеней, являлись предметом исследования в научной литературе [4].

Для иллюстрации объема работ по лишению ученых степеней можно привести статистику Диссернета по удовлетворенным Минобрнауки России заявлениям о лишении ученых степеней: в 2020 г. — 83, в 2021 г. — 250, в 2022 г. — 274¹.

Надо сказать, что *самостоятельность исследования и охрана авторских прав тщательно проверяется* как на стадии написания научно-исследовательских работ, так и впоследствии при их обнародовании широкому кругу научной общественности. Первичную проверку проводят научный руководитель, рецензенты, оппоненты, члены комиссии диссертационного совета.

Примечательной тенденцией времени является автоматизация этого процесса посредством использования обнаружения совпадений фрагментов проверяемого текста с текстами возможных источников заимствования системой «Антиплагиат»². Во время такой проверки текст диссертации фрагментируется и итоговый отчет позволяет наглядно увидеть проценты некорректных совпадений, самоцитирования, допустимых цитирований и оригинальности текста.

Кроме того, кандидатские и докторские диссертации анализируются и сетевым сообществом «Диссернет»³, также имеющим в своем арсенале программу автоматической проверки текста «Диссерорубка профессора Ростовцева».

Следует сказать, что применение системы «Антиплагиат» по существу стало поголовным и основным видом проверки текстов авторов магистерских, кандидатских и докторских диссертаций. Вместе с тем солидаризируемся с авторами, утверждающими, что «результаты проверки в системе «Антиплагиат» не гарантируют ни действительной

¹ URL: <https://www.dissernet.org/news/final2022>.

² Программный продукт АО «Антиплагиат».

³ URL: <https://www.dissernet.org/about>.

оригинальности текста, ни отсутствия в нем неправомерных заимствований» [6, с. 263–264].

Проводимый этой системой анализ, в отсутствие последующей экспертной оценки текста, не только *существенно искажает результаты проверки*, но и в целом умаляет назначение этого программного продукта. Так, в научном сообществе укоренился процентный подход к степени оригинальности (не закрепленный нормативно), в то время как, напротив, должен подлежать анализу процент неправомерных и некорректных заимствований. Согласно позиции ВАК не существует и не может существовать никаких пороговых значений, в рамках которых наличие неправомерных заимствований в форме плагиата является допустимым [9, с. 21].

Кроме того, отсутствует экспертная оценка оригинальности текста, которая позволяет «игнорировать» при подсчете степени оригинальности использование научных терминов, клишированные фразы, названия органов и организаций, библиографический список, тексты нормативных и судебных актов, самоцитирование. Между тем, согласно требованиям разработчиков системы «Антиплагиат», экспертная оценка должна являться обязательным этапом (!) анализа текста в этой системе [9, с. 21].

Авторам настоящей статьи представляется, что *критериям правомерности и корректности заимствований* следует уделять больше внимания, акцентируя, что к таковым следует относить наличие ссылки на первоисточник в тексте работы, правильность размещения ссылки, наличие первоисточника в библиографии, оправданность объема заимствований особенно в корреляции со *структурной частью работы*, где данное заимствование располагается.

Так, например, раздел «степень разработанности темы» защищается авторским правом. Согласно п. 2 ч. 4 ст. 1260 ГК РФ «составителю сборника и автору иного составного произведения (антологии, энциклопедии, базы данных, интернет-сайта, атласа или другого подобного произведения) принадлежат авторские права на осуществленные ими подбор или расположение материалов (составительство)». Раздел «методы исследования» может встречать пересечения при использовании стандартных методов исследования. Положения на защиту и выводы, строго говоря, не должны содержать заимствования. В противном случае это может служить косвенным признаком имитации проведения исследования и свидетельствовать о компилятивном характере работы в целом. Библиография, по аналогии со степенью разработанности темы, должна быть составлена соискателем самостоятельно и не может полностью совпадать со списком литературы в ином произведении [3, с. 18–19].

Согласно позиции Диссернета:

1. Требование адекватного оформления заимствования является абсолютным. Читатель должен понимать, где собственный текст автора, а где чужой текст.

2. Недокументированное заимствование в диссертациях недопустимо независимо от того, претендует автор на научную новизну или нет.

3. Действительная либо мнимая общеизвестность заимствованных утверждений не является оправданием недокументированных совпадений.

4. Заимствование данных из статистических источников и других не охраняемых авторским правом материалов не может быть оправданно [5].

Правомерность подобных умозаключений нашла подтверждение в судебной практике. Так, в частности, решение Ногинского городского суда Московской области от 10 ноября 2011 г. по делу № 2-4617/2011-М-4064/2011 о защите чести, достоинства, деловой репутации и о компенсации морального вреда закрепило, что «дословные заимствования обзоров недопустимы». Фабула дела была следующая: во время защиты диссертации был обнаружен плагиат в списке литературы. Истец полагал, что «самой сущностью литературного обзора предполагается использование литературных данных без самостоятельной обработки при приведении ссылок». Ответчик, напротив, полагал, что воспроизведение значительных «кусков» чужой работы без ссылки на автора и без кавычек — плагиат. Изучив материалы дела, суд постановил: «При дословном цитировании ссылка на источник... и выделение цитируемого текста является обязательным и общепринятым. Текст, не заключенный в кавычки, считается текстом автора, подписавшего работу, выделенный и снабженный соответствующей ссылкой текст является цитатой»¹.

Здесь не будет лишним сказать и о том, что подачей некорректных данных об авторах страдает и Национальная библиографическая база данных научного цитирования (РИНЦ), поскольку при размещении в своей системе произведений она не учитывает наличие раздельного соавторства². В качестве примера приведем издания, соавторами которых выступают авторы данной статьи [1; 7]. Отсюда искажаются и наукометрические показатели авторов: количество цитирований и индекс Хирша, которые «привязываются» ко всему произведению в целом и ко всем соавторам одновременно, а не к тому автору, чей, собственно, текст цитируется.

¹ Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54226026>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=50304522>.

Заключение

Заключая изложенное, нами предлагается нормативно закрепить необходимость издания вузами локального акта по работе с системой «Антиплагиат», в котором предусмотреть обязательность экспертной оценки результатов проверки текста системы «Антиплагиат». При этом рекомендуется указывать лишь приблизительный диапазон степени оригинальности, дифференцировав его для различных видов и уровней научно-исследовательских работ.

Кроме того, очевидно, что на повестке дня более тонкая настройка наукометрических данных российских ученых, представляемая Российским индексом научного цитирования.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы предпринимательского права: учебник / отв. ред. И.В. Ершова. М.: Проспект, 2021. 448 с.
2. Арсланов К.М., Челышев М.Ю. Несанкционированные заимствования в российских и германских квалификационных исследованиях по праву: российское и немецкое законодательство, судебная практика // Вестник гражданского процесса. 2013. № 1. С. 283–299.
3. Беленькая О.С., Стрелкова И.Б., Филиппова О.А., Чехович Ю.В. Методические рекомендации по экспертной оценке оригинальности текстов диссертаций в системе «Антиплагиат». СПб.: Лань, 2021. 92 с.
4. Габов А.В. Темпоральные элементы института лишения ученой степени // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 223–234.
5. Гельфанд М.С. Недобросовестные заимствования в диссертационных работах // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 3. С. 160–181.
6. Куркова Н.А., Шершень Т.В. О принципе добросовестности в научных исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 250–268.
7. Правовые режимы экономической деятельности: монография / отв. ред. И.В. Ершова. М.: Проспект, 2023. 280 с.
8. Рожкова М.А. Плагиат и иные виды некорректных заимствований в диссертациях: правовые и этические вопросы // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 3 (33). С. 124–140.
9. Шахрай С.М., Аристер Н.И., Тедеев А.А. О плагиате в произведениях науки (диссертациях на соискание ученой степени). 2-е изд. М., 2015. 192 с.

References

1. *Aktualnye problemy predprinimatelskogo prava: uchebnik / otv. red. I.V. Ershova* [Actual problems of business law: Textbook / ed. by I.V. Ershova]. Moscow, 2021. 448 p. (In Russ.)
2. *Arslanov K.M., Chelyshev M.Yu. Nesanksionirovannye zaimstvovaniya v rossijskikh i germanskikh kvalifikatsionnykh issledovaniyakh po pravu: rossijskoe i nemetskoe zakonodatel'stvo, sudebnaya praktika* [Unauthorized Borrowings in Russian and German Law's Qualifying Research: Russian and German Legislation, Court Practice]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*. 2013. Issue 1. Pp. 283–299. (In Russ.)
3. *Belen'kaya O.S., Strelkova I.B., Filippova O.A., Chekhovich Yu.V. Metodicheskie rekomendacii po ekspertnoj ocenke original'nosti tekstov dissertatsij v sisteme «Antiplagiat»* [Methodological recommendations for expert evaluation of the originality of dissertation texts in the «Anti-Plagiarism» system]. Sankt-Peterburg: Lan', 2021. 92 p. (In Russ.)
4. *Gabov A.V. Temporal'nye elementy instituta lisheniya uchenoj stepeni* [Temporal elements of the Institute of academic degree deprivation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tomsk State University*. 2021. Issue 471. Pp. 223–234. (In Russ.)
5. *Gelfand M.S. Nedobrosovestnye zaimstvovaniya v dissertatsionnykh rabotah* [Unfair borrowings in dissertations]. *Obrazovanie i nauka – Education and Science*. 2018. Vol. 20. Issue 3. Pp. 160–181. (In Russ.)
6. *Kurkova N.A., Shershen T.V. O principe dobrosovestnosti v nauchnykh issledovaniyakh* [The principle of integrity in scientific research]. *Metodologicheskie problemi civilisticheskikh issledovaniy – Methodological problems of civil studies*. 2019. Issue 1. Pp. 250–268. (In Russ.)
7. *Pravovye rezhimy ekonomicheskoy deyatel'nosti: monografiya / otv. red. I.V. Ershova* [Legal regimes of economic activity: monograph / ed. by I.V. Ershova]. Moscow, 2023. 280 p. (In Russ.)
8. *Rozhkova M.A. Plagiat i inye vidy nekorrektnykh zaimstvovaniy v dissertatsiyah: pravovye i eticheskie voprosy* [Plagiarism and other types of incorrect borrowings in dissertations: legal and ethical issues]. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam – Journal of the Intellectual Property Rights Court*. 2021. Issue 3 (33). Pp. 124–140. (In Russ.)
9. *Shahraj S.M., Arister N.I., Tedeev A.A. O plagiate v proizvedeniyah nauki (dissertatsiyah na soiskanie uchenoj stepeni). 2-e izd.* [About plagiarism in works of science (dissertations for the degree). 2nd ed.]. Moscow, 2015. 192 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

И.В. Ершова

Заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор,
первый проректор, заведующая кафедрой предпринимательского
и корпоративного права

Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ORCID: 0000-0002-3327-6201.

Researcher ID: F-9688-2017.

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

DOI: 10.1007/978-3-030-13397-9_17.

DOI: 10.1007/978-3-030-39319-9_15.

DOI: 10.1007/978-3-030-45913-0_37.

DOI: 10.1007/978-3-030-13397-9_18.

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-39-99-124.

DOI: 10.17516/1997-1370-0847

DOI: 10.3390/laws11010003.

О.А. Тарасенко

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Арбитр по разрешению споров в атомной отрасли,

119017, Россия, г. Москва, Кадашевская наб., д. 14, к. 3.

ORCID: 0000-0002-5699-1208.

Researcher ID: V-5698-2017.

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-39-99-124.

DOI: 10.1007/978-3-030-39319-9_15.

DOI: 10.1007/978-3-030-13397-9_17.

DOI: 10.31857/S102694520021329-2.

DOI: 10.21638/spbu14.2023.103.

DOI: 10.31857/S102694520017201-0.

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-105-132.

Information about the authors:**I.V. Ershova**

Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
9 Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 123995, Russia.

ORCID: 0000-0002-3327-6201.

Researcher ID: F-9688-2017.

Articles in «Scopus»/«Web of Science»:

DOI: 10.1007/978-3-030-13397-9_17.

DOI: 10.1007/978-3-030-39319-9_15.

DOI: 10.1007/978-3-030-45913-0_37.

DOI: 10.1007/978-3-030-13397-9_18.

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-39-99-124.

DOI: 10.17516/1997-1370-0847.

DOI: 10.3390/laws11010003.

DOI: 10.31857/S102694520021329-2.

O.A. Tarasenko

Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, Russia, 123995.

Arbitrator of the Autonomous Non-profit Organization «Russian Institute
of Modern Arbitration,

14, bldg 3, Kadashevskaya embankment, 119017, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0002-5699-1208.

Researcher ID: V-5698-2017.

Articles in «Scopus»/«Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-39-99-124.

DOI: 10.1007/978-3-030-39319-9_15.

DOI: 10.1007/978-3-030-13397-9_17.

DOI: 10.31857/S102694520021329-2.

DOI: 10.21638/spbu14.2023.103.

DOI: 10.31857/S102694520017201-0.

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-105-132.

УДК 378.1.

DOI: <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2024-6-6-64-77>

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОГРАММЫ
СТРАТЕГИЧЕСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО
ЛИДЕРСТВА «ПРИОРИТЕТ 2030»**

В.П. Камышанский

Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского права юридического
факультета Кубанского государственного аграрного
университета имени И.Т. Трубилина
E-mail: kamyshanskij.v@kubsau.ru

Введение: В настоящее время наблюдается сокращение числа студентов и аспирантов, что в будущем станет причиной дефицита научно-педагогических кадров в российских вузах. При этом существующие механизмы решения данной проблематики со стороны государства нельзя назвать эффективными. **Цель:** определение круга организационно-правовых проблем в сфере подготовки научных кадров и предоставления вариантов их решения с целью повышения престижа профессий учителя, преподавателя, ученого и формирования устойчивой системы диссертационных советов. **Методы:** менялись общенаучные и частнонаучные методы научного исследования, в том числе анализа, синтеза, сравнения и др. **Результаты:** в рамках исследования была отражена статистика защиты диссертаций в России и сделаны выводы о том, что на сегодняшний день существует необходимость в подготовке не менее 250–300 тысяч кандидатов и докторов наук, определены способы решения проблемы кадрового обеспечения без использования дополнительного бюджетного финансирования, рассмотрены способы расширения сети диссертационных советов для обеспечения открытости и доступности защиты будущих диссертационных исследований.

Ключевые слова: проблемы кадрового обеспечения; программы стратегического академического лидерства; «Приоритет 2030»; защита диссертационных работ; диссертационный совет.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL PROBLEMS OF STAFFING THE STRATEGIC ACADEMIC LEADERSHIP PROGRAM «PRIORITY 2030»

V.P. Kamyshanskij

Kuban State Agrarian University

E-mail: kamyshanskij.v@kubsau.ru

Introduction: Currently, there is a reduction in the number of undergraduate and graduate students, which in the future will cause a shortage of scientific and pedagogical personnel in Russian universities. At the same time, the existing mechanisms for solving this problem on the part of the state cannot be called effective. **Goal:** to determine the range of organizational and legal problems in the field of training scientific personnel and provide options for resolving them, with the aim of increasing the prestige of the professions of teacher, lecturer, scientist and the formation of a sustainable system of dissertation councils. **Methods:** general scientific and specific scientific methods of scientific research have changed, including analysis, synthesis, comparison and others. **Results:** the study reflected the statistics of dissertation defenses in Russia and concluded that today there is a need to train at least 250–300 thousand candidates and doctors of science, identified ways to resolve the problem of staffing without the use of additional budget funding, and considered ways to expand the network of dissertation councils to ensure openness and accessibility of defense of future dissertation research.

Keywords: problems of staffing; strategic academic leadership programs; «Priority 2030»; defense of dissertation works; dissertation Council.

Для начала полезно вспомнить известное выражение товарища И.В. Сталина «кадры решают все». Я неоднократно принимал участие в работе диссертационного совета Таджикского государственного университета, который возглавлял крупный ученый-юрист уже весьма почтенного возраста. Он постоянно повторял, что главная задача ученого — подготовить себе научную смену. Если ученый этого не понимает, то он не ученый!

В своем Послании Федеральному Собранию Президент РФ 21 февраля 2023 г. (далее — Послание) указал на необходимость с участием педагогов, ученых и специалистов повысить качество школьных, вузовских учебных курсов по гуманитарным наукам. «С учетом масштабных задач, стоящих перед страной, мы должны серьезно обновить подходы к системе подготовки кадров», — подчеркнул В.В. Путин в своем Послании. Для этого «**необходим синтез всего лучшего, что было в советской системе образования, и опыта**

*последних десятилетий»*¹. Попытаемся с позиции сегодняшнего дня критически подойти к оценке сложившейся ситуации кадрового обеспечения высшей школы научно-педагогическими кадрами с учетом имевшего место ранее советского опыта.

В настоящее время бакалавров, специалистов и магистрантов в России готовят 717 вузов и научных организаций (в 2000 г. только вузов было 965). Общая численность студентов в России в 2022 г. составляет 4 млн 44 тыс. чел. (в 2000 г. — 4741,4 тыс. чел.). По факту за последние 22 года имеет место сокращение на 700 тыс. студентов.

В 2022 г. образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры осуществляли **217,7 тыс.** чел. профессорско-преподавательского состава (без внешних совместителей и работающих по гражданско-правовым договорам). В том числе доктора наук — **33,4 тыс.** и кандидаты наук — **125,9 тыс.** чел. Преподаватели в возрасте 60 лет и старше составляют 62,5 тыс. чел., до 30 лет — только 10,1 тыс. чел. Плюс 60,1 тыс. совместителей и 55,5 тыс. почасовиков обеспечивают учебный процесс в вузах. Это означает, что учебный процесс обеспечен штатными преподавателями только на 65,3%. Почти треть учебной нагрузки вузов перекрывается совместителями и почасовиками.

По данным сборника «Индикаторы образования: 2022», подготовленного Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ совместно с Минобрнауки России, Минпросвещения России и Росстатом, на одного работника профессорско-преподавательского состава в России стабильно приходится 12 студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры (в СССР на одного преподавателя приходилось 10 студентов). С учетом действующего норматива для обеспечения учебного процесса 4 млн 40 тыс. студентов штатными преподавателями требуется 333,3 тыс. штатных преподавателей².

Поскольку Президентом РФ поставлена задача взять на вооружение лучшее из советской системы образования (в СССР на одного преподавателя приходилось 10 студентов), для надлежащего обеспечения кадрами высшей квалификации действующих в России вузов в на-

¹ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 21 февраля 2023 г. // Российская газета. 2023. 22 янв.

² Следует отметить, что в СССР высшее образование студентам давали не внутренние и внешние совместители и почасовики, а штатные профессора и доценты, чей труд достойно оплачивался, и у них не было необходимости бегать по вузам в качестве совместителя или почасовика, чтобы заработать на хлеб насущный. Доктор наук, профессор получал на уровне губернатора (первого секретаря обкома КПСС), а кандидат наук, доцент — на уровне главы администрации города или района (первого секретаря райкома КПСС).

стоящее время требуется не менее **400 тыс.** преподавателей. При этом в наличии мы имеем штатных преподавателей чуть больше половины.

К этому следует добавить, что в программе стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» в настоящее время участвуют 106 наиболее крупных университетов из 49 городов России. Среди них Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, который был признан победителем и вошел в первую группу по треку «Отраслевое (территориальное) лидерство».

Согласно заложенным Минобрнаукой России требованиям к участникам этой программы к 2030 г. как минимум вузы-участники должны обеспечить учебный процесс за счет не менее 51% преподавателей в возрасте до 39 лет. На сегодня средний возраст кандидата наук составляет 51 год, а доктора наук — 64 года. Это означает, что перед передовыми вузами, вошедшими в программу «Приоритет 2030», стоит задача фактически за семь лет обновить профессорско-преподавательский состав не менее чем на 50%. В отдельных университетах уже активно пошел процесс «омоложения» профессорско-преподавательского состава за счет сокращения учебной нагрузки великовозрастных профессоров с целью последующего перераспределения освободившейся нагрузки вчерашним юным магистрантам и аспирантам.

К этому следует добавить задачу расширения сети филиалов российских вузов в иностранных государствах, поставленную Председателем Правительства РФ Михаилом Мишустиным, которая, надо полагать, не может быть успешно решена без привлечения российской университетской профессуры. Минобрнауки России совместно с университетским сообществом готовит предложение по открытию новых филиалов в дружественных странах. Эта мера будет способствовать продвижению российского высшего образования и науки. Создание филиалов подведомственных Минобрнауки России вузов планируется в Узбекистане, Казахстане, Египте, Саудовской Аравии, Мьянме и на Кубе. Речь идет и о необходимости развития так называемой научной дипломатии (мягкой силы), в том числе и за счет расширения числа иностранных аспирантов и докторантов в российских университетах.

С учетом поставленных задач возникает закономерный вопрос: **а сколько в России ежегодно необходимо защищать кандидатских и докторских диссертаций?** Приведенный выше анализ потребностей в научно-педагогических кадрах позволяет ответить на этот вопрос вполне определенно. В течение ближайших семи лет до 2030 г., обозначенного Минобрнаукой России в качестве конкретного показателя выхода российской высшей школы на новые рубежи своего развития, мы должны подготовить и обеспечить защиту диссертаций не менее 300 тыс. аспирантов и докторантов. И это без учета потребностей научных учрежде-

ний и организаций Российской академии наук, которая тоже нуждается в ежегодном притоке 7–10 тыс. молодых исследователей, а также без учета практических работников, склонных к осуществлению научных исследований в сфере своей деятельности. В итоге мы выходим на цифру ежегодных защит в 43–45 тыс. кандидатских и докторских диссертаций. Для этого в аспирантуре должны заниматься научными исследованиями одновременно не менее 150 тыс. высокомотивированных и талантливых аспирантов и докторантов.

А что мы имеем? Численность аспирантов в России составляет на конец 2021 г. 90 200 чел. (с учетом иностранных граждан и лиц без гражданства). В 2021 г. выпуск из аспирантуры составил 14 300 чел., в том числе с защитой — 1500 чел. (в 2000 г., соответственно, 24 800 чел. и с защитой — 7500 чел.). В этой связи следует согласиться с министром В.Н. Фальковым в том, что «количество выпускников аспирантуры, которые защищают кандидатские диссертации, не отвечает потребностям экономики в обеспечении научными кадрами»¹. И что же дальше?

Обратимся к позиции Минобрнауки России и к тому, насколько оно озабочено сложившейся ситуацией и осознает катастрофическое состояние подготовки и аттестации научно-педагогических кадров. Пока мы наблюдаем, как нам представляется, не лишённую лукавства и даже убаюкивающую статистику Минобрнауки России о мнимых тенденциях притока российской молодежи в науку. Министр науки и высшего образования В.Н. Фальков считает, что за два последних года благодаря возглавляемому им министерству общее количество защит только за 2022 г. выросло почти на 20% и составило около 10 тыс. А с 2020 г. рост еще более существенный: кандидатских — с 6500 до 8500, докторских — с чуть менее тысячи в 2020 г. до полутора тысяч в 2022 г.²

Это означает, что решить проблему дефицита научно-педагогических кадров в российских вузах при нынешних темпах будет возможно только через 25–30 лет, при условии, что в течение этого периода профессора и доценты не будут стареть и умирать.

Эти так называемые победы, по мнению министра В.Н. Фалькова, стали «следствием принятых мер — аудита диссертационных советов и анализа защит предыдущих лет». При этом он справедливо отмечает, что «наш институт аспирантуры переживал и до сих пор переживает нелегкие времена»³. Следует отметить, что будем и дальше переживать

¹ В России за последние 3 года на 24% выросло количество защит диссертаций. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/15972589?ysclid=lc26w57jev695160649>.

² В. Фальков сообщил о росте количества защит диссертаций в России на 20% в 2022 году. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/16870039?ysclid=ldmz2j3sah665432763>.

³ Там же.

нелегкие времена, если не принять ряд оперативных и радикальных мер по исправлению ситуации.

Поэтому я никак не могу разделить оптимизм уважаемого министра В.Н. Фалькова и его чувство удовлетворенности темпами защиты диссертаций в России и подготовки научно-педагогических кадров. А ведь совсем недавно, уже в новейшее время, в XXI в., ежегодно защищали около 30–32 тыс. кандидатских и докторских диссертаций. Например, в 2007 г. было защищено около 34 тыс. диссертаций и 4 тыс. докторских¹.

Из этого следует **очевидный вывод**: необходимо принять экстренные меры по увеличению количества кадров в аспирантуре. Для этого потребуется подготовить как минимум уже сегодня не менее 120 тыс. кандидатов и докторов наук только для того, чтобы покрыть существующий дефицит педагогических кадров в вузах России (даже по нормативам сегодняшней России). Плюс решение задачи по «омоложению» профессорско-преподавательского состава потребует дополнительно подготовить на замену преподавателей старше 60 лет еще столько же кандидатов и докторов наук. И это не считая потребностей научных организаций РАН, которые также нуждаются в притоке молодых исследователей, не менее 10 тысяч ежегодно². Итого назрела реальная необходимость в подготовке не менее 250–300 тыс. кандидатов и докторов наук.

Президент РФ В.В. Путин в своем Послании отметил, что только сама по себе *«постановка и решение амбициозных задач»* уже являются мощнейшим стимулом для молодежи идти в науку. Он предлагает *«предоставить ученым и исследователям большую свободу для творчества»*. Все верно. Однако, к сожалению, этого явно недостаточно для нашей современной молодежи, чтобы ее наиболее талантливая часть активно пошла в науку. Объективная реальность такова, что молодежь лишена зачастую даже возможности бесплатно обучаться в аспирантуре, получать мизерную стипендию³, которая ниже прожиточного минимума. При этом государство ждет от аспиранта на выходе подготовленные фактически за его же деньги решения научных задач в рамках диссертационного исследования, «имеющих существенное значение для развития страны».

¹ Число защищаемых в РФ диссертаций с 2007 года сократилось почти на 30%. URL: <https://ria.ru/20121221/915811500.html?ysclid=ldna868usx580480489>.

² См.: Президент РАН: в России сокращается число ученых. URL: <https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=00cca43f-b190-4ca5-a609-ba62c091ed8d>.

³ Государственное стандартное пособие для обучающихся в аспирантуре на бюджетной основе на дневном отделении с хорошей и отличной успеваемостью составляет 3120 руб.

Будем объективны. В последние десятилетия мы наблюдаем устойчивый рост заработной платы депутатов, государственных служащих, сотрудников силовых ведомств, топ-менеджеров энергетического сектора экономики и в сфере добычи углеводородного сырья. Как известно, указанные категории работников вдохновляют на ударный труд не только масштаб и амбициозность решаемых ими задач, но и высокая заработная плата. Поэтому наша умная молодежь чаще идет не в науку, а в политику, силовые ведомства и ресурсодобывающие сектора экономики. Талантливая молодежь хочет жить достойно уже сегодня и сейчас. Она хочет, чтобы ее труд в системе высшего образования и науке был оценен государством по достоинству, а статус Учителя, Педагога и Ученого был социально значим и имел высокий авторитет в обществе.

В этой связи, для начала, они должны видеть перед собой высокий социальный статус и достойную зарплату университетского профессора и доцента. При этом нельзя забывать, что далеко не каждый молодой человек, изъявивший желание заняться наукой, способен это делать. Это особый дар и способность человеческого мозга — генерировать новые знания, имеющие существенное значение для соответствующей отрасли знаний.

Президент РФ в своем Послании предлагает учесть лучший советский опыт. Уместно напомнить в связи с этим, что после Великой Отечественной войны первое десятилетие характеризовалось ростом престижа научно-преподавательской работы. Зарплата ректора выросла с 2,5 тыс. до 8 тыс. руб., профессора, доктора наук — с 2 тыс. до 5 тыс. руб., доцента, кандидата наук с 10-летним стажем — с 1200 до 3200 руб. В эти годы соотношение зарплаты доцента, кандидата наук и квалифицированного рабочего составляло примерно 4 к 1, а профессора, доктора наук — 7 к 1. Эта зарплата оставалась неизменной в течение последующих 40 лет.

В Советском Союзе труд учителя был почетным. Работника образовательной системы уважали все: и ученики, и их родители, и государство. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 12 февраля 1948 г. «О награждении учителей орденами и медалями СССР за выслугу лет и безупречную работу» за непрерывный стаж педагогической работы учителей награждали: 10 лет — медалью «За трудовое отличие», 15 лет — медалью «За трудовую доблесть», 20 лет — орденом «Знак Почета», 25 лет — орденом Трудового Красного Знамени, 30 лет — орденом Ленина, а еще через пять лет самоотверженного труда — вторым орденом Ленина.

Как следует из названия Указа, награждали не какими-то там грамотами или значками, как это делают сегодня, а медалями и орденами.

Вплоть до высшей государственной награды СССР — ордена Ленина. Эта система просуществовала до 1954 г. К концу 1980-х гг. среди педагогического корпуса СССР имелось 250 Героев Социалистического Труда, 80 народных учителей, 75 тыс. были награждены орденами и медалями.

Если узнать, какие льготы и привилегии получал кавалер вышеперечисленных орденов, то становится понятно, насколько государство ценило труд учителя. Один только орден Ленина давал прибавку к пенсии в размере 330% величины соцпенсии по старости¹ и целый перечень льгот².

Экономить государству на науке — дело убыточное. По словам академика А.М. Сергеева, в мире установлена прямая связь между процентами валового внутреннего продукта (ВВП), вложенными в науку, и числом ученых. У стран-лидеров при 2–3% ВВП, финансируемых в науку, 100 ученых приходится на 10 тыс. чел. работающего населения. То есть 2–3% ВВП в науку дает 1% ученых от общей численности работающих. На науку у нас идет около 1% ВВП, а число ученых — около 0,5% работающих. Вывод? Сокращение числа ученых в России — это часть общей системной проблемы — недофинансирования науки³.

Что **необходимо делать** (даже если у государства нет денег в бюджете на науку)?

1. Поднять социальную значимость, социальный статус и престиж профессии учителя, педагога, ученого целостной системой мер морального и материального поощрения. Без этого уже в обозримом будущем просто некому будет повышать качество образования в российских университетах и качество подготовки аспирантов и докторантов, о котором сейчас так много говорят и пишут.

2. Восстановить сеть диссертационных советов, которая насчитывала до начала так называемой оптимизации около 3500 диссертационных советов. В настоящее время их осталось 1672. То есть фактически ликвидировали около 2000 диссертационных советов. Аспиранты должны иметь реальную возможность защищать диссертацию по месту обучения.

3. Разрешить создавать кандидатские диссертационные советы, в том числе объединенные на базе двух-трех вузов, при наличии трех штат-

¹ За какие звания, ордена и медали можно получить доплату к пенсии. URL: <http://pensiya.molodaja-semja.ru/faqs/za-kakie-zvaniya-ordena-i-medali-polozhena-doplata-k-pensii/?ysclid=leopt7feyu10580333>.

² Для сравнения: в нашем университете за любое почетное звание сегодня предусмотрена доплата к окладу в размере 690 руб. При наличии нескольких почетных званий выплачивается только одна доплата.

³ См.: Президент РАН: в России сокращается число ученых.

ных докторов наук по заявленной специальности. На начальном этапе этого будет вполне достаточно, чтобы обеспечить кадрами кандидатов наук учебные и научные учреждения.

4. Избавиться от излишних административных препятствий для создания диссертационных советов. Образовательные организации, стремящиеся создать у себя диссертационные советы впервые, сталкиваются с не предусмотренным Положением о диссертационном совете обязательным требованием для базовой образовательной организации **наличия защищенных одной докторской и трех кандидатских диссертаций в течение последних пяти лет.** Это практически невозможно, даже если такие соискатели были подготовлены в региональном вузе, а затем защитились в вузах Москвы и других городах. Подобного рода требование считаю абсурдным и умышленно направленным на создание препятствий в расширении сети диссертационных советов. Например, вузы Крыма и Севастополя до сих пор за девять лет после вхождения в состав России не могут создать диссертационные советы по юридическим наукам.

5. Только создание разовых диссертационных советов в университетах, имеющих аспирантуры по соответствующим специальностям, может реально повысить эффективность работы аспирантур и решить в обозримом будущем проблему кадрового обеспечения высшей школы. Заслуживает поддержки предложение министра В.Н. Фалькова, прозвучавшее на первом заседании Комитета советников Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России¹, о необходимости распространить на всю систему аттестации научных кадров возможность масштабировать «разовые диссертационные советы», численностью от пяти до девяти человек, для проведения разовой защиты в организациях, где есть аспирантуры. «Это мировой опыт проведения защиты. Он позволяет привлечь в состав таких советов ученых из числа специалистов именно по профилю конкретной защищаемой диссертации», — пояснил В.Н. Фальков. К этому могу добавить, что именно так уже не один год работают диссертационные советы в Санкт-Петербургском государственном университете и РАНХиГС. Право создавать разовые диссертационные советы необходимо в первую очередь предоставить университетам, вошедшим в программу академического лидерства «Приоритет 2030».

Если есть аспирантура в университете и есть подготовленные аспирантами и докторантами к защите диссертации, то университет должен иметь право на создание как минимум разового диссертаци-

¹ Валерий Фальков предложил изменения в систему научной аттестации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/59495/>.

ционного совета для защиты конкретных диссертаций. Это правило не требует дополнительного финансирования, но открывает широкие перспективы и возможности для завершения обучения в аспирантуре и докторантуре защитой диссертации путем привлечения известных ученых в состав диссертационного совета.

6. Борьба за качество диссертационных исследований превратилась в самоцель сомнительного свойства и привела к разрушению системы диссертационных советов под девизом ее оптимизации и нарушению преемственности научных поколений. Под предлогом борьбы за качество диссертационных исследований мы наблюдаем неоправданную узурпацию последнего слова за экспертными советами ВАК при решении судьбы уже защищенного соискателя. В связи с этим совершенно не разделяю предложение В.Н. Фалькова о формировании широкого пула экспертов по каждой из 360 научных специальностей Номенклатуры научных специальностей.

Этот пул предполагает включение в его состав членов экспертных советов ВАК (их около двух тысяч), экспертов РАН, РНФ и др. Поступающие в ВАК уже защищенные в диссертационных советах диссертации предлагается направлять трем экспертам из этого пула в электронном формате, давая им 10 дней на рассмотрение и принятие окончательного решения.

Как нам представляется, эта мера является излишней и не будет способствовать *повышению качества, объективности и оперативности* в экспертизе поступающих в ВАК диссертаций. Существующий механизм прохождения диссертации через обсуждение на кафедре, предварительную оценку диссертации и иных материалов соискателя комиссией из числа членов диссертационного совета, заключение ведущей организации, отзывы официальных и неофициальных оппонентов и сама процедура публичной защиты вполне способны обеспечить качественную экспертизу научной состоятельности диссертационного исследования и успешное решение всей триады названных задач без экспертов ВАК.

Три эксперта, надо полагать, работая на общественных началах, в течение 10 дней, убежден, не сделают это лучше! В связи с этим считаю вполне уместным вернуться к ранее, десятки лет назад существовавшему правилу, когда ВАК могла отменить решение диссертационного совета только в случае нарушения процедуры защиты.

Оценка актуальности, практической значимости и научной новизны диссертации должна быть исключительно приоритетом диссертационного совета. Ведь профессионализм членов диссертационного совета, надо полагать, уже был ранее подтвержден экспертным советом ВАК при принятии решения о создании диссертационного совета. При

этом, как известно, ведущая организация и официальные оппоненты тоже по определению должны быть специалистами по теме диссертации, что подтверждается их публикациями.

7. Бюрократизация процедуры открытия диссертационного совета является неоправданной и лишает права аспирантов на доступность защиты подготовленного диссертационного исследования по месту обучения.

Следует отменить процедуру согласования ходатайств о выдаче разрешения на создание диссертационного совета. Согласно п. 9 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденного приказом Министерства образования и науки РФ от 10 ноября 2017 г. № 1093, диссертационные советы создаются в соответствии с разрешением Минобрнауки России на основании рекомендаций Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России по согласованию с учредителем с учетом оценки результативности научной деятельности организации. При этом «результативность научной деятельности организации и членов диссертационного совета оценивается в соответствии с **рекомендациями** (выделено мною. — В.К.) ВАК Минобрнауки России».

На основании письма Минобрнауки России от 21 ноября 2021 г. № МН-3/8992 «руководителям организаций, находящихся в ведении Министерства науки и высшего образования Российской Федерации» «возможность представления ходатайства о выдаче разрешения на создание диссертационного совета на базе подведомственных организаций согласовывается Минобрнауки России с учетом оценки результативности научной деятельности организации».

К этому письму прилагаются четыре приложения со списками организаций, в отношении которых считаются согласованными ходатайства о выдаче разрешения на создание диссертационных советов. В этих четырех списках всего 139 организаций, в том числе только по первому списку в 62 организациях предусмотрена возможность подачи ходатайства на создание диссертационных советов по юридическим наукам без предварительного согласования с чиновниками Департамента аттестации научных и научно-педагогических кадров.

Во всех остальных случаях требуется получить согласование у чиновника на получение права подать ходатайство о выдаче разрешения на создание диссертационного совета. Но подать ходатайство — это еще не значит получить разрешение на создание диссертационного совета. Здесь даже не экспертный совет ВАК, а отдельно взятый чиновник из Департамента аттестации научных и научно-педагогических кадров ВАК может найти различные придуманные им ранее основания для отказа в форме так называемых рекомендаций. Со-

гласно п. 9 Положения о диссертационном совете *«результативность научной деятельности организации и членов диссертационного совета оценивается в соответствии с рекомендациями Комиссии»*. Считаю, что такие показатели должны быть закреплены на уровне нормативного акта, соответствующего действующему законодательству, лишённого избыточных и неоправданных антиконституционных ограничений.

Подобного рода согласования в совокупности с результатом деятельности всего вуза, а не с конкретными показателями работы с аспирантами в этих вузах докторов наук и профессоров — это еще одно бюрократическое препятствие на пути к решению важнейшей государственной задачи по обновлению научного потенциала российской науки и высшей школы.

8. Программа «Антиплагиат» далека от совершенства и несет больше вреда, чем пользы для науки. Требование к диссертантам обеспечивать оригинальность диссертационного исследования на уровне 75–85% является абсурдным. Оно не только не защищает авторских прав других используемых в диссертации исследователей, но и, как правило, нарушает их права, мешает развитию российской науки, особенно общественных наук. Перед аспирантом стоит теоретически невыполнимая задача написать диссертацию объемом примерно 180–200 страниц с использованием 200–250 источников и при этом обеспечить оригинальность текста в 80%.

Уже стало правилом, когда на пути к обозначенному рубежу оригинальности текста соискатель уходит от прямой речи и пытается излагать своими словами научные позиции других авторов, нормативные акты из используемых источников. При этом **теряются смысл и точность излагаемого текста**. В итоге **цитируемому автору приписывают в изложении соискателя то, что он никогда не имел в виду**. Что это, как не нарушение авторских прав на пути к обеспечению оригинальности текста диссертации? Кто-то должен об этом подумать и остановить это безумие?

Считаю, что оценку оригинальности и соблюдения аспирантом прав авторов используемых источников должен давать научный руководитель или консультант в своем заключении, а не техническая программа «Антиплагиат».

9. Лишение ученых степеней по заявлениям представителей сетевого сообщества «Диссернет» причинило российской науке гораздо больше вреда, чем пользы.

Придание обратной силы правилу о 10-летнем сроке на отмену решения о присуждении ученой степени в новом Положении о порядке присуждения ученых степеней № 842, которое вступило в силу с 1 января 2014 г., в отношении тех, кто защитил диссертации до 1 января

2014 г., противоречит Конституции РФ. Согласно п. 1 ст. 54 Конституции РФ «закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет». Положения ст. 54 Конституции РФ основываются на общепринятых принципах справедливости и гуманизма и сформулированы в соответствии со ст. 11 Всеобщей декларации прав человека и ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Фактически в отношении лиц, защитивших диссертации до 1 января 2014 г., Правительство РФ своим подзаконным нормативным актом придало обратную силу норме, которая противоречит Конституции РФ и предусматривает сохранение ответственности за пределами трехлетнего срока, действовавшего ранее на момент защиты диссертации. Это привело к тому, что сотни, а может быть, и тысячи кандидатов и докторов наук были лишены ученых степеней за последние восемь лет. К этому следует добавить и моральный вред, который был причинен деловой репутации сотням и сотням ученых, имевших непосредственное отношение к подготовке, экспертизе и защите отмененной диссертации.

Заявители в лице членов сетевого сообщества¹ широко известны своей деятельностью по информированию общественности о своих негативных оценках чисто формальных по форме и без оценки научного содержания диссертационных работ по юридическим и не только наукам. Допускаю, что само по себе информирование общественности о совпадении отдельных фрагментов текста диссертации с иными используемыми диссертантом источниками может по формальным основаниям вызвать озабоченность. Однако это чаще всего никак не может повлиять на ценность и научную новизну полученных автором лично результатов, которые при рассмотрении подобного рода заявлений чаще всего никто не оспаривает и не подвергает сомнению. Это только свидетельствует о соблюдении авторских прав правообладателей используемых мною источников.

Проведенный краткий обзор некоторых проблем современной науки и высшего образования в России подтверждает актуальность сигналов Президента РФ в своем Послании относительно необходимости неотлагательного осуществления существенных изменений в высшей школе России. Предложенные меры при наличии политической воли позволят существенно ускорить решение кадровой проблемы в высшей школе даже без привлечения дополнительного бюджетного финансирования.

¹ Чаще всего в качестве таковых выступали кандидат физико-математических наук и филолог-латинист без ученой степени, не имеющие никакого отношения к юридической и другим общественным наукам.

19 мая 2023 г. министр В.Н. Фальков, подводя итоги работы министерства, отметил: «В 2022 году сохранилась проявившаяся годом ранее тенденция по увеличению числа защит диссертаций кандидата и доктора наук, общее количество защит только за 2022 год выросло почти на 20%. С 2020 года рост еще более существенный: кандидатских диссертаций с 6,5 тысяч в 2020 году до 8,5 тысяч в 2022, докторских диссертаций – с чуть менее 1 тысячи до 1,5 тысяч в 2022 году. Это говорит не только о возросшем качестве исследований, но и показывает рост количества людей, которые решили связать свою жизнь с наукой», – отметил министр. При таких темпах подготовки научно-педагогических кадров решение задачи кадрового обеспечения высших учебных заведений займет не один десяток лет.

Информация об авторе:

В.П. Камышанский

Доктор юридических наук, профессор

Заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

350004, Россия, Краснодар, ул. Калинина, 13

ORCID: 0000-0003-4608-4548

Information about the author:

V.P. Kamyshansky

Kuban State Agricultural University

13 Kalinina st., Krasnodar, 350004, Russia

ORCID: 0000-0003-4608-4548

ПЛАН НАУЧНО-КВАЛИФИКАЦИОННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОПРОСА

Е.Г. Комиссарова

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Тюменский государственный университет
E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Введение: Цивилистических исследований, посвященных методологии познания сущностной стороны плана научного квалификационного исследования, единицы. То, что выдается за такие тексты, обычно встроено в структуру учебного материала, имеющего ориентир на формирование практических навыков у авторов при составлении плана. Эта традиция серьезно обедняет вопрос о ценности плана в структуре подобных исследований, оставляя его на уровне знания о плане лишь как о вспомогательном, периферийном тексте, чье присутствие в научно-квалификационной работе сводится к организационному ресурсу. **Цель** статьи состоит в создании методологического знания, которое в меньшей степени ориентировано на разные педагогические практики, обучающие тому, что «план у работы должен быть». Авторская цель — представить план научно-квалификационной работы в двух плоскостях — таким, каким его видит исследователь при работе с ним, и таким, каким его видит профессиональный читатель текста диссертации. **Методы:** логический метод научного познания, метод дедукции и индукции, анализа и синтеза, метод научного обобщения. **Результаты:** План научно-квалификационной работы — это не просто справочный навигатор по тексту диссертации или иного научно-квалификационного исследования, это часть авторского текста, столь же значимая для научной коммуникации, как и текст, которому он с необходимостью предшествует. План является маркером аналитических умений исследователя и одновременно местом сосредоточения теоретических схем будущей логической аргументации. Целостность структурных частей плана, подчиненная заглавию проводимого исследования и выстроенная в форме единой логико-тематической цепочки, является маркером сильного юридического исследования. При работе с планом исследовательской работы любого уровня научной квалификации необходимо смотреть в две стороны — в сторону академиче-

ского теоретизирования, поставляющего знания о сущности плана и его ценностных характеристиках, значимых для научной общественности, и сторону практических умений, направленных на организацию процесса научного познания.

Ключевые слова: цивилистика; научная коммуникация; логическая целостность плана; терминологическая полнота; организационная и академическая ценность плана.

THE PLAN OF THE SCIENTIFIC QUALIFICATION WORK: THE METHODOLOGICAL ASPECT OF THE ISSUE

E.G. Komissarova

Perm State University,

Tyumen State University

E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Introduction: *There are few civil studies devoted to the methodology of cognition of the essential side of the scientific qualification research plan. What is given out for such texts is usually embedded in the structure of the educational material, which has a focus on the formation of practical skills among the authors when drawing up a plan. This tradition seriously impoverishes the question of the value of the plan in the structure of such studies, leaving it at the level of knowledge about the plan only as an auxiliary, peripheral text, whose presence in scientific qualification work is reduced to an organizational resource. The purpose of the article is to create methodological knowledge that is less focused on different pedagogical practices that teach that «the work plan should be». The author's goal is to present the plan of scientific and qualification work in two planes — as the researcher sees it when working with him and as the professional reader of the dissertation text sees it. Methods: logical method of scientific cognition, method of deduction and induction, analysis and synthesis, method of scientific generalization. Results: The scientific qualification work plan is not just a reference navigator for the text of a dissertation or other scientific qualification research, it is a part of the author's text, as significant for scientific communication as the text to which it necessarily precedes. The plan is a marker of the researcher's analytical skills and at the same time a place of concentration of theoretical schemes of future logical argumentation. The integrity of the structural parts of the plan, subordinated to the title of the research and built in the form of a single logical and thematic chain, is a marker of strong legal research. When working with a research plan of any level of scientific qualification, it is necessary to look in two directions — towards academic theorizing, which provides knowledge about the essence of the plan and its value*

characteristics that are significant for the scientific community, and towards practical skills aimed at organizing the process of scientific cognition.

Keywords: *civics; scientific communication; logical integrity of the plan; terminological completeness; organizational and academic value of the plan.*

О великих вещах помогают составить понятия вещи малые,
пути намечая для их постиженья.

Римский поэт, философ Лукреций Кар

Введение

Исследования, посвященные методологической стороне вопроса, связанного с составлением плана научно-квалификационного исследования и его теоретической презентацией в структуре готовой работы, не самые частые в цивилистике. Проблема все время ускользает из сферы научно-теоретического внимания, оставляя истинную значимость этой структуры теоретико-правового текста недооцененной. Дефицит научных исследований привычно компенсируется педагогическим «срезом» вопроса, суть которого исчерпывается указанием на организационную функцию плана. В этом его сугубо прикладном значении в качестве направляющего знания выступают весьма лапидарные сведения/требования к наличию в научно-квалификационной работе плана как текста, который разбит на структурные части (разделы, главы, параграфы), указывающие на то, с чего начинается исследование и чем оно заканчивается.

Отрицать значимость этого вида научно-популярного знания бессмысленно — оно имеет собственную ценность, которая позволяет исследователю пройти научную социализацию и нацелиться на написание научно-квалификационной работы «сначала». Такое знание — пошаговая инструкция при составлении плана исследования — существует в режиме «попутного ветра» у каждого исследователя. Причем оно активно тиражируется [11, с. 66–71]. Его дидактическая особенность — в большей мере сфокусированность на навыках автора, а не на плане исследования как таковом и еще меньше на субъектах научного общения — тех, кому адресуется содержание проводимого исследования и его план.

Если учесть, что конечная миссия автора научно-квалификационной работы состоит в том, чтобы оправдать ожидания научной общественности, то подобный моноподход к описанию плана (только на уровне методических советов) не может быть признан достаточным. Его

ограниченность в том, что он оставляет вне сферы научного познания сущностные характеристика плана. Не исключено, что в этом состоит причина того, что в многочисленных пособиях по написанию научно-квалификационных работ плану отводятся одна-две процедурные страницы, символизирующие начало повествования, а в последующем разговоре о «тексте исследования» упоминаний о нем практически нет. Поэтому не стоит удивляться тому, что в общеизвестной теоретической формуле, указывающей на то, что «введение — это то место, где надо *сказать то, что ты хочешь сказать*, основной текст (сердцевина текста) — *скажи это*, заключение — *скажи то, что сказал*», плану не нашлось места.

В смысле научного внимания чуть больше «повезло» другим составляющим текста квалификационной работы, чьи сущности теоретики и цивилисты уже описали, — заглавию [16, с. 39], цели [12], объекту и предмету исследования [4; 7], положению новизны [3; 15], методам исследования [6], юридическим конструкциям, наполняющим содержание текста [9]. Судя по данным одного из библиографических указателей [10], науковедческий интерес к методологическим характеристикам плана исследования остается в разряде явно не актуальных.

Настоящая статья является научной попыткой отменить традицию методологического пренебрежения к содержательной части плана научно-квалификационной работы.

Основной контент

Природа всех видов научно-квалификационных работ такова, что они начинаются с оглашения ее проекта, именуемого планом (оглавлением или содержанием). Учебно-методические формулировки плана обычно указывают на то, что это документированный обзор проекта исследования, в котором определены шаги по достижению поставленных целей. В традиционном практическом понимании эта часть текста остается на позиции справочно-навигационного значения. Ей сопутствует множество фактологических синонимов — шаблон или структура исследования, эскиз, программа, организующий пункт последовательного движения к цели, система показателей, которые отражают связь и последовательность структурных частей текста, алгоритм, указывающий на логику движения мысли автора, четкий образ исследования и др.

Хватает и метафор — теоретический фреймворк, «чертеж будущего научного дома», «места, где надлежит бросить якорь» и т.д. В новейшей литературе, позиционированной как литература «повышенной сложности», термин «план» тесно перекликается с более широкими

понятиями — «дизайн исследования» и «трассировка» [13, с. 203]. Вся эта терминологическая множественность на самом деле остается на уровне умозрительном, не отражая знания о ценности плана в структуре работы, его качественных научных характеристиках и соотношении с разными элементами научного аппарата проводимого исследования.

В сравнении с «телом» всего текста план считается «вещью малой». Но эта «малость» обладает качеством емкости. Она не только фокусирует и на уровне обобщений сообщает об изученном составителем плана научном опыте предшественников и современников. Формулировки этой части выступают маркером объема познанной научной информации об объекте заявленного исследования, «синусоида которого должна отражать способность составителя плана мыслить от общего к частному и от частного к общему» [2, с. 134]. В этом одна из причин живучести тезиса о том, что первые впечатления от выполненной научно-квалификационной работы берут свое начало от заголовка темы и плана.

Научные суждения о соотношении заголовка работы и текста плана обычно заметны тогда, когда обнаруживается их смысловое и логическое разобщение и положение следует исправить. На языке аналитики этот недостаток выражается в указании на то, что текст исследовательской работы имеет множественные околотематические наполнения, не приносящие нового научного знания для целей научного постижения той цивилистической конструкции, которая заключена в заголовке работы [18], или план содержит слишком «крутые повороты», уводящие в сторону от заявленной темы [1, с. 36]. Подобные недостатки являются следствием недооценки того факта, что по отношению к заголовку план выполняет классификационную функцию с помощью логически точных заголовков, которые указывают на ближайшие пути для распознавания научного замысла автора.

В стремлении подчеркнуть этот ценный функционал плана зарубежные авторы указывают, что обоснованный план всегда устроен по методу «фокусировки вниз» [19, с. 74], имея в виду, что текст, идущий «после плана», берет от него свою логическую точку отсчета. Благодаря этому поток исследовательского сознания направлен вниз [13], от заголовка через план в сторону основного текста, связывая все предметное повествование в единую сюжетную линию. Такой подход к плану позволяет видеть в нем не только периферийный элемент проводимого исследования, а источник наполнения его тем предметным смыслом, который заключен в его наименовании.

Ориентирующая функция плана научно-квалификационной работы состоит еще и в том, что он отражает методологическую логику проводимого исследования. Делается это с помощью разных обобщений,

выраженных посредством подобных номинаций, как аспект, подход, явление, сущность, свойства, признаки, феномен. Эти и подобные им обобщения не просто отличают научные формулировки плана от формулировок плана учебного, а несут в себе методологические сигналы. Они указывают на то, что каждый пункт плана — это теоретический образ поставленной автором задачи или обобщение тех мыслей, которые автор намерен активировать в тексте. На академическом языке этот итог именуется фактом согласования содержания плана с научным аппаратом проводимого исследования — целями, задачами, предметом, объектом.

В этой связи нельзя не согласиться с Р.П. Мананковой, указавшей на факт необоснованного отсутствия в тексте автореферата наглядной информации о плане диссертации, при том что в структуре автореферата есть отдельная рубрика «структура диссертации» [8, с. 157]. От себя добавим, что профессиональное прочтение автореферата, который в своем научном бытии существует отдельно от текста диссертации, без ориентира на структурированный план, ничуть не меньшее затруднение, как если бы его пришлось читать, не ведая названия автореферата.

Что касается содержательной части плана, то она должна быть связана и обладать логически организованным потоком идей. В методиках описания диссертационных практик для указания на это его качество используется понятие «логоемкость». Его ценность в том, что оно указывает на нечто такое, в реализации чего не обойтись без значительных систематических логических усилий [16, с. 26–27]. Если учесть, что благодаря своим особенностям и возможностям правовая почва является наиболее благоприятной для приложения и использования приемов логики, то следует признать значимость этого понятия, тем более что «следование логическим принципам не зависит от темы исследования — они сугубо формальны и общеобязательны» [14, с. 470].

План научно-квалификационной работы — это не просто вспомогательный инструмент, а место сосредоточения теоретических схем будущей логической аргументации. Данное научное видение формулировок, заложенных в план исследования, является объективным — с логическим компонентом традиционно связываются достоверность современного процесса научного познания и убедительность достигнутых результатов. Начало логичного движения авторской мысли лежит в схематической обобщенности формулировок плана. Наличие этих обобщений указывает на факт присутствия в содержании работы соответствующих им текстовых эквивалентов. Благодаря логической рефлексии, направленной на взаимозависимость и тесную связь формулировок плана, автор исследования приходит к пониманию того, что эти текстовые эквиваленты — не просто единицы в структуре содержа-

ния, а тесно сопряженные друг с другом слои текста, расположенные в порядке дополняемости смыслов, вложенных в каждый из них.

Ученые, как известно, — это не только исследователи, но и писатели. В этом контексте правило академической грамотности, позволяющее сделать акцент не столько на прочтении написанного плана, сколько на письме как таковом, не является второстепенным. Дословно академическая грамотность означает свободное владение определенными способами мышления, чтения и письма, которые характерны для академических контекстов. Для практических рассуждений о порядке составления плана научно-квалификационной работы словосочетание «академическая грамотность», находящееся на стыке теории и практики, не слишком привычно. Но именно оно позволяет обратить внимание на то, что при работе с планом исследовательской работы необходимо смотреть как в сторону практических умений, связанных с организацией процесса научного познания, так и в сторону академического теоретизирования, поставляющего знания о сущности плана и его ценностных характеристиках, которые значимы для научной общественности.

В рамках подобного теоретизирования речь идет о способности исследователя управлять информационными, методическими и терминологическими ресурсами в процессе формирования содержания плана научно-квалификационной работы.

Терминологическое наполнение плана и его развернутость — вещь во многом субъективная. Но бесспорен тот факт, что это его качество является внешним маркером его научной жизнеспособности, а сам автор владеет приемами сопоставления таких языковых средств, как термины, понятия, юридические и теоретические конструкции. Обычные требования, предъявляемые к терминологическому порядку плана, во многом предсказуемы. К ним относятся: избирательность терминологии, связанная с осознанными аналитическими запросами и потребностями автора при обращении к заявленной теме исследования; вариативность терминологии, предпрешенная гипотетическим видением теоретических результатов проводимого исследования, зависящих от соответствующего контекста исследования; терминологическая строгость, сочетающаяся с предметом исследования и смысловой точностью при употреблении правовых понятий, стоящих за цивилистическими терминами.

Понятие терминологической бедности плана научно-квалификационной работы никуда не ушло из научного оборота. Бедность или достаточность терминологии плана — это те его характеристики, которые указывают на то, насколько подстроилось научное сознание составителя плана под тот познавательный ресурс, который был им

освоен к моменту работы над планом. Краткость, эпизодичность в виде ориентира на заголовки, «попавшиеся на глаза», нелогичность и бессистемность в освоении этого ресурса, где не проводится различий между монографическими, апробированными и неапробированными (труды молодых ученых) источниками цивилистической научной информации, обычно и создают картину терминологической бедности плана исследования.

Заметим, что подобный исход — далеко не всегда свидетельство ненадлежащего научного прилежания автора, находящегося на старте научного исследования. Чаще всего это следствие неумения отбирать необходимую информацию, ориентироваться в ее иерархии и характеристиках апробированных/неапробированных текстов. Ведь на самом деле формулировка эффективных (а не фальшивых или просто формальных) заголовков в тексте плана — это не самое простое искусство. В процессе написания плана, как правило, учатся его составлять. Значимым ориентиром должен стать тезис о том, что заголовки в плане представляют собой не просто фразы и предложения. Это мини-обобщения, которые имеют строго заданный внутренний логический объем, беря свое начало от названия всей научно-квалификационной работы, выступающей точкой смыслового и логического отсчета.

Неэффективны и такие заголовки, которые направлены на процесс (правовое регулирование отношений...), а не на исследование конкретной цивилистической проблемы. Неуместны и заголовки так называемого вопросительного характера, потому что вопросы — это не ответы и сформулировать их легче, чем ответы. К числу фальшивых в тексте плана надлежит причислить неточные заголовки — те, которые не масштабированы по отношению к другим заголовкам плана и названию всей работы, а также повторяющиеся в их смысловом и логическом объеме.

В идеале терминологический фонд плана научно-квалификационной работы должен отражать методологическую насыщенность лексики. Это значит, что он должен наполняться не легкими учебными формулировками, имеющими цель указать на тематический элемент процесса первоуровневого познания, а новым знанием, которое стало известно автору при работе с научными источниками, питающими заявленную им тему/проблему. Если в этом новом знании есть фоновое предзнание о том, что уже высказано по проблеме, плюс собственный ресурс автора, основанный на понимании того, какие проблемы выбранного им тематического дискурса по-научному актуальны и злободневны, то терминологический выбор автора будет просторным и творческим, свободным от механического копирования уже кем-то высказанных идей.

Обычные оценочные суждения научной общественности о качестве плана укладываются в одну из двух характеристик — плохой (слабый, пустой, плоский, невзрачный) и хороший. Хороший — значит терминологически развернутый, полный относительно заявленного названия всей работы, логичный и последовательный, благодаря чему в сфере внимания автора постоянно присутствует ориентир на конечный результат исследования. Подводя итог этим достоинствам плана, И.В. Понкин и А.И. Лаптева метко заметили: «хороший план отличается от плохого прежде всего тем, что надежд на появление нужной идеи здесь больше» [13, с. 248].

Заключение

Представление о том, что про план квалификационного исследования «мы знаем все», оказывается обманчивым, если посмотреть на него только «техническим» взглядом, ограниченным фактом наличия плана как обязательного прореquisite исследовательского труда, выполняющего роль справочно-навигационного инструментария. Не менее важно оценить имеющийся план на предмет логики и последовательности той траектории, по которой пойдет движение авторской мысли, а также смысловые акценты, позволяющие показать уровень погружения в заявленную проблему и понять степень готовности автора к научной коммуникации.

Таким образом, план научно-квалификационной работы является частью авторского текста, состоящего из значимых теоретических обобщений, благодаря которым можно получить теоретическое представление о целостности той цивилистической конструкции, которая заключена в наименовании проводимого исследования. Целостность структурных частей плана, выстроенных в единую логико-тематическую цепочку, подчиненную заглавию проводимого исследования и основанную на организованном переходе от одной главы к другой, несущей новые элементы научного анализа, является лакмусом качественного юридического исследования.

Все это говорит в пользу того, что теоретическая формула, упомянутая во введении к настоящей статье, «введение — содержание — заключение» должна быть дополнена стартовым пунктом — планом, включающим в себя вопрос «что и как исследовать». Не следует считать такой подход оппозиционным по отношению к привычному и общеизвестному, применяемому при описании плана научно-квалификационной работы. Речь идет об отказе от часто скудных и однонаправленных дискурсов по поводу плана, когда он принимается лишь за точку выхода в научно-теоретическое путешествие, в котором достаточно прописать этапы освоения темы.

Библиографический список

1. *Белов В.А.* Наука права (правоведение или юриспруденция): кризисное состояние и пути его преодоления // Закон. 2016. № 11. С. 33–49.
2. *Волков А.В.* Как правильно написать научную статью или академическую работу по гражданскому праву // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. С. 132–141.
3. *Габов А.В.* О новизне результатов диссертационных исследований по праву // Юридическое образование и наука. 2019. № 7. С. 28–38.
4. *Глухарева Л.И.* Объект и предмет юридического исследования // История государства и права. 2009. № 15. С. 40–43.
5. *Голубцов В.Г., Кузнецова О.А.* Цель цивилистического диссертационного исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей / отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. С. 53–78.
6. *Кузнецова О.А.* Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 4 (26). С. 254–273.
7. *Кузнецова О.А., Захаркина А.В.* Объект и предмет исследования в цивилистических диссертациях // Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей / отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2019. С. 218–251.
8. *Мананкова Р.П.* О структуре автореферата диссертации в области частного права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 154–158.
9. *Морозов С.Ю.* Методологическая роль юридических конструкций в цивилистических исследованиях: сборник научных статей / отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2019. С. 313–338.
10. Научная деятельность в юриспруденции. Библиографический указатель / Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. СПб., 2023. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?url>.
11. Организация научной деятельности и выполнение научных работ по юриспруденции: научно-практическое пособие / отв. ред. проф. И.М. Мацкевич, проф. Е.С. Шугрина. М.: Проспект, 2018. 136 с.
12. *Подольский А.Г., Голубев С.С.* Методические рекомендации по формулированию цели и научной задачи диссертационной работы // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2018. № 4. С. 76–80.

13. Понкин И.В., Лантева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: учебник. 3-е изд., доп. и перераб. / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». М.: Буки Веди, 2022. 754 с. (серия «Методология и онтология исследований»).

14. Самородов В.Н. Методологические основания современной юридической науки: постановка проблемы // Вестник МГТУ. 2014. № 4. Т. 17. С. 759–768.

15. Серова О.А. Проблема новизны научных исследований // Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей / отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. С. 155–172.

16. Синченко Г.Ч. Диссертация, открой свое имя // Вестник Томского университета. 2000. № 4. С. 42–45.

17. Синченко Г.Ч. Логика диссертации: учебное пособие. 4-е изд. М.: Форум; Инфра, 2015. 312 с. (Высшее образование).

18. Суханов Е.А. О диссертациях по гражданскому праву // Вестник гражданского права. 2006. № 1. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

19. Dunleavy P. The creation of a doctoral dissertation. How to plan, draft, write and finish a dissertation. New York. Ed.: Palgrave Macmillan, 2003. 300 p. URL: <https://archive.org/details/authoringaphdhowtoplandraftwriteandfinishadoctoralthesisordissertationpatrick...pdfdrive.com/page/n73/mode/2up>.

References

1. Belov V.A. *Nauka prava (pravovedenie ili yurisprudenciya): krizisnoe sostoyanie i puti ego preodoleniya* [The science of law (jurisprudence or jurisprudence): the crisis state and ways to overcome it]. *Zakon* — Law. 2016. Issue 11. Pp. 33–49. (In Russ.)

2. Volkov A.V. *Kak pravil'no napisat nauchnuyu stat'yu ili akademicheskuyu rabotu po grazhdanskomu pravu* [How to write a scientific article or academic work on civil law correctly]. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij Vestnik* — North Caucasian Legal Bulletin. 2016. Pp. 132–141. (In Russ.)

3. Gabov A.V. *O novizne rezul'tatov dissertacionnyh issledovaniy po pravu* [On the novelty of the results of dissertation research in law]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka* — Legal education and science. 2019. Issue 7. Pp. 28–38. (In Russ.)

4. Gluhareva L.I. *Ob'ekt i predmet yuridicheskogo issledovaniya* [The object and subject of legal research]. *Istoriya gosudarstva i prava* — The history of state and law. 2009. Issue 15. Pp. 40–43. (In Russ.)

5. Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. *Cel' civilisticheskogo dissertacionnogo issledovaniya* [The purpose of the civil dissertation research]. Methodological

problems of civil studies: A collection of scientific articles / ed. A.V. Gabov, V.G. Golubtsov, O.A. Kuznetsova. Moscow, 2016. Pp. 53–78. (In Russ.)

6. *Kuznetsova O.A. Metody nauchnogo issledovaniya v civilisticheskikh dissertatsiyah* [Methods of scientific research in civil dissertations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* – Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2014. Issue 4 (26). Pp. 254–273. (In Russ.)

7. *Kuznetsova O.A., Zaharkina A.V. Ob'ekt i predmet issledovaniya v civilisticheskikh dissertatsiyah* [The object and subject of research in civil dissertation]. *Methodological problems of civil studies: A collection of scientific articles* / ed. A.V. Gabov, V.G. Golubtsov, O.A. Kuznetsova. Moscow, 2019. Pp. 218–151. (In Russ.)

8. *Manankova R.P. O strukture avtoreferata dissertatsii v oblasti chastnogo prava* [On the structure of the abstract of a dissertation in the field of private law]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* – Bulletin of Tomsk State University. Right. 2014. Issue 4 (14). Pp. 154–158. (In Russ.)

9. *Morozov S.Yu. Metodologicheskaya rol' yuridicheskikh konstrukcij v civilisticheskikh issledovaniyakh* [The methodological role of legal structures in civil studies]: Collection of scientific articles / ed. A.V. Gabov, V.G. Golubtsov, O.A. Kuznetsova. Moscow, 2019. Pp. 313–338. (In Russ.)

10. *Nauchnaya deyatel'nost' v yurisprudencii* [Scientific activity in law. Bibliographic index. St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation]. St. Petersburg, 2023. Available at: <https://docs.yandex.ru/docs/view?url>. (In Russ.)

11. *Organizatsiya nauchnoj deyatel'nosti i vypolnenie nauchnykh rabot po yurisprudencii: nauchno-prakticheskoe posobie* [Organization of scientific activity and performance of scientific works on jurisprudence: a scientific and practical guide] / ed. prof. I.M. Matskevich, prof. E.S. Shugrina. Moscow, 2018. 136 p. (In Russ.)

12. *Podolskij A.G., Golubev S.S. Metodicheskie rekomendatsii po formulirovaniyu celi i nauchnoj zadachi dissertatsionnoj raboty* [Methodological recommendations on the formulation of the purpose and scientific task of the dissertation]. *Scientific bulletin of the military-industrial complex of Russia*. 2018. Issue 4. Pp. 76–80. (In Russ.)

13. *Ponkin I.V., Lapteva A.I. Metodologiya nauchnykh issledovaniy i prikladnoj analitiki* [Methodology of scientific research and applied analytics: Textbook. 3rd ed., supplement. and overwork]. Consortium «Analytics. Right. Digit». Moscow, 2022. 754 p. (In Russ.)

14. *Samorodov V.N. Metodologicheskie osnovaniya sovremennoy yuridicheskoy nauki: postanovka problemy* [Methodological Bases of Modern Jurisprudence: Statement of a Problem]. *Vestnik MGTU* – Herald of MSTU. 2014. Issue 4. Vol. 17. Pp. 759–768. (In Russ.)

15. *Serova O.A. Problema novizny nauchnyh issledovanij* [The problem of the novelty of scientific research]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovanij: sbornik nauchnyh statej* – Methodological Problems of the Civil Law Researches: Collection of scientific articles / ed. A.V. Gabov, V.G. Golubtsov, O.A. Kuznetsova. Moscow, 2016. Pp. 155–172. (In Russ.)

16. *Sinchenko G.Ch. Dissertaciya otkroj svoe imya* [Dissertation open your name]. Bulletin of Tomsk University. 2000. Issue 4. Pp. 42–45. (In Russ.)

17. *Sinchenko G.Ch. Logika dissertacii: uchebnoe posobie* [The logic of the dissertation: a textbook]. 4th ed. Moscow. 312 p. Higher education. (In Russ.)

18. *Suhanov E.A. O dissertaciyah po grazhdanskomu pravu* [About dissertations in civil law]. Bulletin of Civil Law. 2006. Issue 1 // SPS «ConsultantPlus». (In Russ.)

19. *Dunleavy P.* The creation of a doctoral dissertation. How to plan, draft, write and finish a dissertation. New York. Ed.: Palgrave Macmillan, 2003. 300 p.

Информация об авторе:

Е.Г. Комиссарова

Доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ,
профессор кафедры гражданского права
Пермский государственный национальный исследовательский университет,

614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин

Тюменского государственного университета,

625000, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6.

ORCID: 0000-0003-4257-5673.

Researcher ID: E-9302-2016.

Статьи автора в БД «Scopus»/«Web of Science»:

[https://doi.org/ 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540](https://doi.org/10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540).

[https://doi.org/ 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177](https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177).

[https://doi.org/ 10.17072/1995-4190-2015-2-61-70-E](https://doi.org/10.17072/1995-4190-2015-2-61-70-E).

[https://doi.org/ 10.17072/1995-4190-2018-42-644-663](https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-42-644-663).

[https://doi.org/ 10.17072/19954190-2019-46-672-697](https://doi.org/10.17072/19954190-2019-46-672-697).

[https://doi.org/ 10.17323/2072-8166.2021.1.130.153](https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.1.130.153).

[https://doi.org/ 10.24031/2226-0781-2021-11-3-236-258](https://doi.org/10.24031/2226-0781-2021-11-3-236-258).

[https://doi.org/ 10.17072/1995-4190-2022-56-208-238](https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-56-208-238).

[https://doi.org/ 10.33397/2619-0559-2023-5-5-164-191](https://doi.org/10.33397/2619-0559-2023-5-5-164-191).

E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com.

Information about the author:**E.G. Komissarova**

Perm State University,

15 Bukireva st., 614068, Perm, Russia.

Tyumen State University,

6 Volodarsky st., Tyumen, 625003, Russia.

ORCID: 0000-0003-4257-5673.

Researcher ID: E-9302-2016.

Articles in «Scopus»/«Web of Science»:

[https://doi.org/ 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540.](https://doi.org/10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540)[https://doi.org/ 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177.](https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177)[https://doi.org/ 10.17072/1995-4190-2015-2-61-70-E.](https://doi.org/10.17072/1995-4190-2015-2-61-70-E)[https://doi.org/ 10.17072/1995-4190-2018-42-644-663.](https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-42-644-663)[https://doi.org/ 10.17072/19954190-2019-46-672-697.](https://doi.org/10.17072/19954190-2019-46-672-697)[https://doi.org/ 10.17323/2072-8166.2021.1.130.153.](https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.1.130.153)[https://doi.org/ 10.24031/2226-0781-2021-11-3-236-258.](https://doi.org/10.24031/2226-0781-2021-11-3-236-258)[https://doi.org/ 10.17072/1995-4190-2022-56-208-238.](https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-56-208-238)[https://doi.org/ 10.33397/2619-0559-2023-5-5-164-191.](https://doi.org/10.33397/2619-0559-2023-5-5-164-191)

«ДИССЕРТАЦИОННЫЕ» СПОРЫ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ: К 10-ЛЕТИЮ ДЕЙСТВИЯ ПОЛОЖЕНИЯ О ПРИСУЖДЕНИИ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ

О.А. Кузнецова

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермский институт ФСИН России
E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Введение: Статья посвящена попытке систематизации и теоретическому анализу споров, возникающих в связи с действием Положения о присуждении ученых степеней, вступившего в силу 1 января 2014 г. Данные споры касаются прикрепления в качестве соискателя для подготовки диссертации, ее непосредственной подготовки и обсуждения, предзащиты и защиты диссертации, присуждения ученой степени, отказа в присуждении ученой степени, лишения ученой степени, отказа в лишении ученой степени, а также оказания услуг написания диссертаций «на заказ» и могут быть условно названы «диссертационными спорами». **Цель:** охарактеризовать и научно оценить применение Положения о присуждении ученых степеней 2013 г. судами при рассмотрении различных споров. **Методы:** использовались общенаучные методы формальной и диалектической логики, а также формально-догматический, герменевтический как специально-юридические методы научного познания. **Результаты:** сделан вывод о том, что чаще всего Положение о присуждении ученых степеней использовалось судами при рассмотрении административных споров об оспаривании решений о лишении ученых степеней / об отказе в лишении ученых степеней; при отсутствии формальных нарушений процедуры принятия решения о лишении ученой степени / об отказе в лишении ученой степени суды отказывают в удовлетворении административных исков, не проверяя содержательных оснований самих решений; суды поддерживают решения уполномоченного органа об отказе в присуждении ученой степени и выдаче диплома доктора/кандидата наук при наличии формальных оснований для таких отказов; в гражданско-правовых спорах об оказании услуг по написанию диссертаций суды квалифицируют такие услуги как незаконные, противоречащие основам правопорядка и нравственности.

Ключевые слова: Положение о присуждении ученых степеней; диссертационные споры; лишение ученых степеней; отказ в лишении ученых степеней; оспаривание решений государственных органов; аттестация научных кадров.

«DISSERTATIONAL» DISPUTES IN JUDICIAL PRACTICE: MARKING THE 10TH ANNIVERSARY OF THE REGULATIONS ON AWARDING ACADEMIC DEGREES

O.A. Kuznetsova

Perm State University,

Russia Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Introduction: The article is devoted to an attempt to systematize and theoretically analyze disputes arising in connection with the application of the Regulations on Awarding Academic Degrees which entered into force on January 1, 2014. These disputes relate to assigning the advisor for the preparation of the dissertation, its actual development and discussion, preliminary approval and defense of the dissertation, awarding of the academic degree, refusal to award an academic degree, deprivation of an academic degree, refusal to deprive of an academic degree, as well as the provision of services for the «outsourced» writing of dissertations, and can be conditionally called «dissertational disputes». **Purpose:** to characterize and scientifically evaluate the application of the Regulations on Awarding Academic Degrees by courts in the consideration of various disputes in 2013. **Methods:** general scientific methods of formal and dialectical logic, as well as formal dogmatic and hermeneutic methods as special legal methods of scientific cognition were used. **Results:** it is concluded that the Regulations on Awarding Academic Degrees were most often used by the courts when considering administrative disputes on challenging decisions on deprivation of academic degrees / on refusal to deprive of academic degrees; in the absence of formal violations of the decision-making procedure on deprivation of an academic degree / on refusal to deprive of an academic degree, the courts refuse to satisfy administrative claims without checking the substantive grounds of the decisions; the courts support the authorized bodies' decisions on the refusal to award an academic degree and the issuance of a doctorate/candidate diploma if there are formal grounds for such refusals; in civil law disputes on the provision of services on writing a dissertation, the courts classify such services as illegal and contradicting the fundamentals of law order and morality.

Keywords: Regulations on Awarding Academic Degrees; dissertational disputes; deprivation of academic degrees; refusal to deprive of academic degrees; challenging decisions of state bodies; certification of scientific personne.

Введение

Содержательные и организационные процедуры и процессы, складывающиеся вокруг подготовки, выполнения, экспертизы, предзащиты, защиты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, присуждения, восстановления и лишения ученых степеней, давно сформировали особую сферу общественных отношений, а ее правовое оформление, регламентация и регулирование даже получили название «диссертационное право» [3]. В объективном смысле под ним понимается совокупность разноотраслевых правовых норм, опосредующих разного рода и разной направленности «диссертационные» отношения. И, как и в любой сфере правоотношений, здесь возникают и свои собственные предметные юридические конфликты, которые условно можно назвать «диссертационными» спорами.

1 января 2024 г. исполнилось 10 лет с момента вступления в юридическую силу действующего Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Правительством РФ в сентябре 2013 г.¹ За указанный период этот нормативный правовой акт нередко становился предметом критики со стороны научного сообщества [2, 5, 6, 10, 14, 16, 17] и неоднократно подвергался изменениям со стороны нормотворца, в том числе концептуального характера. При этом накопился некоторый опыт не только действия этого нормативного правового акта, но и его правоприменения судами, который нуждается в научном анализе и оценке как в ретроспективном, так и в перспективном ключе.

Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ о Положении о присуждении ученых степеней

Прежде всего обратимся к конституционному судопроизводству, касающемуся действия Положения о присуждении ученых степеней. В Конституционном Суде РФ оспаривался абз. 4 п. 22 Положения, устанавливающий, что по диссертации на соискание ученой степени оппонентами не могут быть министр науки и высшего образования Российской Федерации, государственные (муниципальные) служащие, выполняющие работу, которая влечет за собой конфликт интересов, способных повлиять на принимаемые решения по вопросам государственной научной аттестации, члены Комиссии, члены экспертных советов, члены диссертационного совета, принявшего диссертацию к защите, научные руководители (научные консультанты) соискателя

¹ Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 26.09.2022) «О порядке присуждения ученых степеней» // СЗ РФ. 2013. № 40 (ч. 3). Ст. 5074.

ученой степени, соавторы соискателя ученой степени по опубликованным работам по теме диссертации, а также работники (в том числе работающие по совместительству) организаций, где выполнялась диссертация или работает соискатель ученой степени, его научный руководитель или научный консультант, а также где ведутся научно-исследовательские работы, по которым соискатель ученой степени является руководителем или работником организации-заказчика или исполнителем (соисполнителем); оппоненты должны являться работниками разных организаций в случае осуществления ими трудовой деятельности. Поводом к подаче заявления в КС РФ явилась отмена Минобрнауки России решения диссертационного совета о присуждении заявительнице степени кандидата юридических наук на том основании, что оппонентом по диссертации заявительницы на соискание ученой степени кандидата юридических наук выступила гражданка, которая работала в организации, где по совместительству был трудоустроен научный руководитель заявительницы.

Конституционный Суд РФ не нашел оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению, указав, что «установленный Положением о присуждении ученых степеней запрет назначения в качестве оппонента работника организации, в которой работает (как по основному месту работы, так и по совместительству) научный руководитель соискателя (абзац четвертый пункта 22), обеспечивает независимую и беспристрастную оценку диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, что согласуется с ее сущностью как научно-квалификационной работы»¹.

Кроме того, Конституционный Суд РФ обращался к Положению о присуждении ученых степеней при оспаривании конституционности иных правовых актов: Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике»² и ранее действовавшего Положения о порядке присуждения ученых степеней (2002 г.)³.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 31 марта 2022 г. № 528-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бадло Марины Сергеевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 22 Положения о присуждении ученых степеней». Не опубликовано. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Конституционного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 1550-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Армения Рафаеляна Арменака Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 2 и 3 статьи 6.2 Федерального закона “О науке и государственной научно-технической политике”». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2013 г. № 2026-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Федоренко Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 41 Положения о порядке присуждения ученых степеней». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В Верховном Суде РФ был успешно оспорен абз. 2 п. 4 Положения, которым было установлено, что к защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, кандидата наук по медицинским наукам допускаются лица, имеющие высшее медицинское образование, подтвержденное дипломом специалиста или магистра, по ветеринарным наукам — лица, имеющие высшее ветеринарное образование, подтвержденное дипломом специалиста или магистра, по юридическим наукам — лица, имеющие высшее юридическое образование, подтвержденное дипломом специалиста или магистра. ВС РФ постановил, что указанное правоположение не соответствует федеральному законодательству и необоснованно ограничивает права соискателей ученой степени доктора наук, имеющих ученую степень кандидата юридических наук¹. Впоследствии оспариваемый абзац Положения был признан утратившим силу².

Споры об оспаривании решений о лишении ученых степеней / об отказе в лишении ученых степеней

Положение о присуждении ученых степеней применялось судами прежде всего при рассмотрении споров об оспаривании ненормативных актов уполномоченных органов о лишении ученых степеней / об отказе в лишении ученых степеней. В подавляющем большинстве случаев заявления о лишении ученых степеней подавались заинтересованными лицами [9] по мотиву наличия в защищенных диссертациях некорректных заимствований без ссылок на автора и (или) источник заимствования, т.е. по причине плагиата. Некорректные заимствования обоснованно считаются одним из грубейших нарушений в «диссертационном праве» [4, 12, 15]. Уполномоченными субъектами по итогам рассмотрения таких заявлений при подтверждении фактов плагиата принимались решения о лишении ученых степеней.

Заметим, что авторы диссертаций оспаривали в суде подобные решения, ссылаясь чаще всего на процедурные, формальные нарушения рассмотрения заявлений о лишении степени. К примеру, Ю.Х.Б. обратился в суд к ФГБОУ «Российский государственный университет нефти и газа» с иском об оспаривании решения диссертационного совета о лишении его ученой степени доктора технических наук, указы-

¹ Решение Верховного Суда РФ от 21 апреля 2014 г. № АКПИ14-115 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 6 (Определением Верховного Суда РФ от 28 августа 2014 г. № АПЛ14-337 данное решение оставлено без изменения). См. об этом споре: [11].

² Постановление Правительства РФ от 21 апреля 2016 г. № 335 (ред. от 26.09.2022) «О внесении изменений в Положение о присуждении ученых степеней» (п. 2) // СЗ РФ. 2016. № 18. Ст. 2629.

вая на нарушение двухмесячного срока представления университетом заключения диссертационного совета в Минобрнауки России и на отсутствие уведомления его университетом о поступлении заявления о лишении его ученой степени¹. З. оспаривал приказ Министерства образования и науки РФ о лишении его ученой степени кандидата наук в связи с отсутствием извещения его о дате проведения заседания Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ². Суды, как правило, не находили подтверждения доводам административных истцов о нарушении процедуры принятия решения о лишении ученой степени. Однако заметим, что у диссертационных советов и экспертных советов ВАК Минобрнауки России имеются известные сложности с розыском авторов диссертаций и других лиц, участвовавших в защите, их места жительства и работы с целью извещения о поступлении и рассмотрении заявления о лишении ученой степени [1].

Лица, лишенные ученых степеней, оспаривали соответствующие решения по причине нарушения шестимесячного срока принятия такого решения, предусмотренного п. 76 Положения о присуждении ученых степеней, считая подобный срок пресекательным. Суды, установившие отсутствие факта продления указанного срока в установленном порядке, считают, что это нарушение «не является безусловным основанием» для отмены приказа о лишении ученой степени: «принятие Минобрнауки России по существу верного и обоснованного решения о лишении Горшковой Е.Е. ученой степени после истечения установленного пунктом 76 Положения срока не может быть положено в основу вывода о незаконности Приказа в отсутствие иных нарушений»³.

В этом деле представляет интерес и обоснование Верховным Судом РФ того, что установленные в Положении о присуждении ученых степеней сроки принятия решений не являются пресекательными: «Несмотря на отсутствие закрепленного законодателем понятия пресекательного срока, таковым признается срок, истечение которого делает невозможным признание поведения правомерным, а именно: срок в случае нормативного закрепления невозможности его восстановления (например, ч. 7 ст. 240 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации), срок, истечением которого в силу закона

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 16 февраля 2016 г. по делу № 33-4630/2016. Доступ из СПС«КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Московского городского суда от 14 февраля 2017 г. по делу № 33а-1236/2017. Доступ из СПС«КонсультантПлюс».

³ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 29 июня 2020 г. № 33а-8911/2020 по делу № 2а-7916/2019. Доступ из СПС«КонсультантПлюс».

прекращается материальное право (например, пункт 4 статьи 1137 Гражданского кодекса Российской Федерации), если указывается конкретная дата (или период) совершения действия, влекущего правовые последствия (часть 4 статьи 6.3 Федерального закона от 17 июля 1999 года № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», пункт 4 статьи 51.1 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе») или последствия истечения срока (часть 1 статьи 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

Однако законодательство, регламентирующее вопросы лишения ученой степени, не устанавливает последствия несоблюдения предусмотренного пунктом 76 Положения срока и не содержит указания на то, что он является пресекательным.

Более того, аналогичные нормы, предусматривающие принятие решения не позднее шести (четырех или трех) месяцев, содержатся в пунктах 52 (решение о выдаче диплома доктора наук, кандидата наук), 62 (решение по апелляции) и 85 (решение о восстановлении или об отказе в восстановлении ученой степени) Положения, что свидетельствует о том, что указанный срок носит исключительно организационный характер, является процедурным и его нарушение, как не затрагивающее существо принятого решения, не является основанием для признания принятых в соответствии с перечисленными пунктами, включая пункт 76 Положения, решений незаконными, так как его истечение не исключает принятие решения»¹.

Аналогичный подход судов можно увидеть и при оспаривании решений об отказе в присуждении ученой степени, принятых за пределами предусмотренного Положением о присуждении ученых степеней девятимесячного срока². Суды не считают такое нарушение существенным и затрагивающим права заявителей.

Рассматривая споры о признании решений о лишении ученой степени недействительными, суды были вынуждены оценивать и доводы об отсутствии в диссертациях истцов некорректных заимствований. К примеру, Р.С.Н. обратился с административным иском к Министерству образования и науки РФ о признании незаконным приказа о лишении ученой степени доктора юридических наук, восстановлении ученой степени доктора юридических наук, признании действительным диплома доктора наук, поскольку заключение министерства

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 14 июля 2021 г. № 78-КАД21-8-К3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Красноярского краевого суда от 2 июня 2017 г. № 4Га-1395/2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

«о наличии в его диссертационной работе плагиата бездоказательно и немотивированно». Суд со ссылкой на п. 14 Положения о присуждении ученых степеней, в котором предусмотрено, что в диссертации соискатель ученой степени обязан сослаться на автора и (или) источник заимствования материалов или отдельных результатов, и установив, что соискатель этого не сделал, отказал в удовлетворении иска¹. При этом в научной литературе обоснованно сделан вывод, что в целом «суды воздерживаются от содержательной оценки научных работ, а также решений экспертных органов, принимаемых в рамках процедуры лишения ученой степени» [13, с. 44].

В спорах об оспаривании приказов о лишении ученых степеней важным представляется и вывод судов о том, что такие решения не связаны решениями иных субъектов, в частности заключениями экспертных советов и рекомендациями ВАК, которые представляются в министерство².

Авторы диссертаций оспаривали решения о лишении ученой степени, принятые и по другим, не связанным с некорректными заимствованиями, причинам. К примеру, Д. оспаривала приказ Минобрнауки России о лишении ее степени доктора экономических наук, который состоялся в связи с установлением «несоответствия количества указанных Д. в автореферате диссертации публикаций в научных рецензируемых изданиях их фактическому количеству, сокрытия соавторства в отношении трех публикаций, искусственного увеличения количества “ваковских публикаций” посредством представления одной статьи под видом двух самостоятельных, искажения сведений о названиях двух публикаций»³. Суд в удовлетворении иска отказал.

Следует заметить, что решения министерства об отказе в лишении ученой степени оспаривались и лицами, подававшими заявление о лишении степени. К примеру, З. обратился в суд с административным иском к Министерству образования и науки РФ, Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки РФ о признании незаконными рекомендации президиума Выс-

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 10 октября 2016 г. по делу № 33а-35612/2016. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Московского городского суда от 2 июля 2019 г. № 33а-3225/2019 (Определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 31 января 2020 г. № 88а-1437/2020 данное Определение оставлено без изменения). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». См. также Апелляционное определение Московского городского суда от 22 ноября 2019 г. № 33а-8124/2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Апелляционное определение Московского городского суда от 8 сентября 2020 г. по делу № 33а-3190/2020 (Определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 3 февраля 2021 г. № 88а-241/2021 данное Определение оставлено без изменения). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

шей аттестационной комиссии и приказа министерства об отказе в лишении ученой степени кандидата наук Л. и просил суд обязать административных ответчиков устранить допущенные нарушения и возобновить процедуру рассмотрения заявления о лишении Л. ученой степени кандидата экономических наук, считая, что приказ и рекомендация не соответствуют правовым актам, регулирующим отношения в сфере государственной системы аттестации, приняты вопреки целям создания государственной системы аттестации. Суд установил, что оспариваемые решения соответствуют требованиям законодательства, прав административного истца не нарушают, приняты президиумом ВАК и Министерством образования и науки РФ без нарушения процедуры, в пределах предоставленных полномочий, и указал, что «суд не осуществляет проверку целесообразности оспариваемых решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, принимаемых, совершаемых ими в пределах своего усмотрения в соответствии с компетенцией, предоставленной законом или иным нормативным правовым актом» (п. 62 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»)¹.

В судебной практике применения Положения о присуждении ученых степеней встречались и споры об «оспаривании диссертации» по причине наличия в ней существенных ошибок, снижающих ее научную значимость и свидетельствующих о неправомерном присуждении ответчику ученой степени. Отказывая в удовлетворении подобных требований, суды исходили из того, что вопрос о проверке научной ценности диссертации и правомерности присуждения ученой степени подлежит рассмотрению путем обращения в Высшую аттестационную комиссию с заявлением о лишении ученой степени с возможностью последующего оспаривания принятого комиссией решения в суде².

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 24 сентября 2018 г. по делу № 33а-5279/2018. См. также аналогичные споры и решения: апелляционные определения Московского городского суда от 18 декабря 2018 г. по делу № 33а-9654/2018; от 24 октября 2019 г. по делу № 33а-7304/2019 (Определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27 мая 2020 г. по делу № 88а-13176/2020 данное Определение оставлено без изменения). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Московского городского суда от 16 июля 2015 г. по делу № 33-25035/15. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Споры об оспаривании решений об отмене решения о присуждении ученой степени и об отказе в выдаче диплома доктора/кандидата наук

Оспаривались в судах и решения Минобрнауки России об отмене решения о присуждении ученой степени и об отказе в выдаче диплома доктора/кандидата наук. Так, Н.З.В. обратился в суд с административным иском об оспаривании приказа Министерства образования и науки РФ об отмене решения о присуждении ему ученой степени доктора технических наук и об отказе в выдаче диплома. Суд, установив наличие нарушения порядка проведения заседания диссертационного совета (председателем и ученым секретарем на заседании диссертационного совета являлись иные лица, чем утверждены приказом Минобрнауки России) и сославшись на п. 39 Положения о присуждении ученых степеней, отказал в удовлетворении требований¹.

В другом деле обжаловалось аналогичное решение министерства, которое было принято в связи с тем, что основное содержание научной специальности диссертации соискателя не соответствовало той, по которой диссертационный совет имел право принимать к защите диссертации, что нарушило п. 20 Положения о присуждении ученых степеней².

Приведем еще один пример оспаривания решения Минобрнауки России об отказе в присуждении ученой степени и в выдаче диплома кандидата наук, принятого в связи с назначением официальным оппонентом лица, работающего в организации, где работает научный руководитель соискателя. Б.М. обратилась с административным иском, просила признать решение министерства незаконным, указывая «на отсутствие конфликта интересов между ее научным руководителем и оппонентом по диссертации». Суд отказал в удовлетворении иска, подчеркнув, что п. 22 Положения о присуждении ученых степеней «прямо предусмотрено, что оппонентами не могут быть работники организаций, где работает научный руководитель соискателя; это обусловлено необходимостью проведения всесторонней независимой экспертизы диссертации при обеспечении участия широкого круга квалифицированных представителей научного и научно-педагогического сообщества; вместе с тем указанное нарушение объективно установлено в ходе судебного разбирательства; толкование данной нормы равнозначно как между работой оппонента по совместительству

¹ Определение Московского городского суда от 15 мая 2017 г. № 4га-5725/2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Московского городского суда от 6 июня 2017 г. по делу № 33а-3656/2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

в одной организации с научным руководителем, так и между работой научного руководителя по совместительству в одной организации с оппонентом»¹.

Споры об оспаривании отказов в выдаче положительных заключений на диссертации, отказов в принятии диссертаций к предварительному рассмотрению и защите, отказов в прикреплении в качестве соискателя

Авторы подготовленных рукописей диссертаций оспаривали в суде и отказы в выдаче положительных заключений на диссертации, и отказы диссертационных советов в принятии диссертаций к предварительному рассмотрению и защите. Так, истец обратился в суд с иском к ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» с иском о признании незаконным отказа в приеме к защите его докторской диссертации. Отказ был мотивирован отсутствием в пакете представленных документов положительного заключения организации, в которой выполнялась диссертация, и отзыва научного консультанта. Суд отказал в удовлетворении искового заявления со ссылкой на п. 18 Положения о присуждении ученых степеней, предусматривающий перечень обязательных документов, необходимых для принятия диссертации диссертационным советом². В другом деле истица обратилась в суд с иском к ответчику — Федеральному государственному бюджетному образовательному учреждению высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» с требованием о расторжении договора возмездного оказания образовательных услуг, взыскании денежных средств, уплаченных по договору, неустойки, компенсации морального вреда по причине невыдачи ей заключения о ее докторской диссертации, предусмотренного п. 16 Положения о присуждении ученых степеней³. Суд, отказывая в иске,

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 24 сентября 2020 г. по делу № 33а-3792/2020 (Кассационным определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17 мая 2021 г. № 88а-9592/2021 данное Определение оставлено без изменения). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Московского городского суда от 26 января 2016 г. по делу № 33-2726/2016 (Определением Московского городского суда от 8 июня 2016 г. № 4г-298/2016 отказано в передаче дела № 33-2726/2016 в президиум Московского городского суда для пересмотра в порядке кассационного производства данного Апелляционного определения). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Апелляционное определение Московского городского суда от 14 августа 2018 г. на решение Савеловского районного суда г. Москвы от 14 марта 2018 г. См. также: Определение Приморского краевого суда от 16 сентября 2014 г. по делу № 33-8191; Апелляци-

подтвердил отсутствие обязанности организации, в которой выполнялась диссертация, выдавать положительное заключение о диссертации при отсутствии оснований для этого.

Встречаются в судебной практике и споры об оспаривании отказов в прикреплении в качестве соискателей ученых степеней. Г. обратилась в суд с иском к Федеральному государственному бюджетному образовательному учреждению высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» с требованием признать незаконным отказ в прикреплении ее в качестве соискателя к кафедре гражданского права, полагая отказ ответчика «мотивированным надуманными основаниями». Суд указал, что оспаривание решений такого рода возможно лишь по мотивам нарушения процедуры их принятия, ответчиком не допущено нарушений процедуры принятия решения об отказе в прикреплении истца в качестве соискателя ученой степени, а «само по себе несогласие истца с указанным решением не означает, что при рассмотрении заявления истца допущены нарушения процедуры»¹.

Споры, связанные с оказанием услуг по подготовке диссертаций «на заказ»

В судах стали появляться и споры, связанные с функционированием рынка подготовки диссертационных рукописей «на заказ» и оказанием соответствующих услуг.

Так, Т. обратился в суд с исковым заявлением к ООО «Совет» о расторжении договора, взыскании денежных средств, ссылаясь на нарушение своих прав на получение качественных услуг по заключенному между сторонами договору, предусматривающему предоставление ему научно-исследовательской разработки по предложенной им теме. Некачественность услуги истец обосновал тем, что «написанный ответчиком труд (часть первая) не имеет системного подхода в изложении материала, элементов научной новизны, обоснованность темы слабая, имеются смысловые погрешности, работа сырая, слишком простая и не заслуживает внимания», часть вторая работы вообще не была представлена. Суд первой инстанции, применив Закон «О защите прав потребителей», удовлетворил иск частично, в том числе взыскал предусмотренные указанным Законом неустойку и штраф. Однако апелляционная инстанция заняла совершенно иную

онное определение Санкт-Петербургского городского суда от 29 сентября 2020 г. № 33-18378/2020 по делу № 2-21/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 20 февраля 2019 г. по делу № 33-7265/2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

позицию, установив, что предметом заключенного между сторонами договора было написание диссертации на соискание ученой степени по политологии по обозначенной заказчиком теме «Теоретико-методологические основания исследования политической элиты в процессе институализации (институционализация)». Суд обратил внимание, что п. 16 Положения о присуждении ученых степеней требует личного участия соискателя ученой степени в получении результатов, изложенных в диссертации, степень достоверности результатов, проведенных соискателем ученой степени исследований, их новизну и практическую значимость, ценность научных работ соискателя ученой степени, а также соответствие диссертации требованиям, установленным п. 14 Положения. При этом Закон о защите прав потребителей не имеет целью «восстановление прав лиц на написание ему научного труда по заказу». Суд квалифицировал состоявшийся между сторонами договор как ничтожную сделку, совершенную с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ), и по *собственной инициативе* применил последствия недействительности такой сделки, посчитав, что это необходимо для защиты публичных интересов (п. 4 ст. 166 ГК РФ)¹.

Отдельный интерес представляют случаи применения судами Положения о присуждении ученых степеней при рассмотрении споров, связанных с незаконной рекламой рассматриваемых услуг. Прокурор, действующий в интересах неопределенного круга лиц, обратился в суд с административным иском к Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций о признании информации, размещенной в сети «Интернет», запрещенной к распространению на территории Российской Федерации, мотивируя свои требования тем, что на указанном ресурсе размещена информация, позволяющая приобрести готовые научные работы (выпускные квалификационные работы, диссертации, курсовые и т.д.), и считая, что указанная информация не может свободно распространяться на территории РФ и должна быть признана информацией, распространение которой запрещено. Суд, сославшись в том числе на легальные понятия диссертаций на соискание ученых степеней доктора/кандидата наук, содержащиеся в п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, указал, что действующими нормами права «предусмотрен запрет на распространение информации, связанной с подготовкой и написанием выпускных квалификационных работ, научных докладов и т.д., распространение вышеуказанной информа-

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 24 августа 2020 г. по делу № 33-30542/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ции противоречит целям и задачам действующего законодательства и подрывает основы конституционного строя РФ»¹. Иск прокурора был удовлетворен.

Заключение

Десятилетний период действия Положения о присуждении ученых степеней позволяет подвести некоторые итоги его правоприменения. Ссылки судов на рассматриваемый нормативный правовой акт содержатся в десятках судебных актах. Большинство судебных споров, связанных с Положением о присуждении ученых степеней, касается оспаривания решений о лишении ученых степеней / об отказе в лишении ученых степеней. Суды, как правило, избегают проверки оснований, по которым было подано в Минобрнауки заявление о лишении ученой степени и на основании которых впоследствии было принято оспариваемое решение. Суды проверяют полномочия лица, принявшего данное решение, и соблюдение установленной процедуры принятия решения. При отсутствии формальных нарушений процедуры принятия решения о лишении ученой степени / об отказе в лишении ученой степени суды отказывают в удовлетворении соответствующих административных исков. Суды поддерживают и решения уполномоченного органа об отказе в присуждении ученой степени и выдаче диплома доктора/кандидата наук при установлении наличия формальных оснований для таких отказов. Самостоятельная категория споров по применению Положения о присуждении ученых степеней связана с оказанием услуг по написанию диссертационных работ «на заказ», которые суды квалифицируют как незаконные, противоречащие основам правопорядка и нравственности: договоры об оказании данных услуг признают ничтожными, а рекламу таких услуг — незаконной.

Библиографический список

1. *Бавсун М.В., Бавсун И.Г.* Проблемы разрешения споров о лишении ученой степени кандидата, доктора наук (по материалам судебной практики) // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 3 (89). С. 336—341.
2. *Бекин А.В., Збарацкий Б.А.* Проблемы реализации принципов гласности и доступности в системе аттестации научных кадров Рос-

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 26 августа 2019 г. по делу № 33а-4773/2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

сийской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 11–22. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.011-022.

3. *Гаврилов Э.П.* Авторское право и «диссертационное право» // Патенты и лицензии. 2018. № 12. С. 9–15.

4. *Гельфанд М.С.* Недобросовестные заимствования в диссертационных работах // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 3. С. 160–181.

5. *Зенин С.С., Бекин А.В., Збарацкий Б.А.* Отдельные проблемы реализации принципов гласности и доступности в системе аттестации научных кадров Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 2. С. 11–15.

6. *Кокотова Д.А.* Криминологическая экспертиза пунктов 19, 34, 38, 51.1 Положения «О присуждении ученых степеней» // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 1 (115). С. 35–41.

7. *Куликова Т.Б., Демашова Ю.А.* Темпоральные границы действия законодательства об образовании // Юридическое образование и наука. 2015. № 3. С. 28–31.

8. *Осинов М.Ю.* К вопросу о совершенствовании правового регулирования процесса присуждения ученых степеней // Наука и образование в условиях глобальных вызовов: сборник статей в 2 т. по итогам Пятого профессорского форума. М.: Общероссийская общественная организация «Российское профессорское собрание», 2023. Т. 1. С. 8–12.

9. *Прудентов Р.В.* Общественный контроль как инструмент противодействия коррупции // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 10. С. 37–42.

10. *Рыбаков О.Ю., Ростова О.С.* О новеллах в порядке присуждения ученых степеней в Российской Федерации // Юридическое образование и наука. 2014. № 1. С. 25–28.

11. *Салищева Н.Г.* О судебном контроле за законностью в деятельности органов исполнительной власти // Административное право и процесс. 2017. № 6. С. 5–12.

12. *Теймуров Э.С.* Правовое регулирование противодействия неправомерным заимствованиям в процедурах государственной научной аттестации // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 4. С. 182–193.

13. *Тимошина Е.В., Краевский А.А.* Государственная система научной аттестации в зеркале судебной практики: оспаривание решений о лишении ученой степени // Юридическое образование и наука. 2023. № 8. С. 44–53.

14. *Шарый Л.Д., Тарасенко О.Ю.* К вопросу об актуальности внесения изменений в положение о порядке присуждения ученых степеней в Российской Федерации // Вестник Национального института бизнеса. 2019. № 36. С. 122–133.

15. Шелепина Е.А. Плагиат в диссертациях: современное состояние и тенденции правового регулирования // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 1 (25). С. 71–75.

16. Якушев А.Н. Показатели научных результатов диссертаций, критерии, технология и показатели их оценки в России: нормативные пробелы действующего Положения // Юридическое образование и наука. 2014. № 3. С. 21–25.

17. Якушев А.Н., Климов А.Ю. Положение о присуждении ученых степеней в России (2013): пробелы и проблемы процедуры оценки диссертаций // Российский журнал правовых исследований. 2015. Т. 2. № 1 (2). С. 179–185.

References

1. Bavsun M.V., Bavsun I.G. *Problemy razresheniya sporov o lishenii uchenoj stepeni kandidata, doktora nauk (po materialam sudebnoj praktiki)* [Problems of Dispute Resolution on the Deprivation of the Academic Degree of the Candidate, Doctor of Sciences (Based on the Materials of Judicial Practice)]. *Akademicheskij juridicheskij zhurnal* – Academic Law Journal. 2022. Vol. 23. Issue 3. Pp. 336–341. (In Russ.)

2. Bekin A.V., Zbaratskiy B.A. *Problemy realizacii principov glasnosti i dostupnosti v sisteme attestacii nauchnyh kadrov Rossijskoj Federacii* [Problems of Implementation of Principles of Transparency and Accessibility in the System of Scientific Personnel Certification in the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* – Current Problems of Russian Law. 2021. Issue 4. Pp. 11–22. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.011-022. (In Russ.)

3. Gavrilov E.P. *Avtorskoe pravo i «dissertacionnoe pravo»* [Copyright and «Dissertation Law»]. *Patenty i licenzii* – Patents and Licenses. 2018. Issue 12. Pp. 9–15. (In Russ.)

4. Gelfand M.S. *Nedobrosovestnye zaimstvovaniya v dissertacionnyh rabotah* [Plagiarism in Dissertations]. *Obrazovanie i nauka* – Education and Science. 2018. Vol. 20. Issue. 3. Pp. 160–181. (In Russ.)

5. Zenin S.S., Bekin A.V., Zbaratskiy B.A. *Otdel'nye problemy realizacii principov glasnosti i dostupnosti v sisteme attestacii nauchnyh kadrov Rossijskoj Federacii* [Some Issues of the Implementation of Publicity and Availability Principles in the System of Performance Review of Academic Personnel in the Russian Federation]. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie* – State Power and Local Self-Government. 2021. Issue 2. Pp. 11–15. (In Russ.)

6. Kokotova D.A. *Kriminologicheskaya ekspertiza punktov 19, 34, 38, 51.1 Polozheniya «O prisuzhdenii uchenyh stepeney»* [Criminological Expertise of Paragraphs 19, 34, 38, 51.1 of the Regulations «On Awarding Scientific

Degrees»]. *Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka* – Russian Law: Education, Practice, Science. 2020. Issue 1 (115). Pp. 35–41. (In Russ.)

7. Kulikova T.Ya., Demashova Yu.A. *Temporal'nye granicy dejstviya zakonodatel'stva ob obrazovanii* [Temporal Borders of Operation of the Legislation on Education]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka* – Legal Education and Science. 2015. Issue. 3. Pp. 28–31. (In Russ.)

8. Osipov M.Y. *K voprosu o sovershenstvovanii pravovogo regulirovaniya processa prisuzhdeniya uchenyh stepeney* [On the Issue of Improving the Legal Regulation of the Process of Awarding Academic Degrees]. *Nauka i obrazovanie v usloviyah global'nyh vyzovov: sbornik statej v 2 tomah po itogam Pyatogo professorskogo foruma* [Science and education in the context of global challenges. A collection of articles in 2 volumes based on the results of the Fifth Professorial Forum]. Moscow, 2023. Vol. 1. Pp. 8–12. (In Russ.)

9. Prudentov R.V. *Obshchestvennyj kontrol' kak instrument protivodejstviya korrupcii* [Public Control as an Instrument for Preventing Corruption]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* – Constitutional and Municipal Law. 2016. Issue 10. Pp. 37–42. (In Russ.)

10. Rybakov O.Yu., Rostova O.S. *O novellah v poryadke prisuzhdeniya uchenyh stepeney v Rossijskoj Federacii* [About Innovations in the Awarding Degrees Procedure in the Russian Federation]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka* – Legal Education and Science. 2014. Issue 1. Pp. 25–28. (In Russ.)

11. Salischeva N.G. *O sudebnom kontrole za zakonnost'yu v deyatel'nosti organov ispolnitel'noj vlasti* [On Judicial Control over Legitimacy of Activity of the Executive Authorities]. *Administrativnoe pravo i process* – Administrative Law and Process. 2017. Issue 6. Pp. 5–12. (In Russ.)

12. Teymurov E.S. *Pravovoe regulirovanie protivodejstviya nepravomernym zaimstvovaniyam v procedurah gosudarstvennoj nauchnoj attestacii* [Legal Regulation of Plagiarism Counteraction in the State Scientific Certification Procedures]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* – Current Problems of Russian Law. 2022. Issue 4. Pp. 182–193. (In Russ.)

13. Timoshina E.V., Kraevsky A.A. *Gosudarstvennaya sistema nauchnoj attestacii v zerkale sudebnoj praktiki: osparivanie reshenij o lishenii uchenoj stepeni* [The State System of Scientific Attestation Against the Background of the Judicial Practice: Challenging of Judgments on Revocation of an Academic Degree]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka* – Legal Education and Science. 2023. Issue 8. Pp. 44–53. (In Russ.)

14. Sharyj L.D., Tarasenko O.Yu. *K voprosu ob aktual'nosti vneseniya izmenenij v polozhenie o poryadke prisuzhdeniya uchenyh stepeney v Rossijskoj Federacii* [On the Issue of the Relevance of Amendments to the Regulation on the Procedure for Awarding Academic Degrees in the Russian Federation]. *Vestnik Nacional'nogo Instituta Biznesa* – Bulletin of the National Institute of Business. 2019. Issue 36. Pp. 122–133. (In Russ.)

15. *Shelepina E.A. Plagiat v dissertatsiyah: sovremennoe sostoyanie i tendentsii pravovogo regulirovaniya* [Plagiarism in Dissertations: Current State and Trends of the Legal Regulation]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* – Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. 2014. Issue 1 (25). Pp. 71–75. (In Russ.)

16. *Yakushev A.N. Pokazateli nauchnykh rezul'tatov dissertatsij, kriterii, tekhnologiya i pokazateli ih ocenki v Rossii: normativnye probely dejstvuyushchego Polozheniya* [Indexes of Scientific Results of Dissertations, Criteria, Technology and Indexes of Evaluation Thereof in Russia: Regulatory Lacunas of the Current Statute]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka* – Legal education and science. 2014. Issue 3. Pp. 21–25. (In Russ.)

17. *Yakushev A.N., Klimov A.Y. Polozhenie o prisuzhdenii uchenykh stepeney v Rossii (2013): probely i problemy procedury ocenki dissertatsij* [The Regulations on the Awarding of Scientific Degrees In Russia: Gaps and Problems of Evaluation Procedure of Theses (2013)]. *Rossijskij zhurnal pravovykh issledovanij* – Russian Journal of Legal Studies. 2015. Vol. 2. Issue 1 (2). Pp. 179–185. (In Russ.)

Информация об авторе:

О.А. Кузнецова

Доктор юридических наук, профессор кафедры
предпринимательского права, гражданского
и арбитражного процесса

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин

Пермский институт ФСИН России,

614012, Россия, г. Пермь, ул. Карпинского, д. 125.

ORCID: 0000-0001-6880-5604.

Researcher ID: D-1066-2016.

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540.

DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177.

DOI: 10.17072/1995-4190-2015-2-61-70.

DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.42.58.

Information about the author:**O.A. Kuznetsova**

Perm State University,

15 Bukireva st., Perm, 614068.

Russia Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,

125 Karpinskogo st., Perm, 614012, Russia.

ORCID: 0000-0001-6880-5604.

Researcher ID: D-1066-2016.

Articles in «Scopus»/«Web of Science»:

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540.

DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177.

DOI: 10.17072/1995-4190-2015-2-61-70.

DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.42.58.

УДК 004.8; 007.52; 34.06; 34.09; 378.1; 378.2

DOI: <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2024-6-6-111-127>

СОЗДАНИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА «НАУЧНЫЕ» ТЕКСТЫ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

А.А. Павлов

АО «Лаборатория Исполком»,
Казанский федеральный университет
E-mail: ask@ispolcom.ru

Введение: Развитие микропроцессоров и алгоритмов привело к созданию информационных нейросетей и технологий генерации текстов. Такие тексты могут создаваться с целью выполнить учебную задачу в ходе учебного процесса или создания результата научной деятельности. **Цель:** выявить возможности или подтвердить невозможность создания искусственно сгенерированного текста для учебных или научных целей. **Методы:** экспериментальное создание искусственного текста и его оценка. **Результаты:** созданный текст не отвечает требованиям к результатам научной деятельности. **Выводы:** искусственно генерируемые тексты практически не могут быть использованы в научной деятельности, однако могут быть использованы в учебном процессе.

Ключевые слова: искусственный интеллект; ИИ; автоматически созданные научные тексты; нейросети; качество научных текстов.

ARTIFICIALLY GENERATED «SCIENTIFIC» TEXTS: CURRENT STATUS AND FUTURE PERSPECTIVES

A. A. Pavlov

AO «Ispolcom Lab»,
Kazan Federal University
E-mail: ask@ispolcom.ru

Introduction: CPU and software progress has reached its level when advanced neuro networks and artificially generated text became available for users. Such texts could serve as a scientific activity result as well as used as a learning goals achievements proof. **Objective:** to confirm or reject a possibility of scientific usage or artificially generated text as well as for teaching purposes. **Research methods:**

experimental artificial «scientific» text creation and its review. Results: artificially generated text are not suitable for scientific purposes. Conclusions: artificially generated texts could be used in teaching.

Keywords: *artificial intelligence; AI; artificially generated scientific texts; neuro networks; scientific texts quality.*

Введение

Ни право, ни законодательство, обладающие имманентной потребностью в существовании в какой-либо объективной форме, не могут существовать без документов. Стремление к переходу в цифровую форму призвано всего лишь упростить работу с документированной информацией, и даже если в будущем *документарность* права и законодательства канет в Лету, их *документальность* сохранится.

Однако способы создания юридических документов претерпевают фундаментальные изменения буквально на наших глазах.

Использование технических помощников при создании документов, конечно же, не является новым. На протяжении веков основным последствием технического прогресса, повлиявшим на труды ученых-юристов, содержание и форму хранения законов и правовых актов, решения судов и других органов правоприменения, было книгопечатание, позволившее перейти от рукописной формы к типографскому повторению. Двадцатый век позволил осуществить качественный скачок в этой области, предоставив в распоряжение авторов и пользователей разнообразных документов средства их создания и воспроизведения, а также каталогизации библиотечных фондов.

В XXI в. мы уже редко посещаем залы традиционных библиотек и вовсе отказались от такого способа записи текста, как печатная машинка. Нам стали доступны направленные на облегчение процесса создания и воспроизведения текстов следующие средства:

- в области подбора и анализа источников исследования:
 - справочные правовые системы,
 - электронные библиотеки и каталоги,
 - частные и корпоративные сайты,
 - системы социального общения — социальные сети, каналы, телеконференции;
- в области создания текста:
 - персональный компьютер с принтером,
 - программное обеспечение для конвертации голоса в текст,
 - использование труда секретарей и стенографистов.

Но все эти технические новшества были призваны всего лишь облегчить труд человека, создающего силой своего мозга документы, не заменяя его творческий потенциал и принимаемые человеком разумные решения. Дальнейшее же развитие уровня техники создало искусственный интеллект (далее по тексту — ИИ), являющийся новым и крайне востребованным и изучаемым феноменом [3], а также поставило человечество перед этической и гуманистической экзистенциальной проблемой, ранее известной лишь из фантастических романов: неужели роботы способны обладать разновидностью разума и заменить или превзойти *homo sapiens*?

Помимо тривиальных достоинств ИИ, способного быть человеческим помощником в выполнении ранее не автоматизируемых задач, его появление несет в себе и очевидные риски утраты человеком своего уникального положения единственного подлинно разумного субъекта, обладающего, помимо всего прочего, еще и волей, а также способного к творчеству. Переходя от общего к частному, перед учеными-юристами возникает ряд утилитарных и прикладных вопросов организации научного процесса и процесса обучения, среди которых, по мнению автора настоящей статьи, наибольший интерес представляют следующие:

1. Возможно ли создание с помощью ИИ простых или сложных студенческих текстов, в том числе рефератов, эссе, курсовых и выпускных квалификационных работ? Как выявить вклад ИИ в такие тексты и как оценивать подобные тексты преподавателям?
2. Может ли ИИ создать научный текст, в том числе статью, результат научного исследования или диссертацию?
3. Если это невозможно сейчас, сможет ли он сделать это в будущем?
4. И если это возможно, как отличить тексты, созданные ИИ или с его помощью?

Об искусственном интеллекте и GPT

Изучение общественно-правовых последствий применения ИИ объективно сложно ввиду крайне низкого уровня абстракции этого явления и обилия технических аспектов, понимание которых, вероятно, в ближайшие годы станет составлять категорию общих знаний, как когда-то обыденными стали для нас, к примеру, сотовые телефоны, а впоследствии смартфоны и Интернет.

Легальная дефиниция ИИ приведена в ст. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года,

утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490¹. В соответствии с названной нормой ИИ — это «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека».

Приведенное определение нельзя признать удачным. Вне всяких сомнений, ИИ относится к техническим или технологическим решениям, однако отсылка к имитации умственной деятельности человека и получению сопоставимого с применением интеллектуального результата в большей степени призвана описать философские аспекты создания и функционирования ИИ, что делает приведенное определение в действительности малоприменимым в практической деятельности.

Основным назначением разнообразных систем ИИ является принятие решения, при этом автор настоящей статьи обращает внимание на то, что ни одна известная из уровня техники существующая или перспективная система ИИ не способна на произвольную постановку задач, не имеет функционала мотивации или эмоций, в связи с чем отсылка к когнитивным функциям человека представляется чрезмерной. Основным же отличием систем ИИ от известных со времен советской кибернетики заранее создаваемых алгоритмов, в соответствии с которыми функционирует и принимает заранее описанные решения электронно-вычислительная машина, является наличие неопределенности в таких решениях и их непредсказуемости.

Таким образом, с учетом непрерывного развития технологий ИИ в условиях взрывного роста уровня техники представляется более оправданным менее громоздкое определение этого явления, позволяющее для неспециалиста очевидно описать его функционал.

С учетом изложенного предлагается определить, что искусственным интеллектом является компьютерный алгоритм, направленный на принятие не определенных заранее решений.

Прообразы ИИ разрабатывались и были известны еще в Советском Союзе. Так, 15 ноября 1988 г. состоялся единственный орбитальный полет советского космического корабля многоразового использования «Буран», ставшего одним из первых реализованных проектов в области практического применения искусственного интеллекта. Это в наши дни дистанционное управление летательными аппаратами и даже выполнение ими автономных заданий стали обыденностью, а 35 лет

¹ СЗ РФ. 2019. Ст. 5700.

назад находящийся без связи с центром управления полетами во время снижения и прохождения плотных слоев атмосферы на чудовищных скоростях полета в плазме космический корабль должен был самостоятельно рассчитать траекторию снижения и захода и, не являясь самолетом и не будучи оборудованным двигателями для горизонтального полета, обеспечить полностью автономную посадку на подходящую взлетно-посадочную полосу [2, с. 81–82]. В ходе снижения, на высоте ориентировочно 20 километров «Буран» неожиданно заложил левый крен в 50 градусов и самостоятельно поменял траекторию и направление захода на посадку, поскольку посчитал, что обычный вектор движения не позволит погасить слишком высокую на момент принятия решения скорость, в результате чего посадка прошла практически идеально [2, с. 83].

Дальнейший прогресс систем ИИ полностью зависел от развития вычислительных мощностей компьютерной техники, увеличения скорости и сложности проводимых вычислений, т.е. от уровня техники. Так, созданные корпорацией «Intel» в конце XX в. микропроцессоры «Pentium», а спустя несколько лет и «Core Duo» [1] оказались прорывом и многократно увеличили количество проводимых одновременно вычислений, рост которых с появлением все новых микропроцессоров происходил экспоненциально.

Для неспециалиста рост вычислительной мощности можно представить себе следующим образом. Первоначальные микропроцессоры обладали способностью взять из ячейки памяти число 1 или 0 (компьютеры функционируют в двоичной системе), сравнить его с другой ячейкой или выдать результат — идентичное ли в ней число (правда) или другое (ложь). Именно по такому принципу были сконструированы использовавшиеся до использования магнитных носителей перфокарты, имевшие многочисленные отверстия для обозначения значений 1 или 0. Данный символ получил название «бит». В свою очередь для обозначения более сложных символов была создана восьмеричная система, в которой для обозначения одного знака, названного «байт» (буква, цифра, символ или пробел), используется последовательность из 8 бит. Например, байт «Z» обозначается как следующие 8 бит — «01011010», в то же время байт «z» обозначается уже по-другому — «01111010».

По мере своего развития процессоры научились складывать, а затем и, упрощенно говоря, перемножать огромные по своей длине последовательности символов (бит), а впоследствии и целые матрицы, которые можно представить себе в виде квадратов символов, могли быть перемножены по принципу «квадрат на квадрат». После возникновения особой категории микропроцессоров для видеокарт, приоритетом

которых была не скорость вычисления, а увеличение объема обрабатываемых данных, а также новые — тензорные вычисления, компьютеры научились, образно говоря, перемножать куб данных на другой куб данных. Интересно, что обычный процессор также способен перемножить и куб, и матрицу данных, однако для этого он сначала должен разложить их на линии и проводить операции с очень длинной последовательностью символов, а после завершения вычисления собрать матрицу или куб обратно. Очевидно, что подобные операции займут многократно больше времени, что делает новые «видеопроцессоры» незаменимыми при обработке действительно большого объема данных, например — видеопотока. И именно появление тензорных микропроцессоров позволило вплотную приблизиться к использованию ранее недоступных методов принятия автоматических решений.

Начиная с 2000-х годов возросший уровень техники позволил вернуться к кибернетическим идеям середины прошлого века ученых Норберта Винера, Фрэнка Розенблатта, Михаила Бонгарда и других об использовании математических моделей для изучения сложных биологических процессов путем использования нейронных связей человеческого мозга в качестве прообраза такой математической модели. Созданные по данной модели современные программы оказались способны к распознаванию изображений, глубокому анализу текста и их взаимной трансформации. Информационные или вычислительные нейросети оказались способны к самообучению путем анализа некоторого набора входных данных, именуемого *dataset*, что позволило создать новый класс программного обеспечения, названного системами машинного обучения или *machine learning systems*. Именно они позволили создать биометрический доступ через распознавание лица, голоса и других данных и сравнение их с хранящимися в системе, создать быстрые и эффективные поисковые системы.

Однако при всей замысловатости их технологии нейросети все-таки не были способны на обработку человеческих текстов и их создание. Иными словами, нейросети требовалось научить понимать и использовать человеческий язык.

В 2018 г. инженеры американской компании «OpenAI» опубликовали научную статью, где описали созданную ими технологию работы с адресованными алгоритму запросами, сформулированными на обычном человеческом языке, и технологию машинного обучения наиболее вероятному или верному ответу, которую авторы называли *Generative pre-training* (генеративное преобучение) или сокращенно *GPT* [5]. Описанная технология оказалась очень успешной и в течение последующих нескольких лет развилась настолько, что начиная с 2020 г. мир захлестнула волна публикаций искусственно сгенерированных

с помощью технологии *GPT* текстов под видом написанных человеком статей (еще пока совершенно не претендующих на научность). Например, 8 сентября 2020 г. в английской газете «Гардиан»¹ под заголовком «Робот полностью написал эту статью. Уже страшно тебе, Человек?» было опубликовано искусственно созданное машинным алгоритмом эссе, начинающееся со слов «I am not a human. I am a robot» («Я не человек. Я робот»).

Суть технологии *GPT* состоит в том, чтобы заранее обучить нейросеть огромному объему текстов для выявления не только правил конкретного языка, но и закономерностей составления слов, словосочетаний и предложений. Говоря упрощенно, *GPT*-нейросеть обучается тому, какая буква в зависимости от контекста должна следовать за буквой, а слово за словом. По своей сути *GPT* является комбинацией поисковой системы и системы распознавания текста. И чем больше система получает запросов и возвращает ответов, тем более глубоким является ее непрерывное обучение.

Однако *GPT*-нейросеть не является и не может являться экспертной, поскольку принцип ее функционирования состоит в построении языковой или лингвистической модели как при распознавании запроса, так и при формировании ответа. Это всего лишь очень хороший поисковик, который не создает новый текст в результате мыслительной деятельности, а конструирует текст из наиболее статистически популярных слов и предложений.

Таким образом, *GPT* в принципе не понимает и не осознает тот результат, который он показывает пользователю, и, конечно же, не несет никакой ответственности за его достоверность.

Еще в 1964 г. известный писатель-фантаст Станислав Лем, рассуждая, по сути, про искусственный интеллект, предсказал появление двух видов машин:

«первая — “обычная” цифровая машина той же сложности, что и человеческий мозг... Открыв ее, мы увидели бы огромное количество электрических цепей, соединенных в схемы, подобные нейронным сетям мозга»;

«второй тип машин... — увеличенный до размеров планеты (или космоса) Граммофон. В нем очень много, например сто триллионов, записанных ответов на всевозможные вопросы. Когда мы задаем вопрос, такая машина, конечно, ничего не понимает, но сама форма вопроса... приводит в действие пластинку или ленту с записанным ответом» [4].

¹ The Guardian. 2020. 8 сентября. URL: <https://www.theguardian.com/commentis-free/2020/sep/08/robot-wrote-this-article-gpt-3>.

Пугающе точно описана реальность писателем-фантастом: в первом примере приводится самое общее описание функционирования информационных нейросетей, а второй пример удивительно точно описывает языковой алгоритм *GPT*.

Исходя из его функциональных особенностей *GPT* сможет хорошо учить людей на основе тщательно подготовленного преподавателем материала, с ним можно вести достаточно детальный диалог, он может быть великолепным интерактивным интерфейсом, хорошим персональным ассистентом, особенно для решения нетривиальных задач. Например, попробуйте сейчас выстроить названия месяцев в алфавитном порядке — сколько вам на это потребуется времени? А *GPT* делает это мгновенно.

Эксперимент

Итак, простые и незамысловатые «бытовые» тексты *GPT* может создать не хуже, а то и лучше, чем человек. Проанализировав сотни тысяч резюме кандидатов, *GPT* с легкостью выберет наилучшие формулировки и составит очень выгодно смотрящийся текст по заданию пользователя. Вместе с тем именно пользователь должен будет сообщить *GPT* данные о себе и ожидаемых условиях работы.

Но насколько сложный учебный (эссе, реферат, курсовая или выпускная квалификационная работа) или научный (научная статья, отзыв, монография, кандидатская диссертация, докторская диссертация) текст может создать *GPT*? Для ответа на этот вопрос автор настоящей статьи воспользовался наиболее обученным из представленных на рынке подобных систем алгоритмом *ChatGPT* версии 4.0 от компании «OpenAI» и попробовал сконструировать текст научной частноправовой статьи путем формирования все более сложного и подробного запроса к алгоритму, на основе которого будет создан такой текст, который можно хотя бы попробовать представить для публикации. Учитывая приведенный выше способ работы алгоритма, искомая тема должна быть неоригинальной, часто встречаться в научных текстах и быть хорошо разработанной для того, чтобы *GPT* смог найти достаточное количество лингвистического материала для создания запрошенного результата. В качестве такой темы автором настоящей статьи была выбрана следующая: «Правовые последствия недобросовестного поведения лиц в гражданских правоотношениях».

Простейшие и общие вопросы к алгоритму (например, «*GPT*, напиши научную статью на заданную тему») не дали хоть сколько-нибудь приличного результата. Выдаваемый текст едва превышал один абзац и его содержание было лишено всякого смысла.

В результате последовательного увеличения размера запроса и его корректировки для создания статьи *GPT* потребовался текст следующего объема и содержания, внешне похожего на требуемый результат:

«Напиши научную статью по праву на тему “Правовые последствия недобросовестного поведения лиц в гражданских правоотношениях”. Статья должна состоять из аннотации, введения и основного текста. В статье должна быть обоснована актуальность исследования темы, для чего написана статья. В статье должны быть приведены ссылки на другие статьи или книги на тему недобросовестного поведения и злоупотребления правом. В статье должно содержаться: что такое недобросовестное поведение; чем отличается недобросовестное поведение от добросовестного; виды недобросовестного поведения; что такое злоупотребление правом и как оно соотносится с недобросовестным поведением; какие нормы ГК РФ и других федеральных законов определяют понятие добросовестного и недобросовестного поведения; какими нормами ГК РФ установлен запрет на недобросовестное поведение; в каких актах ВС РФ упоминается недобросовестное поведение или злоупотребление правом; предусмотренные законом последствия недобросовестного поведения или злоупотребления правом; виды гражданско-правовой ответственности лиц за недобросовестное поведение; способы защиты интересов лица от недобросовестного поведения и злоупотребления правом в Гражданском кодексе Российской Федерации; действия суда в случаях недобросовестного поведения стороны или злоупотребления правом на основании судебных актов ВС РФ; проанализировать Постановление Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 в части добросовестного и недобросовестного поведения сторон и последствий недобросовестного поведения сторон; основания недействительности сделок, совершенных недобросовестной стороной или со злоупотреблением правом; последствия недобросовестности действий одной стороны сделки; последствия недобросовестности действий обеих сторон сделки; понятие эстоппеля и его применение в качестве способа защиты от недобросовестного поведения стороны сделки; проблемы защиты интересов добросовестной стороны в гражданских правоотношениях».

В ответ на такой запрос *GPT* сгенерировал следующий текст с подстрочными ссылками:

«Гражданское законодательство основано на принципе добросовестности и разумного поведения участников гражданского оборота, в связи с чем недобросовестное поведение и злоупотребление правом являются важными проблемами в сфере гражданского права, которые встречаются во многих ситуациях, начиная от коммерческих сделок и заканчивая договорными отношениями между физическими лицами. На это указывают

в своих работах ряд исследователей, таких как Суханов Е.А.¹, Витрянский В.В.² и Брагинский М.И.³

Вопросы добросовестности участников гражданского оборота особенно важны в контексте обеспечения стабильности экономики, защиты прав и интересов граждан и обеспечения справедливой конкуренции в экономическом обороте⁴. Недобросовестность и злоупотребление правом могут серьезно подорвать доверие к экономической системе. Такое поведение участников гражданских правоотношений препятствует эффективному функционированию рынка, для которого требуется предсказуемость и доверие.

Как отмечается в работах Витрянского В.В., недобросовестное поведение может привести к искажению и снижению конкуренции, созданию барьеров для новых участников рынка и, в конечном итоге, к снижению уровня социального благосостояния⁵, а также подорвать экономический рост и развитие⁶.

Более того, недобросовестное поведение участников гражданского оборота негативно воздействует и на права граждан. Согласно статье 17 Конституции Российской Федерации (далее – «Конституция РФ»), каждый имеет право на свободу личности, собственность, неприкосновенность жилища и т.д. Однако недобросовестное поведение иных лиц может привести к нарушению этих прав, препятствуя гражданам в осуществлении своих конституционных прав в полном объеме⁷. Кроме того, в Конституции РФ сформулировано общее правило о том, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в интересах защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц⁸. Указанный вывод подчеркивает значимость вопроса о балансе между правами и обязанностями участников гражданских правоотношений, разграничении добросовестного и недобросовестного поведения.

¹ Суханов Е.А. Принцип добросовестности в гражданском праве // Российская юстиция. 2002. № 4.

² Витрянский В.В. Проблемы теории правоотношения. М.: Статут, 2001.

³ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договор и обязательство. М.: Статут, 2002.

⁴ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Контрактное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 2001.

⁵ Витрянский В.В. Проблемы теории правоотношения. М.: Статут, 2001.

⁶ Витрянский В.В. Недобросовестность участников оборота: проблемы гражданско-правового регулирования // Журнал «Российская юстиция». 2003. № 6.

⁷ «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Там же.

С учетом изложенного, актуальность изучения вопроса правовых последствий недобросовестного поведения и способов защиты добросовестных участников гражданского оборота от такого поведения является очевидной. Однако, несмотря на обилие исследований, посвященных отдельным аспектам данной проблемы, остается множество вопросов, требующих дополнительного анализа и дальнейшего исследования.

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ)¹ прямо закреплены принципы добросовестности и разумности участников гражданского оборота. Для определения понятия и содержания недобросовестности целесообразно сначала указать, что понимается под «добросовестным поведением». Добросовестность в гражданском праве можно определить как поведение, основанное на учете интересов и прав других участников гражданского оборота, не противоречащее закону и другим правовым актам, общепризнанным принципам и нормам морали.

Недобросовестное поведение в гражданском праве обычно определяется как действия или бездействие, которые нарушают общепризнанные нормы поведения, моральные принципы или принципы добросовестности и разумности, которые ожидаются от участника гражданского оборота.

Однако, как подчеркивает в своей статье С.С. Алексеев, недобросовестное поведение — это не просто противоположность добросовестному поведению. Недобросовестное поведение включает в себя определенные действия или бездействие, которые нарушают правила и нормы правовой системы, влекут за собой негативные последствия для других участников гражданского оборота или для общества в целом.

В общем виде соотношение между двумя видами поведения участников гражданского оборота сформулировано в работе Витрянского В.В. «Проблемы теории правоотношения»² следующим образом: добросовестное поведение предполагает соблюдение интересов другой стороны, а недобросовестное — игнорирование или умышленное нарушение этих интересов.

В гражданских правоотношениях недобросовестное поведение может выражаться в следующих формах: осуществление действий с целью причинения вреда, нарушение обязательств, несоблюдение условий договора, уклонение от исполнения обязательств, предоставление недостоверной информации, использование права с целью причинения вреда другому лицу и т.д.

Злоупотребление правом представляет собой особую форму недобросовестного поведения, которая заключается в использовании своего права с целью причинения вреда другому лицу, нарушения его прав и за-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Витрянский В.В. Проблемы теории правоотношения. М.: Статут, 2001.

конных интересов. Это понятие включает в себя такие действия, как использование права без разумных оснований, использование права с целью причинения вреда другому лицу.

Фактически злоупотребление правом представляет собой ситуацию, когда лицо, осуществляющее свое право, делает это в ущерб другому лицу или обществу в целом, исходя из намерения причинить вред или получить неоправданное преимущество. Как указывается в работе Брагинского М.И. и Витрянского В.В. «Договор и обязательство», злоупотребление правом — это умышленное использование своих прав с целью причинения вреда другой стороне¹. Запрет на злоупотребление правом, наравне с обязанностью действовать добросовестно, является одним из основных принципов гражданского законодательства.

ГК РФ определяет принцип добросовестного поведения в ст. 1 и устанавливает понятие недобросовестного поведения в ст. 10. Запрет на недобросовестное поведение также установлен ст. 10 ГК РФ. В соответствии с п. 1 ст. 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. На основании п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Кроме того, ст. 309 ГК РФ устанавливает запрет на уклонение от исполнения обязательств, что также может рассматриваться как форма недобросовестного поведения. Также следует отметить ст. 169, 179, 330, 450 ГК РФ и другие, в которых даны правила о недопустимости недобросовестного поведения в определенных ситуациях.

Важную роль в определении понятий добросовестности и недобросовестности играют и другие федеральные законы. Например, в п. 1 ст. 1 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» прямо указано на запрет недобросовестной конкуренции. В Федеральном законе от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»² установлены требования к добросовестности в банковской деятельности.

В судебных актах Верховного Суда Российской Федерации (далее — «ВС РФ») недобросовестное поведение и злоупотребление правом рассматриваются в контексте их влияния на гражданско-правовые отношения. Одни из наиболее значимых и подробных разъяснений ВС РФ по вопросам добросовестности и недобросовестного поведения лиц в гражданских пра-

¹ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договор и обязательство. М.: Статут, 2002.

² Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

воотношениях даны в Постановлении Пленума ВС РФ № 25 от 23 июня 2015 года «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — «Постановление № 25»)¹. В указанном Постановлении № 25 представлены разъяснения по вопросам применения принципа добросовестности и запрета на злоупотребление правом, а также последствий недобросовестного поведения. Постановление также содержит ряд важных уточнений по вопросам применения принципа добросовестности в гражданско-правовых отношениях. В частности, в п. 1 Постановления № 25 подчеркивается, что добросовестность и разумность являются основными принципами гражданского права. Также в данном судебном акте ВС РФ уточняется, что злоупотребление правом представляет собой использование права с целью, противоречащей его функциональному назначению. Вместе с тем обоснована необходимость судам при рассмотрении споров исходить из предположения о добросовестности сторон до тех пор, пока не будет доказано обратное.

Наконец, в Постановлении № 25 изложены и неблагоприятные последствия недобросовестного поведения, а именно изменение условий или расторжение договора, несоблюдение которого вызвано таким поведением.

Переходя к вопросу последствий допущенного участником гражданского правоотношения недобросовестного поведения, необходимо отметить, что такие последствия могут быть разнообразными и зависят от конкретных обстоятельств. Суд, столкнувшись с недобросовестным поведением стороны или злоупотреблением правом, может применить меры, предусмотренные ст. 10 ГК РФ и разъяснениями ВС РФ, в частности Постановлением № 25.

Во-первых, недобросовестное поведение может повлечь гражданско-правовую ответственность, предусмотренную ст. 15 ГК РФ, штраф и неустойку. Лицо, действующее недобросовестно, может быть обязано возместить вред, вызванный его действиями.

Во-вторых, суд может изменить условия или расторжение договора в случае недобросовестного поведения одной из сторон. Наконец, одним из последствий недобросовестного поведения стороны может быть признание сделки недействительной.

С последствиями признания действий/бездействия лица недобросовестными тесно связан вопрос способов защиты интересов лица, чьи права были нарушены в результате такого поведения (в том числе злоупотребления правом).

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Как отмечает Брагинский М.И., судебная защита от недобросовестного поведения может быть обеспечена через применение различных средств гражданского права, включая иски, требования, обеспечительные меры и другие средства гражданской защиты¹.

Способы защиты интересов лица от недобросовестного поведения и злоупотребления правом в ГК РФ включают признание сделки недействительной, исковую защиту, исполнение обязательства за счет должника и другие (ст. 307–309 ГК РФ).

В соответствии с ГК РФ, основаниями для признания сделки недействительной могут быть следующие обстоятельства: сделка совершена с целью, противоречащей основам правопорядка и нравственности (ст. 168 ГК РФ); сделка совершена со злоупотреблением правом (ст. 179 ГК РФ); сделка совершена в результате обмана, насилия, угрозы, сговора представителя одной из сторон с другой стороной или заблуждения (ст. 178 ГК РФ).

Последствия недобросовестности действий одной стороны сделки, как было указано ранее, могут включать в себя недействительность сделки, исполнение обязательства за счет должника, возмещение убытков. Если обе стороны действовали недобросовестно, сделка также может быть признана недействительной. В этом случае обе стороны могут нести ответственность за причиненный вред.

С вопросом недобросовестного поведения также тесно связано применение эстоппеля. Понятие эстоппеля в гражданском праве означает запрет на противоречивое поведение в правоотношениях. Эстоппель — это юридический принцип, согласно которому лицо не может отказываться от своих предыдущих заявлений или действий, если другая сторона действовала исходя из их верности и на этом основании понесла убытки².

В контексте гражданского права этот принцип может применяться как способ защиты от недобросовестного поведения стороны сделки. Так, если одна сторона сделки сначала вызвала у другой стороны уверенность в том, что она будет действовать определенным образом, а затем внезапно изменила свое поведение, то она может быть признана недобросовестной стороной и привлечена к ответственности³.

Таким образом, правило эстоппеля также может служить защитой от недобросовестного поведения стороны сделки⁴.

¹ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2011.

² Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. URL: <https://www.zakonrf.info/gk/>.

³ Там же.

⁴ Добровольская А.А. Правовая природа эстоппеля в гражданском праве // Государство и право. 2017. № 9.

В заключение исследования следует отметить, что недобросовестное поведение и злоупотребление правом в гражданских правоотношениях представляют собой сложную и многогранную проблему. Они подрывают доверие и стабильность в экономической системе, нарушают права граждан и могут вести к серьезным негативным последствиям.

Правовые последствия недобросовестного поведения для участников гражданского оборота могут быть серьезными, включая гражданско-правовую ответственность, изменение или расторжение договоров. Важно, чтобы как граждане, так и юридические лица были осведомлены о своих правах и обязанностях и соблюдали принципы добросовестности в своей деятельности.

Стоит обратить внимание, что защита интересов добросовестной стороны в гражданских правоотношениях представляет собой сложную задачу, требующую комплексного подхода. Основные проблемы, которые могут возникнуть в этом контексте, связаны с доказыванием факта недобросовестности другой стороны, а также с оценкой причиненного вреда и определением размера возмещения.

Таким образом, несмотря на значительные усилия, направленные на борьбу с недобросовестным поведением и злоупотреблением правом, остается множество вопросов, требующих дальнейшего исследования. Защита интересов добросовестной стороны в гражданских правоотношениях требует совершенствования законодательства, углубления теоретических исследований и развития практики применения принципа добросовестности».

Очевидно, что созданный с помощью *GPT* текст лишь отдаленно напоминает научную статью по праву. Дальнейшая детализация текста запроса, его расширение и включение дополнительных требований к результату не привели ни к увеличению размера этого текста, ни к улучшению его качества. Более того, часть приведенных алгоритмом *GPT* ссылок (удалена при редактировании автором настоящей статьи) указывала на несуществующие источники или даже на несуществующих авторов.

Выводы

На текущем уровне развития технологий, как вычислительных мощностей, так и алгоритмов и программного обеспечения, автоматическое создание научных текстов представляется маловероятным.

Вместе с тем, с учетом низкого уровня требований к создаваемым в ходе учебного процесса рефератам, эссе, докладам и более сложным работам, технологии автоматически создаваемых *GPT* текстов могут использоваться и активно используются обучающимися. Каждому

преподавателю и образовательной организации необходимо, таким образом, ответить себе на вопрос: допускается ли такое «творчество» в процессе обучения?

С одной стороны, суть образовательного процесса состоит в приобретении навыков самостоятельного создания текстов, подготовки документов с использованием собственного интеллекта обучающегося. С другой стороны, являясь лишь современным техническим помощником, *GPT* не предопределяет содержание результата, который всецело зависит от качественно сформулированного запроса, который должен содержать все необходимые данные и достаточную для создания текста информацию.

Окончательное решение каждый должен принять для себя сам.

Библиографический список

1. Акиншин Л. Многоядерные процессоры в системах CompactPCI как пример технологического симбиоза // Компоненты и технологии. 2006. № 9. С. 134–138.

2. Бровкин А.Г., Кравец В.Г. Автоматическая посадка беспилотного многоразового орбитального корабля «БУРАН» // Космическая техника и технологии. 2014. № 1 (4). С. 75–84.

3. Кухно М.О. Искусственный интеллект — новый субъект авторского права: недалекое будущее или фикция? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. Вып. 3 (41). С. 72–86.

4. Лем С. Сумма технологии. 1964. Изд. на рус. яз.: М., 2018. 176 с.

5. Рэдфорд А., Нарасимян К., Салиманс Т., Сутскевер И. Improving Language Understanding by Generative Pre-Training (Улучшая языковое понимание с использованием генеративного предварительного обучения). 2018. URL: https://cdn.openai.com/research-covers/language-unsupervised/language_understanding_paper.pdf.

References

1. Akinshin L. *Mnogoyaderniye processory v sistemakh CompactPCI kak primer technologicheskogo symbioza* [Multicore CPU mounted on CompactPCI as an example of technical symbiose]. *Komponenty i tekhnologii* — Components and technologies. 2006. Issue 9. Pp. 134–138. (In Russ.)

2. Broykin A. G., Kravets V. G. *Avtomaticheskaya posadka bespilotnogo mnogorazovogo orbitalnogo korablya «BURAN»* [Pilotless landing of Buran space shuttle]. *Kosmicheskaya tekhnika I tekhnologii* — Space technic and technologies. 2014. Issue 1 (4). Pp. 75–84. (In Russ.)

3. *Kukhno M.O. Iskustvenniy intellekt – noviy sub'ect avtorskogo prava: nedalekoye budushee ily fiksiya?* [Artificial intelligence – a new copyright law person: nearest future or a fiction?]. *Journal suda po intelektualnym pravam – IP law court journal*. 2023. Issue 3 (41). Pp. 72–86. (In Russ.)

4. *Lem Stanislaw. Summa technologi*y [Summa technologiae]. 1964. Russian issue. Moscow, 2018. 176 p. (In Russ.)

5. *Alec Radford, Karthik Narasimhan, Tim Salimans, Ilya Sutskever*. Improving Language Understanding by Generative Pre-Training. Released 11.06.2018 at corporate OpenAI website. URL: https://cdn.openai.com/research-covers/language-unsupervised/language_understanding_paper.pdf.

Информация об авторе:

А.А. Павлов

Кандидат юридических наук,
научный руководитель и старший преподаватель
АО «Лаборатория Исполком»,
123022, Россия, г. Москва, а/я 143, Исполком, Павлову А.А.
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.

Information about the author:

A. A. Pavlov

АО «Ispolcom Lab»,
attn. Mr. A. Pavlov, Ispolcom, P.O. Box 143, Moscow, 123022, Russia.
Kazan Federal University,
18 Kremlevskay str., Kazan, 420008, Russia.

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

УДК 347.1

DOI: <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2024-6-6-128-141>

О СООТНОШЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА И ПРЕДМЕТА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Ю.В. Виниченко

Байкальский государственный университет

E-mail: juvinichenko@mail.ru

Введение: Вопросы, так или иначе касающиеся гражданского оборота, традиционно связывают со сферой цивилистики, сужая тем самым круг регулирующих оборот правил исключительно до гражданско-правовых норм и принципов. **Цель:** выявить действительное соотношение гражданского оборота и предмета отрасли гражданского права, обосновав гипотезу об отсутствии тождества между ними. **Методы:** основу исследования составил формально-логический метод, наряду с которым использовался системный подход, а также другие общенаучные и частнонаучные приемы и способы познания. **Результаты:** гражданский оборот и предмет гражданского права можно соотносить либо как понятия, либо как феномены, отражаемые в этих понятиях. При относительной условности такого разграничения оно значимо с позиций критериев сопоставления: понятия соотносят по содержанию (мыслимым в понятии общим и существенным признакам предметов) и объему (охватываемым понятием предметам мысли), определенные феномены — по любым произвольно избираемым исследователем критериям. Предпринимая сущ-

ностное соотношение гражданского оборота и предмета гражданского права, следует исходить из восприятия их как феноменов, которые могут считаться однотипными, а потому и допустимо сравнимыми лишь при условии понимания гражданского оборота как системы социальных связей. **Выводы:** сходство гражданского оборота и предмета гражданского права заключается в схожести объектов (возможные объекты оборота являются и объектами гражданских прав) и идентичности видов субъектов соответствующих отношений, а также в присущих этим отношениям имущественной обособленности, самостоятельности и равенстве их участников. Однако тождество между гражданским оборотом и предметом гражданского права отсутствует ввиду разности: 1) круга образующих их общественных отношений — предмет гражданского права включает отношения из принадлежности необоротоспособных благ, в то время как объектами оборота могут быть только оборотоспособные блага; 2) характера их формирования и существования — гражданский оборот является естественной самоорганизующейся системой, появившейся и существующей объективно, в то время как предмет гражданского права как отрасли представляет собой результат мыслительной деятельности людей — набор общественных отношений, выделенный учеными. Гражданский оборот не является предметом какой-то одной отрасли права, что предопределяет необходимость теоретической разработки собственной системы принципов его правового регулирования, одним из основных в числе которых представляется принцип системности.

Ключевые слова: гражданский оборот; отрасль права; предмет правового регулирования; предмет гражданского права; оборотоспособность; принципы правового регулирования; системность.

ON THE CORRELATION OF CIVIL CIRCULATION AND THE SUBJECT OF CIVIL LAW

Yu.V. Vinichenko

Baikal State University

E-mail: juvinichenko@mail.ru

Introduction: Issues related in either event with civil circulation traditionally are associated with the sphere of civil law. Mentioned process narrows down the amount of rules governing the circulation exclusively to civil law norms and principles. **Purpose:** to identify the genuine interrelation between civil circulation and the subject of the civil law to confirm the hypothesis of the absence of equivalence between them. **Methods:** author applied formal-logical method with employing systematic approach as well as other general scientific and private scientific

means and techniques of cognition. Results: civil circulation and the subject of the civil law could be correlated either as definitions or as phenomena reflected in these definitions. Specified divergence with the relative conditionality of such is significant in terms of comparison criteria. Thus, definitions are correlated by content (common and essential features of objects conceivable in the concept) and quantity (objects of thought covered by the concept). Phenomena are correlated by any criteria arbitrarily chosen by the researcher. Author points out that with the essential ratio of civil circulation and the subject of civil law, which should be perceived as phenomena of the same type, they can be admissibly comparable in case civil circulation is understood as a system of social bonds. Conclusions: the similarity of civil circulation and the subject of civil law lies in the similarity of their objects (possible objects of civil circulation at the same time are objects of civil rights) and the identity of the types of subjects – participants of the relevant relations, as well as in the property isolation, independence and equality of the latter. Nevertheless, there is no identity between civil circulation and the subject of civil law due to the difference of: 1) the amount of social relations that form them – subject of civil law includes relations from the ownership of non-negotiable goods, while objects of civil circulation can only be negotiable goods; 2) the nature of their formation and existence – civil circulation is a natural self-organizing system which has appeared and exists nowadays objectively, while the subject of civil law as a branch is the result of human's mental activity – a set of social relations identified by scientists. Civil circulation is not the subject of any branch of law. Mentioned conclusion determines the urgency of the theoretical development of its own system of principles of legal regulation, one of the main among which is the principle of consistency.

Keywords: *civil circulation; branch of law; subject of legal regulation; subject of civil law; negotiability; principles of legal regulation, consistency.*

Введение

То, что гражданский оборот подвержен правовому регулированию, пожалуй, ни у кого не вызывает сомнений, невзирая на сохраняющееся в отечественной цивилистике преобладание восприятия его в качестве юридической формы экономического оборота (при том что юридическая форма объектом правового регулирования, направленного, как известно, на упорядочение и охрану общественных отношений [см.: 1, с. 211; 13, с. 132], очевидно, быть не может). При этом вопросы, так или иначе касающиеся гражданского оборота, традиционно связывают со сферой цивилистики, сужая тем самым круг регулирующих оборот позитивных правил исключительно до гражданско-правовых норм и принципов. Между тем утверждать, что гражданский оборот равноз-

начен предмету отрасли гражданского права, на мой взгляд, нельзя. Обоснованию тезиса об отсутствии тождества между гражданским оборотом и предметом гражданского права и посвящена настоящая статья.

Условие и критерии соотношения гражданского оборота и предмета гражданского права: общие замечания

Собственно методологическими в части соотношения гражданского оборота с предметом гражданского права представляются вопросы о том, *что* именно мы соотносим — *понятия* либо *феномены*, отражаемые в этих понятиях¹, и то, по каким *критериям* предпринимается данное *сопоставление*.

Принимая во внимание, что любое понятие, являясь формой мышления, представляет собой отражение предметной действительности, разграничение понятий и отражаемых в них предметах, общих и существенных признаков последних, является достаточно условным. Тем не менее при соотношении между собой неких понятий либо предметов (явлений, процессов и др.) различными будут являться критерии сопоставления. Так, в случае выявления отношения между *понятиями* ключевыми критериями будут такие характеристики, как *содержание* (мыслимые в понятии общие и существенные признаки предметов) и *объем* (охватываемые понятием предметы мысли) [см.: 6, с. 49—51]. В случае же сопоставления определенных *феноменов* оно может предприниматься по *любым*, относительно произвольно избираемым исследователем в соответствии с его целями и задачами, *критериям* — например, по пространственному, временному, структурному, субъектному, объектному, функциональному, субстанциональному (в зависимости от характера происхождения и существования) и другим критериям.

Приступая с учетом отмеченного к сопоставлению гражданского оборота и предмета гражданского права (т.е. предмета правового регулирования соответствующей отрасли права — регулируемой ее нормами сферы общественных отношений), предпринимая их сущностное соотношение, представляется верным исходить из восприятия их как феноменов, отображаемых вместе с тем в соответствующих понятиях.

¹ Очевидно, что допустимо сопоставлять их только как однопорядковые величины, т.е. либо как понятия, либо как явления. Подобная ремарка обусловлена тем, что в цивилистической литературе, увы, имеют место суждения типа: «по своему содержанию *понятие* (здесь и далее курсив мой. — Ю.В.) “гражданский оборот” является частью более широкого *явления* — “экономический оборот”» [11, с. 15]; «*понятие* “коммерческий оборот” является по сравнению с понятием “гражданский оборот” значительно более узким *явлением*» [7, с. 43—44].

И понятия эти могут считаться сравнимыми¹ (а соответствующие феномены — однотипными, а потому и допустимо сравнимыми) лишь при условии понимания гражданского оборота именно как системы общественных отношений. Данная оговорка обусловлена отмеченным выше преобладанием в доктрине формального подхода к восприятию гражданского оборота, т.е., повторю, определением последнего как правовой формы экономического оборота. Не отрицая возможность, а в ряде случаев и необходимость подобной дефиниции (в частности, когда объектом оборота выступают субъективные права и обязанности, само существование и оборот которых вне правовой формы, юридического опосредования немислимы), в контексте вопроса о соотношении гражданского оборота и предмета гражданского права гражданский оборот допустимо и следует воспринимать не иначе как систему социальных связей.

Что касается критериев соотношения, то применительно к понятиям «гражданский оборот» и «предмет (отрасли) гражданского права» таковыми очевидно следует признать содержание и объем; относительно соотношения феноменов, отражаемых в этих понятиях, наряду с кругом образующих их отношений принципиальным представляется субстанциональный критерий.

Сходство и различия гражданского оборота и предмета гражданского права

Исходя из вышеуказанного условия соотношения гражданского оборота и предмета гражданского права (т.е. понимания гражданского оборота как системы социальных связей) понятия «предмет гражданского права» и «гражданский оборот» по *содержанию* являются сравнимыми, поскольку *содержат общий признак* — «общественные отношения».

Относительно признака, выражаемого в сравниваемых понятиях термином «гражданский», видится, что терминологически и понятийно оправданно (т.е. сообразно смыслу, который вкладывается в соответствующий термин, как присущий понятию «признак») оборот может именоваться «гражданским»: 1) либо потому, что он складывается между

¹ В логике деление соотношения между понятиями (в котором находят свое отражение объективные отношения между самими предметами) на сравнимые и несравнимые предпринимается в зависимости от содержания понятий: *сравнимыми* считаются понятия, «так или иначе имеющие в своем содержании общие существенные признаки (по которым они и сравниваются — отсюда название их отношений)»; соответственно, *несравнимыми* признаются понятия, «не имеющие сколько-нибудь существенных в том или ином отношении общих признаков» [см.: 6, с. 65].

гражданами (субъектный критерий), — но в таком случае к нему не должны относиться отношения с участием юридических лиц и публично-правовых образований, что, очевидно, не согласуется ни с эмпирическим образом соответствующего явления, ни с его пониманием в правоведении; 2) либо потому, что он регулируется нормами гражданского права (предметно-отраслевой критерий), — но при такой интерпретации необоснованно полностью исключается регулирующее воздействие на оборот норм иных отраслей права, в том числе тех, которые устанавливают правовые последствия оборота ограниченно оборотоспособных объектов (оружия, наркотиков и т.д.). Если ни один из этих смыслов не является истинным, *выражение «гражданский оборот» следует признать условным*. Использование этого условного по своему характеру термина вызвано, как представляется, доктринально-методологическими причинами — таким образом правоведы, а именно цивилисты, очерчивают свою предметную область.

Если же обратиться к анализу самих общественных отношений, образующих гражданский оборот, то в первом приближении они кажутся идентичными предмету гражданского права. Так, совпадает круг субъектов (это физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, юридические лица и публично-правовые образования¹), а также объекты соответствующих общественных отношений (возможные объекты оборота так или иначе поименованы в ст. 128 ГК РФ² «Объекты гражданских прав»³).

Сходство гражданского оборота и отношений, входящих в предмет гражданско-правового регулирования, заключается и в том, что предмет отрасли гражданского права составляют прежде всего имуществен-

¹ При этом необходимо различать случаи участия в гражданском обороте органов публично-правовых образований от имени последних (в пределах предоставленных им полномочий: либо непосредственно — в рамках п. 1 ст. 125 ГК РФ, когда правовая природа государственных органов аналогична правовой природе органа юридического лица, либо опосредованно, по типу представительства — в рамках п. 3 ст. 125 ГК РФ [см.: 4, с. 111–114, 119–122, 124; 8, с. 10–11]) и случаи участия в обороте органов публичной власти как самостоятельных юридических лиц, действующих от своего имени. Если орган государственной власти, местного самоуправления действует за рамками своей компетенции или специально не уполномочен выступать от имени публично-правового образования, то его участие в гражданском обороте ничем не будет отличаться от участия в обороте иных юридических лиц, действующих от собственного имени и несущих самостоятельную юридическую ответственность.

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: ФЗ РФ от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ Так называемое виртуальное и цифровое имущество в терминологии ст. 128 ГК РФ подпадает под понятие «иное имущество». Незримо присутствует в ст. 128 ГК РФ в качестве объекта и информация — как отдельные виды интеллектуальной собственности (ноу-хау, базы данных) или нематериальных благ (личная и семейная тайна).

ные отношения, характеризующиеся имущественной обособленностью, самостоятельностью и равенством субъектов — участников этих отношений. Аналогичным образом гражданский оборот как экономическая по своей природе сфера общества, призванная опосредовать удовлетворение потребностей субъектов за счет «чужих» благ, представляет собой систему социальных связей¹, базирующихся на автономности, независимости и равенстве участников оборота. Именно по указанному критерию гражданский оборот противопоставляют плано-административному или хозяйственному обороту. Так, В.А. Белов пишет: *«Гражданский оборот — это юридическая форма экономического оборота, основанного на гражданском (частном) организующем начале (начале автономной или самоорганизации)... плано-административный или иначе хозяйственный оборот — правовая форма экономического оборота, который основан на публичном (государственном или корпоративном) организующем начале (начале регулирования его извне, “сверху”)*» (курсив автора. — Ю.В.)» [2, с. 283].

Несмотря на отмеченное сходство, гражданский оборот и предмет гражданского права *не совпадают по объему*. И вопрос не в том, что гражданским оборотом традиционно признают лишь «динамические» отношения, т.е. такие, которые связаны с переходом благ и (или) прав на них; так называемые отношения статики (принадлежности объектов), как правило, рассматривают лишь в качестве предпосылки и результата товарообмена [см.: 14, с. 67]. Скорее исключением является в данном отношении высказывание В.А. Петрушкина, который, рассматривая термин «оборот», отмечает, что он «отражает, главным образом, динамику имущественных отношений. Вместе с тем в известном смысле он указывает и на статику таких отношений. Так, в целях обеспечения стабильности анализируемого оборота практически всегда учитывается фактор принадлежности того или иного имущества конкретному лицу, то есть факт законности владения (титульное владение). По существу, данный факт как раз подтверждает наличие “статической” составляющей в содержании категории “гражданский оборот”» [12, с. 23]. Использование системного подхода к пониманию гражданского оборота позволяет обосновать, что отношения «статики» являются неотъемлемым звеном в структуре гражданского оборота, без которого гражданский оборот невозможен. А именно, учитывая общесистемологический постулат, согласно которому структура системы должна выражать *всю полноту связей* между компонентами последней, а не *ту или иную часть* этих связей, хотя бы и весьма существенных, поскольку именно полнота связей между компонентами определенной

¹ Подробнее об этом см.: [3].

системы обеспечивает само существование, а значит, и функционирование этой системы [9, с. 90, 93], следует признать необходимым включение в структуру системы гражданского оборота не только отношений по переходу благ, но и отношений «статике», отражающих принадлежность имущества. Без включения последних в структуру системы гражданского оборота она будет неполной и связь, выражающая удовлетворение потребности определенного субъекта за счет «чужого» объекта (как цель существования и суть гражданского оборота), не возникнет, ввиду чего невозможным окажется функционирование данной системы, а значит, будет поставлен под вопрос сам факт ее существования. С точки зрения права данный вывод подтверждается в том числе наличием института выморочного имущества, а также действующей презумпцией публичной собственности на отдельные социально значимые виды бесхозяйного имущества. Ничьи блага оборачиваться не могут.

Ключевое правовое воздействие на гражданский оборот как сферу отношений равных и независимых субъектов действительно оказывают нормы гражданского права. Однако по сравнению с гражданским оборотом *предмет гражданского права как отрасли шире, поскольку включает отношения из принадлежности необоротоспособных по своей природе благ* (например, личных неимущественных прав авторов, материальных благ, указанных в ст. 150 ГК РФ) — отношения, в структуру гражданского оборота не входящие, что называется, по определению, исходя из того, что конститутивным признаком объектов оборота является их оборотоспособность.

Кроме того, наряду с отношениями, регулируемыми исключительно нормами гражданского права (например, отношениями, складывающимися по поводу принадлежности и отчуждения индивидуального движимого имущества, права на которое не подлежат государственной регистрации или иному учету), в гражданском обороте наличествуют отношения, одновременно регулируемые нормами нескольких различных отраслей права (это, например, отношения, складывающиеся между супругами в связи с владением, пользованием и распоряжением их общим имуществом, разделом последнего и др., регламентируемые нормами не только гражданского, но и семейного права)¹. При этом в во-

¹ Заметим в данной связи, что наличие отношений, одновременно регулируемых различными отраслями права, признается и в юридической литературе. Так, в контексте вопроса о соотношении норм гражданского права, содержащихся в ГК РФ и в иных законах, относительно соотношения, в частности, Жилищного и Гражданского кодексов РФ, Е.А. Суханов отмечает, что рассматривать Жилищный кодекс в качестве специального по отношению к ГК нет оснований, поскольку ЖК был принят не «в соответствии с ГК», имеет собственный предмет и принципы, в связи с чем «Жилищный

просе о правовом регулировании гражданского оборота представляется очевидным, что его не следует ограничивать действием исключительно регулятивных правовых норм. В механизм правового регулирования поведения участников гражданского оборота включены и нормы об ответственности за нарушение имеющихся правил оборота, незаконный (гражданский) оборот отдельных видов объектов, установленные в том числе административным и уголовным правом.

Таким образом, можно заключить, что гражданский оборот не является предметом правового регулирования какой-то одной отрасли права. Как отмечал М.Ю. Чельшев, «экономическая сфера представляет собой область межотраслевого правового регулирования» [17, с. 136]. Именно данное обстоятельство — то, что *гражданский оборот как сферу общества образуют отношения, подвергаемые регулированию со стороны различных (каждая в «своем срезе») отраслей права*, является его ключевой особенностью с позиций правового регулирования. В конечном счете регулирование гражданского оборота разными группами норм и взаимосвязь последних детерминированы системным характером самого гражданского оборота, фактической целостностью той социальной сферы, в которой действуют субъекты лишь умозрительно разнородных (с позиций отраслевого деления права либо иной градации), а в реальности *разносторонних отношений*: и субъекты гражданско-правовых отношений, и налогоплательщики, и участники незаконного и так называемого теневого оборота являются участниками социально общей (единой) для них сферы имущественного обращения. Данное обстоятельство предопределяет необходимость теоретической разработки собственной системы принципов правового регулирования гражданского оборота (не сводимой исключительно к принципам гражданского права), одним из основных в числе которых уже в первом приближении представляется принцип системности¹.

Еще одним (помимо круга общественных отношений, образующих сравниваемые явления) принципиальным *различием гражданского оборота и предмета гражданского права как феноменов является характер их формирования и существования*: гражданский оборот представляет собой естественную самоорганизующуюся систему, появившуюся и существующую объективно. В отличие от этого предмет гражданского

кодекс имеет приоритет в применении перед другими законами, содержащими нормы жилищного законодательства (п. 8 ст. 5 ЖК), но должен уступать ГК в сфере регулирования жилищных отношений, являющихся одновременно гражданско-правовыми (курсив мой. — Ю.В.)» [10, с. 91–92 (автор раздела — Е.А. Суханов)]. Данную позицию поддерживает и П.В. Крашенинников [см.: 5, с. 73 (автор главы — П.В. Крашенинников)].

¹ О межотраслевых связях гражданского права как проявления системности см., например: [16].

права как отрасли — результат исключительно мыслительной деятельности людей, в частности отечественных ученых. Как отмечается в литературе, «предмет правового регулирования — не просто какая-то фактически существующая сфера общественных отношений, но лишь ее мысленная модель, полученная под влиянием соответствующих принципов права» [15, с. 14]. В данной связи можно указать и на отсутствие деления правовых норм на отрасли в ряде иных правовых порядков. Если признать тождество гражданского оборота и предмета гражданского права, то, следуя законам логики, придется признать, что в этих правовых порядках гражданского оборота нет, что явно абсурдно.

Заключение

Итак, гражданский оборот и предмет гражданского права можно соотносить либо как понятия, либо как феномены, отражаемые в этих понятиях. При относительной условности такого разграничения (понятий и отражаемых в них предметах) оно значимо с позиций критериев сопоставления: понятия соотносят по содержанию (мыслимым в понятии общим и существенным признакам предметов) и объему (охватываемым понятием предметам мысли), определенные феномены — по любым относительно произвольно избираемым исследователем, в соответствии с его целями и задачами, критериям (пространственному, временному, субъектному, субстанциональному и др.). Предпринимая сущностное соотношение гражданского оборота и предмета гражданского права, следует исходить из восприятия их как феноменов, которые могут считаться однотипными, а потому и допустимо сравнимыми лишь при условии понимания гражданского оборота как системы социальных связей (а не правовой формы экономического оборота, как это укоренилось в отечественной цивилистике).

Сходство гражданского оборота и предмета гражданского права заключается в схожести объектов (возможные объекты оборота являются и объектами гражданских прав) и идентичности видов субъектов соответствующих отношений, а также в присущих этим отношениям имущественной обособленности, самостоятельности и равенстве их участников.

Однако тождество между гражданским оборотом и предметом отрасли гражданского права отсутствует ввиду разности: 1) круга общественных отношений, образующих сравниваемые феномены, — предмет гражданского права включает отношения из принадлежности необоротоспособных по своей природе благ (например, личных неимущественных прав авторов, нематериальных благ), в то время как объектами оборота могут быть только оборотоспособные блага;

2) характера их формирования и существования — гражданский оборот является естественной самоорганизуемой системой, появившейся и существующей объективно, в то время как предмет гражданского права как отрасли представляет собой результат исключительно мыслительной деятельности людей — набор общественных отношений, выделенный учеными.

Гражданский оборот не является предметом правового регулирования какой-то одной отрасли права. Данное обстоятельство предопределяет необходимость теоретической разработки собственной системы принципов правового регулирования гражданского оборота (не сводимой исключительно к принципам гражданского права), одним из основных в числе которых уже в первом приближении представляется принцип системности.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Общая теория права: учебник. М.: Проспект, 2009. 576 с.
2. *Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. 2: Лица, блага, факты: учебник. М.: Юрайт, 2011. 1093 с.
3. *Виниченко Ю.В.* Гражданский оборот: опыт системного исследования. Иркутск: Изд-во БГУ, 2019. 374 с.
4. *Голубцов В.Г.* Российская Федерация как субъект гражданского права. М.: Статут, 2021. 314 с.
5. Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгалo. М.: Статут, 2018. Т. 1. 528 с.
6. *Иванов Е.А.* Логика: учебник. М.: БЕК, 1996. 309 с.
7. *Илюшина М.Н.* Правовой режим сделок в коммерческом обороте и в обороте долей хозяйственных обществ: общее и особенное: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 522 с.
8. *Инжиева Б.Б.* Участие государства в современном гражданском обороте: дис. ... канд. юрид. наук. Элиста, 2013. 201 с.
9. *Каган М.С.* Система и структура // Системные исследования. Ежегодник 1983. М.: Наука, 1983. С. 86—106.
10. Кодификация российского частного права / под ред. Д.А. Медведева. М.: Статут, 2008. 336 с.
11. *Морозов А.А.* Правовое регулирование использования в предпринимательской деятельности имущества, ограниченного в обороте: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 181 с.
12. *Петрушкин В.А.* Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 417 с.

13. Пьянов Н.А. Теория государства и права: в 2 ч. Ч. 2: Теория права: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2011. 391 с.

14. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2016. 958 с.

15. Рыженков А.Я. О соотношении методов и принципов правового регулирования (на примере гражданского и предпринимательского права) // Современное право. 2022. № 2. С. 5–17. DOI: 10.25799/NI.2022.11.79.001.

16. Ситдикова Р.И., Коробко К.И. Межотраслевые связи гражданского права как проявление системности // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2023. № 5. С. 57–67. DOI: 10.33397/2619-0559-2023-5-5-57-67.

17. Чельшев М.Ю. Межотраслевое правовое регулирование как средство обеспечения публичных интересов в экономической сфере // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 136–140.

References

1. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava: uchebnik* [General Theory of Law: Textbook]. Moscow, 2009. 576 p. (In Russ.)

2. Belov V.A. *Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast'. T. 2: Litsa, blaga, fakty: uchebnik* [Civil Law. General Part. Vol. 2: Persons, Goods, Facts: Textbook]. Moscow, 2011. 1093 p. (In Russ.)

3. Vinichenko Yu.V. *Grazhdanskiy oborot: opyt sistemnogo issledovaniya* [Civil Circulation: Experience of Systematic Research]. Irkutsk, 2019. 374 p. (In Russ.)

4. Golubtsov V.G. *Rossiyskaya Federatsiya kak subekt grazhdanskogo prava* [Russian Federation as a Subject of Civil Law]. Moscow, 2021. 314 p. (In Russ.)

5. Gongalo B.M. (ed.). *Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 2 t. T. 1* [Civil Law: Textbook. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, 2018. 528 p. (In Russ.)

6. Ivanov E.A. *Logika: uchebnik* [Logic: Textbook]. Moscow, 1996. 309 p. (In Russ.)

7. Ilyushina M.N. *Pravovoy rezhim sdelok v kommercheskom oborote i v oborote doley khozyaystvennykh obshchestv: obshchee i osobennoe: dis. ... dokt. jurid. nauk* [Legal Regime of Transactions in Commercial Circulation and in the Circulation of Shares of Business Companies: General and Special: Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2012. 522 p. (In Russ.)

8. Inzhieva B.B. *Uchastie gosudarstva v sovremennom grazhdanskom oborote: dis. ... kand. jurid. nauk* [Participation of the State in modern Civil Circulation: Cand. jurid. sci. diss.]. Elista, 2013. 201 p. (In Russ.)

9. Kagan M.S. *Sistema i struktura* [System and Structure]. *Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik 1983* – Systemic research. Annual 1983. Moscow, 1983. P. 86–106. (In Russ.)
10. Medvedev D.A. (ed.). *Kodifikatsiya rossiyskogo chastnogo prava* [Codification of Russian Private Law]. Moscow, 2008. 336 p. (In Russ.)
11. Morozov A.A. *Pravovoe regulirovanie ispolzovaniya v predprinimatelskoy deyatel'nosti imushchestva, ogranichenno v oborote: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal Regulation of the Use in Entrepreneurial Activity of Property limited in Circulation: Cand. jurid. sci. dis.]. Moscow, 2010. 181 p. (In Russ.)
12. Petrushkin V.A. *Sistemnyy analiz grazhdansko-pravovoy modeli oborota nedvizhimosti: problemy teorii i praktiki: dis. ... dokt. jurid. nauk* [System Analysis of the Civil Law Model of Real Estate Circulation: Problems of Theory and Practice: Dr. jurid. sci. dis.]. Moscow, 2014. 417 p. (In Russ.)
13. P'yanov N.A. *Teoriya gosudarstva i prava: v 2 ch. Ch. 2. Teoriya prava: ucheb. posobie* [Theory of State and Law. In 2 vols. Vol. 2. Theory of Law: Study Guide]. Irkutsk, 2011. 391 p. (In Russ.)
14. Sukhanov E.A. (ed.). *Rossiiskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 2 t. T. 1: Obshchaya chast'. Veshchnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektual'nye prava. Lichnye neimushchestvennye prava* [Russian Civil Law: Textbook. In 2 vols. Vol. 1: General Part. Property Law. Succession Law. Incorporeal Right. Personal Non-Property Rights]. Moscow, 2016. 958 p. (In Russ.)
15. Ryzhnikov A.Ya. *O sootnoshenii metodov i printsipov pravovogo regulirovaniya (na primere grazhdanskogo i predprinimatelskogo prava)* [On the Correlation of Methods and Principles of Legal Regulation (on the Example of Civil and Business Law)]. *Sovremennoe pravo* – Modern Law. 2022. Issue 2. Pp. 5–17. (In Russ.). DOI: 10.25799/NI.2022.11.79.001.
16. Sitdikova R.I., Korobko K.I. *Mezhotraslevye svyazi grazhdanskogo prava kak proyavlenie sistemnosti* [Inter-Branch Relations of Civil Law as a Manifestation of Systemicity]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy* – Methodological Problems of the Civil Law Researches. 2023. Issue 5. Pp. 57–67. (In Russ.). DOI: 10.33397/2619-0559-2023-5-5-57-67.16.
17. Chelyshev M.Yu. *Mezhotraslevoe pravovoe regulirovanie kak sredstvo obespecheniya publichnykh interesov v ekonomicheskoy sfere* [Interbranch Legal Regulation as a Means of Ensuring Public Interests in Economic Sphere]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2005. Issue 12. Pp. 136–140. (In Russ.)

Информация об авторе:

Ю.В. Виниченко

Кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Байкальский государственный университет,
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11.

ORCID: 0000-0003-0533-6526.

Researcher ID: C-7181-2018.

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(4).661-673.

DOI: 10.17072/1995-4190-2015-4-34-46.

DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).844-849.

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-225-239.

Information about the author:

Yu.V. Vinichenko

Baikal State University,
11 Lenina st., Irkutsk, 664003, Russia.

ORCID: 0000-0003-0533-6526.

Researcher ID: C-7181-2018.

Articles in «Scopus»/«Web of Science»:

DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(4).661-673.

DOI: 10.17072/1995-4190-2015-4-34-46.

DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).844-849.

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-225-239.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ СВЯЗИ ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

А.Г. Матвеев

Пермский государственный национальный
исследовательский университет
E-mail: la-musica@yandex.ru

Введение: Долгое время право прав человека и право интеллектуальной собственности развивались независимо друг от друга. Однако очень высокие стандарты охраны прав интеллектуальной собственности, обусловленные принятием Соглашения ТРИПС, вызвали в обществе понимание того, что такой уровень охраны не всегда положительно влияет на охрану фундаментальных прав человека. Учение о межотраслевых связях гражданского права способно адекватно показать отношения взаимной зависимости и общности между столь различными областями системы права. **Цель:** определение форм межотраслевых связей права интеллектуальной собственности и права прав человека в контексте элементов механизма правового регулирования. **Методы:** при проведении исследования применялись общенаучные (анализ, синтез, сравнение, описание) и частнонаучные методы познания, в том числе межотраслевой правовой метод. **Результаты:** по мнению М.Ю. Чельшева, к формам межотраслевых правовых связей относятся межотраслевое взаимодействие, межотраслевое взаимное влияние, межотраслевое правовое регулирование и коллизионное регулирование. Такой подход не представляется логически и концептуально безупречным. Межотраслевое правовое регулирование и коллизионное регулирование как формы межотраслевых правовых связей представляются избыточными в этом понятийном ряду. **Выводы:** развитие межотраслевых связей права интеллектуальной собственности и права прав человека в настоящее время находится на стадии их взаимного влияния. Последнее наблюдается на уровне норм права, международного мягкого права (soft law) и применения норм права национальными и наднациональными судами. Влияние интеллектуального права на права человека выражается прежде всего на нормативном уровне: 1) формулировка п. 2 ст. 27 Всеобщей декларации прав человека; 2) п. 2 ст. 17 Хартии ЕС об основных правах, устанавливающий охрану интеллектуальной собственности. Влияние права прав человека на право интеллектуальной

собственности более многогранно. Двумя ключевыми уровнями такого влияния являются нормативный и правоприменительный.

Ключевые слова: межотраслевые связи; право интеллектуальной собственности; авторское право; право прав человека; цивилистическая наука; формы межотраслевых правовых связей.

INTERBRANCH RELATIONS BETWEEN HUMAN RIGHTS LAW AND INTELLECTUAL PROPERTY LAW

A.G. Matveev

Perm State University

E-mail: la-musica@yandex.ru

Introduction: For a long time, human rights law and intellectual property law developed independently of each other. However, the very high standards of protection of intellectual property rights, due to the adoption of the TRIPS Agreement, have created an understanding in society that this level of protection does not always have a positive effect on the protection of fundamental human rights. The doctrine of interbranch relations of civil law is able to adequately show the relations of mutual dependence and community between such different areas of law system. **Purpose:** determination of forms of interbranch relations of intellectual property law and human rights law in the context of elements of the legal regulation mechanism. **Methods:** general scientific (analysis, synthesis, comparison, description) and specific scientific methods of cognition including the cross-sectoral legal method were used during the research. **Results:** according to M. Yu. Chelyshev, the forms of interbranch legal relations include interbranch interaction, interbranch mutual influence, interbranch legal regulation and conflict of laws regulation. This approach does not seem logically or conceptually flawless. Interbranch legal regulation and conflict of laws regulation as forms of interbranch legal relations seem redundant in this conceptual series. **Conclusions:** the development of interbranch relations between intellectual property law and human rights law is currently at the stage of their mutual influence. The latter is observed at the level of legal norms, international soft law and the application of legal norms by national and supranational courts. The influence of intellectual rights law on human rights is expressed primarily at the normative level: 1) the wording of paragraph 2 of Art. 27 Universal Declaration of Human Rights; 2) clause 2 art. 17 of the EU Charter of Fundamental Rights, which establishes the protection of intellectual property. The impact of human rights law on intellectual property law is more complex. The two key levels of such influence are the regulatory and enforcement elements.

Keywords: interbranch relations; intellectual property law; copyright law; human rights law; civil law science; forms of interbranch legal relations.

Введение

Сегодня общепризнанным в юридической науке представляется утверждение, что право интеллектуальной собственности — это подотрасль гражданского права. И эта убежденность сохраняется несмотря на то, что в этой системе норм, кодифицированной в четвертой части Гражданского кодекса РФ, приблизительно треть или четверть всех законоположений составляют нормы административного права, регулирующие процедуры и отношения по государственной регистрации объектов промышленной собственности. Право интеллектуальной собственности зародилось в XV в., впервые получило выражение в форме закона, известного как «Статут королевы Анны», в 1710 г. и достигло стадии своего расцвета и глобального признания в XX в.

Похожую траекторию развития прошла другая, публично-правовая по своей природе совокупность юридических норм — право прав человека (*human rights law*). О праве прав человека правильно говорить как об отрасли права в том смысле, что совокупность соответствующих норм национального и чаще международного права обладает собственным предметом правового регулирования, принципами. Б.Д. Кривокапич, рассуждая о названии этой отрасли, пишет: «На самом деле единственное, что может смутить, это то, что в словосочетании “право прав человека” два слова из трех — право. Это является следствием специфики сербского, русского и некоторых других языков, в которых термин “право” употребляется для обозначения как субъективного, так и объективного права» [3, с. 94]. В XVIII в. понятия «права человека» и «неотчуждаемые права» нашли признание в выдающихся политико-правовых актах: 1) Декларации независимости Соединенных Штатов от 4 июля 1776 г., где сказано, что «все люди сотворены равными, и все они одарены своим Создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат: жизнь, свобода и стремление к счастью»¹; 2) Декларации прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г., провозгласившей, что «цель всякого политического союза — обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека»². В XX в. права человека нашли всемирное признание, символом которого стала Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г.³

¹ Декларация независимости Соединенных Штатов Америки от 4 июля 1776 г. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/S.America/XVIII/1760-1780/Deklac_nezavisim/text.phtml?id=4684.

² Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1780-1800/Dokumenty_fr_rev_1789/text.htm.

³ Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1998. 10 дек.

Таким образом, и права человека, и права интеллектуальной собственности — это плоды эпохи Просвещения и западной цивилизации Нового времени. Однако в течение 200–300 лет правовые нормы, устанавливающие охрану этих прав, развивались независимо друг от друга. Профессор Л. Хелфер (*L. Helfer*) видит загадку в том, почему права человека и интеллектуальная собственность долгое время были изолированы друг от друга [9]. По мнению ученого, ответ на поставленный вопрос может состоять в том, что обе эти сферы права были озабочены более важными вопросами и что каждая из них не видела в другой источник помощи или угрозы [9].

Ситуация достаточно стремительно изменилась в конце XX в., когда была создана Всемирная торговая организация и было принято Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). Высокие и глобальные стандарты охраны прав интеллектуальной собственности вызвали в обществе понимание того, что такой уровень охраны: 1) не всегда положительно влияет на развитие образования и здравоохранения, культуры и искусства, сельского хозяйства; 2) зачастую вступает в противоречие со свободой самовыражения, правом на доступ к информации и некоторыми другими правами человека.

Наблюдаемая в последние 20–30 лет напряженность между правами интеллектуальной собственности и правами человека поставила перед политиками, законодателями, судьями, учеными всего мира массу актуальных вопросов о соотношении, взаимном влиянии этих прав и дальнейшем пути их развития.

Одной из теорий, которая способна предложить обоснованные варианты осмысления обозначенной проблемы, является учение о межотраслевых связях гражданского права, наибольший вклад в создание которого внес профессор М.Ю. Челышев. Ученый показал, что межотраслевые связи в праве, представляя собой системные связи многоуровневого характера между правовыми нормами разной принадлежности, — это «отношения взаимной зависимости, обусловленности и общности между различными правовыми отраслями, включая и их отдельные части» [6, с. 8]. Хотя межотраслевые связи гражданского права являются прежде всего системными связями между правовыми нормами, М.Ю. Челышев выявил, что они проявляются и в иных элементах механизма правового регулирования: юридических фактах, правоотношениях, актах реализации прав и исполнения обязанностей, применении права [5, с. 71–78]. При этом к формам этих связей, по мнению ученого, относятся межотраслевое взаимодействие, межотраслевое взаимное влияние, межотраслевое правовое регулирование и коллизионное регулирование [6, с. 18].

Исходя из сказанного целью настоящей работы является определение форм межотраслевых связей права интеллектуальной собственности и права прав человека в контексте элементов механизма правового регулирования.

В первой части настоящей работы будут рассмотрены основные точки напряжения между правом интеллектуальной собственности и правом прав человека. Сегодня обычно выделяются три таких пункта: патентное право в контексте права человека на охрану здоровья; авторское право в контексте свободы выражения мнения и права на доступ к информации; охрана традиционных знаний, традиционных выражений культуры и генетических ресурсов в контексте охраны прав коренных народов и общин. Вторая часть статьи посвящена обзору форм межотраслевых правовых связей. В третьей части раскрывается влияние права интеллектуальной собственности на право прав человека, а в четвертой — влияние права прав человека на право интеллектуальной собственности.

Права интеллектуальной собственности и права человека: точки напряжения

Идея о том, что высокий уровень охраны прав интеллектуальной собственности — это важнейшее или одно из важнейших условий инновационного развития общества, стала на рубеже XX–XXI вв. практически аксиоматичной. Но в последние годы ее критика стала звучать и на официальных дискуссионных площадках. В 2016 г. Всемирная организация интеллектуальной собственности организовала международную конференцию по интеллектуальной собственности и развитию, на которой было высказано следующее мнение: «История законодательства в области ИС в тех странах, которые в настоящее время считаются развитыми, показывает, что они не вводили усиленную охрану до тех пор, пока не достигали соответствующего уровня развития»¹.

Суть коллизии прав интеллектуальной собственности и прав человека точно раскрывает М.В. Шугуров: «Последовательное и строгое соблюдение и осуществление исключительных прав, гарантированных международными соглашениями и национальным законодательством, создает определенные затруднения для полной и эффективной реализации универсальных прав и свобод человека, которые относятся к разным поколениям прав» [7, с. 41]. Напомним, что идею поколений

¹ Доклад о международной конференции по интеллектуальной собственности и развитию. Всемирная организация интеллектуальной собственности. Женева, 2016. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/ru/cdip_18/cdip_18_3.pdf.

прав человека в 1970-х гг. обосновал Карел Васак [11, р. 29]. Три поколения прав человека можно метафорически соотнести с тремя идеалами Французской революции — свободой, равенством и братством. К первому поколению прав относятся гражданские и политические права, ко второму — социальные, экономические и культурные права. Права обоих этих поколений отражены во Всеобщей декларации прав человека. Третье поколение прав человека К. Васак назвал «правами солидарности» [11, р. 29].

Политика обладателей исключительных прав на интеллектуальную собственность, стремящихся в наибольшей мере максимизировать свои имущественные интересы, зачастую приводит к чрезмерным ограничениям в доступе и использовании гражданами различных благ. До принятия Соглашения ТРИПС развивающиеся государства самостоятельно, руководствуясь своими социально-экономическими потребностями и возможностями, выводили из-под правовой охраны изобретения в таких сферах, как фармацевтика и сельское хозяйство [7, с. 116]. Однако участие во Всемирной торговой организации поставило точку подобной практике. Результат — цены на жизненно важные препараты во многих странах выросли в несколько раз, что резко снизило уровень доступности важнейших лекарств и вакцин. Это обстоятельство дало основание утверждать, что Соглашение ТРИПС вступает в противоречие с таким базовым правом человека, как право на здоровье. Например, одно из исследований показало, что цены на многие патентованные лекарства в странах Африки значительно выше, чем в Европе или США [8, р. 26]. Более того, как обоснованно отмечает М.В. Шугуров, развитые страны рассматривают принцип баланса интересов как лишнюю деталь в торговых отношениях с развивающимися государствами, хотя сами широко используют «гибкие механизмы», особенно принудительные лицензии, для обеспечения права своих граждан на доступ к фармацевтической продукции [7, с. 53]. Критика Соглашения ТРИПС со стороны правозащитников привела к принятию Дохинской декларации о Соглашении ТРИПС и общественном здоровье, подписанной 14 ноября 2001 г.¹ В документе отражается идея, что стандарты Соглашения ТРИПС должны быть частью более широкой национальной и международной политики по решению проблем общественного здравоохранения. В этой связи участники ВТО вправе использовать гибкие механизмы, направленные на обеспечение доступа к лекарственным средствам².

¹ The Doha Declaration on the TRIPS Agreement and Public Health. November 14, 2001. URL: <http://docsonline.wto.org/imrd/directdoc.asp?DDFDdocuments/t/WT/Min01/DEC2.doc>.

² Ibidem.

Не менее острой и многогранной выглядит проблема коллизии прав человека и другого основополагающего института права интеллектуальной собственности — авторского права. Особое внимание правозащитников и общественности сегодня привлекает вопрос о столкновении авторских прав с такими правами человека, как свобода самовыражения и творчества, право на доступ к информации, право на участие в культурной жизни, право на пользование результатами научного прогресса. В 2012 г. Торговое соглашение по борьбе с контрафакцией (АСТА), над проектом которого в полусекретной обстановке работали правительства США, ЕС, Японии, Канады и ряда других развитых стран, вызвало уличные протесты в некоторых странах Европейского союза и было отклонено Европейским парламентом. Проект АСТА предполагал: 1) установление права таможенных служб досматривать гаджеты граждан на предмет хранения в них файлов, нарушающих авторские права; 2) закрепление обязанности интернет-провайдеров предоставлять информацию о пользователях по административному запросу. В этой связи в Докладе Специального докладчика ООН в области культурных прав от 14 сентября 2014 г. говорится: «Большая озабоченность сегодня высказывается по поводу явного дефицита демократии в рамках разработки политики по вопросам авторских прав на международном уровне. Особую обеспокоенность вызывает тенденция к проведению торговых переговоров в условиях повышенной секретности с участием большого числа представителей корпораций, но без эквивалентного участия выборных должностных лиц и других сторон, представляющих общественные интересы»¹. Примечателен также пример Франции, где в 2013 г. был отменен так называемый Закон о трех страйках — закон, позволявший отключить пользователя от Интернета за неоднократное нарушение авторских прав.

Проблема столкновения прав человека третьего поколения, к которым относятся и права общностей, с правами интеллектуальной собственности выражается в охране традиционных знаний, традиционных выражений культуры и генетических ресурсов. В 1982 г. ЮНЕСКО и ВОИС разработали и приняли Типовые положения национального законодательства о защите произведений фольклора от незаконного использования и других наносящих им ущерб действий². В 1984 г.

¹ Политика в области охраны авторских прав и права на науку и культуру: Доклад Специального докладчика ООН в области культурных прав от 14 сентября 2014 г. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G14/249/53/PDF/G1424953.pdf?OpenElement>.

² Model Provisions for National Laws on the Protection of Expressions of Folklore Against Illicit Exploitation and Other Prejudicial Actions. UNESCO, WIPO, 1985. URL: <https://www.wipo.int/export/sites/www/tk/en/folklore/1982-folklore-model-provisions.pdf>.

экспертами ВОИС и ЮНЕСКО был предметно рассмотрен проект договора о международной охране выражений фольклора. Однако промышленно развитые страны выступили против принятия такого договора.

В 2007 г. ООН была принята Декларация о правах коренных народов¹. В ст. 31 Декларации право коренных народов на охрану своего культурного наследия связывается с правом интеллектуальной собственности: «Коренные народы имеют право на сохранение, контроль, охрану и развитие своего культурного наследия, традиционных знаний и традиционных форм культурного выражения, а также проявлений их научных знаний, технологий и культуры, включая людские и генетические ресурсы, семена, лекарства, знания свойств фауны и флоры, традиции устного творчества, литературные произведения, рисунки, спорт и традиционные игры и изобразительное и исполнительское искусство. Они имеют также право на сохранение, контроль, защиту и развитие своей интеллектуальной собственности на такое культурное наследие, традиционные знания и традиционные формы выражения культуры».

О необходимости охраны традиционных знаний, в том числе через режимы прав интеллектуальной собственности, говорится в Замечаниях общего порядка № 25, подготовленных в 2020 г. Комитетом ООН по экономическим, социальным и культурным правам: «Местные и традиционные знания и знания коренного населения, особенно в отношении природы, видов (флоры, фауны, семян) и их свойств, являются ценными и должны играть важную роль в глобальном научном диалоге. Государства должны принимать меры для охраны таких знаний с помощью различных средств, включая специальные режимы интеллектуальной собственности, и для обеспечения того, чтобы местные и традиционные общины и коренные народы владели этими традиционными знаниями и имели над ними контроль» (п. 39)².

Таким образом, обсуждаемая проблема состоит в том, что компании развитых государств создают на основе традиционных знаний, выражений культуры и генетических ресурсов охраноспособные результаты интеллектуальной деятельности и коммерциализируют их.

¹ Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов (принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml.

² Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Замечания общего порядка № 25 от 6 марта 2020 г. о науке и экономических, социальных и культурных правах (пункты 1 b), 2, 3 и 4 статьи 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах). URL: <https://undocs.org/ru/E/C.12/GC/25>.

В свою очередь коренные народы как носители традиционных знаний и выражений культуры обычно не имеют возможности коммерциализировать свое культурное наследие. Приведем известный пример, иллюстрирующий эту проблему. Порошок корней куркумы очень давно применяется в традиционной медицине Индии в качестве средства борьбы с инфекционными заболеваниями. В 1995 г. исследователи медицинского центра одного из американских университетов получили патент США на использование куркумы для заживления ран [1]. Индийский совет по научным и промышленным исследованиям оспорил этот патент на основании того, что такое использование куркумы не является новым изобретением [1].

В 2023 г. ВОИС приняла решение создать в 2024 г. Международную дипломатическую конференцию для заключения Международного правового документа, касающегося интеллектуальной собственности, генетических ресурсов и традиционных знаний, связанных с генетическими ресурсами¹. Можно обратить внимание на отраженные в проекте этого документа следующие межотраслевые связи права прав человека и права интеллектуальной собственности. В преамбуле документа подчеркивается значимость Декларации ООН о правах коренных народов. В ст. 1 в качестве одной из целей документа указано «предотвращение ошибочной выдачи патентов на изобретения, которые не обладают новизной или изобретательским уровнем в отношении генетических ресурсов и связанных с ними традиционных знаний». В ст. 3.1 установлено требование заявителя раскрыть страну или источник генетических ресурсов в тех случаях, когда изобретение, указанное в патентной заявке, в существенной степени основано на генетических ресурсах. Если регистрируемое изобретение в существенной степени основано на традиционных знаниях, связанных с генетическими ресурсами, то каждая договаривающаяся сторона требует от заявителей раскрыть информацию о коренных народах или местной общине, предоставивших традиционные знания, связанные с генетическими ресурсами, или источник о таких знаниях (ст. 3.2).

Таким образом, соотношение права прав человека и права интеллектуальной собственности постепенно эволюционирует от научных дискуссий и политических обсуждений к появлению конкретных межотраслевых правовых связей. Рассмотрим далее формы подобных связей в контексте элементов механизма правового регулирования.

¹ Дипломатическая конференция ВОИС по генетическим ресурсам и связанным с ними традиционным знаниям 2024 г. URL: <https://www.wipo.int/diplomatic-conferences/ru/genetic-resources/index.html>.

Формы межотраслевых связей права интеллектуальной собственности и права прав человека

Напомним, что к формам межотраслевых правовых связей М.Ю. Чельшев относил межотраслевое взаимодействие, межотраслевое взаимное влияние, межотраслевое правовое регулирование и коллизионное регулирование. Такое видение не представляется логически и концептуально безупречным. Межотраслевое правовое регулирование и коллизионное регулирование как формы межотраслевых правовых связей, на наш взгляд, избыточны в этом понятийном ряду. В то же время целью этой статьи не является критика теории М.Ю. Чельшева. Позволим себе лишь в нескольких словах высказать собственное мнение о формах межотраслевых правовых связей.

Межотраслевое взаимодействие и взаимное влияние представляют собой такие формы связи, которые последовательно отражаются во всех или в некоторых элементах механизма правового регулирования. Межотраслевое взаимодействие отражается во всех элементах подобного механизма, а взаимное влияние — на уровне правовых норм и правореализации [6, с. 18]. По крайней мере так говорится в автореферате докторской диссертации М.Ю. Чельшева. Однако в его монографии сказано, что межотраслевое взаимное влияние присутствует и на уровне юридических фактов и правоотношений механизма правового регулирования [5, с. 71–74]. Представляется, что было бы более логичным утверждать, что межотраслевое взаимное влияние как более мягкая форма межотраслевых связей присутствует не во всех элементах механизма правового регулирования.

Далее межотраслевое правовое регулирование логично рассматривать как такой блок межотраслевого взаимодействия или межотраслевого взаимного влияния, который соответствует нормам и источникам права как первому элементу механизма правового регулирования. В свою очередь коллизионное регулирование, понимаемое М.Ю. Чельшевым как свод установленных правом правил, которые позволяют согласовывать действие норм гражданского права и иных правовых образований [6, с. 10], можно понимать как один из аспектов нормативного или правоприменительного блока межотраслевого взаимодействия. Вопрос о том, является ли коллизионное регулирование одним из аспектов межотраслевого взаимного влияния, представляется нам пока открытым.

Сам термин «коллизионное регулирование», используемый М.Ю. Чельшевым в указанном контексте, представляется не совсем точным. Выражая это мнение, мы разделяем воззрения А.С. Еременко, который последовательно проводит демаркационную линию между правовыми

коллизиями и конкуренцией норм права. По мнению автора, коллизия норм гражданского права в положительном смысле — это состояние одновременного наличия равносильных оснований применения к спорным обстоятельствам норм, действующих в самостоятельных правовых системах [2, с. 32]. Коллизия правовых норм, понимаемая в негативном смысле, — это «такой юридически значимый результат одновременного фактического наличия нескольких норм гражданского права, взаимоисключающих действие, следовательно, и применение друг друга, при котором каждая из данных норм в отдельности может быть применена к одному и тому же обстоятельству, но только та норма гражданского права, которая имеет высшую юридическую силу либо является общей нормой по отношению к иным коллидирующим нормам гражданского права, подлежит применению» [2, с. 32–33]. Напротив, конкуренция норм гражданского права, по мнению А.С. Еременко, «есть такой юридически значимый результат одновременного наличия двух имеющих равную юридическую силу норм гражданского права — общей и специальной, когда обе нормы содержат необходимые признаки квалифицируемого гражданского отношения, но только одна из них — специальная норма содержит необходимые и достаточные, то есть исчерпывающие, признаки данного отношения, исключая применение общей нормы гражданского права» [2, с. 34].

Таким образом, межотраслевые связи права прав человека и права интеллектуальной собственности далее будут протестированы через призму двух базовых форм межотраслевых связей — взаимодействия и взаимного влияния. Первая из них представляет собой более высокую степень интеграции и конвергенции разноотраслевых норм права. И здесь следует сформулировать, пожалуй, основную гипотезу настоящей работы, согласно которой развитие межотраслевых связей исследуемых областей права в настоящее время находится на стадии их взаимного влияния. Такое положение вещей наблюдается на уровне норм права, международного мягкого права (*soft law*), применения норм права национальными и наднациональными судами. Результатом взаимного влияния отраслей права обычно является их некоторая трансформация, которая имеет два основных аспекта: 1) формирование новых правовых норм; 2) установление новых направлений и границ реализации права [5, с. 61].

Влияние права интеллектуальной собственности на право прав человека

Начнем с влияния права интеллектуальной собственности на право прав человека, поскольку исторически этот процесс воздействия начался ранее встречного ему тренда. Мы ограничиваем свой анализ

механизмом правового регулирования и не рассматриваем влияние философско-правового дискурса о естественных правах на юридическую доктрину, который привел к появлению во Франции XVIII в. доктринального термина «интеллектуальная собственность» [4, с. 89–93].

1. Обратим внимание на ключевое для рассматриваемой сферы права человека: «Каждый человек имеет право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является» (п. 2 ст. 27 Всеобщей декларации прав человека). Это право также закреплено в п. 1 (с) ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 г.¹

Право на защиту моральных и материальных интересов было признано во Всеобщей декларации благодаря консолидированной позиции латиноамериканских государств, Франции и Китая. Формулировка этого права основана на традиции континентального авторского права, в рамках которого охраняются имущественные и неотчуждаемые личные (моральные) права автора. Государства англо-американской правовой семьи, долгое время вообще не признававшие моральные права автора, выступали против признания этих прав и приводили следующие аргументы: 1) охрана прав автора относится к сфере авторского права, а не прав человека; 2) право на защиту интересов автора не является правом человека, так как оно нацелено на защиту определенной группы лиц, а не всех людей; 3) имущественные права на произведения являются одним из аспектов права собственности, поэтому они не должны защищаться через статью о культурных правах.

Континентальное авторское право, несомненно, оказало влияние как на формулировку права на защиту моральных и материальных интересов автора, так и на официальное толкование п. 1 (с) ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Предложение признать это право во Всеобщей декларации прав человека неоднократно вносил один из ее авторов — французский ученый, будущий Председатель ЕСПЧ (1965–1968 гг.) Рене Кассен².

В 2006 г. Комитетом ООН по экономическим, социальным и культурным правам было дано официальное толкование права на защиту моральных и материальных интересов³. В Замечаниях общего порядка

¹ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк) от 19 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831).

² Amendment to Article 30 of the Draft International Declaration on Human Rights (Document E/CN.4/95) / France: 11.06.1948. URL: <http://undocs.org/E/CN.4/125>.

³ Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Замечания общего порядка № 17 от 12 января 2006 г.: Право каждого на пользование защитой моральных и материальных интересов, возникающих в связи с научными, литератур-

№ 17 мы видим, что одни элементы рассматриваемого права человека истолкованы исключительно в авторско-правовом ключе, тогда как другим, напротив, дано активистское толкование, направленное на размежевание прав человека и авторских прав. Комитет ООН подчеркнул то, что права человека являются фундаментальными, неотъемлемыми и универсальными правами физических лиц или групп физических лиц, права интеллектуальной собственности, напротив, являются прежде всего средством, которым пользуются государства для стимулирования изобретательства и творчества, содействия распространению продукции творчества и изобретательства (п. 1 Замечаний).

Примечательно, что, сделав заявление об отсутствии корреляции между правом на защиту моральных и материальных интересов и режимом авторского права, Комитет как раз отождествил защиту моральных интересов с охраной важнейших моральных авторских прав: «Моральные интересы в пункте 1 (с) статьи 15 включают в себя право авторов быть признанными в качестве создателей своих научных, литературных и художественных трудов и противодействовать любому извращению, искажению или иному изменению таких трудов, а также любому другому посягательству на них, способному нанести ущерб чести или репутации авторов» (п. 13). Здесь практически дословно был воспроизведен п. 1 ст. 6 bis Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений, устанавливающий охрану двух важнейших моральных прав автора — права авторства и права на защиту репутации автора. Примечательно также, что история разработки п. 2 ст. 27 Всеобщей декларации прав человека связана с п. 1 ст. 6 bis Бернской конвенции, который получил свою нынешнюю редакцию за полгода до принятия Всеобщей декларации прав человека.

Активистское толкование, отражающее ослабление межотраслевого взаимного влияния авторского права и права прав человека, дано таким терминам, как «автор», «научные, литературные или художественные труды». В авторском праве под автором прежде всего понимается физическое лицо, создавшее произведение творческим трудом. Именно такое понимание авторства было заложено во Всеобщей декларации прав человека. Однако под автором в Замечаниях общего порядка № 17 также понимаются группы физических лиц или общины (п. 8). Комитет пояснил, что разработчики этой статьи, видимо, считали, что авторами являются только физические лица, не осознавая в то время, что ими могут также являться и коллективы. Разработчики Всеобщей деклара-

ции прав человека под научными, литературными и художественными трудами понимали только объекты авторского права. В Замечаниях общего порядка № 17 опять же в активистском духе к этим объектам были добавлены инновации, включая знания, инновации и практику коренных и местных общин, а также представления и устные предания. Никакой конкретики относительно того, что понимается под инновациями и представлениями, в рассматриваемом документе нет. Между тем под инновациями могут пониматься и изобретения, хотя эти объекты были целенаправленно исключены из п. 2 ст. 27 Всеобщей декларации прав человека. Под представлениями можно понимать как сценические произведения (объекты авторских прав), так и их исполнения (объекты смежных прав), что опять же не в полной мере соответствует тексту комментируемых актов.

2. Далее обратимся к ключевому цивилистическому понятию — «интеллектуальная собственность». Долгое время ни в одном из ключевых международных и региональных актов о правах человека это понятие не использовалось. Например, в ст. 1 Протокола № 1 от 20 марта 1952 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свобод зафиксировано положение об охране собственности: «Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности...»¹.

На протяжении нескольких десятилетий ЕСПЧ и Европейская комиссия по правам человека игнорировали вопросы интеллектуальной собственности. Заявители, подавая жалобы, связанные с интеллектуальной собственностью, также до начала 1990-х гг. не ссылались на ст. 1 Протокола № 1. И когда, как пишет Лоуренс Хелфер, эти заявители действительно стали связывать нарушения прав интеллектуальной собственности с этой статьей, ЕСПЧ и Европейская комиссия без промедления отклонили их жалобы, применяя ограничительное толкование ст. 1 [10]. Путь к широкому толкованию ст. 1 Протокола № 1 и защите через нее имущественных прав интеллектуальной собственности ЕСПЧ начал в 1995 г., когда вынес Постановление по делу «Газус Дозье унд Фердертеchnik ГмБХ против Нидерландов» и указал, что понятие «имущество» не ограничивается правом собственности на материальные объекты и что в понятие имущества следует также включать активы, которые можно рассматривать как имущественные права².

Несомненно, что впечатляющий судебский активизм ЕСПЧ оказал влияние на разработчиков Хартии ЕС об основных правах от 7 декабря

¹ Протокол № 1 от 20 марта 1952 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свобод // СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

² European Court of Human Rights (ECTHR) Gasus Dosier-Und Fodertechnik GmbH v. The Netherlands, app. № 15375/89, 23 Feb. 1995 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-57918&filename=001-57918.pdf>.

2000 г.¹ В п. 2 ст. 17 Хартии, посвященной праву собственности, закреплено, что «интеллектуальная собственность находится под защитой». Таким образом, цивилистическое понятие получило «гражданство» в одном из важнейших современных актов о правах человека.

Влияние права прав человека на право интеллектуальной собственности

Сегодня влияние права прав человека на право интеллектуальной собственности трудно оспаривать. Но до сих пор эта форма межотраслевых связей исследуемых областей права не трансформировалась в межотраслевое взаимодействие. Во-первых, мы не видим сколь-либо значимых межотраслевых связей в таких элементах механизма правового регулирования, как юридические факты, правоотношения, акты непосредственной реализации права. Во-вторых, в современном развитии исследуемых областей права не произошел еще качественный скачок их интеграции, который можно было бы оценить как межотраслевое взаимодействие.

1. Двумя ключевыми уровнями влияния права прав человека на авторское и патентное право являются нормативный и правоприменительный. Постепенно нормы международного и национального права интеллектуальной собственности дополняются декларациями, правилами и принципами, апеллирующими к соблюдению прав человека. Выше в качестве примеров таких актов приводились Дохинская декларация о Соглашении ТРИПС и общественном здоровье, проект Международного правового документа, касающегося интеллектуальной собственности, генетических ресурсов и традиционных знаний, связанных с генетическими ресурсами.

Обратим также внимание на принятый в рамках ВОИС Марракешский договор от 27 июня 2013 г.², который представляет собой первое глобальное соглашение, специально посвященное установлению отдельных ограничений исключительных авторских прав. Договор предусматривает ограничения авторских прав, устанавливаемые с целью обеспечить экземплярами произведений в доступном формате лиц, являющихся слепыми, имеющими ограничение зрения либо не способными в силу физического недостатка держать книгу.

¹ Хартия ЕС об основных правах от 7 декабря 2000 г. URL: <https://eulaw.ru/treaties/charter/>.

² Марракешский договор для облегчения доступа слепых и лиц с нарушениями зрения или иными ограниченными способностями воспринимать печатную информацию к опубликованным произведениям от 27 июня 2013 г. // URL: <https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/marrakesh/>.

Преамбула к этому соглашению начинается со следующих слов, показывающих влияние права прав человека на авторское право: «Договаривающиеся стороны, ссылаясь на принципы недискриминации, равных возможностей, доступности и полного и эффективного вовлечения и включения в общество, провозглашенные во Всеобщей декларации прав человека и Конвенции Организации Объединенных Наций о правах инвалидов». Также в Договоре в качестве фундаментальных ценностей обозначены свобода самовыражения, право на образование, право участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством и пользоваться результатами и благами научного прогресса.

Около сотни государств имплементировали положения Марракешского договора в свое национальное законодательство. В Гражданском кодексе РФ соответствующие ограничения исключительных прав установлены в п. 2 ст. 1274.

Говоря о патентном праве, рассмотрим Федеральный закон от 30 апреля 2021 г., направленный на усиление охраны права человека на жизнь и здоровье. Этим Законом п. 1 ст. 1360 ГК РФ был изложен в новой редакции: «Правительство Российской Федерации имеет право в случае крайней необходимости, связанной с обеспечением обороны и безопасности государства, охраной жизни и здоровья граждан, принять решение об использовании изобретения, полезной модели или промышленного образца без согласия патентообладателя с уведомлением его об этом в кратчайший срок и с выплатой ему соразмерной компенсации»¹.

2. Не менее важным сегодня представляется межотраслевое влияние права прав человека на право интеллектуальной собственности, оказываемое на уровне применения права национальными и наднациональными судами.

Тридцать первого декабря 2020 г., когда еще действовала прежняя редакция ст. 1360 ГК РФ, Правительство РФ приняло распоряжение², которым в целях обеспечения населения России лекарственными препаратами «Ремдесивир» АО «Фармасинтез» было разрешено использование без согласия патентообладателя соответствующих изобретений. Патентообладатели оспорили указанное распоряжение в Верховном Суде РФ³. Верховный Суд РФ отклонил административный иск и отме-

¹ Федеральный закон от 30 апреля 2021 г. № 107-ФЗ «О внесении изменения в статью 1360 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации: URL: <http://pravo.gov.ru>.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 3718-р.

³ Решение Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2021 г. № АКПИ21-303.

тил, что правильное толкование заключается в том, что законодатель, внося соответствующие изменения в названную норму, уточнил случаи, в которых Правительство РФ вправе в интересах обороны и безопасности страны разрешить использование изобретения без согласия патентообладателя, не расширяя перечень оснований для принятия решения по отношению к ранее установленным. При этом Верховный Суд РФ сослался на ч. 3 ст. 55 Конституции РФ в том контексте, что патентные права относятся к правам человека и что, следовательно, к их ограничениям подлежит применению норма этой части. Однако более правильным было бы не говорить об ограничениях исключительных прав как об ограничениях прав человека, поскольку исключительные права не являются правами человека, и не применять в данном случае ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Влияние дискурса о правах человека на авторское право в практике Конституционного Суда РФ началось с принятием Постановления от 13 декабря 2016 г. № 28-П¹. Конституционный Суд РФ признал не соответствующими Конституции РФ положения ГК РФ о компенсации за нарушение исключительных прав, поскольку они не позволяют суду определить с учетом фактических обстоятельств конкретного дела общий размер компенсации ниже минимального предела в 10 тыс. руб., установленного данными нормами. Интерес вызывает то, какие принципы и права человека стали конституционно-правовыми рамками для положений о защите исключительных прав.

С одной стороны, в качестве таких принципов Конституционный Суд РФ обозначил принципы справедливости, равенства и соразмерности, с соблюдением которых должна осуществляться защита исключительных прав. С другой стороны, обосновывая свое решение через права человека, Суд разграничил положение нарушителей — юридических лиц, привлечение которых к ответственности обычно не приводит к непропорциональному вторжению в имущественную сферу их участников, и нарушителей — физических лиц. В отношении последних чрезмерный (с точки зрения принципов равенства и справедливости) размер ответственности не исключает возложение столь серьезных имущественных обязательств, что их исполнение может не только поставить под сомнение продолжение нарушителем предпринимательской деятельности, но и крайне негативно отразиться на его жизненной ситуации. В результате такого рода рассуждений Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что в конечном счете обозначенная коллизия приводит к нарушению ст. 21 Конституции РФ,

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2016 г. № 28-П. Официальный интернет-портал правовой информации: URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

гарантирующей охрану государством достоинства личности и не допускающей наказаний, унижающих человеческое достоинство. Такой тезис представляется сильным юридическим ходом, поскольку достоинство личности — это высшая в иерархии прав человека ценность, что подтверждается, в частности, логикой и структурой упомянутой выше Хартии ЕС об основных правах.

Говоря о роли Хартии ЕС об основных правах в практике Суда ЕС по спорам о защите авторских прав, посмотрим на дело «Funke Medien NRW GmbH v. Bundesrepublik Deutschland»¹. Здесь Суд ЕС отвечал на следующие вопросы: 1) каким образом должны учитываться закрепленные в Хартии основные права при установлении объема ограничений и исключений авторских прав, установленных в Директиве ЕС об авторском праве и смежных правах в информационном обществе; 2) могут ли основные права на свободу информации или свободу средств массовой информации (ст. 11 Хартии) оправдывать ограничения и исключения авторских прав сверх ограничений и исключений, установленных в указанной Директиве.

Суд ЕС заявил, что уровень защиты основных прав человека, предусмотренный в Хартии, должен быть достигнут при переносе положений Директивы ЕС в национальное законодательство независимо от усмотрения стран — членов ЕС. Отвечая на вопрос о способах учета основных прав в делах об ограничениях авторских прав, Европейский Суд заявил, что национальным судам следует устанавливать справедливый баланс между правами авторов и правами пользователей на основе толкования законоположений в контексте основных прав, закрепленных в Хартии. Говоря о защите интеллектуальной собственности в ст. 17 Хартии, Суд ЕС подчеркнул, что ни в формулировке этого положения, ни в прецедентной практике Суда ЕС нет ничего, что указывало бы на то, что это право является неприкосновенным и что оно должно защищаться как абсолютное право.

Более интересным и значимым представляется вопрос о том, могут ли свобода выражения мнения и свобода массовой информации (ст. 11 Хартии) оправдать помимо ограничений, установленных в ст. 5 Директивы 2001/29, дополнительные ограничения исключительных авторских прав. По мнению Суда ЕС, перечень ограничений, установленных в Директиве, является исчерпывающим. Механизмы, призванные сбалансировать указанные свободы и авторское право, уже содержатся

¹ Judgment of the European Court of Justice of 29 July 2019 № C-469/17 (Funke Medien NRW GmbH v. Bundesrepublik Deutschland) // URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?jsessionid=97ABBF04083900020ACD5538498B381D?text=&docid=216545&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=5446692>.

в этом акте. Разрешение каждому государству выходить за очерченные в ст. 5 Директивы рамки поставит под угрозу как эффективность гармонизации авторского права и смежных прав, осуществляемой Директивой, так и преследуемую ею цель правовой определенности. Кроме того, различия в национальных перечнях ограничений авторских прав будут иметь негативное влияние на функционирование внутреннего единого рынка авторских и смежных прав.

Таким образом, в практике Суда ЕС в настоящее время наблюдаются следующие тенденции в сфере влияния права прав человека на авторское право:

1) национальные законодатели и суды стран — членов ЕС не вправе расширять перечень ограничений авторских прав (установленный в директивах ЕС), даже ссылаясь на права человека;

2) национальные суды, применяя положения законодательства об ограничениях авторских прав, имеют право толковать их с целью достижения справедливого баланса между авторским правом и правами человека.

Заключение

Права человека и права интеллектуальной собственности являются плодами эпохи Просвещения. Однако в течение 200—300 лет правовые нормы, устанавливающие охрану этих прав, развивались независимо друг от друга. Высокие и глобальные стандарты охраны прав интеллектуальной собственности, обусловленные принятием Соглашения ТРИПС в 1994 г., вызвали в обществе и среди специалистов понимание того, что такой уровень охраны не всегда положительно влияет на охрану фундаментальных прав человека.

Учение о межотраслевых связях гражданского права способно адекватно показать отношения взаимной зависимости, обусловленности и общности между столь различными областями права.

По мнению М.Ю. Челышева, к формам межотраслевых правовых связей относятся межотраслевое взаимодействие, межотраслевое взаимное влияние, межотраслевое правовое регулирование и коллизионное регулирование. Такой подход представляется не совсем последовательным и концептуально точным. Межотраслевое правовое регулирование и коллизионное регулирование как формы межотраслевых правовых связей представляются избыточными в этом понятийном ряду.

Развитие межотраслевых связей права интеллектуальной собственности и права прав человека в настоящее время находится на стадии их взаимного влияния. Последнее наблюдается на уровне норм права,

международного мягкого права (*soft law*) и применения норм права национальными и наднациональными судами.

Влияние интеллектуального права на права человека выражается прежде всего: 1) в формулировке п. 2 ст. 27 Всеобщей декларации прав человека; 2) в п. 2 ст. 17 Хартии ЕС об основных правах, согласно которому интеллектуальная собственность находится под защитой.

Влияние права прав человека на право интеллектуальной собственности более многогранно. Двумя ключевыми уровнями такого влияния являются нормативный и правоприменительный. До сих пор эта форма межотраслевых связей исследуемых областей права не трансформировалась в межотраслевое взаимодействие. В современном развитии права прав человека и права интеллектуальной собственности не произошёл ещё качественный скачок их интеграции, который можно было бы оценить как межотраслевое взаимодействие.

Библиографический список

1. Газизова А.Ш. Об охране традиционных знаний, традиционных выражений культуры и генетических ресурсов // Российский юридический журнал. 2019. № 2. С. 58–65.

2. Еременко А.С. Теория и методология гражданского правоприменения: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2011. 622 с.

3. Кривокапич Б.Д. Права человека: наименование, концепция, правовые и иные аспекты // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9. № 3. С. 91–98.

4. Матвеев А.Г. Интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства: учеб. пособие / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2015. 444 с.

5. Чельшев М.Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 206 с.

6. Чельшев М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2009. 42 с.

7. Шугуров М.В. Коллизии прав человека и прав интеллектуальной собственности в условиях современного НТП: международно-правовой аспект: монография. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2018. 644 с.

8. *Chapman A.* Approaching Intellectual Property as a Human Right (Obligations Related to Article 15 (1) (c)) // Copyright Bulletin. 2001. Vol. XXXV. № 3. Pp. 4–36.

9. *Helper L.R.* Human Rights and Intellectual Property: Conflict or Coexistence? // Minnesota Intellectual Property Review. 2003.

Vol. 5. Issue 1. URL: <https://scholarship.law.umn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1399&context=mjlst>.

10. *Helper L.R.* The New Innovation Frontier? Intellectual Property and the European Court of Human Rights // Harvard International Law Journal. 2008. Vol. 49. № 1. URL: https://scholarship.law.duke.edu/faculty_scholarship/1956/.

11. *Vasak K.* Human rights: a thirty-year struggle: the sustained efforts to give force of law to the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier. Paris: UNESCO, 1977. November. 29 p.

References

1. *Gazizova A.Sh.* *Ob okhrane traditsionnykh znaniy, traditsionnykh vyrazheniy kultury i geneticheskikh resursov* [On the Tradition Knowledge, Tradition Cultural Expressions and Genetic Resources Protection]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* – Russian Legal Journal. 2019. Issue 2. Pp. 58–65. (In Russ.)

2. *Eremenko A.S.* *Teoriya i metodologiya grazhdanskogo pravoprimeneniya: dis. ... dokt. yurid. nauk* [The Theory and Methodology of Civil Law Application: Doc. jurid. sci. dis.]. Moscow, 2011. 622 p. (In Russ.)

3. *Krivokapic B.D.* *Prava cheloveka: naimenovanie, kontseptsiya, pravovye i inye aspekty* [Human Rights: Term, Concept, Legal and Other Aspects]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* – Juridical Journal of Samara University. 2023. Vol. 9. Issue 3. Pp. 91–98. (In Russ.)

4. *Matveev A.G.* *Intellektualnye prava na proizvedeniya nauki, literatury i iskusstva: ucheb. posobie* [Intellectual Rights in Works of Science, Literature and Art: a Textbook]. Perm, 2015. 444 p. (In Russ.)

5. *Chelyshev M.Yu.* *Osnovy ucheniya o mezhotraslevykh svyazyakh grazhdanskogo prava* [Fundamentals of the Doctrine of Interbranch Relations of Civil Law]. Kazan, 2008. 206 p. (In Russ.)

6. *Chelyshev M.Yu.* *Sistema mezhotraslevykh svyazey grazhdanskogo prava: civilisticheskoe issledovanie: afteref. dis. ... doct. yurid. nauk* [The System of Interbranch Relations of Civil Law: a Civilistic Study: Doc. jurid. sci. dis. abstract]. Kazan, 2008. 42 p. (In Russ.)

7. *Shugurov M.V.* *Kollizii prav cheloveka i prav intellektualnoy sobstvennosti v usloviyakh sovremennogo NTP: mezhdunarodno-pravovoy aspekt: monografiya* [Conflicts of human rights and intellectual property rights in the conditions of modern scientific and technological progress: international legal aspect: monograph]. Saratov, 2018. 644 p. (In Russ.)

8. *Chapman A.* Approaching Intellectual Property as a Human Right (Obligations Related to Article 15 (1) (c)) // Copyright Bulletin. 2001. Vol. XXXV. Issue 3. Pp. 4–36. (In Eng.)

9. *Helper L.R.* Human Rights and Intellectual Property: Conflict or Coexistence? // Minnesota Intellectual Property Review. 2003. Vol. 5. Issue 1. Available at: <https://scholarship.law.umn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1399&context=mjlst> (In Eng.)

10. *Helper L.R.* The New Innovation Frontier? Intellectual Property and the European Court of Human Rights // Harvard International Law Journal. 2008. Vol. 49. Issue 1. Available at: https://scholarship.law.duke.edu/faculty_scholarship/1956/ (In Eng.)

11. *Vasak K.* Human rights: a thirty-year struggle: the sustained efforts to give force of law to the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier. Paris: UNESCO, 1977. November. 29 p. (In Eng.)

Информация об авторе:

А.Г. Матвеев

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
ORCID: 0000-0002-5808-939X.
Researcher ID: F-1946-2016.

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-33-348-353.

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-484-496.

DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-281-309.

DOI: 10.21684/2412-2343-2022-9-3-144-173.

Information about the author:

A.G. Matveev

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia.
ORCID: 0000-0002-5808-939X.
Researcher ID: F-1946-2016.

Articles in «Scopus»/«Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-33-348-353.

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-484-496.

DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-281-309.

DOI: 10.21684/2412-2343-2022-9-3-144-173.

МЕТОДОЛОГИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РОЛЕЙ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ

С.Ю. Морозов

Ульяновский государственный университет

E-mail: fgslaw@mail.ru

Введение: Полноценное исследование гражданско-правовых механизмов невозможно без выявления ролей правовых средств, которые выступают в качестве элементов механизма. Одну и ту же роль в механизме могут играть различные правовые средства. Задача проектировщика модели подобрать компонент таким образом, чтобы предназначенная ему роль выполнялась наиболее эффективно, а сопряжение с другими элементами механизма было приближено к идеалу. Между тем методология определения ролей правовых средств в гражданско-правовых механизмах отсутствует, равно как и отсутствуют исследования, посвященные ролям правовых средств. **Цель:** сформировать научное представление о возможных ролях правовых средств в гражданско-правовых механизмах с установлением этапа их определения в методологической последовательности моделирования прагматической модели цивилистического механизма. **Методы исследования:** системный подход, метод правового моделирования; формально-логические методы. **Результаты:** доказана необходимость выявления ролей правовых средств при моделировании цивилистических механизмов как необходимый этап проектирования. Выявлена зависимость ролей от функций элементов механизма. Определены возможные роли правовых средств. **Выводы:** 1) гражданско-правовых механизмов, которые не предназначены для преобразования базового ресурса, не бывает; 2) ничего не преобразующий механизм является испорченной вещью; в качестве базового ресурса в гражданско-правовых механизмах могут выступать общественные отношения, воля, субъективные права, условия договора, очередность требований кредиторов и т.п.; 3) для того, чтобы в процессе моделирования гражданско-правового механизма под выявленные функции подобрать нужные элементы, необходимо определить роль каждого из элементов, т.е. выявить нужный набор его свойств, связанный с выполнением искомой функции (с функционированием), без которых достичь нужного правового результата на выходе

системы невозможно; 4) возможными ролями, которые могут играть гражданско-правовые средства в цивилистических механизмах, являются роли: укрепителя базового ресурса; буфера между взаимоисключающими гражданскими правами; восстановления базового ресурса; инвертора; конвертера; ограничителя и усилителя базового ресурса.

Ключевые слова: гражданско-правовой механизм; роли правовых средств; базовый ресурс; интегративное свойство.

METHODOLOGY FOR DETERMINING THE ROLE OF LEGAL MEANS IN THE STUDY OF CIVILITY MECHANISMS

S.Yu. Morozov

Ulyanovsk State University

E-mail: fgslaw@mail.ru

Introduction: *A full-fledged study of civil law mechanisms is impossible without identifying the roles of legal means that act as elements of the mechanism. Different legal means can play the same role in the mechanism. The task of the model designer is to select a component in such a way that its intended role is performed in the most efficient way, and the interface with other elements of the mechanism is close to ideal. Meanwhile, there is no methodology for determining the roles of legal means in civil law mechanisms, as well as there are no studies on the roles of legal means.* **Purpose:** *to form a scientific understanding of the possible roles of legal means in civil law mechanisms with the definition of the stage of their determination in the methodological sequence of modeling the pragmatic model of the civil mechanism.* **Research methods:** *system approach, legal modeling method; formal-logical methods.* **Results:** *the necessity of identifying the roles of legal means in modeling civil law mechanisms, as a necessary design stage, is proved. The dependence of roles on the functions of the elements of the mechanism is revealed. The possible roles of legal means are determined.* **Conclusions:** *1) there are no civil law mechanisms that are not designed to transform the basic resource. The nothing-transforming mechanism is a corrupted thing; 2) public relations, will, subjective rights, contract terms, order of creditors' claims, etc. can act as a basic resource in civil law mechanisms; 3) in order to select the necessary elements for the identified functions in the process of modeling the civil law mechanism, it is necessary to determine the role of each of the elements, i.e. identify the required set of its properties associated with the performance of the desired function (with functioning), without which it is impossible to achieve the desired legal result at the output of the system; 4) the possible roles that can be played by civil law means in civil law mechanisms are the roles of: a strengthener of the basic resource;*

buffer between mutually exclusive civil rights; restoration of the base resource; inverter; converter; base resource limiter and amplifier.

Keywords: *civil law mechanism; the role of legal means; base resource; integrative property.*

Введение

При исследовании гражданско-правовых механизмов почти совсем не уделяется внимание ролям правовых средств, которые выступают в качестве элементов данных системных образований. Такое положение дел негативно влияет на эффективность работы механизма, поскольку часто используются неуместные либо излишние правовые средства, тормозящие его работу. Иногда из-за неправильного подбора правовых средств в отдельных звеньях происходит неверное их сопряжение. Однако, прежде чем говорить о конкретных ролях, которые могут выполнять элементы цивилистического механизма, следует сделать акцент на ряде вводных положений, на которые необходимо опираться при проведении научных исследований по данной тематике. Прежде всего следует отметить, что любой механизм, в том числе и гражданско-правовой, представляет собой систему взаимосвязанных элементов. В науке высказываются мнения, что существуют механизмы, которые системами не являются. По этому поводу можно дискутировать, однако в правовой сфере таких бессистемных механизмов нет и быть не может. Мало того, что правовые механизмы всегда состоят из взаимосвязанных элементов, они еще всегда направлены на достижение единой правовой цели. Каждый элемент, выполняя свою роль в механизме, вносит свой посильный вклад в достижение общей цели. В этой связи при исследовании гражданско-правовых механизмов следует применять знания, накопленные теорией систем. Мы исходим из того, что знания теории систем универсальны и применимы к любым системам, в том числе и к правовым.

Будучи системой, гражданско-правовые механизмы обладают интегративным свойством. Чтобы определить данное свойство конкретной системы, необходимо определиться с некоторыми понятиями. Одним из важнейших понятий, напрямую связанным с интегративным свойством, применительно к рассматриваемой проблеме является понятие базового ресурса. Любая система, в том числе и гражданско-правовой механизм, предназначена для преобразования чего-либо. Это «чего-либо» и принято называть в теории систем *базовым ресурсом*. Если механизм представить в виде черного ящика, у которого имеются вход и выход, то на выходе всегда будет преобразованный базовый ре-

сурс. В общем виде интегративным свойством любой системы является преобразование базового ресурса. Только для каждой системы он свой. Гражданско-правовой механизм в данном случае не является исключением из данного правила. Следовательно, гражданско-правовых механизмов, которые не предназначены для преобразования базового ресурса, не бывает. Механизм, ничего не преобразовывающий, является испорченной вещью. Базовый ресурс в правовой сфере, конечно же, обладает определенной спецификой. В качестве такового могут выступать, например, воля сторон соглашения, общественные отношения, субъективные права, условия договора, очередность требований кредиторов и т.п. Так любое гражданско-правовое соглашение, будучи системой, преобразует несогласованную волю сторон в согласованную. Нормы гражданского права и условия гражданско-правовых договоров преобразуют общественные отношения в правоотношения. Система, состоящая из договоров с открытыми условиями и разовых договоров, преобразует открытые условия договоров в «закрытые» (полные) [4]. Механизм защиты прав достойных наследников преобразует незащищенные права таких наследников в защищенные [18]. Механизм субординации требований кредиторов в процессе несостоятельности и банкротства преобразует неупорядоченные требования кредиторов в упорядоченные по принципу субординации [25].

Другой особенностью базового ресурса в гражданско-правовой сфере является то, что цель его преобразования сугубо правовая, а значит, и результат исключительно гражданско-правовой. Вне зависимости от того, что поступает на вход цивилистического механизма, на выходе всегда будет явление, лежащее в сфере гражданско-правовой действительности.

Несмотря на то что каждый элемент гражданско-правового механизма подчинен интегративному свойству системы, он выполняет в механизме свою особую роль. При этом через каждый элемент (гражданско-правовое средство) проходит поток базового ресурса. Это особо важно подчеркнуть, поскольку от того, что способен сделать конкретный элемент с данным потоком, зависит его роль. Каждое гражданско-правовое средство на своем участке работы также можно представить в виде черного ящика, на вход которого поступает преобразованный базовый ресурс, а на выходе — преобразованный. Более того, и связи между правовыми средствами, хотя и в меньшей степени, также способны преобразовывать базовый поток.

Важность определения роли конкретного гражданско-правового средства проявляется в том, что при моделировании идеальной модели правового механизма необходимо правильно подобрать максимально подходящий элемент для преобразования (усиления, торможения

и т.п.) базового ресурса, который (элемент) идеально сопрягается со смежными элементами. Д.М. Жилин отмечает: «Положение объекта в системе требует проявления некоторых свойств, которые необходимы для реализации системой интегративного свойства. Набор свойств, проявления которых условия требуют от объекта, будем называть ролью объекта» [6, с. 55].

Определение ролей правовых средств как необходимый этап методологической последовательности моделирования гражданско-правовых механизмов

При моделировании прагматической модели (проектировании) гражданско-правового механизма вначале определяют его интегративное свойство как системы, которое не сводится к сумме свойств его элементов. Как уже отмечалось, интегративное свойство заключается в преобразовании базового ресурса, поступающего на вход системы, в явление гражданско-правового характера. Интегративное свойство определяет правовой результат работы системы, а значит, и ее частноправовую цель. Одним из определяющих моментов здесь является определение того базового ресурса, который будет преобразовываться. Иногда это делают неправильно. Например, исходя из того, что любой гражданско-правовой договор является соглашением, делается ложное утверждение о том, что в качестве базового ресурса для соглашения, которое можно рассматривать как систему, выступают общественные отношения. Однако следует помнить, что не всякое соглашение является договором, а значит, и регулятором общественных отношений. Поэтому если для договора как системы договорных условий базовым ресурсом будут являться общественные отношения, которые преобразуются из не урегулированных правом в урегулированные (правоотношения), то для иных соглашений базовым ресурсом будет являться воля сторон, которая преобразуется из несогласованной в согласованную.

Далее необходимо смоделировать внутреннюю структуру механизма, но «перед тем, как мы наберем и свяжем друг с другом компоненты, мы должны понять, а зачем эти компоненты нужны...» [6, с. 55]. Поэтому на следующем этапе необходимо определить функции, которые должны выполнять элементы внутри черного ящика. При этом каждой функции соответствует один элемент либо группа элементов.

Под функции подбираются элементы. Но сначала необходимо определить роль элемента, т.е. выявить нужный набор его свойств, связанный с выполнением искомой функции (с функционированием), без которых достичь нужного правового результата на выходе системы

невозможно. Соотношение между ролью элемента и его функцией таково, что для выполнения той или иной роли в системе элемент должен выполнять те или иные функции [6, с. 55]. Сначала понимается, что нужна, например, функция усиления базового потока, а для этого необходим усилитель, т.е. элемент, в принципе способный преобразовывать слабый поток в более мощный. И уже потом на роль усилителя назначается «исполнитель», т.е. то или иное правовое средство. Указанную функцию могут в данном случае выполнять управленческие решения в виде односторонних сделок, специальная договорная конструкция абонентского договора, гражданско-правовой договор, кумулятивные привилегированные акции, решения собраний, саморегулируемые организации и др. Каждое из перечисленных правовых средств способно увеличить базовый поток, оказывая на него управляющее воздействие. Однако функционируют они по-разному. Одни линейно усиливают базовый поток. Например, увеличение объема корпоративных прав в результате приобретения контрольного пакета акций приводит к линейному расширению возможностей по воздействию на волю корпоративной организации посредством принятия управленческих решений. Другие правовые средства позволяют произвести резонансное усиление правового эффекта в нелинейном режиме (кумулятивное голосование в корпоративных организациях). Третьи способны вызвать синергетический эффект (гражданско-правовой договор, решения собраний).

Совокупность элементов может рассматриваться в качестве системы только в том случае, если роли элементов системы задаются интегративным свойством и структурой системы с предъявлением неких требований к конфигурации и функциям компонентов [6, с. 81].

Возможные роли гражданско-правовых средств

Ряд гражданско-правовых средств выполняют *роль укрепителя базового ресурса* в целях реализации функции укрепления. Когда в качестве базового ресурса выступают гражданские права, то в отдельных случаях возникает необходимость придать некоторым правам гарантию их реализации со стороны государства. На это, в частности, обращал внимание Д.И. Мейер, который пришел к следующему выводу: «Под укреплением права разумеется, таким образом, установливание внешнего знака, свидетельствующего о существовании права» [12, с. 287]. При этом ученый разъяснял, что «вследствие укрепления право становится более прочным, твердым, отчего и акт укрепления (но только письменный) называется также крепостью [12, с. 287]. Г.Ф. Шершеневич, говоря об укреплении прав, пояснял: «В соответствии с его tradi-

ционным пониманием он означает, что всякое изменение в правовом состоянии объекта подлежит записи» [24, с. 137].

Одним из примеров укрепления прав на недвижимое имущество является их государственная регистрация. П.И. Клец указывает, что «главными целями укрепления прав на недвижимость являются их признание и подтверждение возникновения, изменения, перехода и прекращения в государственном реестре недвижимости» [10, с. 200]. Автор рассматривает в качестве правового инструмента, позволяющего укрепить права, принципы регистрации прав на недвижимое имущество. Между тем Д.И. Мейер в качестве правовых средств, с помощью которых возможно укрепить права, называл акты укрепления прав [12, с. 289].

Другими вариантами укрепления прав являются нотариальное удостоверение сделок и решений собраний, государственная регистрация результатов интеллектуальной деятельности.

Гражданско-правовые средства как элементы цивилистического механизма могут выполнять функцию преодоления конфликта прав, когда «осуществление одного права исключает совершенно или отчасти осуществление другого права» [12, с. 296]. При этом они выполняют *роль буфера* между взаимоисключающими гражданскими правами, т.е. между двумя конкурирующими потоками базового ресурса, ослабляя столкновение таких прав и регулируя равномерность потока базового ресурса. С подобной конкуренцией прав часто сталкивается судебная практика. Например, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 8 июня 2021 г. № 81-КГ21-4-К8 отмечено, что «под взаимоисключающими выводами в рамках одного судебного акта понимается, в частности, ситуация, при которой, с одной стороны, в пользу покупателя подлежат взысканию проценты, уплаченные потребителем по договору потребительского кредита, с другой стороны, покупатель не является ни потребителем финансовых услуг, ни потребителем по договору купли-продажи»¹. Применительно к другой ситуации справедливо отмечается: «В любом случае нельзя вынести решение с альтернативными предметами, то есть одновременно признать сделку недействительной и взыскать исполнение по данной сделке» [14, с. 9]. Можно привести другой аналогичный пример: «Владелец земельного участка обратился в суд. Указав, что, по его мнению, домостроение не капитальное, он выдвинул взаимоисключающие требования: отозвать у арендатора право собственности на этот объект как не являющийся недвижимостью и снести его как самовольную постройку» [5, с. 19].

¹ См. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 22-КГ21-2-К5, 2-2550/2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс.

Часто столкновение прав наблюдается при проведении конкурсных процедур, когда необходимо провести ранжирование прав требования в случаях их коллизии.

В гражданском праве имеется множество правовых средств, которые способны играть роль буфера при столкновении прав. Одним из таких правовых средств Д.И. Мейер называет зачет взаимных требований, который ведет к уничтожению конкурирующих прав. В качестве другого средства, предотвращающего столкновение прав, называется возмещение убытков, когда одно из конкурирующих прав «претворяется в право на вознаграждение за убытки» [12, с. 300]. Представляется, что данный ряд правовых инструментов можно продолжить, включив в него альтернативные обязательства, опцион и др.

Указанные и иные правовые средства, выполняющие роль буфера, применяются тогда, когда в качестве базового ресурса в механизме выступают субъективные права. Причем ситуация конкуренции взаимоисключающих прав характерна чаще всего для гражданско-правовых механизмов, в которых задействовано более одной цепи элементов¹, каждая из которых предназначена для преобразования различных видов прав. В какой-то момент эти цепи пересекаются и может возникнуть конфликт между различными видами прав. Вот здесь и возникает потребность в средствах, выполняющих роль буфера. В зависимости от поставленной проектируемой задачи следует выбрать средство, способное либо ликвидировать одно из прав, либо уничтожить оба права, либо оставить одно право неизменным, а другое преобразовать, либо ограничить каждое из прав таким образом, чтобы они могли между собой сосуществовать.

Гражданско-правовые средства, выполняющие роль восстановления базового ресурса.

Речь пойдет о правовых средствах, восстанавливающих такой базовый ресурс, как воля субъектов. Участникам гражданских правоотношений часто приходится сталкиваться с тем, что принято назвать пороком воли. Подобные пороки способны остановить работу гражданско-правового механизма, преобразующего волю (из несогласованной в согласованную и т.п.), ввиду отсутствия базового ресурса. Перерабатывать механизму становится нечего.

В таких случаях на помощь приходят гражданско-правовые средства — «целители» и «реаниматологи». Причем они довольно многообраз-

¹ Сопряженные элементы образуют звенья, а из звеньев складываются цепи механизма. В сложных механизмах элементы могут объединяться в несколько цепей, каждая из которых «включается» в нужный момент.

ны. Так отмечается: «Доктрина «эстоппель» направлена на исцеление правоотношения путем придания «обещанию» юридической силы в его исполнении судебным актом» [11, с. 58]. Часто в качестве правового средства для «исцеления» воли применяется судебное решение. С его помощью возможно «вылечить» условия договора, сделки с пороками воли, недействительные решения собраний. Так на возможность «исцеления» условий договора в судебном порядке указывает Р.И. Сайфуллин [19, с. 118]. Н.И. Клейн предлагает предоставить суду полномочия для восполнения недостающих условий, «исцеления» договора и признания его заключенным [9, с. 102]. «Исцеление» недействительной сделки судом также повсеместно применяется в современной правовой действительности. При этом отмечается: «Одобрение сделки — понятие более широкое, чем исцеление» [7, с. 37]. М.Н. Илюшина затрагивает проблему «исцеления» несоблюдения нотариальной формы в судебном порядке [8, с. 6].

Однако круг элементов, восстанавливающих базовый ресурс, не ограничивается только судебными актами. Примером могут служить ситуации, связанные с признанием решения собрания действительным. В качестве восстановителя такого базового ресурса, как воля, в данном случае может использоваться решение собрания. Ю.С. Поваров, говоря об инструменте «реабилитации» дефектного решения собрания, пишет о «по сути... возможности “исцеления” недействительного решения собрания последующим решением по тому же вопросу» [15, с. 27]. Действительно, п. 2 ст. 181.4 ГК РФ предусматривает возможность использования данного правового средства.

Соглашение сторон также в некоторых случаях может быть использовано для «исцеления» воли. Так, условия разового договора могут быть «реабилитированы» условиями рамочного договора. Дополнительное соглашение к договору может выразить действительную волю его сторон, которая по каким-то причинам была искажена в первоначальном варианте.

Можно привести примеры и иных правовых средств, претендующих на выполнение рассматриваемой роли. В.Е. Лукьяненко и Е.М. Тужилова-Орданская называют в качестве инструмента «исцеления» сделки конвалидацию. Они пишут: «Необходимо отметить, что конвалидация недействительной сделки развилась как исключительное правовое средство, позволяющее нивелировать пороки сделки» [21, с. 524].

Далее коротко опишем роли правовых средств, выступающих в качестве инверторов, конвертеров и усилителей базового ресурса. Краткость изложения обусловлена тем, что этот вопрос мы уже затрагивали в ранее изданной монографии [3].

Гражданско-правовые средства, выполняющие роль инверторов базового ресурса.

Инвертор — это преобразующий элемент, выходная величина (сигнал) которого повторяет (с усилением или без) входную величину (сигнал), но имеет противоположный знак. На роль инвертора идеально подходит соглашение о новации, способное заменить первоначальное обязательство на противоположное. Так обязательство действовать определенным образом может быть заменено на обязательство с отрицательным содержанием [20, с. 610], т.е. на обязательство не совершать никаких действий, которое со времен римского права называют отрицательным действием [22, с. 36].

Посредством гражданско-правового договора возможно инвертирование права на защиту в ответственность, которая может наступить в виде уплаты неустойки. Возможна и обратная инверсия ответственности в право на защиту, однако правовые средства здесь уже применяются совсем другие.

Гражданско-правовые средства, выполняющие роль конвертеров базового ресурса.

Рассмотрим еще один вид преобразователей, изменяющих свойства базового ресурса. От инверторов они отличаются тем, что величина на их выходе не меняет знак на противоположный входному. Так, если в качестве базового ресурса выступают общественные отношения, то они могут быть преобразованы в процессе работы механизма вначале в абсолютные правоотношения, а затем в относительные. Если же рассматривать в качестве базового ресурса права, то они также способны изменяться под воздействием конвертеров. Так, клиент по договору банковского счета теряет право собственности на денежные средства, но приобретает право требования к банку. В данном случае договор банковского счета выступает в роли конвертера.

Посредством использования корпоративных договоров и решений собраний возможно конвертировать права, вытекающие из обыкновенных акций, в права, которые закреплены в привилегированных акциях.

Гражданско-правовые средства, выполняющие роль ограничителей базового ресурса.

В роли ограничителей могут быть использованы нормы объективного права, запреты, ограничения, обременения, штрафы, аресты и многие иные гражданско-правовые средства. Так, сервитут ограничивает возможности законного владельца недвижимого имущества, который оказывается стесненным в правах. Иными словами, поток базового ресурса в виде прав собственности ограничивается. Чтобы работа гражданско-правового механизма ввиду этого не тормозилась, проектировщику следует предусмотреть компенсационные меры, на-

правленные либо на усиление потока на следующих этапах, либо на его восполнение за счет другого ресурса.

Гражданско-правовые средства, выполняющие роль усилителей базового ресурса.

Во многих случаях требуется усиление потока базового ресурса. Для этого требуются элементы, которые способны преобразовывать слабый входной поток в более мощный поток на выходе. Роли таких усилителей могут играть различные гражданско-правовые средства, включая договоры, решения собраний и т.д.

Некоторые из этих правовых средств способны при выполнении функции усиления оказывать синергетический эффект. Наиболее известным из них является гражданско-правовой договор. О его синергетическом потенциале высказалось немало ученых [1, с. 85; 2; 16, с. 20; 17, с. 194]. Некоторые из них даже полагают, что только такой договор может служить средством самоорганизации общественных отношений, отказывая в этой способности всем иным правовым средствам [17, с. 55; 23, с. 48–46]. Действительно, использование гражданско-правового договора позволяет получить на выходе не простую сумму воли его сторон, а величину, ее превышающую [13, с. 55–56]. В отличие от нормы права, где правила устанавливаются в одностороннем порядке, договорные условия тщательным образом согласуются обеими сторонами, что делает эти правила более гибкими и эффективными. Согласование каждого условия представляет собой преодоление конфликта с достижением высшей степени напряженности в точке бифуркации, когда договорная система готова сделать свой выбор (согласовать или не согласовать данное условие). Переход неравновесной системы в новое качественное состояние зависит от случайных факторов. Но если условие в конечном счете согласуется, то оно способно качественно улучшить регулируемые общественные отношения.

Вместе с тем гражданско-правовой договор является далеко не единственным средством, обладающим синергетическим потенциалом. Представляется, что те частноправовые инструменты, с помощью которых происходит согласование воли множества субъектов и результат такого согласования зависит от случайных факторов, могут претендовать на роль правовых средств самоорганизации гражданских отношений. Речь, в частности, идет о решениях собраний и о саморегулируемых организациях.

Решение общего собрания акционерного общества, например, при приложении со стороны каждого из голосующих минимальных усилий (заполнение бюллетеня для голосования) может вывести организацию на качественно новый путь развития либо существенно увеличить уставный капитал общества.

Перечисленные правовые средства усиливают сигнал нелинейно. Однако есть ряд правовых средств, способных выполнять роль усилителя базового ресурса, производя его линейное усиление. Здесь также увеличение амплитуды на входе элемента приводит к ее пропорциональному увеличению на выходе. Например, абонент за счет небольших усилий со своей стороны (предъявления требования) получает по абонентскому договору неограниченный доступ к определенным договором ресурсам (связи, общественного питания, перевозке и т.д.). Использование единоличным исполнительным органом такого инструмента, как опционный договор, содержащего условие о том, чтобы стоимость акций на момент предъявления требования к контрагенту по опционному договору повысилась, стимулирует руководителя эффективно управлять предприятием, что приводит к существенному повышению результативности акционерного общества.

Приобретение контрольного пакета акций увеличивает объем прав и способно в сочетании с грамотным управленческим решением в виде односторонней сделки служить инструментом, позволяющим усилить возможности влияния на волю корпорации.

Выводы

Мы рассмотрели лишь некоторые возможные роли гражданско-правовых средств, которые они могут играть в гражданско-правовых механизмах. На самом деле их гораздо больше. Не исключено, что возможно выявить элементы, способные выполнять самые необычные роли, о которых никто раньше и не задумывался. Например, кому-то покажутся странными роли аттрактора, эвакуатора или сепаратора базового ресурса. Однако немного воображения, без которого к проектированию нечего и приступить, и многое может встать на свои места. На данный же момент наши основные выводы таковы:

- 1) гражданско-правовых механизмов, которые не предназначены для преобразования базового ресурса, не бывает;
- 2) в качестве базового ресурса в гражданско-правовых механизмах могут выступать общественные отношения, воля, субъективные права, условия договора, очередность требований кредиторов и т.п.;
- 3) для того, чтобы в процессе моделирования гражданско-правового механизма под выявленные функции подобрать нужные элементы, необходимо определить роль каждого из элементов, т.е. выявить нужный набор его свойств, связанный с выполнением искомой функции (с функционированием), без которых достичь нужного правового результата на выходе системы невозможно;

4) возможными ролями, которые могут играть гражданско-правовые средства в цивилистических механизмах, являются роли: укрепителя базового ресурса; буфера между взаимоисключающими гражданскими правами; восстановления базового ресурса; инвертора; конвертера; ограничителя и усилителя базового ресурса.

Библиографический список

1. *Ананьева А.А.* Роль операторских услуг по управлению перевозками и ответственности за их ненадлежащее выполнение как условие развития смешанного пассажирского сообщения // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 81–86.

2. *Барыбина Е.Л.* Понятие «государственные (муниципальные) нужды» в предмете государственного контракта как средство самоорганизации гражданских правоотношений по поставке товаров для государственных и муниципальных нужд // Современное право. 2014. № 10. С. 79–83.

3. Гражданско-правовые механизмы в цивилистических исследованиях: монография / отв. ред. С.Ю. Морозов. М.: Проспект, 2023. 600 с.

4. *Гудовских Т.С.* Механизм восполнения открытых условий гражданско-правовых договоров: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2019. 203 с.

5. *Веселова О.* Основания для отказа в признании объекта самовольной постройкой. В каких случаях суд встанет на сторону собственника? Судебная практика // Жилищное право. 2023. № 3. С. 15–24.

6. *Жилин Д.М.* Теория систем: опыт построения курса. Изд. стереотип. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2016. 176 с.

7. *Иванов А.А.* Незыблемость договора (*pacta sunt servanda*) и его недействительность // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 12. С. 31–43.

8. *Илюшина М.Н.* Законодательство о нотариальной форме сделок с недвижимостью: один шаг вперед, два шага назад // Нотариальный вестник. 2022. № 12. С. 5–14.

9. *Клейн Н.И.* Общие положения о договоре и расширение полномочий суда в концепции развития гражданского законодательства // Проблемы совершенствования гражданского законодательства: Материалы IV Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся (Москва, 28 октября 2009 г.) / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; отв. ред. В.М. Жуйков. М.: ИД «Юриспруденция», 2010. С. 99–103.

10. *Клец П.И.* Принципы укрепления прав на недвижимость // Правовое государство: теория и практика. Ч. 1. № 4 (62). 2020. С. 199–211.

11. Коваленко А.А. Доктрина «эстоппель» в контексте принципа добросовестности в судебной практике РФ // Юрист. 2023. № 3. С. 55–60.
12. Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2 ч.). По испр. и доп. 8-му изд., 1902. 3-е изд., испр. М.: Статут, 2003. 831 с. (Классика российской цивилистики).
13. Морозов С.Ю. Система транспортных организационных договоров: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 501 с.
14. Некрасова К.А., Нестолый В.Г. Альтернативные иски и решения по делам о самовольных постройках (к вопросу о предмете иска и спора) // Правовые вопросы недвижимости. 2020. № 2. С. 7–11.
15. Поваров Ю.С. Понятие «порядок принятия решения» в контексте применения пункта 2 статьи 181.4 Гражданского кодекса РФ при разрешении акционерных споров // Юрист. 2021. № 8. С. 27–33.
16. Попондопуло В.Ф. Правопонимание: критический обзор основных концепций // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 15–29.
17. Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования. М.: Зерцало-М, 2008. 213 с.
18. Савина Т.В. Гражданско-правовой механизм защиты прав достойных наследников: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2021. 190 с.
19. Сайфуллин Р.И. Банкротство арендодателя: судьба обременения в виде права аренды // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 10. С. 86–136.
20. Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. 634 с.
21. Тужилова-Орданская Е.М., Лукьяненко В.Е. Конвалидация недействительных сделок в российском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 3. С. 519–539.
22. Харитонова А.А. Бездействие в гражданском праве: определение понятия // Пролог: журнал о праве. 2021. № 4. С. 35–45.
23. Цветков И.В. Договорная дисциплина в хозяйственной деятельности предприятия: теория и практика. М.: Кн. дом, 2006. 447 с.
24. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Статут, 2005. Т. 1. 148 с.
25. Широкова Е.В. Гражданско-правовой механизм субординации требований кредиторов при банкротстве корпораций: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2021. 206 с.

References

1. Ananeva A.A. *Rol' operatorskih uslug po upravleniyu perevozkami i otvetstvennosti za ih nenadlezhashchee vypolnenie kak uslovie razvitiya*

smeshannogo passazhirskogo soobshcheniya [The role of operator services in transportation management and responsibility for their improper performance as a condition for the development of mixed passenger traffic]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* – Actual problems of Russian law. 2018. Issue 11. Pp. 81–86. (In Russ.)

2. Barybina E.L. *Ponyatie «gosudarstvennye (municipal'nye) nuzhdy» v predmete gosudarstvennogo kontrakta kak sredstvo samoorganizatsii grazhdanskih pravootnoshenij po postavke tovarov dlya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd* [The concept of «state (municipal) needs» in the subject of a state contract as a means of self-organization of civil legal relations for the supply of goods for state and municipal needs]. *Sovremennoe pravo* – Modern Law. 2014. Issue 10. Pp. 79–83. (In Russ.)

3. *Grazhdansko-pravovye mekhanizmy v civilisticheskikh issledovaniyakh: monografiya* [Civil law mechanisms in civil studies: Monograph]. Moscow, 2023. 600 p. (In Russ.)

4. Gudovskikh T.S. *Mekhanizm vospolneniya otkrytyh uslovij grazhdansko-pravovykh dogovorov: dis. ... kand. yurid. nauk* [The mechanism of replenishment of open conditions of civil law contracts: dis. ... cand. legal Sciences]. Ulyanovsk, 2019. 203 p. (In Russ.)

5. Veselova O. *Osnovaniya dlya otказа v priznanii ob'ekta samovol'noj postroykoj. V kakih sluchayah sud vstanet na storonu sobstvennika? Sudebnaya praktika* [Grounds for refusing to recognize an object as an unauthorized construction. In what cases will the court take the side of the owner? Litigation]. *Zhilishchnoe pravo* – Housing Law. 2023. Issue 3. Pp. 15–24. (In Russ.)

6. Zhilin D.M. *Teoriya sistem: opyt postroeniya kursa. Izd. stereotip.* [Systems Theory: An Experience in Building a Course. Ed. Stereotyp.]. Moscow, 2016. 176 p. (In Russ.)

7. Ivanov A.A. *Nezyblemost' dogovora (pacta sunt servanda) i ego nedejstvitel'nost'* [Inviolability of the contract (pacta sunt servanda) and its invalidity]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii* – Bulletin of economic justice of the Russian Federation. 2020. Issue 12. Pp. 31–43. (In Russ.)

8. Ilyushina M.N. *Zakonodatel'stvo o notarial'noj forme sdelok s nedvizhimost'yu: odin shag vpered, dva shaga nazad* [Legislation on the notarial form of real estate transactions: one step forward, two steps back]. *Notarial'nyy vestnik* – Notarial Bulletin. 2022. Issue 12. Pp. 5–14. (In Russ.)

9. Klein N.I. *Obshchie polozheniya o dogovore i rasshirenie polnomochij suda v koncepcii razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva. Problemy sovershenstvovaniya grazhdanskogo zakonodatel'stva: Materialy IV Ezhegodnyh nauchnykh chtenij pamyati professora S.N. Bratusya (Moskva, 28 oktyabrya 2009 g.) / Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii; otv. red. V.M. Zhujkov* [General provisions on the contract

and the expansion of the powers of the court in the concept of development of civil legislation. Problems of improving civil legislation: Materials of the IV Annual scientific readings in memory of Professor S.N. Bratusya (Moscow, October 28, 2009) / Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Rep. ed. V.M. Zhuikov]. Moscow, 2010. Pp. 99–103. (In Russ.)

10. *Klets P.I. Principy ukrepleniya prav na nedvizhimost'* [Principles of strengthening the rights to real estate]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* – Legal state: theory and practice. 2020. Chapter 1. Issue 4 (62). Pp. 199–211. (In Russ.)

11. *Kovalenko A.A. Doktrina «estoppel» v kontekste principa dobrosovestnosti v sudebnoj praktike RF* [Doctrine «estoppel» in the context of the principle of good faith in the judicial practice of the Russian Federation]. *Yurist* – Lawyer. 2023. Issue 3. Pp. 55–60. (In Russ.)

12. *Meyer D.I. Russkoe grazhdanskoe pravo (v 2 ch.). Po ispr. i dop. 8-mu izd., 1902. 3-e izd., ispr.* [Russian civil law (at 2 o'clock). According to the corrected and supplemented 8th ed., 1902. 3rd ed., rev.]. Moscow, 2003. 831 p. (Classic of Russian civil law). (In Russ.)

13. *Morozov S.Yu. Sistema transportnyh organizacionnyh dogovorov: dis. ... dokt. yurid. nauk* [The system of transport organizational contracts: dis. ... doct. of law Sciences]. Moscow, 2012. 501 p. (In Russ.)

14. *Nekrasova K.A., Nestoliy V.G. Al'ternativnye iski i resheniya po delam o samovol'nyh postrojkah (k voprosu o predmete iska i spora)* [Alternative claims and decisions in cases of unauthorized buildings (to the question of the subject of the claim and the dispute)]. *Pravovye voprosy nedvizhimosti* – Legal issues of real estate. 2020. Issue 2. Pp. 7–11. (In Russ.)

15. *Povarov Yu.S. Ponyatie «poryadok prinyatiya resheniya» v kontekste primeneniya punkta 2 stat'i 181.4 Grazhdanskogo kodeksa RF pri razreshenii akcionernyh sporov* [The concept of «decision-making procedure» in the context of the application of paragraph 2 of Article 181.4 of the Civil Code of the Russian Federation in resolving shareholder disputes]. *Yurist* – Lawyer. 2021. Issue 8. Pp. 27–33. (In Russ.)

16. *Popondopulo V.F. Pravoponimanie: kriticheskij obzor osnovnyh koncepcij* [Law Understanding: A Critical Review of Basic Concepts. *Rossijskij yuridicheskij zhurnal* – Russian Journal of Law]. 2020. Issue 3. Pp. 15–29. (In Russ.)

17. *Puginsky B.I. Teoriya i praktika dogovornogo regulirovaniya* [Theory and practice of contractual regulation]. Moscow, 2008. 213 p. (In Russ.)

18. *Savina T.V. Grazhdansko-pravovoj mekhanizm zashchity prav dostojnyh naslednikov: dis. ... kand. yurid. nauk* [Civil law mechanism for protecting the rights of worthy heirs: dis. ... cand. legal Sciences]. Ulyanovsk, 2021. 190 p. (In Russ.)

19. Saifullin R.I. *Bankrotstvo arendodatel'ya: sud'ba obremeneniya v vide prava arendy* [Bankruptcy of the lessor: the fate of the encumbrance in the form of the right to rent]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii* – Bulletin of economic justice of the Russian Federation. 2019. Issue 10. Pp. 86–136. (In Russ.)

20. Sarbash S.V. *Ispolnenie dogovornogo obyazatel'stva* [Fulfillment of a contractual obligation]. Moscow, 2005. 634 p. (In Russ.)

21. Tuzhilova-Ordanskaya E.M., Lukyanenko V.E. *Konvalidaciya ne-dejstvitel'nyh sdelok v rossijskom prave* [Convalidation of invalid transactions in Russian law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* – Bulletin of the Perm University. Legal Sciences. 2019. Issue 3. Pp. 519–539. (In Russ.)

22. Kharitonova A.A. *Bezdeystvie v grazhdanskom prave: opredelenie ponyatiya* [Inaction in civil law: definition of the concept]. *Prolog: zhurnal o prave* – Prologue: Journal of Law. 2021. Issue 4. Pp. 35–45. (In Russ.)

23. Tsvetkov I.V. *Dogovornaya disciplina v hozyajstvennoj deyatel'nosti predpriyatiya: teoriya i praktika* [Contractual discipline in the economic activity of the enterprise: theory and practice]. Moscow, 2006. 447 p. (In Russ.)

24. Shershenevich G.F. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. T. 1* [Text-book of Russian civil law. T. 1]. Moscow, 2005. 148 p. (In Russ.)

25. Shirokova E.V. *Grazhdansko-pravovoj mekhanizm subordinacii trebovanij kreditorov pri bankrotstve korporacij: dis. ... kand. yurid. nauk* [Civil Law Mechanism of Subordination of Creditors' Claims in Corporate Bankruptcy: dis. ... cand. legal Sciences]. Ulyanovsk, 2021. 206 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

С.Ю. Морозов

Заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор,
декан юридического факультета,
заведующий кафедрой гражданского
и предпринимательского права
Ульяновский государственный университет,
432007, Россия, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42.
Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:
DOI: 10.17072 / 1995-4190-2016-32-199-207.
DOI: 10.1016/j.trpro.2022.06.259.
DOI: 10.33397/2619-0559-2022-4-4-29-47.
DOI: 10.18572/1812-3929-2021-7-37-42.
DOI: 10.35808/ijebe/620.
DOI: 10.17072/1995-4190-2017-36-181-191.

Information about the author:**S.Yu. Morozov**

Ulyanovsk State University,

42 st. L. Tolstoy, Ulyanovsk, 432007, Russia.

Articles in the «Scopus»/«Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-199-207.

DOI: 10.1016/j.trpro.2022.06.259.

DOI: 10.33397/2619-0559-2022-4-4-29-47.

DOI: 10.18572/1812-3929-2021-7-37-42.

DOI: 10.35808/ijeba/620.

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-36-181-191.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О.В. Сушкова

Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: ovsushkova@msal.ru

Введение: верховенство права — это тот универсальный институт, который применим не только в нормах Конституции РФ, но и необходим и для отраслей права, таких как предпринимательское, корпоративное и фундаментальное гражданское право. Представляется, что при использовании этого фундаментального института для различных отраслей права могут складываться различные признаки, которые указывают на те базовые аспекты применения тех или иных отраслевых норм права. Безусловно, что в современных условиях развития такой комплексной отрасли, как предпринимательское право возникают инновационные бизнес-модели, требующие своего внимания. Следует отметить, что существующие методологии исследования концепции верховенства права не позволяют в полном объеме рассмотреть указанную концепцию. Также следует отметить, что в различных доктринальных источниках, как отечественных, так и зарубежных, можно встретить как формулировку «верховенство права», так и «верховенство закона». В связи с чем концепция верховенства права имеет ключевое значение. **Методы:** при проведении исследования применялись основные положения диалектического метода познания общественных отношений, а также такие частные методы научного познания, как формально-логический, системно-структурный, сравнительно-правовой, исторический и другие. **Цель:** в настоящем исследовании предпринимается попытка определить роль верховенства права как ключевой концепции для развития инновационных бизнес-моделей для системного анализа предпринимательской деятельности. Поскольку именно исследование такой концепции позволяет применять принцип единообразного применения и толкования норм материального и процессуального права в правоприменительной и судебной практике в экономических спорах. **Результат:** таким образом, автором сделан вывод, что действительно

верховенство права, как концепция, имеет значение не только в предпринимательской и инновационной деятельности, имеющей экономический эффект, но и в социальной сфере.

Ключевые слова: верховенство права; методология правовых исследований; инновационная деятельность; предпринимательская деятельность.

METHODOLOGY FOR RESEARCHING THE RULE OF LAW IN OF BUSINESS AND INNOVATION ACTIVITY

O.V. Sushkova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

E-mail: ovsushkova@msal.ru

Introduction: *the rule of law is a universal institution that is applicable not only in the norms of the Constitution of the Russian Federation, but is also necessary for branches of law, such as business, corporate and fundamental civil law. It seems that when using this fundamental institution for different branches of law, various signs may develop that indicate those basic aspects of the application of certain sectoral norms of law. Of course, in modern conditions of development of such a complex industry as business law, innovative business models arise that require our attention. It should be noted that existing methodologies for studying the concept of the rule of law do not allow us to fully consider this concept. It should also be noted that in various doctrinal sources, both domestic and foreign, it is fashionable to find both the wording «rule of law» and «rule of law». In this regard, the concept of the rule of law is of key importance.* **Methods:** *when conducting the research, the basic provisions of the dialectical method of cognition of social relations were used, as well as such private methods of scientific knowledge as formal-logical, systemic-structural, comparative legal, historical and others.* **Purpose:** *this study attempts to identify the role of the rule of law as a key concept for the development of innovative business models for the systematic analysis of entrepreneurial activity. Since it is the study of such a concept that makes it possible to apply the principle of uniform application and interpretation of the rules of substantive and procedural law in law enforcement and judicial practice in economic disputes.* **Result:** *thus, the author concluded that, indeed, the rule of law as a concept is important not only in entrepreneurial and innovative activities that have an economic effect, but also in the social sphere.*

Keywords: rule of law; methodology of legal research; innovative activity; entrepreneurial activity.

Введение

Концепция верховенства права зарождалась как философская категория. В различных источниках, о которых упоминается ниже, верховенство права определяется не только как «категория», но и как «правовой институт» в таких ключевых отраслях права, как конституционное (публичное) и гражданское (частное). В связи с чем такая комплексная отрасль, как предпринимательское право, включающая как публичные, так и частноправовые отрасли, в настоящее время имеет инновационное направление для развития предпринимательской деятельности. В соответствии с Конституцией РФ ряд ее положений указывают на концептуальные основы верховенства права, а именно ст. 8, которая гарантирует свободу экономической деятельности как один из составляющих сферы предпринимательской и инновационной деятельности. Справедливо указывает Ю.Г. Лескова, что «именно поэтому мы все чаще задаемся вопросом о развитии научной методологии в той или иной сфере, о появлении новых подходов к рассмотрению прежних вопросов и (или) ранее неисследованных правовых явлений» [6, с. 249].

Теоретические подходы к концепции «верховенство права»

Лунгу Е.В. полагает, что в теории конституционного права сложилась позиция относительно понимания правовой природы дефиниции «верховенство права» [8, с. 17–21], которая имеет различные значения в зарубежных правовых системах. Так, в Германии и иных немецкоязычных странах дефиниция «верховенство права» (*Rechtsstaatlichkeit*) является базовой категорией в немецком праве и основой для формирования понятия «правовое государство» (*Rechtsstaat*) [15, с. 9–19]. Именно такой подход указывает, что реализация концепции верховенства права рассматривается только через конституционные основы правового государства. Следует отметить, что указанная категория является не только ключевой для Конституции Федеративной Республики Германия, но и для Конституции Российской Федерации (например, ст. 8, 35 и иные). Известные российские конституционалисты, такие как П.Д. Баренбойм, А. Гаджиев, В.И. Дедов, В.Д. Зорькин, В.И. Лафитский, Е.А. Лукьянова, М.Н. Марченко, Т.Г. Морщакова, В.В. Невинский, Р.А. Ромашов, В.Е. Чиркин, Т.Я. Хабриева, Б.С. Эбзеев, представляют категорию «верховенство права» через базовые конституционные принципы, которые присущи правовому государству. Поэтому можно с уверенностью констатировать, что в правовых системах, которые входят в романо-германскую правовую семью, анализируе-

мая концепция рассматривается в похожих или смежных правовых категориях.

В 2011 г. Венецианская комиссия «Демократия через право» подготовила доклад о верховенстве права (25–26 марта 2011 г., Страсбург, 4 апреля 2011 г.), в котором разработаны принципы анализируемой концепции. Они отражены в Конституции РФ: 1) публичный доступ к закону, поскольку закон толкуется буквально, а размытое толкование норм права не может быть применимо в практике; 2) решения, принимаемые судебными органами по возникшим спорам и конфликтам, должны быть основаны только на нормах закона, а не на основании домыслов и предположений; 3) римский принцип «все равны перед законом и судом» (ст. 19 Конституции РФ); 4) органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы (ст. 15 Конституции РФ); 5) человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2 Конституции РФ); 6) никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения (ст. 35 Конституции РФ); 7) каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (ст. 46 Конституции РФ); 8) государство должно соблюдать свои обязательства как в рамках международного права, так и национального [5].

Безусловно, что те принципы, которые были разработаны Венецианской комиссией, как было показано выше, достаточно точно отражают концептуальные конституционные принципы верховенства права, закрепленные в Конституции РФ. Следует подчеркнуть, что все эти принципы можно рассматривать как базовые для комплексной реализации инновационной деятельности в сфере предпринимательства. Действительно, зачастую именно справедливо принятое решение судом порождает цепочку единообразно принятых судебных актов по экономическим спорам. Защищенность граждан законом и равные базовые возможности предоставляют субъектам права (право-, дееспособным физическим лицам) не только организовывать различные предпринимательские объединения, корпорации, но и вводить в оборот новые бизнес-модели.

Как утверждает Х.И. Гаджиев, «суд стремится совмещать традиционный подход с культурной мотивацией, которая связана с понятием справедливости. Итоговое решение суда должно быть связано с рациональной деятельностью, методология которой требует последовательного изложения правового обоснования, поскольку это является

основой верховенства права в континентальной правовой культуре» [3, с. 119–134].

В действительности судебная практика оказывает регулирующее воздействие на формирование подходов к различным видам деятельности в предпринимательском праве. В настоящее время актуальным является формирование концепции верховенства права в инновационной деятельности [10, с. 95–96].

В Конституции РФ закреплён один из основополагающих принципов – независимость судебной власти (ч. 1 ст. 120). Как представляется, именно указанный принцип входит в концепцию «верховенство права» и отделен от законодательной и исполнительной, а также «информационной», не закреплённой в качестве власти в теории конституционного права. Однако через правильное соотношение судебной и «информационной власти» происходит корректная реализация правовых норм, обеспечивающих сферу предпринимательской деятельности. Это связано с тем, что именно в компетенцию арбитражных судов России входит не только рассмотрение и разрешение экономических споров, но и необходимость установления единообразной судебной практики по порядку применения комплексных норм для инновационной деятельности субъектов предпринимательства. Только для таких субъектов открывается возможность для организации не только корпоративных объединений, но и тех бизнес-моделей инновационного характера, чья деятельность направлена на развитие не только научной и исследовательской деятельности, но и на систему правосудия в целом.

На первый взгляд здесь приводится ориентировочный аргумент: «практически любой» юридический вопрос может быть предметом судебного решения, поэтому необходимо знать, каковы эти решения, чтобы знать, чего требует от вас закон. Однако этот аргумент требует нескольких дополнительных шагов. Необходим дополнительный аргумент, чтобы показать, почему общих правил в сочетании с конкретными порядками недостаточно [18, с. 91–99].

Возможная практика применения

Правоприменительная и иная практика всегда исходит из того, что для эффективного применения той или иной концепции необходимо достаточное время для апробации. Следует отметить, что, во-первых, с точки зрения важности судебной и правоприменительной практики для внесения изменений в тот или иной закон, новую норму права требуется значительное число кейсов, фабула которых предусматривает некоторую схожесть и единообразный порядок применения существующих норм, но и ряд других условий и факторов. Во-вторых, для

принятия на законодательном уровне положительного решения относительно предлагаемого текста законопроекта требуется рассмотрение резонансных дел, решение по которым должно иметь положительный эффект, подтверждающий практику применения оригинальной правовой «схемы». Стоит отметить, что реформа обязательственного права, которая полномасштабно была проведена в 2015 г. для сферы предпринимательской деятельности, привнесла достаточно многочисленные изменения. Эти новеллы касаются в первую очередь введения в предпринимательский оборот «правовых иностранных институтов» (*indemnity, astrente, culpa in contrahendo etc*), применение которых на практике показало положительный экономический эффект, что нашло свое отражение в действующем законодательстве.

При реализации концепции верховенства права следует применять сравнительно-правовой метод исследования, поскольку ее сущность базируется на следующих доктринальных дефинициях: «перед законом», «по закону» и «против закона». Рассматривая указанные дефиниции отдельно и в совокупности с единой концепцией верховенства права, важно подчеркнуть, что субъекты предпринимательства для реализации своей инновационной деятельности зачастую исходят из дефиниции «по закону». Дефиниция «перед законом» в большинстве случаев применяется при возникновении сложной ситуации (спора, конфликта интересов) и дальнейшем обращении в суд. С точки зрения науки конституционного и процессуального права дефиниция «перед законом» реализуется через римский принцип, закрепленный в Конституции РФ, «все равны перед законом и судом». Как показывает правоприменительная и судебная практика, нередко ситуации, когда суды при принятии решения в отношении крупных корпораций и предпринимательских объединений не в полной мере руководствуются принципами справедливости и разумности, которые имеют оценочный характер. Однако можно констатировать и противоположные позиции судей, которые, несмотря на факт участия в процессе субъектов крупного бизнеса, принимают решение, руководствуясь именно принципом «по закону», что указывает на необходимость изучения концепции верховенства права. В связи с этим стоит заметить, что все три дефиниции, формирующие в совокупности концепцию верховенства права, насколько взаимосвязаны в правоприменительной и судебной практике, настолько и различаются при анализе каждой из них в отдельности.

Справедливым является утверждение О.А. Кузнецовой о том, что «право и правоотношения, как и большинство социальных феноменов, немислимы без физического времени, которое всегда сопровождает и общественные отношения и его субъектов. Для каждого участника

правоотношений важно понимать, какие правовые нормы, с какого времени и почему действуют на него, на его права и обязанности» [4, с. 348–371].

Доктрина права

Исследования юридической доктрины указывают на новые направления исследований в теории развития концепции верховенства права. А.А. Мохов полагает, что «разделение государственных и общественных интересов, с одной стороны, и сугубо частных — с другой, позволяет более дифференцированно решать те или иные вопросы доктринального характера, а затем и законодательного» [9, с. 93–104]. И.В. Ершова отмечает, что «правовые режимы осуществления экономической деятельности — одна из базовых категорий юридической науки. Посредством разработки на доктринальном уровне того или иного правового режима осуществления предпринимательской и (или) иного вида экономической деятельности и последующего его закрепления на законодательном уровне обеспечивается регулирование отдельной группы (групп) правоотношений» [1, с. 173–204].

Юридическую доктринальную науку можно в широком смысле определить как междисциплинарное и комплексное диалектическое исследование положений законодательства различных отраслей права. Для более полного исследования норм права используют сравнительно-правовой метод, который выражается в том, что в науке проводят анализ положений континентального и англо-американского права. Безусловно, с учетом различных концепций применения норм права (в нормах континентального и англо-американского права) для российского законодательства концепция верховенства права используется для указания на то, что система источников права имеет строгую иерархию. Доктрина служит важным дополнительным материалом для системного понимания рассматриваемой проблематики, как наиболее четко указано в ст. 38 Статута Международного суда: «Суд (...) применяет (...) d. с учетом положений статьи 59, судебных решений и учений наиболее квалифицированных публицистов различных наций как вспомогательных средств для определения норм права» [13, с. 47–63].

Методологически доктринальная наука представляет собой сочетание описания, интерпретации и споров о правовых нормах и институтах. Так, Д.Х. Валеев полагает, что «указанные доктринальные наработки экономической науки можно переложить на юридическую плоскость и на основе выделенной группы показателей отразить процессуальные последствия динамики улучшения уровня судебной защиты в условиях цифровой экономики» [2, с. 60–64].

В доктринальной юридической науке «нормативность» является частью предмета исследования, который всегда рассматривается комплексно и с учетом междисциплинарности анализируемых норм. Все это указывает на то, что доктринальная юридическая наука предполагает не только изучение существующих или вновь появляющихся доктрин, но и связь между наукой и практикой в контексте существующего права и в его внутренней перспективе: она способствует развитию юридической практики [17, с. 56].

С этим описанием доктринальной юридической науки можно частично согласиться. Такая позиция связана с мнением автора о том, что институциональность применяемых норм в общей концепции верховенства права направлена на философские и конституциональные подосновы, используемые для предмета исследования доктринальной юридической науки. Конституционный принцип независимости судов направлен на поддержание процессуальных гарантий, которыми обеспечены субъекты предпринимательской деятельности при обращении в суд для разрешения конфликта. Безусловно, что и процессуальные принципы, состязательность, открытость и иные применяемые в судопроизводстве направлены на справедливое рассмотрение дела и беспристрастное принятие судьей решения. Таким образом, только при единообразно понимаемой концепции верховенства права возможно надлежащее использование норм права в правоприменительной и судебной практике.

Следует согласиться с Ю.С. Харитоновой, которая справедливо указывает, что «независимость судебной власти согласно Конституции РФ раскрывается через нормы специального законодательства. Так, в силу ст. 5 АПК РФ какое-либо постороннее воздействие на судей арбитражных судов, вмешательство в их деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц или граждан запрещаются и влекут за собой ответственность, установленную законом» [14, с. 203–235].

Таким образом, доктринальная юридическая наука способствует не только расширению представления о концепции верховенства права, но и возможности необходимого правоприменительного аспекта в текущей действительности. Субъектам предпринимательской деятельности для надлежащей реализации инновационного потенциала необходимо использовать не только такие элементы концепции, как «по закону», но и «перед законом». Следует отметить, что, несмотря на различные концептуальные категории относительно верховенства права, существующие в различных правовых порядках, в Конституции РФ надлежащим образом отражаются все фундаментальные характеристики исследуемой концепции.

Дополнительные методологические характеристики

Важная причина рассмотрения дополнительных методологических характеристик верховенства права в предпринимательской и инновационной деятельности заключается в том, что даже четко концептуальные и нормативные аргументы укоренены в традициях мысли, на которые повлияли исторические события и практика в обществе и праве. Именно такие дополнительные методологические характеристики направлены на формирование фундаментальных аспектов применения положений законодательства и конкретных норм при отдельно рассматриваемых делах, например, в суде. Однако стоит отметить, что понимание фундаментальных концептуальных аспектов верховенства права в универсальном формате не несет в себе положительного эффекта. Наоборот, исследуемая концепция верховенства права сформирована доктринально и практически направлена на единообразное применение конкретных норм права, а не в отношении универсальных и наиболее часто встречающихся ситуаций в сфере предпринимательской и инновационной деятельности. Следует отметить, что эффективность такой модели может реализоваться только при точном толковании тех дефиниций и системной юридической терминологии, которая разработана в системе российского права. К сожалению, в последнее время в российской юридической терминологии классические категориальные термины начинают размываться под воздействием технологических процессов, которые тесно вошли в доктрину и практику российского права. С одной стороны, возможно, такая ситуация направлена на обновление сложной юридической терминологии, в которую годами и десятилетиями не вносились изменения. С другой стороны, существует ли в системе российского права реальная необходимость такого обновления с учетом исследовательского характера концепции верховенства права. Представляется, что оно необходимо, однако требует корректного использования.

В изучении рассматриваемой проблемы отправной точкой может послужить идея, связанная с технологией применения триангуляции при формировании методологии социального предпринимательства: использование разных методов для ответа на один и тот же вопрос с целью подтверждения или дополнения результатов исследования приводит к обоснованным выводам. Действительно, «в настоящее время в организациях с социальной направленностью предпринимательские отношения выстраиваются по принципу использования рыночных механизмов как инструмента удовлетворения социальных потребностей, служащих общим интересам и общему благу общества» [11, с. 32–35].

С доктринальной точки зрения интернационализацию верховенства права нельзя игнорировать, когда речь идет об основных правах: существует явное влияние международных событий на национальную правовую практику, и национальные суды способствуют развитию этих прав на транснациональном уровне. «Так, идеальная реализация принципа верховенства права воплощает в себе сущность права. На процесс интернационализации может влиять множество факторов, одним из которых выступают «правила признания». Когда для воздействия на правоприменение используются меры принуждения (по крайней мере первоначально), прежде всего нарушается принцип верховенства права. Каждое государство или иной участник международных отношений призваны содействовать соблюдению принципа верховенства права, что выражается не только в формировании правовых норм и институтов и обеспечении их надлежащего функционирования» [12, с. 56–70].

Важнейшие дебаты в философии права о верховенстве права касаются взаимоотношений между идеалом верховенства права и другими ценностями и целями. В связи с этим различные направления исследований концепции идеала верховенства права находятся в противоречии друг с другом: в то время как формальные аспекты верховенства права требуют предсказуемости для обеспечения стабильности, процедурные аспекты ведут к открытости в предпринимательской и инновационной деятельности посредством признания аргументов отдельных субъектов предпринимательства. При изучении различных факторов можно увидеть связи между социальным порядком и свободой, открытым правительством и участием, доступом к правосудию и недискриминацией для субъектов бизнеса и инновационной деятельности. Если предполагается, что верховенство закона служит свободе личности, это несоответствие является проблематичным. Как справедливо отмечает ученый-экономист К. Альтер [16, с. 15], все большее число компаний используют такие рыночные средства, которые позволяют достигать одновременно экономической и социальной ценности, что выражается в создании некоего совокупного блага» [7, с. 37–41].

Библиографический список

1. Актуальные проблемы предпринимательского права: Учебник / Отв. ред. И.В. Ершова. М.: Проспект, 2021. С. 173–204.
2. *Валеев Д.Х., Нуриев А.Г.* Процессуальные последствия динамики улучшения уровня судебной защиты в условиях цифровой экономики // Российский судья. 2020. № 7. С. 60–64.

3. *Гаджиев Х.И.* Сближение правовых систем: роль международного правосудия // Журнал российского права. 2022. № 8. С. 119–134.

4. *Голубцов В.Г., Кузнецова О.А.* Типы действия норм права во времени // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 3. С. 348–371.

5. Доклад о верховенстве права, утвержденный Венецианской комиссией на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25–26 марта 2011 г.). URL: [http://www.venice.coe.int/WebForms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2011\)003rev-rus](http://www.venice.coe.int/WebForms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2011)003rev-rus).

6. *Лескова Ю.Г.* Динамика развития научной методологии в исследованиях по предпринимательскому праву // Методологические проблемы цивилистических исследований: Сб. науч. ст. Ежегодник. Вып. 3. 2018 / Отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2018. С. 249.

7. *Лескова Ю.Г.* К вопросу об усилении роли саморегулируемой организации в выполнении функций (задач) субъектами социального предпринимательства в свете новейшего законодательства РФ о малом и среднем предпринимательстве // Гражданское право. 2019. № 6. С. 37–41.

8. *Лунгу Е.В.* Конституционные правоотношения в социальной сфере // Социальное и пенсионное право. 2018. № 3. С. 17–21.

9. *Мохов А.А.* Концепция правового регулирования медицинской деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 4. С. 93–104.

10. *Сушкова О.В.* Гражданско-правовой режим инноваций в научно-технической сфере (на примере деятельности высших учебных заведений): Дис. ... канд. юрид. наук. М.: РПА Минюста России, 2010. С. 95–96.

11. *Сушкова О.В.* Правовые проблемы реализации современных биотехнологий в сфере социального предпринимательства // Гражданское право. 2019. № 4. С. 32–35.

12. *Сяньхэ И.* Международное право сопргрессирования: общая характеристика, нормативное обоснование и некоторые основные принципы // Российский юридический журнал. 2015. № 5. С. 56–70.

13. Статут Международного суда (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.): Сб. действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1956. Вып. XII. С. 47–63.

14. *Харитоновна Ю.С., Ян Т.* Правовые проблемы трансформации основных начал правосудия в условиях цифровизации цивилистического процесса в России и Китае // Вестник гражданского процесса. 2023. № 1. С. 203–235.

15. *Чиркин В.Е.* Верховенство права в правовом государстве: терминологические вопросы конституционного права // Право и современные государства. 2016. № 5. С. 9–19.
16. *Alter S.K.* Social Enterprise Typology. Virtue Ventures LLC, 2007. P. 15.
17. *Cotterrell R.* Sociological Jurisprudence: Juristic Thought and Social Inquiry, Abingdon: Routledge 2018. P. 56.
18. *Hart H.L.A.* The Concept of Law. 2nd ed. Oxford: Clarendon, 1994. P. 91–99.

References

1. Aktual'nye problemy predprinimatel'skogo prava: uchebnik [Current problems of business law: textbook] / otv. red. I.V. Ershova. Moscow, 2021. P. 173–204. (In Russ.).
2. *Valeev D.H., Nuriev A.G.* Processual'nye posledstviya dinamiki uluchsheniya urovnya sudebnoj zashchity v usloviyah cifrovoj ekonomiki [Procedural consequences of the dynamics of improving the level of judicial protection in the digital economy]. Rossijskij sud'ya – Russian judge. 2020. Issue 7. Pp. 60–64. (In Russ.).
3. *Gadzhiev H.I.* Sblizhenie pravovyh sistem: rol' mezhdunarodnogo pravosudiya [Converging Legal Systems: The Role of International Justice]. Zhurnal rossijskogo prava // Journal of Russian Law. 2022. Issue 8. P. 119–134. (In Russ.).
4. *Golubcov V.G., Kuznecova O.A.* Tipy dejstviya norm prava vo vremeni [Types of action of legal norms over time]. Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. [Bulletin of Perm University. Legal sciences.] 2022. Issue 3. P. 348–371. (In Russ.).
5. Doklad o verhovenstve prava: utverzhdenyj Venecianskoj komissiej na 86-j plenarnoj sessii (Veneciya, 25–26 marta 2011 g.). [Report on the rule of law: approved by the Venice Commission at the 86th plenary session (Venice, 25– 26 March 2011).]. URL: [http://www.venice.coe.int/WebForms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2011\)003rev-rus](http://www.venice.coe.int/WebForms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2011)003rev-rus).
6. *Leskova Yu.G.* Dinamika razvitiya nauchnoj metodologii v issledovaniyah po predprinimatel'skomu pravu. [Dynamics of development of scientific methodology in research on business law.] Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovanij: Sbornik nauchnyh statej. Ezhegodnik – Methodological problems of civil studies: Collection of scientific articles. Yearbook. Moscow, 2018. Vol. 3. P. 249. (In Russ.).
7. *Leskova Yu.G.* K voprosu ob usilenii roli samoreguliruemoj organizacii v vypolnenii funkcij (zadach) sub"ektami social'nogo predprinimatel'stva v sverte novjshego zakonodatel'stva RF o malom i srednem predprinimatel'stve [On the issue of strengthening the role of a self-regulatory organization in

the performance of functions (tasks) by social entrepreneurship entities in the light of the latest legislation of the Russian Federation on small and medium-sized businesses]. *Grazhdanskoe pravo – Civil law*. 2019. Issue 6. P. 37–41. (In Russ.).

8. *Lungu E.V.* Konstitucionnye pravootnosheniya v social'noj sfere [Constitutional legal relations in the social sphere]. *Social'noe i pensionnoe pravo – Social and pension law*. 2018. Issue 3. P. 17–21. (In Russ.).

9. *Mohov A.A.* koncepciya pravovogo regulirovaniya medicinskoj deyatel'nosti [The concept of legal regulation of medical activities]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Current problems of Russian law*. 2023. Issue 4. P. 93–104. (In Russ.).

10. *Sushkova O.V.* Grazhdansko-pravovoj rezhim innovacij v nauchno-tehnicheskoy sfere (na primere deyatel'nosti vysshih uchebnyh zavedenij) [Civil legal regime of innovations in the scientific and technical sphere (based on the example of the activities of higher educational institutions)]: dis. ... kand. yurid. nauk. [dis. ... candidate of legal sciences]. Moscow, 2010. P. 95–96. (In Russ.).

11. *Sushkova O.V.* Pravovye problemy realizacii sovremennyh biotekhnologij v sfere social'nogo predprinimatel'stva [Legal problems of implementing modern biotechnologies in the field of social entrepreneurship]. *Grazhdanskoe pravo – Civil law*. 2019. Issue 4. P. 32–35. (In Russ.).

12. *Syanhe I.* Mezhdunarodnoe pravo soprogressirovaniya: obshchaya harakteristika, normativnoe obosnovanie i nekotorye osnovnye principy [International law of co-progression: general characteristics, normative justification and some basic principles]. *Rossijskij yuridicheskij zhurnal – Russian legal journal*. 2015. Issue 5. P. 56–70. (In Russ.).

13. Statut Mezhdunarodnogo Suda (Prinyat v g. San-Francisko 26.06.1945) [Statute of the International Court of Justice (Adopted in San Francisco on June 26, 1945).] *Sb. dejstvuyushchih dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchennyh SSSR s inostrannymi gosudarstvami*. [Sat. existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states]. Moscow, 1956. Vol. XII. P. 47–63. (In Russ.).

14. *Haritonova Yu.S., Yan T.* Pravovye problemy transformacii osnovnyh nachal pravosudiya v usloviyah cifrovizacii civilisticheskogo processa v Rossii i Kitae [Legal problems of transformation of the basic principles of justice in the context of digitalization of the civil process in Russia and China]. *Vestnik grazhdanskogo processa – Bulletin of Civil Procedure*. 2023. Issue 1. P. 203–235. (In Russ.).

15. *Chirkin V.E.* Verhovenstvo prava v pravovom gosudarstve: terminologicheskie voprosy konstitucionnogo prava [The rule of law in a rule-of-law state: terminological issues of constitutional law]. *Pravo i sovremennye gosudarstva – Law and modern states*. 2016. Issue 5. P. 9–19. (In Russ.).

19. *Alter S.K.* Social Enterprise Typology. Virtue Ventures LLC, 2007. P. 15. (In Eng.)
20. *Cotterrell R.* Sociological Jurisprudence: Juristic Thought and Social Inquiry, Abingdon: Routledge 2018. P. 56. (In Eng.)
21. *Hart H.L.A.* The Concept of Law. 2nd ed. Oxford: Clarendon, 1994. P. 91–99. (In Eng.)

Информация об авторе:

О.В. Сушкова

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры информационного права и цифровых технологий
Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

ORCID: 0000-0002-0098-9555

ResearcherID: AAX-6935-2021

Статьи в БД Scopus/Web of Science:

DOI: 10.1051/shsconf/202111005005

DOI: 10.1051/shsconf/202111801006

DOI: 10.1051/shsconf/202111804007

DOI: 10.1051/shsconf/202110602013

DOI: 10.2991/aebmr.k.201205.107

DOI: 10.5220/0010662200003224

DOI: 10.5220/0010662300003224

Information about the author:

O.V. Sushkova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9 Sadovaya Kudrinskaya st., Moscow, 125993, Russia

ORCID: 0000-0002-0098-9555

ResearcherID: AAX-6935-2021

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.1051/shsconf/202111005005

DOI: 10.1051/shsconf/202111801006

DOI: 10.1051/shsconf/202111804007

DOI: 10.1051/shsconf/202110602013

DOI: 10.2991/aebmr.k.201205.107

DOI: 10.5220/0010662200003224

DOI: 10.5220/0010662300003224

МЕТОДЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 340

DOI: <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2024-6-6-196-213>

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ И МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ СМЕШАННЫХ ПЕРЕВОЗОК

А.А. Ананьева

Российский государственный университет правосудия

E-mail: annaslast@mail.ru

М.А. Бажина

Уральский государственный юридический университет

им. В.Ф. Яковлева

E-mail: mashsol@mail.ru

Введение: Междисциплинарный и межотраслевой подходы играют все большую роль в юридическом исследовательском инструментарии, чему есть как объективные, так и субъективные причины. В особенности среди них следует выделить повсеместную цифровизацию и подстегиваемый научным сообществом интерес к исследованиям на стыке дисциплин и отраслей. Несмотря на некоторую взаимосвязь с возрастанием интереса к междисциплинарным исследованиям в смену эпох, для многих направлений и сфер они всегда актуальны. К таковым, безусловно, относится транспортно-логистическая сфера. Положительным итогом применения междисциплинарного подхода становится не только формирование новых межотраслевых наук и межотраслевых научных направ-

лений, но и обогащение той науки, представители которой используют знания, приемы и методы иных наук. Авторы высказывают поддержку разграничению междисциплинарного и межотраслевого методов, относя первый из них к взаимодействию различных наук, а второй — к исследованию взаимосвязи различных отраслей юриспруденции либо заимствованию, развитию и интегрированию методов, приемов и правовых явлений смежных отраслей. **Цель:** показать значение междисциплинарного и межотраслевого подходов для научного исследования, а также их особенности и результаты применения при исследовании смешанных перевозок. **Методы:** при проведении исследования применялись общенаучные (анализ, синтез, описание, а также междисциплинарный подход) и частнонаучные методы познания, в том числе межотраслевой. **Результаты:** показано использование междисциплинарного и межотраслевого подходов для исследования такого важнейшего направления транспортно-логистической деятельности, как смешанные перевозки. Для этих целей показана взаимосвязь экономической, политической и юридической наук, а также технической и юридической наук в исследовании смешанных перевозок. Кроме того, особое внимание уделено межотраслевой категории «управление» в конструировании эффективной модели смешанной перевозки. Сделан вывод о симбиозе естественных и гуманитарных (в том числе юридических) наук с помощью применения междисциплинарных и межотраслевых подходов, а также правовой теории и юридических норм, через которые и происходит регламентация общественных отношений.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, межотраслевой подход, межотраслевой правовой метод исследования, междисциплинарные исследования, смешанные перевозки, транспортно-логистическая деятельность.

INTERDISCIPLINARY AND INTERBRANCHES APPROACHES IN THE STUDY OF MULTIMODAL TRANSPORTATION

A.A. Ananyeva

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Russian State University of Justice
E-mail: annaslast@mail.ru

M.A. Bazhina

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev
E-mail: mashsol@mail.ru

Introduction: interdisciplinary and interbranches approaches are playing an increasingly important role in legal research tools, for which there are both objective and subjective reasons. Particularly noteworthy among them is widespread digitalization and interest in research at the «junction» of disciplines and branches, spurred by the scientific community. Despite some relationship with increasing interest in interdisciplinary research in changing eras, they are always relevant for many areas. These, of course, include the transport and logistics sector. A positive result of the application of an interdisciplinary approach is not only the formation of new interdisciplinary sciences and interdisciplinary scientific directions, but also the enrichment of the science whose representatives use the knowledge, techniques and methods of other sciences. The authors express support for the distinction between interdisciplinary and interbranches methods, attributing the first of them to the interaction of various sciences, and the second to the study of the relationship between various branches of jurisprudence or the borrowing, development and integration of methods, techniques and legal phenomena of related fields. **Purpose:** to show the importance of interdisciplinary and interbranches approaches for scientific research, as well as their features and results of application in the study of multimodal transport. **Methods:** when conducting the study, general scientific (analysis, synthesis, description), as well as an interdisciplinary approach) and private scientific methods of cognition, including interdisciplinary ones, were used. **Results:** the use of interdisciplinary and interbranches approaches is shown to study such an important area of transport and logistics activities as multimodal transport. For these purposes, the interrelation of economic, political and legal sciences, as well as technical and legal sciences in the study of multimodal transport is shown. In addition, special attention is paid to the interbranches category of «management» in constructing an effective multimodal transportation model. In conclusion authors underline the symbiosis of the natural and humanities (including legal) sciences through the use of interdisciplinary and interbranches approaches, as well as legal theory and legal norms, through which the regulation of social relations occurs.

Key words: interdisciplinary approach, interbranches approach, interbranches legal research method, interdisciplinary research, multimodal transportation, transport and logistics activity.

Введение

Наметившаяся еще в прошлом столетии тенденция синтеза знаний в рамках смежных дисциплин на современном этапе развития юридической науки не только сохраняется, но даже усиливается. Тому есть как объективные причины (например, повсеместная цифровизация, которая дала толчок новому технологическому прогрессу, тре-

бует осмысления и учета различными науками), так и субъективные (в частности, подстегиваемый научным сообществом интерес к исследованиям на стыке дисциплин и отраслей). Можно сказать, что междисциплинарный и межотраслевой подходы стали определенным трендом в современной науке, что в особенности обусловлено происходящей сменой эпох. Как справедливо подчеркивал С.Ф. Ударцев, «актуальность междисциплинарного подхода возрастает во времена исторических перемен и в непосредственно предшествующие им периоды» [12, с. 23].

Тем не менее междисциплинарный подход в науке присутствует всегда. Следует согласиться с Д.А. Керимовым, который указывает на необходимость более широкого осмысления, прежде всего философского, социологического, экономического, этнического, психологического, а также их сотрудничество с правовыми науками при комплексном познании социальных объектов [7, с. 245]. Для целого ряда направлений междисциплинарный и межотраслевой подходы актуальны в любое время и любую эпоху (например, в рамках осуществления транспортно-логистической деятельности).

Прежде чем перейти непосредственно к особенностям и результатам применения междисциплинарного и межотраслевого подходов в исследовании смешанных перевозок, уделим немного внимания данным подходам как таковым.

Прежде всего, в очередной раз вспомним и отдадим дань уважения и почтения неоченимому вкладу Михаила Юрьевича Чельшева в обоснование целесообразности применения межотраслевого метода в цивилистических исследованиях, вдохновившему на его применение многих ученых, причем не только в частном праве. Михаил Юрьевич назвал межотраслевой метод отражением общего междисциплинарного подхода, который «сочетает в себе элементы (черты) других методов юридических исследований — сравнительно-правового и системного, является одной из составных частей цивилистической методологии — инструментом познания правовой действительности, позволяет отразить в науке усиление комплексности правовой жизни в частноправовой сфере, выявить особенности функционирования системы межотраслевых связей гражданского права, выступает в качестве метода исследования особенностей цивилистической право-реализации» [13, с. 13].

Идеи Михаила Юрьевича о межотраслевом методе получили дальнейшее развитие в трудах многих ученых.

О.А. Серова и Ю.Г. Лескова связывают междисциплинарность как методологический подход в науке с осмыслением и проведением исследования за рамками отдельной научной дисциплины (отрасли знаний)

и разделяют такие два типа междисциплинарного взаимодействия, как взаимодействие между системами дисциплинарного знания в процессе функционирования наук, их интеграции и дифференциации (исследования по классификации науки и ее развитию) и взаимодействие исследователей в совместном изучении различных аспектов одного и того же объекта [10, с. 271–272].

В трудах ученых поднимается немаловажная проблема проведения междисциплинарных и межотраслевых исследований, которая свойственна для научно-квалификационных работ. Исследователи, будучи ограниченными паспортом специальности, вынуждены крайне осторожно обращаться к другим отраслям и наукам, что одновременно ставит под сомнение, по мнению С.И. Сусловой [11], право таких работ претендовать на междисциплинарный (межотраслевой) характер. Однако в рамках монографических и иных неквалификационных трудов способ организации исследовательской деятельности, предусматривающий взаимодействие в изучении одного и того же объекта представителей различных дисциплин, становится все более популярным.

О.А. Кузнецова, обращаясь к содержанию понятия межотраслевого метода научного познания, одновременно разграничивает его с междисциплинарным подходом (междисциплинарным научно-познавательным приемом), предполагающим, в частности, исследование предмета через призму различных отраслей науки (дисциплины), а также использование правом иноотраслевых категорий и понятий [8, с. 208]. Не оспаривая тот факт, что положительным итогом применения междисциплинарного подхода становится формирование новых межотраслевых наук и межотраслевых научных направлений, нам хотелось бы подчеркнуть, что в равной мере ценным представляется и обогащение той науки, представители которой используют знания, приемы и методы иных наук. При этом, как и на дороге с реверсивным движением, такое обогащение в конечном счете полезно и для «материнских» наук или же наук-«доноров».

Однако вернемся к обозначенному Ольгой Анатольевной Кузнецовой разграничению. Автор дает характеристику межотраслевому методу в юриспруденции как специально-научному методу, призванному исследовать связи между нормами различных отраслей права, и именно данным отличием принципиально отделяет его как от междисциплинарного метода, так и от метода, исследующего связи между отраслями экономики в поисках их баланса [8, с. 209].

При этом следует отметить, что во многих трудах, посвященных междисциплинарности исследований, не придается особого значения различию между межотраслевым и междисциплинарным подходами. Хотя вполне вероятно, что авторы просто не ставили перед

собой такой задачи. Вместе с тем далее в статье мы будем придерживаться аналогичного деления, при котором междисциплинарный подход имеет место тогда, когда соприкасаются различные науки, а межотраслевой подход — при исследовании взаимосвязи различных отраслей юриспруденции либо в случае, когда заимствуются, развиваются и интегрируются методы, приемы и правовые явления смежных отраслей.

Резюмируя сказанное выше о междисциплинарном подходе, следует отметить его «объединяющий эффект», позволяющий «проникнуть в суть предмета изучения», «выявить связи с ...элементами объективной действительности» [1, с. 31]. Междисциплинарный подход свойственен именно для научного познания того или иного предмета или явления. При этом комплексность изучения объекта способствует более глубокому познанию его сущности, осмыслению его природы и свойств, что способствует приращению научного знания в той или иной области (технической, экономической, правовой науке и т.д.).

Сказанное можно продемонстрировать на примере изучения высокоавтоматизированного транспортного средства. Первоначальным является его осмысление в рамках естественных наук, что позволяет сформулировать дефиницию для последующего использования в других научных сферах, в том числе в экономической и правовой науках. Так, в Национальном стандарте РФ ГОСТ Р 70249—2022 «Системы искусственного интеллекта на автомобильном транспорте. Высокоавтоматизированные транспортные средства. Термины и определения», утвержденном и введенном в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 5 октября 2022 г. № 1052-ст, указывается, что высокоавтоматизированное транспортное средство — это транспортное средство, оснащенное автоматизированной системой вождения, которая действует в пределах конкретной среды штатной эксплуатации применительно к некоторым или всем поездкам без необходимости вмешательства человека в качестве запасного варианта обеспечения безопасности дорожного движения. Тем самым естественные науки создают для юридической науки базис для дальнейшего его использования при конструировании норм-дефиниций. Только наука способна выстроить стройный, логически выверенный понятийный аппарат с «привязкой» к нуждам практики [2, с. 17], так как обладает высокими темпами обновления и переключения на актуальные вопросы.

Тем самым теоретические правовые знания в сфере транспортного права, основанные на накопленной юридически значимой информации, анализе правоприменительной практики, являются необходимым достоянием для правоприменительной практики, а именно

для создания юридических норм, которые и лежат в основе правового регулирования осуществления той или иной деятельности. Из этого можно сделать вывод о симбиозе, с одной стороны, естественных и гуманитарных (в том числе юридических) наук с помощью применения междисциплинарных и межотраслевых подходов, а с другой стороны, правовой теории и юридических норм, через которые и происходит регламентация общественных отношений, возникающих в процессе осуществления различных видов экономической деятельности, в том числе и транспортно-логистической деятельности. Именно такое двойное преломление, в основе которого лежит междисциплинарный и межотраслевой подходы, позволяет обеспечить сочетание, казалось бы, парадоксальных явлений: стабильность норм права в конкретно взятый момент времени и в то же время их динамизм (подвижность) вообще.

Изложив важные теоретические изыскания выше, перейдем к практической части данного исследования и продемонстрируем использование междисциплинарного и межотраслевого подходов при исследовании одного из важнейших направлений транспортно-логистической деятельности, а именно смешанных перевозок¹.

Взаимосвязь экономической, политической и юридической наук в исследовании смешанных перевозок

Начать данный раздел хотелось бы с обращения к словам В. Рошера о том, что «...право и экономия — две области жизни, равно первичные, равно необходимые, равно близкие сокровеннейшей стороне человеческой природы. Да и предметы, которыми занимается правоведение и экономическая наука, почти совершенно одни и те же... Почти каждая глава общественной экономии в собственном смысле имеет свою параллель в гражданском праве...» [6, с. 2] И абсолютно справедливо заключение Н.Л. Бондаренко, что «любая наука, в том числе и цивилистика, является сложным явлением, концентрирующим научные достижения, сделанные в течение длительной истории ее развития, и всегда детерминирована экономическими условиями того

¹ В статье будут приведены некоторые результаты экспертно-аналитического исследования на тему «Совершенствование нормативного правового регулирования грузовых перевозок различными видами транспорта в современных условиях», выполненного на основании Программы научно-экспертной и исследовательской работы в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации в 2023 г. в соответствии с государственным контрактом № 01731000096230000200001 от 22 мая 2023 г. (руководитель: М.А. Бажина, исполнители: А.А. Ананьева, В.С. Бельх, Н.А. Бутакова, С.Ю. Морозов).

или иного государства» [5, с. 39]. Политико-экономические реалии определяют нормативную регламентацию различных видов экономической деятельности, в том числе и перевозку грузов различными видами транспорта.

С одной стороны, правовое регулирование смешанных перевозок строится на знаниях, полученных в рамках экономических и политических наук. Связано это с тем, что экономические и политические факторы имеют кумулятивное воздействие на осуществление смешанных перевозок. Развитие смешанных перевозок напрямую зависит от экономической и политической ситуации в стране и мире. Мультимодальная транспортная система как музыкальный инструмент очень тонко реагирует на различные экономические и политические изменения.

С другой стороны, правовое регулирование смешанных перевозок является одним из эффективных инструментов, влияющих на развитие всех сфер экономики, обеспечение обороноспособности государства и его безопасности. Такая значимость объясняется тем, что перевозки грузов различными видами транспорта способствуют снижению затрат на перевозку сырья и материалов, необходимых для обеспечения бесперебойного производственного процесса. Кроме того, развитие мультимодальные коридоры позволяют усилить политическую позицию государства на международной арене путем укрепления его торговых связей, взаимовыгодного сотрудничества с другими государствами и поддержания его обороноспособности.

Сегодня производители и продавцы находятся в поиске решений, отвечающих требованиям конкурентоспособности на мировом рынке. Транспортировка грузов больше не рассматривается как отдельная составляющая. Она интегрируется в качестве одного из важнейших компонентов цепи поставок для обеспечения перемещения и постпродажного обслуживания товаров (например, надлежащая утилизация продукции). Сказанное обуславливает необходимость управления цепочками поставок, увеличения скорости доставки продукции на рынок и усиления гибкости производства для роста спроса на услуги и инфраструктуру интермодальных и мультимодальных перевозок. Кроме того, рост цен на топливо, перегруженность дорог и ухудшение экологической ситуации требуют разработки новых решений для грузоперевозок.

Так, в рамках исследования, проведенного авторами настоящей статьи совместно с В.С. Белых, Н.А. Бутаковой и С.Ю. Морозовым на тему «Совершенствование нормативного правового регулирования грузовых перевозок различными видами транспорта в современных условиях», выполненного на основании Программы научно-эксперт-

ной и исследовательской работы в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации в 2023 г. в соответствии с государственным контрактом № 01731000096230000200001 от 22 мая 2023 г., были не только изучены правовые аспекты смешанного сообщения, но и рассмотрены вопросы, связанные с перспективами развития грузовых перевозок различными видами транспорта, риски, влияющие на дальнейшее развитие грузовых перевозок различными видами транспорта в современных условиях, а также проведен анализ товарных потоков Российской Федерации в условиях санкций для выявления приоритетных направлений развития нормативного правового регулирования, обеспечивающего перевозки грузов различными видами транспорта по транспортным коридорам, стратегическое значение которых существенно повысилось в современной геополитической обстановке. В результате удалось прийти к выводам и предложениям по модернизации нормативного правового регулирования перевозок разными видами транспорта, учитывающим экономические и политические потребности их развития.

Взаимосвязь технической и юридической наук в исследовании смешанных перевозок

Раскрыть обозначенную взаимосвязь нам хотелось бы на двух примерах: исследование технологического процесса смешанного сообщения и изучение технического прогресса на транспорте.

Начнем с того, что исследование смешанных перевозок объективно обуславливает потребность в исследовании перевозочного процесса, который, по сути, представляет собой совокупность общественных отношений, складывающихся при совершении цикла организационно и технологически взаимосвязанных операций, выполняемых транспортными организациями. Таким образом, построение эффективной модели смешанной перевозки немыслимо без выявления значения технологии его осуществления. В частности, обращение к технологии осуществления смешанных перевозок дало основание прийти к целому ряду выводов относительно роли и значения транспортного оператора, использования технологических платформ для единого документооборота, правового регулирования отдельных этапов смешанного сообщения, например, перевалки грузов и т.д.

Техническая составляющая развития транспортной системы всегда являлась одной из основополагающей, так как определяла возможности по обеспечению грузооборота со стороны транспортной системы. Согласно Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года, утвержденной Рас-

поряжением Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р¹, одной из основных проблем транспортной системы, замедляющей развитие грузовых перевозок различными видами транспорта, выступает отсутствие развитой, современной транспортной инфраструктуры, отвечающей требованиям рынка — быстрота, автоматизированность, стабильность, регулярность. Названные характеристики применительно к транспортной инфраструктуре означают обеспечение высокой пропускной способности при грузовых перевозках разными видами транспорта, минимальные сроки обработки грузов, регулярность выполнения необходимых транспортных операций. Именно поэтому значимость технического оснащения, модернизации объектов, включенных в инфраструктуру различных видов транспорта, представляется крайне важной и рассматривается в качестве ключевых проектов в Российской Федерации. Так, в Транспортной стратегии РФ обозначена необходимость строительства и реконструкции объектов транспортной инфраструктуры различных видов транспорта.

Иными словами, техническое развитие инфраструктуры выступает необходимым условием для обеспечения растущего спроса на грузовые перевозки, вызванные увеличением грузооборота. С указанным обстоятельством связано и то, что в настоящее время значение транспортной инфраструктуры меняется и выходит на первый план, предопределяя успешность выполнения физического перемещения грузов (перевозки грузов). В этих условиях особенно важными являются модернизация уже имеющейся транспортной инфраструктуры и создание новой в соответствии с новейшими технологиями. Речь идет о развитии цифровой инфраструктуры в транспортной сфере (цифровая транспортная инфраструктура). С одной стороны, она обеспечивает взаимосвязь транспортных средств между собой, а также инфраструктуры с транспортным средством. С другой стороны, цифровая транспортная инфраструктура включает в себя также инфраструктуру, обеспечивающую информационное взаимодействие различных субъектов. Тем самым можно говорить о том, что цифровая транспортная инфраструктура включает в себя еще и инфраструктуру, обеспечивающую информационно-технологическое взаимодействие информационных систем [4]. Применение цифровых технологий в развитии транспортной инфраструктуры отражается и в правовой составляющей, связанной с регулированием грузовых перевозок различными видами транспорта.

Проводя анализ проблем в инфраструктурной части, следует отметить и то, что в настоящее время каждый из видов транспорта претер-

¹ Далее — Транспортная стратегия РФ.

певают значительные трудности в развитии инфраструктуры, на что обращено внимание в Транспортной стратегии РФ. Тем самым доступность и развитость транспортной инфраструктуры различных видов транспорта (в том числе обеспеченность в сбалансированном и достаточном географическом распределении инфраструктурных объектов) являются той необходимой силой, которая позволяет ускорить экономический рост.

Кроме того, техническая составляющая проявляется не только в развитии транспортной инфраструктуры, но и в самих транспортных средствах, с помощью которых непосредственно и осуществляется процесс транспортировки. Исторически сложилось, что процесс перевозки грузов постоянно ускоряется за счет появления новых видов транспорта или совершенствования уже имеющихся видов, что благоприятно сказывается на экономическом росте государств. В последние несколько лет разрабатываются и внедряются транспортные средства, способные самостоятельно (т.е. без участия водителя или внешнего пилота) осуществлять управление. Речь идет о так называемых высокоавтоматизированных и (или) полностью автоматизированных транспортных средствах, функционирование которых осуществляется за счет применения таких цифровых технологий, как нейротехнологии и искусственный интеллект, включая технологии в области компьютерного зрения, машинных рекомендаций и поддержки принятия решений, технологии работы с большими данными, технологии робототехники и сенсорики.

Межотраслевая категория «управление» в конструировании эффективной модели смешанной перевозки

Свойственные всему перевозочному процессу риски, без сомнения, должны быть учтены и в случае его осуществления различными видами транспорта, т.е. в смешанном сообщении. Обращение к рискам управления перевозочным процессом, связанным с неверным принятием управленческих решений, сподвигает к изучению роли транспортного оператора в управлении смешанными перевозками и приводит к выводам о том, что именно участие оператора смешанной перевозки позволяет решить многие вопросы, так насущно стоящие перед научным сообществом по развитию смешанного сообщения.

Данная ситуация связана прежде всего с управлением на оперативном уровне. Неверное определение маршрута, неверное планирование и организация перевозки в прямом смешанном сообщении, непредусмотрение альтернативных возможностей ведут к срыву всего транспортного процесса. Одним из возможных шагов по снижению

рисков управления транспортным процессом является закрепление в законе правил о договоре на оказание операторских услуг по управлению транспортным процессом.

Поскольку отношения управления регулируются всеми отраслями права, был использован межотраслевой метод, в результате чего были выявлены отношения управления, регулируемые каждой отраслью права, дана правовая характеристика отношений управления применительно к каждой отрасли права, сформировано представление об управлении и услуге по управлению в гражданском праве, в том числе об управлении перевозками [подробнее об этом см. 3].

С.Ю. Морозов совершенно справедливо подчеркивает, что «подвижность границ публичного и частного права позволяет трансформироваться административно-правовым организационным отношениям в гражданско-правовые и наоборот» [9, с. 2]. Действительно, в российской истории правового регулирования отношений на транспорте имеется много примеров подобной конвергенции, в том числе и организационные перевозочные отношения и отношения по управлению перевозками.

Проведенное исследование услуг по управлению перевозками в дальнейшем при исследовании перевозок, осуществляемых различными видами транспорта, позволяет прийти к выводу, что договор смешанной перевозки груза (перевозки груза различными видами транспорта) во всех случаях должен быть смоделирован через участие оператора. Хотя до сих пор, к сожалению, звучат и иные предложения, в частности, в Заключении Комитета Государственной Думы по транспорту и развитию транспортной инфраструктуры по проекту федерального закона № 1179766-7 «О прямых смешанных (комбинированных) перевозках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» отмечается, что необходимо сохранить за грузоотправителями и пассажирами «возможности выбора — осуществлять взаимодействие с транспортными организациями самостоятельно, либо возложить эту обязанность на посредника»¹.

При этом, по нашему представлению, в качестве оператора может выступать и один из последовательных перевозчиков, и это не будет исключать его статус в договорных отношениях в качестве оператора. С экономической точки зрения у оператора всегда же есть выбор: учитывать ли в стоимости свои услуги либо сформировать стоимость

¹ Заключение Комитета Государственной Думы по транспорту и развитию транспортной инфраструктуры по проекту федерального закона № 1179766-7 «О прямых смешанных (комбинированных) перевозках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1179766-7>.

смешанной перевозки путем сложения стоимости всех отдельных ее этапов. Участие оператора целесообразно с учетом тех возможностей, которые дает его участие в организации и управлении смешанной перевозкой, что приобретает особое значение в современных условиях (в частности, в условиях действия ограничительных политических и экономических мер, введенных государствами и международными организациями в отношении нашей страны, а также во всех случаях, когда имеют место неординарные обстоятельства). Транспортный оператор имеет возможности оперативно оказывать управляющее воздействие на деятельность участников процесса мультимодальной перевозки. Так, например, оператор смешанной перевозки имеет возможность оперативно заменить вид транспорта ради обеспечения срока доставки, корректировать подвод судна исходя из фактического подхода вагонов в порт. По требованию оператора груз, доставленный перевозчиками после закрытия навигации в пункт смешанной перевозки для перевалки, может быть передан другому перевозчику для перевозки по назначению.

Таким образом, оператор смешанной перевозки при выполнении прямых смешанных перевозок осуществляет организацию и общее управление прямой смешанной перевозкой. При этом управление перевозкой имеет не меньшее значение, нежели организация. Оператор смешанной перевозки грузов имеет возможности, в отличие от последовательных перевозчиков постоянно руководить всем процессом, согласовывая действия всех его участников, организуя потоки информации, корректируя и контролируя деятельность. И это имеет первостепенное значение, ведь для грузоотправителя «гораздо более ценно, когда благодаря оперативному вмешательству транспортного оператора груз будет доставлен вовремя. Поэтому у оператора должны быть правовые возможности оперативно совершать управляющие воздействия» [3, с. 75].

Заключение

Широкое применение междисциплинарного и межотраслевого подходов в различных исследованиях обусловлено тем, что в последнее время для создания целостного видения проблемы или явления [14, с. 526] необходима интеграция знаний из различных научных областей. Именно данная тенденция является приоритетной для того, чтобы сформировать эффективное и гармоничное правовое регулирование в сфере осуществления смешанных перевозок. Установление междисциплинарных связей при выработке правовой регламентации смешанных перевозок обусловлено тем, что правовое регулирование

во многом зависит от геополитических аспектов, влияющих на перераспределение товарных потоков, от технико-технологических новшеств, применяемых в транспортно-логистической деятельности и предопределяющих внутреннюю и внешнюю безопасность России. Учитывая то, что транспортно-логистическая деятельность в целом предопределяет эффективность всех существующих процессов и бизнес-моделей, появление новых рынков сбыта, можно утверждать, что содержательное изучение междисциплинарных связей является важной составляющей на стадии разработки правового регулирования смешанных перевозок как основного инструмента, используемого при распределении товаропотоков. Именно грамотно выверенная правовая регламентация выступает залогом успешного развития смешанных перевозок и способствует созданию у России лидирующих позиций на мировой арене и укреплению торговых связей.

Тем самым междисциплинарный и межотраслевой подход в изучении того или иного явления, в том числе правовой регламентации смешанных перевозок, не является только теоретическим изысканием, а, напротив, имеет прикладной характер. Благодаря междисциплинарной интеграции, которая основана на взаимопроникновении отдельных элементов, представляется возможным на законодательном уровне учитывать в совокупности все особенности, влияющие на осуществление смешанных перевозок. Это, в свою очередь, создает благоприятный климат для стимулирования развития смешанных перевозок, снижения административной нагрузки на субъектов транспортно-логистической деятельности и создания конкурентноспособных условий для развития смешанных перевозок.

Библиографический список

1. *Абрамова А.И.* Междисциплинарный подход к изучению вопросов правоприменительной практики // Журнал российского права. 2015. № 10. С. 30–39.
2. *Алексеев С.С.* Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность. М., 2001. 161 с.
3. *Ананьева А.А.* Договорное регулирование оказания услуг по управлению перевозками. Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 424 с.
4. *Бажина М.А.* Содержательная трансформация понятия «транспортная инфраструктура» в условиях цифровизации // Юрист. 2022. № 10. С. 55–61.
5. *Бондаренко Н.Л.* Некоторые методологические проблемы взаимодействия гражданско-правовой и экономической наук // Методологические проблемы цивилистических исследований: Сб. науч. ст. /

Отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. С. 30–43.

6. *Данкварт Г.* Гражданское право и общественная экономия: этюды. СПб.: Заленский и Любарский, 1866. 217 с.

7. *Керимов Д.А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М.: Аванта+, 2001. 560 с.

8. *Кузнецова О.А.* Межотраслевой метод цивилистического познания // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2022. № 4. С. 206–225.

9. *Морозов С.Ю.* Вопросы межотраслевого регулирования транспортных отношений // Транспортное право. 2013. № 3. С. 2–4.

10. *Серова О.А., Лескова Ю.Г.* Междисциплинарные исследования: проблемы методологии // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. Вып. 2. С. 267–280.

11. *Суслова С.И.* О комплексности в цивилистических исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. Вып. 1. С. 363–381.

12. *Ударцев С.Ф.* Космическая перспектива эволюции государственности: необходимость междисциплинарного и межотраслевого исследования // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 23–32

13. *Чельшев М. Ю.* Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2008. 41 с.

14. *Чиркунова Е.К.* Междисциплинарный подход – новое качество высшего образования. Edcrunch Ural: Новые образовательные технологии в вузе: Материалы Междунар. науч.-метод. конф. Екатеринбург: УРФУ, 2017. С. 525–529.

References

1. *Abramova A.I.* Mezhdisciplinarnyj podhod k izucheniyu voprosov pravoprimeritel'noj praktiki [Interdisciplinary approach to the study of issues of law enforcement practice]. ZHurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law. 2015. Issue 10. P. 30–39. (In Russ.)

2. *Alekseev S.S.* Tajna prava. Ego ponimanie, naznachenie, social'naya cennost [The secret of law. Its understanding, purpose, social value]. Moscow, 2001. 161 p. (In Russ.)

3. *Ananeva A.A.* Dogovornoe regulirovanie okazaniya uslug po upravleniyu perevozkami: dis. ... dok-ra jurid. nauk [Contractual regulation of the provision of transportation management services: Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2020. 424 p. (In Russ.)

4. *Bazhina M.A.* Soderzhatel'naya transformaciya ponyatiya «transportnaya infrastruktura» v usloviyah cifrovizacii [Meaningful transformation of the concept of «transport infrastructure» in the context of digitalization]. *YUrist – Lawyer*. 2022. Issue 10. P. 55–61.

5. *Bondarenko N.L.* Nekotorye metodologicheskie problemy vzaimodejstviya grazhdansko-pravovoj i ekonomicheskoj nauk [Some methodological problems of interaction between civil law and economic sciences]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovanij – Methodological Problems Of The Civil Law Researches*. Collection of scientific articles. Moscow, 2016. P. 30–43 (In Russ.)

6. *Dankvart G.* Grazhdanskoe pravo i obschestvennaya ekonomiya: etyudyi [Civil Law and Public Savings: Studies]. St. Petersburg, 1866. 217 p. (In Russ.)

7. *Kerimov D.A.* Metodologiya prava (predmet, funktsii, problemy filosofii prava) [Methodology of Law (Subject, Functions, Problems of the Philosophy of Law)]. Moscow, 2001. 560 p. (In Russ.)

8. *Kuznetsova O.A.* Mezhotraslevoj metod civilisticheskogo poznaniya [Interdisciplinary method of civil knowledge]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovanij – Methodological Problems of The Civil Law Researches*. Moscow, 2022. Vol. 4. P. 206–225. (In Russ.)

9. *Morozov S.Iu.* Voprosy mezhotraslevogo regulirovaniia transportnykh otnoshenii [Questions of Intersectoral Regulation of Transport Relations]. *Transportnoe pravo – Transport Law*. 2013. Issue 3. P. 2–4. (In Russ.)

10. *Serova O.A., Leskova YU.G.* Mezhdisciplinarnye issledovaniya: problemy metodologii [Interdisciplinary research: problems of methodology]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovanij – Methodological Problems of The Civil Law Researches*. 2020. Issue 2. P. 267–280. (In Russ.)

11. *Suslova S.I.* O kompleksnosti v civilisticheskikh issledovaniyah [On complexity in civil studies]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovanij – Methodological Problems Of The Civil Law Researches*. 2019. Issue 1. P. 363–381. (In Russ.)

12. *Udarcev S.F.* Kosmicheskaya perspektiva evolyucii gosudarstvennosti: neobhodimost' mezhdisciplinarnogo i mezhotraslevogo issledovaniya [Space perspective on the evolution of statehood: the need for interdisciplinary and intersectoral research]. *Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya – State-legal research*. 2020. Issue 3. P. 23–32. (In Russ.)

13. *Chelyshev M.Iu.* Sistema mezhotraslevykh svyazei grazhdanskogo prava: tsivilisticheskoe issledovanie: avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk [The System of Interbranch Relations of Civil Law: Civil Law Studies: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2008. 41 p. (In Russ.)

14. *Chirkunova E.K.* Mezhdisciplinarnyj podhod- novoe kachestvo vyshego obrazovaniya [Interdisciplinary approach – a new quality of higher

education]. Edcrunch Ural: Novye obrazovatel'nye tekhnologii v vuze: materialy mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii – New educational technologies at the university: materials of the international scientific and methodological conference. Ekaterinburg, 2017. P. 525–529. (In Russ.)

Информация об авторах:

А.А. Ананьева

Доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского права
Российский государственный университет правосудия
117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69
ORCID: 0000-0002-2018-9918
ResearcherID: E-2364-2016
Статьи в БД Scopus / Web of Science:
<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2017-37-303-311>
<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2016-32-165-174>

М.А. Бажина

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры предпринимательского права
Уральский государственный юридический университет
им. В.Ф. Яковлева»
620131, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21
ORCID: 0000-0003-1237-0052
ResearcherID: GON-4988-2022
Статьи в БД Scopus / Web of Science:
<https://doi.org/10.1177/23220058221105255>

Information about the authors:

A.A. Ananyeva

Russian State University of Justice
69 Novocheremushkinskaya str., Moscow, 117418, Russia
ORCID: 0000-0002-2018-9918
ResearcherID: E-2364-2016
Articles in Scopus / Web of Science:
<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2017-37-303-311>
<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2016-32-165-174>

M.A. Bazhina

V.F. Yakovlev Ural State Law University

Komsomolskaya str., 21, Yekaterinburg, 620131, Russia

ORCID: 0000-0003-1237-0052

ResearcherID: GON-4988-2022

Articles in Scopus / Web of Science:

<https://doi.org/10.1177/23220058221105255>

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

О.Ю. Ильина

Тверской государственный университет

E-mail: Ilina.OY@tversu.ru

Л.В. Туманова

Тверской государственный университет

E-mail: Tumanova.LV@tversu.ru

Введение: правоприменение в сфере семейных и иных отраслевых отношений с участием членов семьи зачастую предполагает определенное объяснение выявленных фактов и закономерностей их взаимодействия, в том числе взаимообусловленности и взаимовлияния. Специфика правового регулирования соответствующих социальных отношений заключается в объективной потребности интерпретации полученных эмпирических данных при рассмотрении судами споров, возникающих из семейных правоотношений. В условиях отсутствия четких критериев интерпретации судом имеющихся эмпирических данных полагаем необходимым исследовать данный вопрос с позиции соотношения частных интересов субъектов семейных отношений и публичного интереса, который выражается в демонстрации определенной модели организации семейной жизни. **Цель:** проанализировать нормы материального и процессуального законодательства, подлежащие применению судом при рассмотрении отдельных видов споров, возникающих из семейных правоотношений, предусматривающие: а) необходимость установления определенных фактических обстоятельств; б) необходимость объяснения значения выявленных фактов реальной действительности; в) правовые последствия учета судом результатов интерпретации информации эмпирического содержания; г) рассмотрение процессуальных норм о доказывании в аспекте эмпирической интерпретации. **Методы исследования:** при написании статьи использовались общенаучный (диалектический) метод познания, а также частнонаучные методы (анализ, синтез, формально-юридический и логический). **Результаты:** обозначены виды семейно-правовых споров, при рассмотрении которых суд интерпретирует эмпирические

данные; выявлено отсутствие критериев эмпирической интерпретации отдельных фактов; представлены и обоснованы различия между эмпирической интерпретацией и применением оценочных категорий в механизме разрешения семейно-правовых споров. **Выводы:** рассмотрение судами споров, возникающих из семейных правоотношений, предполагает не только применение норм соответствующего законодательства, но и необходимость интерпретации судом имеющихся эмпирических данных, которые нередко относятся к морально-этическим и психологическим аспектам, а также затрагивают интересы лиц, не являющихся непосредственными участниками спорных правоотношений; процесс эмпирической интерпретации предполагает гармонизацию частных интересов непосредственных участников семейно-правового спора и иных лиц, а также публичного интереса в обеспечении охраны и защиты семьи как социального института, требования к содержанию и форме которого установлены государством.

Ключевые слова: семья и семейные правоотношения, частные и публичные интересы, споры, возникающие из семейных правоотношений, критерии разрешения судом семейно-правовых споров, интерпретация фактов семейной жизни.

EMPIRICAL INTERPRETATION IN THE CONTEXT OF THE RELATIONSHIP OF PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS IN FAMILY LAW

O.Yu. Ilyina

Tver State University

E-mail: Ilyina.OY@tversu.ru

L.V. Tumanova

Tver State University

E-mail: Tumanova.LV@tversu.ru

Introduction: law enforcement in the field of family and other sectoral relations with the participation of family members often involves a certain explanation of the identified facts and patterns of their interaction, including interdependence and mutual influence. The specificity of the legal regulation of relevant social relations lies in the objective need to interpret the obtained empirical data when courts consider disputes arising from family legal relations. In the absence of clear criteria for the court to interpret the available empirical data, we believe it is necessary to study this issue from the perspective of the relationship between the private interests of the subjects of family relations and the public interest, which is expressed in demonstrating a certain model of the

organization of family life. **Purpose:** to analyze the norms of substantive and procedural legislation to be applied by the court when considering certain types of disputes arising from family legal relations, providing for: a) the need to establish certain factual circumstances; b) the need to explain the meaning of the identified facts of reality; c) legal consequences of the court taking into account the results of interpretation of information of empirical content; d) consideration of procedural rules on evidence in the aspect of empirical interpretation. **Research methods:** when writing the article, the general scientific (dialectical) method of cognition was used, as well as private scientific methods (analysis, synthesis, formal legal and logical). **Results:** the types of family law disputes are identified, when considering which the court interprets empirical data; the lack of criteria for the empirical interpretation of individual facts was revealed; the differences between the empirical interpretation and application of evaluative categories in the mechanism for resolving family law disputes are presented and justified. **Conclusions:** consideration by the courts of disputes arising from family legal relations involves not only the application of the norms of the relevant legislation, but also the need for the court to interpret the available empirical data, which often relate to moral, ethical and psychological aspects, and also affect interests of persons who are not direct participants in controversial legal relations; the process of empirical interpretation involves the harmonization of private interests of direct participants in a family law dispute and other persons, as well as public interest in ensuring the protection and protection of the family as a social institution, the requirements for the content and form of which are established by the state.

Keywords: family and family legal relations, private and public interests, disputes arising from family legal relations, criteria for court resolution of family legal disputes, interpretation of the facts of family life.

Введение

Семейные отношения как объект правового регулирования обладают признаком приоритета лично-доверительного характера отношений между субъектами, что, кстати, в последнее время зачастую уже вызывает сомнения, но отечественное законодательство по-прежнему ориентировано на сохранение принципа учета судом при рассмотрении соответствующих споров тех обстоятельств, которые могут быть установлены только судом при отсутствии какого-либо документального подтверждения. Безусловно, исследование всех доказательств, представленных суду, определяет позицию суда и принимаемое им решение. В то же время при разрешении некоторых споров, возникающих из семейных правоотношений, позиция суда основывается на эмпирической интерпретации: суд устанавливает определенные

обстоятельства семейной жизни, выявляет значение данных обстоятельств и истолковывает их в контексте рассматриваемого спора. Примечательно, что при рассмотрении именно данной категории дел суд не связан какими-либо императивно определенными критериями оценивания эмпирических данных, руководствуется лишь своим убеждением и представлением о признаках семьи как публично-правового института. Особым инструментом являются так называемые оценочные понятия, которыми изобилует Семейный кодекс Российской Федерации (далее — СК РФ)¹. Безусловно, в каждом конкретном случае правильная оценка тех или иных обстоятельств может быть основана только при комплексном подходе, но это совершенно иной способ доказывания. При этом судья оценивает все доказательства по своему внутреннему убеждению, которое должно формироваться свободно, судье очень важно проявлять беспристрастность, преодолевать свои эмоции, не ожесточиться и не поддаваться только чувству жалости [5], но при этом не превратиться в равнодушный автомат по рассмотрению судебных дел. В связи с этим теоретическую и практическую значимость представляет вопрос о соотношении частных интересов субъектов соответствующих семейных правоотношений и публичного интереса, выражаемого судом как представителем государства. Это необходимо, потому что «семейные отношения наиболее уязвимы с точки зрения реализации частных интересов граждан, поскольку при этом должен быть соблюден формат, обусловленный публичным интересом» [3, с. 13]. Еще одна важная особенность была подчеркнута нашим великим писателем Л.Н. Толстым: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастлива по-своему», что обуславливает необходимость более широкого понимания и применения эмпирической интерпретации при рассмотрении судом споров, возникающих из семейных правоотношений.

Недействительность брака

Наиболее ярким примером, свидетельствующим о приоритете частного интереса в возникновении семейных правоотношений, является институт заключения брака. Мужчина и женщина добровольно выражают взаимное согласие на заключение брака, руководствуясь исключительно своими интересами в организации своей семейной жизни, планировании перспектив и т.п. Безусловно, брак может быть заклю-

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31 июля 2023 г.) (с изм. и доп., вступил в силу с 26 октября 2023 г.) (Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

чен только в порядке, установленном законом, в связи с этим будущие супруги соблюдают условия и порядок государственной регистрации заключения брака, но, согласимся, для большинства брачующихся это лишь как элемент официальной (иногда торжественной) обстановки. Лица, вступающие в брак, обращают внимание только на необходимость соблюдения соответствующих формальностей, а содержание речи уполномоченного лица о значении семьи соотносится с продолжением вальса Мендельсона.

В то же время заключение брака должно соответствовать цели — созданию семьи как союза, имеющего публично-правовое значение. Создание именно семьи, как следует из норм СК РФ, выступает целью заключения брака, отсутствие которой, в свою очередь, может повлечь признание судом данного брака недействительным. В ст. 27 СК РФ предусмотрен исчерпывающий перечень оснований недействительности брака, который относительно недавно был расширен посредством дополнения п. 6 ст. 52 СК РФ. Заметим, что значительная часть оснований недействительности брака предполагает формальное подтверждение нарушения условий или препятствий для его заключения (отсутствие разрешения на снижение брачного возраста, наличие близкого родства запрещенной степени между лицами, заключившими брак, и т.д.).

На наш взгляд, необходимость в интерпретации судом фактов реальной действительности возникает при рассмотрении требования о признании недействительным брака, который якобы был заключен фиктивно. Традиционно в СК РФ было только два варианта заключения фиктивного брака: если оба супруга или один из супругов заключили брак без цели создания семьи. В декабре 2022 г. ст. 51 СК РФ была дополнена п. 6, которым введено еще одно основание, позволяющее признать брак недействительным: если он «был зарегистрирован в целях заключения договора о суррогатном материнстве без намерения создать семью».

В специальном Обзоре Верховный Суд Российской Федерации обращает внимание на тот факт, что в течение 2019–2021 гг. наибольшее количество дел о признании брака недействительным было рассмотрено судами по основанию именно фиктивности брака¹. Причем в большинстве случаев иски предъявлялись одним из супругов, по мнению которого, другой супруг после заключения брака своим поведением явно демонстрировал отсутствие намерений вести семейную жизнь. Достаточно часто иски предъявлялись прокурором в интересах Рос-

¹ Обзор судебной практики по делам о признании брака недействительным (утв. Президиумом ВС РФ 14 декабря 2022 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

сийской Федерации, соответчиками выступали граждане Российской Федерации и граждане иностранных государств, брак которых был заключен с целью решения в упрощенном порядке целого ряда вопросов, предусмотренных миграционным законодательством.

В то же время рассмотрение судом требования о признании недействительным именно фиктивного брака, по нашему мнению, предполагает установление тождества между совместной заинтересованностью брачующихся в создании союза и той моделью семьи, охрана и защита которой обеспечиваются государством.

Мужчина и женщина, вступающие в брак, не могут принять на себя обязательство по созданию семьи. Во-первых, установление такой обязанности в законе выглядело бы, как минимум, абсурдно. Особенно если учитывать мировую практику, где даже разработаны различные типы брачных отношений, допустим, «брак выходного дня», «гостевой брак» и т.п. Разумеется, нам необходимо сохранять свои семейные ценности и традиции, но при этом нужно отчетливо понимать, что в нашем многонациональном и многоконфессиональном государстве эти традиции могут различаться, но единство базовых ценностей в семейных правоотношениях как раз и обеспечивается необходимым публичным интересом. Во-вторых, те лица, которые изначально не определили для себя иную цель, например, последующее использование льгот для получения гражданства Российской Федерации, априори видят в перспективе семью. Вопрос лишь в том, какую модель семьи они для себя определили, в частности, намерены они проживать совместно или же, будучи уже имущественно самостоятельно-состоятельными, предпочтут необходимым сочетание совместного и раздельного проживания (кстати, это обычно встречается при наличии у одного или каждого из супругов совершеннолетних детей). Для супругов более молодого возраста вполне актуальным становится вопрос рождения детей: будут ли они в принципе или же по истечении определенного времени, обусловленного, например, окончанием обучения, формированием профессиональной карьеры, приобретением квартиры.

Таким образом, представление о том, что такое семья, индивидуально для каждой семьи, в связи с этим утверждать о нарушении какого-либо предписания лицами, вступающими в брак, в принципе нельзя.

В названном Обзоре судебной практики отмечается: «К признакам семьи, на создание которой должна быть направлена воля мужчины и женщины при заключении брака, относятся: совместное проживание, предполагающее ведение общего хозяйства (при этом временное не-проживание супругов вместе в связи с работой, лечением, в силу других объективных факторов, не рассматривается как отсутствие такового); построение семейных отношений на основании духовно-нравствен-

ных начал и чувств; забота друг о друге; совместное решение основных вопросов жизни семьи; наличие взаимных личных неимущественных и имущественных прав и обязанностей, взаимной ответственности».

Представляется, что, только получив и изучив информацию об обстоятельствах семейной жизни супругов, брак которых оспаривается, судья может интерпретировать установленные данные и придать им значение как позволяющих удовлетворить иск либо, наоборот, отказать в его удовлетворении. Какими критериями должен руководствоваться судья, истолковывая взаимоотношения супругов, можно лишь предположить. Очевидно, исходя из представлений о традиционных семейных ценностях, основываясь в том числе и на личном опыте.

Даже разъяснения высших судебных инстанций не являются во многих случаях абсолютными критериями, поскольку жизнь всегда разнообразнее любых нормативных предписаний. Поэтому судья должен изначально правильно определить предмет доказывания, тщательно исследовать доказательства в судебном заседании при активности всех лиц, участвующих в деле, а затем оценить по своему внутреннему убеждению, которое, как верно отметила И.В. Решетникова, является проявлением «не произвола суда, а его самостоятельности в рассмотрении дела» [7, с. 106].

Публично-правовая модель семьи, содержание и формы которой периодически обсуждаются представителями науки семейного права [2, 8], была существенно усилена признанием в Конституции Российской Федерации необходимости проведения единой государственной политики в области поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей.

Расторжение брака при отсутствии согласия одного из супругов

В контексте наших рассуждений о применении эмпирической интерпретации полученных данных как зачастую единственного способа установления обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения дела, полагаем необходимым обратиться к делам о расторжении брака, инициированным одним из супругов при отсутствии согласия другого супруга на расторжение брака. Авторы настоящей статьи уже обращались к проблематике выяснения интересов супругов при расторжении брака, в том числе с позиции возможного отказа в удовлетворении иска [4]. Напомним, что согласно ст. 22 СК РФ «расторжение брака в судебном порядке производится, если судом установлено, что дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи невозможны». Законодатель предусмотрел и специальный примирительный срок,

в период или по истечении которого судья имеет возможность установить характер взаимоотношений супругов, не исключая возможность примирения супругов и отказа одного из них от намерения прекратить брак. Однако и в ст. 22 СК РФ, и в специальном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 отмечается, что отсутствие результата при назначении супругам примирительного срока является безусловным основанием для расторжения судом данного брака, даже если один из супругов по-прежнему возражает против расторжения брака¹.

Обоснованным видится вопрос о возможности отказа в удовлетворении иска о расторжении брака, если один из супругов возражает. К сожалению, такое право не предусмотрено, если у суда появляются основания предполагать фиктивность расторжения брака, ведь очень сложно интерпретировать возможность сохранения семьи, если оба супруга тщательно подготовили фальсификацию доказательств о том, что дальнейшее сохранение семьи невозможно. Выяснив позицию последнего, судья, с одной стороны, должен интерпретировать полученные данные в контексте решения вопроса о расторжении брака, что теоретически не исключает варианта отказа в удовлетворении иска. Обратим внимание — законодатель посредством использования соединительного союза «и» указывает на условие расторжения брака: если судом будет установлено, что невозможны и дальнейшая совместная жизнь супругов, и сохранение семьи. Можно предположить, что такое построение фразы неслучайно, оба обстоятельства выступают как взаимосвязанные. Но ведь при наличии у супругов общих несовершеннолетних детей семья в том или ином варианте сохраняет формально свое существование, даже если дальнейшая совместная жизнь супругов будет признана невозможной.

С другой стороны, а нужна ли здесь интерпретация, ведь по истечении назначенного супругам примирительного срока суд в любом случае расторгает брак, если примирение не наступило. Представляется, что это похоже на так называемый административный развод, поскольку для принятия судом решения необходимо лишь истечение срока. Можно ли утверждать, что в подобной ситуации суд действительно применяет метод эмпирической интерпретации, как это предписано законодателем, действительно ли суд «устанавливает» значение полученной информации и принимает решение о наступлении определенных правовых последствий?

¹ Постановление Пленума ВС РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Очень важно интерпретировать все эмпирические данные, прежде чем принять решение о назначении срока для примирения. Иногда упорное нежелание одного из супругов «дать вольную другому» может закончиться трагически. Судья должен точно составить психологический портрет каждого супруга и выяснить действительные цели как желания расторгнуть брак, так и сохранить его.

Кроме того, перспектива удовлетворения иска или отказа в его удовлетворении в равной степени привлекает внимание с точки зрения обеспечения интересов каждого из супругов и публичного интереса, который заключается в возможности сохранения семьи. Фактически принудительное сохранение брака, на наш взгляд, придаст союзу порочный характер, не стоит исключать и вариант злоупотребления правом со стороны супруга, возражающего против расторжения брака.

Установление и оспаривание отцовства

Совершенствование института родительства в современных условиях определяется многими факторами: социальными, поскольку отмечается повышение так называемого авторитета родительства посредством применения существенно расширенного перечня мер государственной поддержки семей с детьми; медицинскими, что нашло отражение в активном применении различных вспомогательных репродуктивных технологий, а также правовыми, поскольку ряд значимых изменений был внесен в действующее законодательство, кроме того, нельзя оставить без внимания и позицию Пленума Верховного Суда РФ, что тоже определяет тенденции формирования правоприменительной практики¹.

Наиболее яркими с точки зрения демонстрации необходимости применения судом метода эмпирической интерпретации нам видятся следующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

В п. 29 указанного Постановления отмечается: «Если одновременно с иском об оспаривании отцовства матерью ребенка либо опекуном (попечителем) ребенка не заявлено требования об установлении отцовства в отношении биологического отца ребенка либо такое требование не предъявлено биологическим отцом ребенка, а лицо, записанное в качестве отца ребенка, возражает против удовлетворения иска, в исключительных случаях, в целях наилучшего обеспечения интересов ребенка и исходя из приоритетной защиты его прав и интересов (ст. 3

¹ Постановление Пленума ВС РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Конвенции о правах ребенка; п. 3 ст. 1 СК РФ), а также с учетом конкретных обстоятельств дела (например, длительных семейных отношений, сложившихся между ребенком и лицом, записанным в качестве его отца, устойчивой эмоциональной привязанности ребенка к этому лицу, намерения данного лица продолжать воспитывать этого ребенка и заботиться о нем как о своем собственном ребенке) суд может отказать в удовлетворении иска об оспаривании отцовства».

В подобных случаях может иметь значение отношение иных лиц к сложившимся отношениям отцовства, например родителей, которые считали себя бабушкой и дедушкой иногда единственного внука, и вдруг эти отношения по решению суда могут быть расторгнуты. Отмена отцовства влечет и изменение многих других правоотношений, которые влияют на судьбу ребенка в детском саду, школе, при общении с другими людьми и сверстниками. Критерием эмпирической интерпретации в таких случаях должен выступать публичный интерес, который трактуется семьей значительно шире, чем связь людей, объединенных кровными узами или регистрацией брака.

Отметим, что в сфере применения суррогатного материнства с декабря 2022 г. существенно изменился ряд требований, что свидетельствует об усилении публичного контроля. В то же время сохраняет свою актуальность проблема обеспечения интересов потенциальных родителей ребенка, рожденного суррогатной матерью, в случае ее отказа дать согласие на запись заказчиков в качестве родителей ребенка.

В п. 31 указанного Постановления Пленум Верховного Суда РФ разъясняет: «Вместе с тем судам следует иметь в виду, что в случае, если суррогатная мать отказалась дать согласие на запись родителями указанных лиц (потенциальных родителей), то данное обстоятельство не может служить безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска этих лиц о признании их родителями ребенка и передаче им ребенка на воспитание. В целях правильного рассмотрения дела суду, в частности, следует проверить, заключался ли договор о суррогатном материнстве и каковы условия этого договора, являются ли истцы генетическими родителями ребенка, по каким причинам суррогатная мать не дала согласия на запись истцов в качестве родителей ребенка, и с учетом установленных по делу обстоятельств, а также положений ст. 3 Конвенции о правах ребенка разрешить спор в интересах ребенка».

На наш взгляд, Пленум Верховного Суда РФ ставит перед судом сложную задачу: найти и обосновать основание нарушения нормы п. 4 ст. 51 СК РФ, согласно которой заказчики по договору о суррогатном материнстве могут быть записаны родителями рожденного ею ребенка только с согласия суррогатной матери. Очевидно, только интерпре-

тация фактических обстоятельств с целью обоснования приоритета интересов потенциальных родителей ребенка может стать основанием для удовлетворения иска последних. Согласимся, установление перечисленных выше фактов (наличие договора и др.) позволит суду констатировать лишь то, что обеспечивает интересы суррогатной матери, допустим, и договор был заключен, и порядок выдачи согласия был в договоре установлен, и истцы являются генетическими родителями ребенка, но суррогатная мать отказалась дать свое согласие, поскольку испытала резкий эмоциональный подъем в связи с рождением ребенка, почему и оставила его себе.

Но при этом не должен оставаться за рамками судебного исследования и, соответственно, эмпирической интерпретации вопрос о причинах, по которым суррогатная мать решила оставить себе ребенка, это, к сожалению, могут быть и чисто экономические причины, например, право на пособие и материнский капитал.

Трудно предположить, что суд применит в подобной истории предписания гражданского законодательства, регламентирующие общие принципы исполнения обязательства и договор возмездного оказания услуг.

Очевидно, только эмпирическая интерпретация, только оценка и истолкование значения полученной информации о тех или иных обстоятельствах могут определить позицию суда по данному спору.

Лишение родительских прав

Особое значение эмпирическая интерпретация имеет при рассмотрении дел, связанных с применением мер семейно-правовой ответственности, что обусловлено прежде всего тем, что семейное законодательство не содержит специального регулирования понятия и порядка ее применения, даже такая категория дел, как лишение родительских прав, не всеми признается как мера ответственности, хотя даже из буквального текста ст. 69 СК РФ очевидно: родительских прав лишают за неисполнение обязанностей, злоупотребление правами и причинение физического и психологического вреда здоровью. В этой связи заслуживает поддержки позиция С.О. Карибян о необходимости дополнения Семейного кодекса РФ соответствующей главой «Семейно-правовая ответственность» [6, с. 17–18].

При рассмотрении дел о лишении родительских особенно важно правильно определить соотношение частных и публичных интересов, поскольку, с одной стороны, ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, но государство заинтересовано в воспитании здорового поколения и, соответственно, в том, чтобы условия жизни в семье

были надлежащими. Публичный интерес проявляется уже в том, что согласно ст. 70 СК РФ основными лицами, имеющими право обратиться в суд с заявлением о лишении родительских прав, являются прокурор, органы опеки и попечительства и другие органы и организации, в компетенцию которых входит забота о несовершеннолетних. Этот перечень носит открытый характер, в связи с чем представляется нецелесообразным предложение Ю.Н. Авдониной о необходимости введения в структуре органов опеки и попечительства подразделения по защите прав несовершеннолетних с предоставлением права обращения в суд [1, с. 11].

Хотя предполагается, что лишение родительских прав направлено на защиту интересов несовершеннолетних, закон некоторым образом сужает сферу частных интересов, исключая из числа лиц, имеющих право на обращение в суд, самих несовершеннолетних, даже достигших возраста 14 лет.

Как и любая норма права, ст. 69 СК РФ называет только самый общий перечень оснований для лишения родительских прав, при этом большинство из них относится к оценочным категориям, о чем уже упоминалось применительно к нормам семейного права в целом. Поэтому эмпирическая интерпретация приобретает особое значение. В контексте гражданского процесса можно утверждать, что эмпирическая интерпретация во многом совпадает с процессом доказывания, но все-таки является более широким понятием, поскольку охватывает и такие процессуальные правоотношения, которые находятся за пределами традиционного определения процесса доказывания. Доказательственную деятельность можно представить в виде следующих взаимообусловленных стадий: определение фактов, имеющих значение для дела (предмет доказывания), и необходимых средств доказывания; собирание и представление доказательств; полное раскрытие доказательств (хотя это еще не нашло необходимого регулирования); исследование доказательств в ходе судебного заседания и оценки доказательств.

Сложности в определении предмета доказывания по делам о лишении родительских прав обусловлены тем, что на этапе обращения в суд проявляют свое «усмотрение» соответствующие органы, которые обращаются в суд. Хотя нигде закон прямо не упоминает, что лишение родительских прав является крайней мерой, но нередко органы опеки и попечительства исходят из этого и не всегда достаточно обоснованно. В этих случаях возникает определенная коллизия между эмпирической интерпретацией суда и пределами его полномочий, поскольку если заявлен иск об ограничении родительских прав, суд, даже если убежден в неэффективности этой меры, не может принять другого решения. А в дальнейшем, как показывает судебная практика, все

равно заканчивается лишением родительских прав, но очевидно, что в таких случаях нарушаются права и интересы ребенка.

Иногда искажение интерпретации обстоятельств дела судом происходит, можно сказать, по вине лиц, обладающих правом на обращение в суд. В заключении органов опеки и попечительства или прокурора может содержаться позиция, согласно которой лишение родительских прав является преждевременной мерой и можно ограничиться предупреждением ответчику. Причем закон не относит заключения прокурора и государственных органов, сделанные в суде, к средствам доказывания, но они составляют определенную часть эмпирических данных, которые должен интерпретировать суд. Подобное влияние нередко влечет последующую отмену судебного решения. Но при этом нельзя исключать и возможную ситуацию, когда такое предупреждение будет эффективным, если, допустим, то, что заявитель иска оценил как жестокое обращение, на самом деле было результатом «благих намерений», когда родители хотят реализовать в ребенке то, чего не достигли сами, вопреки здравому смыслу, здоровью, психологическим особенностям, склонностям и желаниям ребенка [9, с. 56].

Складывается странная ситуация, суд по буквальному тексту ст. 67 ГПК РФ¹ оценивает только доказательства, и именно они должны быть основой судебного решения, но иногда получается, что главным аргументом выступают не доказательства, а заключения прокурора и органов опеки и попечительства, которые не являются таковыми.

Результатом эмпирической интерпретации суда является и мотивировочная часть судебного решения, поскольку анализ в ней значительно шире оценки доказательств и включает не просто констатацию достоверности и достаточности, а их сопоставление с анализом норм права, постановлениями Пленума Верховного Суда РФ и актами Президиума Верховного Суда РФ.

Суду важно определить и цель обращения с иском о лишении родительских прав, поскольку это может быть использование права не в соответствии с его назначением, т.е. злоупотреблением правом, такая ситуация складывается, когда обращается в суд второй родитель.

Судья при рассмотрении подобных дел должен не только уметь анализировать фактические обстоятельства, но и оценивать поведение всех участников процесса относительно правдивости их показаний и объяснений, т.е. интерпретация должна быть основана на определенных знаниях психологии.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г., с изм. от 25 января 2024 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Ошибка в решении по делам о лишении родительских прав наносит слишком большой вред интересам несовершеннолетних, а следовательно, и публичным интересам, состоящим в необходимости создания благоприятных условий для нормальной жизни детей.

Заключение

Исследование проблемы эмпирической интерпретации в семейном праве подтверждает тесную взаимообусловленность семейного права и процессуальных норм. Большинство положений Семейного кодекса РФ либо непосредственно регламентируют процессуальные правила, например, перечень лиц, имеющих право возбуждать дела о расторжении брака, признании его недействительным, оспаривание отцовства или лишение родительских прав, либо их реализация предполагает обязательный судебный порядок как в силу прямого указания в законе, так и вследствие невозможности определения их содержания, учитывая оценочный характер без помощи суда.

Вся судебная деятельность по рассмотренным делам может быть представлена как эмпирическая интерпретация, которая при этом соотносится с процессом доказывания как целое и частное.

Эмпирическая интерпретация, по существу, основана на тех же принципах, что и доказательственная деятельность. Необходимо определить все обстоятельства, имеющие значение для дела, основываясь не только на «букве» соответствующей правовой нормы, но и на «духе», который обусловлен спецификой семейных правоотношений, которая связана с необходимостью установления баланса между частными и публичными интересами, необходимостью учета семейных традиций и обычаев и лично-доверительным характером, исследовать и оценить все, что было установлено.

Различие интерпретации и доказывания состоит в использовании средств. Доказательственная деятельность может осуществляться только в строго определенных законом пределах относительно средств доказывания и порядка их получения. Эмпирическая интерпретация является основой доказывания, поскольку первоначально судья должен оценить и проанализировать поступившие исковые материалы, основываясь на своем жизненном опыте, знании психологии и даже интуиции. Подобная интерпретация позволяет выявить по каждому конкретному делу, какие именно обстоятельства послужили основой проблемы, которая потребовала судебного решения.

Только данный анализ позволяет разобраться в столь различных по своему характеру основаниях признания брака недействительным, поскольку есть множество вариантов даже по такому основанию, как

его фиктивность. При этом важно установить не только нарушение условий заключения брака, но и обстоятельства, которые позволяют сохранить брак. Это показывает, что основу эмпирической интерпретации составляет баланс частных и публичных интересов, поэтому, хотя государственный интерес диктует признавать недействительным брак при нарушении его заключения, частный интерес обуславливает корректировку этого правила с использованием ст. 29 СК РФ (так называемая санация брака).

Публичный интерес в сохранении семьи не должен аннулировать действие частного интереса, основанного на принципе добровольности заключения брака, что, естественно, предполагает и невозможность его принудительного сохранения. Этот баланс определяет порядок расторжения брака с учетом интересов детей и их матери в определенный период. Принцип добровольности обуславливает и то, как законодатель определил основание для расторжения брака в судебном порядке, оставляя это практически на усмотрение суда. Поэтому судья должен очень тщательно интерпретировать все обстоятельства дела, прежде чем переходить непосредственно к процессу доказывания. Необходимо точно представлять суть отношений, которые на данном этапе сложились между супругами. Необходим психологический анализ поведения супруга, который возражает против развода, чтобы понять истинные мотивы такой позиции и реальность сохранения семьи. Здесь не может преобладать публичный интерес в ущерб личному, состоящему в том, что один из супругов уже не может продолжать жить в этой семье, добровольный союз не может превращаться в «ограничение свободы по приговору загса».

Особое внимание требуется от суда при установлении и оспаривании отцовства. Любое решение может слишком жестко изменить жизнь ребенка, повлиять на его психическое и даже физическое здоровье. Поэтому суд должен выявить истинные побудительные мотивы таких решений. Для этого необходимо интерпретировать все обстоятельства и даже спрогнозировать возможные последствия того или иного решения. Хотя публичный интерес состоит в обеспечении ребенку права жить в полноценной семье и знать своих родителей, но должны преобладать личные интересы несовершеннолетнего. Судебная практика учитывает по делам об оспаривании отцовства не только кровное родство, но и эмоциональную сторону сложившихся отношений, в этом случае имеет место определенное преобладание одного частного интереса над другим.

Суррогатное материнство как способ стать родителями для лиц, у которых нет другой возможности по состоянию здоровья, создает и новую проблему — уже не отцовства, а материнства. И суд должен

интерпретировать все обстоятельства, выяснить подлинные побудительные мотивы суррогатной матери для того, чтобы скорректировать определенным образом позицию законодателя, основанную на приоритете публичных отношений в регулировании прав суррогатной матери в пользу личного интереса, который был побудительным мотивом для заключения соответствующего договора.

Дела о лишении родительских прав также требуют использования судебного усмотрения и интерпретации всех обстоятельств. Публичный интерес по данной категории дел отличается тем, что в его основе лежит применение мер семейно-правовой ответственности. И это тот случай, когда практически сложно выявить преобладание частного или публичного интереса, поскольку они совпадают в главном: и государство, и сам ребенок заинтересованы в нормальных условиях жизни, исключающих жестокое обращение, злоупотребление родительскими правами, их неисполнение, словом, все, что делает ребенка несчастным. Суд должен принять решение, которое будет благоприятным прежде всего для ребенка, но суд не может по своей инициативе возбудить дело о применении мер семейно-правовой ответственности, в большинстве случаев это зависит от соответствующих государственных органов, которые должны осуществлять свои полномочия исходя из соответствующих интересов государства и общества. При рассмотрении дела суд не должен полагаться только на позицию органов опеки и попечительства и прокурора, его задача — посредством эмпирической интерпретации и оценки доказательств установить совпадение частного и публичного интереса.

Эмпирическая интерпретация и доказывание могут быть объединены общим понятием «судебное познание», следовательно, должны соответствовать общим принципам научного познания, использоваться по семейным делам в качестве дополнительного критерия соотношения частных и публичных интересов и осуществляться в соответствии с правилами судопроизводства.

Библиографический список

1. *Авдонина Ю.Н.* Процессуальные особенности защиты прав и охраняемых законом интересов несовершеннолетних в гражданском процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2023. 21 с.
2. *Ильина О.Ю.* Заключение брака и цель создания семьи: несовпадение предполагаемого // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2023. Вып. 6. С. 204–213.
3. *Ильина О.Ю.* Система координат в семейных правоотношениях: интерес как предпосылка смещения параметров // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2018. № 3. С. 13–23.

4. *Ильина О.Ю., Замрий О.Н., Туманова Л.В.* Взаимное согласие и добрая воля мужчины и женщины как условия заключения и основания расторжения брака: правовые аспекты соотношения когнитивной и волевой функции сознания супругов // Психология и право. 2019. № 4. С. 120–133. DOI: 10.17759/psylaw.2019090409.

5. *Ильина О.Ю., Туманова Л.В.* Правовые и психологические аспекты справедливости судебного решения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Т. 13. № 4. С. 216–226. DOI: 10.17759/PSYLAW.2023130415.

6. *Карибян С.О.* Семейно-правовая ответственность: сущность и правоприменение по законодательству Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 29 с.

7. *Решетникова И.В.* Доказывание в гражданском процессе: Учеб.-практ. пособие. М.: Юрайт; ИД «Юрайт», 2010. 503 с.

8. *Тарусина Н.Н.* Семья как общеправовая конструкция // LEX RUSSICA. 2020. Т. 73. № 4 (161). С. 21–33.

9. *Туманова Л.В.* Лишение родительских прав: исковое производство или меры семейно-правовой ответственности // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9. № 4. С. 53–61. DOI:10.18287/2542-047X-2023-9-4-53-61.

References

1. *Avdonina Yu.N.* Processualnye osobennosti zashchity prav i ohran-yaemykh zakonom interesov nesovershennoletnih v grazhdanskom processe: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Procedural Features of the Protection of the Rights and Legally Protected Interests of Minors in Civil Proceedings. Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2023. 21 p. (In Russ.)

2. *Ilyina O.Yu.* Zaklyuchenie braka i cel sozdaniya semi: nesovpadenie predpolagaemogo [The Conclusion of Marriage and the Purpose of Creating a Family: the Discrepancy of the Alleged]. Permskij yuridicheskij almanah. Ezhegodnyj nauchnyj zhurnal – Perm Legal Almanac. Annual Scientific Journal. 2023. Issue. 6. P. 204–213. (In Russ.)

3. *Ilyina O.Yu.* Sistema koordinat v semejnyh pravootnosheniyah: interes kak predposylka smeshcheniya parametrov [Coordinate System in Family Legal Relations: Interest as a Prerequisite for Parameter Displacement]. *Vestnik TvGU – Vestnik TvGU. Seriya «Pravo»*. The series «Law». 2018. Issue 3. P. 13–23. (In Russ.)

4. *Ilyina O.Yu., Zamri O.N., Tumanova L.V.* Vzaimnoe soglasie i dobraya volya muzhchiny i zhenshchiny kak usloviya zaklyucheniya i osnovaniya rastorzheniya braka: pravovye aspekty sootnosheniya kognitivnoj i volevoj funkicii soznaniya suprugov [Mutual Consent and Goodwill of a Man and a

Woman as Conditions of Conclusion and Grounds for Divorce: Legal Aspects of the Correlation of Cognitive and Volitional Functions of the Consciousness of Spouses]. *Psychology and law – Psihologiya i pravo*. 2019. Issue 4. P. 120–133. DOI: 10.17759/psylaw.2019090409. (In Russ.)

5. *Ilyina O.Yu., Tumanova L.V.* Pravovye i psihologicheskie aspekty spravedlivosti sudebnogo resheniya [Elektronnyj resurs] [Legal and Psychological Aspects of the Fairness of a Court Decision] [Electronic resource]. *Psihologiya i pravo – Psychology and Law*. 2023. Vol. 13. Issue 4. P. 216–226. DOI: 10.17759/PSYLAW.2023130415. (In Russ.)

6. *Karibyan S.O.* Semejno-pravovaya otvetstvennost: sushchnost i pravoprimenenie po zakonodatelstvu Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Family Legal Responsibility: the Essence and Law Enforcement Under the Legislation of the Russian Federation. Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2017. 29 p. (In Russ.)

7. *Reshetnikova I.V.* Dokazyvanie v grazhdanskom processe: uchebn.-prakt. posobie [Proving in Civil Proceedings: Textbook-Practice, the Manual]. Moscow, 2010. 503 p. (In Russ.)

8. *Tarusina N.N.* Semya kak obshchepravovaya konstrukciya [Family as a General Legal Construction]. *LEX RUSSICA*. 2020. Vol. 73. Issue 4 (161). P. 21–33. (In Russ.)

9. *Tumanova L.V.* Lishenie roditelskih prav: iskovoe proizvodstvo ili mery semejno-pravovoj otvetstvennosti [Deprivation of Parental Rights: Lawsuit Proceedings or Measures of Family Legal Responsibility]. *YUridicheskij vestnik Samarskogo universiteta – Legal Bulletin of the Samara University*. 2023. Vol. 9. Issue 4. P. 53–61. DOI:10.18287/2542-047X-2023-9-4-53-61. (In Russ.)

Информация об авторах:

О.Ю. Ильина

Заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор,
декан юридического факультета,
завкафедрой гражданского права
Тверской государственной университет
170100, Россия, г. Тверь, ул. Желябова, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1939-9712>,
SPIN-код: 8737-46386, AuthorID: 570615
Статьи в БД Scopus / Web of Science:
DOI: 10.17759/psylaw.2019090409.
DOI: 10.17759/psylaw.2023130415.

Л.В. Туманова

Заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры судебной власти и правоохранительной
деятельности

Тверской государственный университет

170100, Россия, г. Тверь, ул. Желябова, 33

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2438-7428>,

SPIN-код: 8705-4643, AuthorID: 648735

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI: 10.17759/psylaw.2019090409.

DOI: 10.17759/psylaw.2023130415.

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-4-53-61.

Information about the authors:**О.Ю. Илина**

Tver State University

33, Zhelyabova St., Tver, 170100, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1939-9712>,

SPIN code: 8737-46386, AuthorID: 570615

Articles in the Scopus / Web of Science database:

DOI: 10.17759/psylaw.2019090409.

DOI: 10.17759/psylaw.2023130415.

L.V. Tumanova

Tver State University

33, Zhelyabova St., Tver, 170100, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2438-7428>,

SPIN code: 8705-4643, AuthorID: 648735

Articles in the Scopus / Web of Science database:

DOI: 10.17759/psylaw.2019090409.

DOI: 10.17759/psylaw.2023130415.

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-4-53-61.

УДК 340.115.5; 340.115.4

DOI: <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2024-6-6-233-246>

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНСТИТУТА СОВМЕСТНОГО ИСПОЛНЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ГРУППОВОЙ ДИНАМИКИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01002, <https://rscf.ru/project/23-78-01002/>

Е.Ю. Мартянова

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

E-mail: martyanova.ey@psu.ru

Введение: статья посвящена выявлению методологических основ использования концепции групповой динамики при исследовании института совместного исполнения. **Цель:** целью работы является определение потенциала и пределов использования инструментария теории групповой динамики при исследовании института совместного исполнения. **Методы:** общенаучные и частнонаучные методы научного познания, включая анализ, синтез, описание, научное обобщение, формально-юридический и др. **Результаты:** цивилистические правовые исследования о конструктах, в основе которых лежит полисубъектность, не восприимчивы к эмпирическим и иным данным, полученным с помощью инструментария теории групповой динамики. Между тем обозначенная концепция обладает значительным потенциалом: обращение к теории групповой динамики может послужить ключом к выработке минимального набора правил, определяющих порядок взаимодействия соисполнителей по поводу осуществления и распоряжения исключительным смежным правом, принадлежащим им совместно, при отсутствии соглашения между ними. К пределам и болевым точкам использования теории групповой динамики следует отнести: гетерогенность субтеорий групповой динамики, их некоторую рассогласованность; дескриптивный характер исследований групповой динамики; недопустимость произвольной и неосмысленной экстраполяции выводов, сформулированных в результате исследований о групповом взаимодействии, на творческие коллективы без учета их природы. **Вывод:** преломление теории групповой динамики к институту совместного исполнения позволит получить эмпирический материал для изучения нормативных конструкций, определения направления совершенствования

законодательства, способов досудебного разрешения споров, возникающих между членами коллектива исполнителей.

Ключевые слова: групповая динамика; совместное исполнение; социальное безделье; максимальная групповая производительность; коллектив исполнителей; член коллектива исполнителей; конфликт; методология права.

RESEARCH OF THE INSTITUTE OF JOINT PERFORMANCE THROUGH THE PRISM OF THE THEORY OF GROUP DYNAMICS

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23-78-01002, <https://rscf.ru/project/23-78-01002/>

E.Yu. Martyanova

Perm State University

E-mail: martyanova.ey@psu.ru

Introduction: the article is devoted to the identification of the methodological foundations of the use of the concept of group dynamics in the study of the institute of joint performance. **Purpose:** the purpose of the work is to determine the potential and limits of using the tools of the theory of group dynamics in the study of the institute of joint performance. **Methods:** general scientific and private scientific methods of scientific cognition, including analysis, synthesis, description, scientific generalization, formal legal, etc. **Results:** civil law studies on constructs based on polysubjectivity are not susceptible to empirical and other data obtained using the tools of the theory of group dynamics. Meanwhile, the indicated concept has significant potential: an appeal to the theory of group dynamics can serve as the key to developing a minimum set of rules defining the order of interaction between co-performers regarding the exercise and disposal of an exclusive related right belonging to them jointly, in the absence of an agreement between them. The limits and pain points of using the theory of group dynamics include: heterogeneity of subtheories of group dynamics, their certain inconsistency; the descriptive nature of group dynamics research; the inadmissibility of arbitrary and unreasonable extrapolation of conclusions formulated as a result of research on group interaction to creative collectives without taking into account their nature. **Conclusion:** the refraction of the theory of group dynamics to the institute of joint performance will allow us to obtain empirical material for studying normative structures, determining the direction of improving legislation, and ways of pre-trial resolution of disputes arising between members of the performers' team.

Keywords: *group dynamics; joint performance; social loafing; maximum group productivity; a team of performers; a member of a team of performers; conflict; methodology of law.*

Введение

Считается, что первые эксперименты, направленные на изучение групп, были проведены в середине XIX в. и касались прежде всего изучения феномена «группового духа» (*group spirit*) и синергии [10]. В 1940-е гг. развитие получила такая новая дисциплина, как групповая динамика, в основе которой лежали эмпирические исследования малочисленных групп [7]. Флагманом развития обозначенного научного вектора стал Курт Левин (Kurt Lewin): желая перейти от восприятия группы в статике к рассмотрению группы в динамике, в 1945 г. ученый основал Исследовательский центр групповой динамики (The Research Center for Group Dynamics) [14; 19]. Ядром данной концепции выступает изучение групповых явлений как результата взаимодействия различных сил, внутренних и внешних, положительных и отрицательных [14].

Обнаружение многочисленных качественных отличий между коллективными и индивидуальными действиями, в частности, свойства эмерджентности, присущего именно группам, а не индивидам, привлекало внимание научного сообщества: природа группового поведения и поиск рычагов управления стали находиться в фокусе различных наук, включая психологию, политологию, биологию, антропологию, культурологию, экономику и пр. [3; 5]

Концепция групповой динамики стала востребованной и среди криминологов, специалистов по уголовному праву в связи с необходимостью изучения преступной деятельности группировок, в частности, одной из ключевых работ стал труд James F. Short и Fred L. Strodtbeck 1965 г., посвященный деятельности чикагских группировок [22]. Однако и в других отраслях права имеются явления, способные стать предметом изучения с позиций теории групповой динамики: гражданско-правовые сообщества (ст. 181.1 ГК РФ, групповые иски (гл. 22.3 ГПК РФ; гл. 28.2 АПК РФ; ст. 42 Кодекса административного судопроизводства РФ), комплексная экспертиза и комиссионная экспертиза (ст. 80, 81 Кодекса административного судопроизводства РФ; ст. 200, 201 УПК РФ), производство дознания группой дознавателей (ст. 223.2 УПК РФ), производство предварительного расследования следственной группой (ст. 163 УПК РФ), консолидированная группа налогоплательщиков (гл. 3.1 НК РФ), группа лиц в контексте ст. 9 Федерального закона «О защите конкуренции», коллективный товарный знак

(ст. 1510 ГК РФ), коллективный договор, коллективные переговоры, коллективный трудовой спор (ст. 36, 40, гл. 61 ТК РФ), производство в суде с участием присяжных заседателей (гл. 42 УПК РФ) и пр. При этом на данный момент работ, фокус которых направлен не только на психологический аспект вышеназванных правовых конструкций, но и на их рассмотрение через призму теории групповой динамики, не обнаруживается.

Вне исследовательского поля остается и совместное создание результатов интеллектуальной деятельности, в том числе создание совместного исполнения (ст. 1314 ГК РФ). Между тем справедливо отмечается, что «всякое творчество – это сотрудничество», и большинство современных трудов создаются не единолично, а коллективно [8; 21]. Сами команды позиционируются как основные единицы интеллектуального труда [6]. Таким образом, наличие групповой природы института совместного исполнения обязывает обратиться к концепции групповой динамики, а также учесть имеющиеся наработки и результаты, полученные специалистами в данной области.

Потенциал теории групповой динамики для исследования института совместного исполнения

Представляется, что выводы, сделанные в рамках теории групповой динамики, могут послужить ключом к выработке минимального набора правил, определяющих порядок взаимодействия соисполнителей по поводу осуществления и распоряжения исключительным смежным правом, принадлежащим им совместно, при отсутствии соглашения между ними:

– утверждение о том, что «объединение усилий приводит к возникновению зависимостей (т.е. связей) между членами команды», а скоординированность этих связей определяет эффективность всей группы и возможность достижения общей цели, акцентирует внимание на значимости согласования воли соисполнителей при создании совместного исполнения [5; 16];

– несмотря на то что сложные динамические системы стремятся к самопроизвольной синхронизации, негативные социальные контексты будут этому препятствовать [5]. Из этого тезиса представляется возможным заключить, что отсутствие правовой определенности, ясности порядка взаимодействия по поводу осуществления совместно принадлежащего права способно привести к дисфункциональности коллектива исполнителей, выраженной, например, в недоведении результата совместного исполнения до общества в связи с внутренними разногласиями в коллективе;

— теория о максимальной групповой производительности утверждает, что феномен производительности связан с постановкой групповой задачи, с характеристиками лидера и членов группы [17]. На примере исследований деятельности оркестра утверждается, что, как правило, руководителем этого коллектива является дирижер, и его роль схожа с руководителем юридического лица [17]. Кроме того, выявлено, что поведение дирижера как лидера напрямую влияет на эффективность оркестра [20]. Также исследователи обращают внимание на то, что в коллективах, где отсутствует дирижер, позицию лидера занимает первая скрипка [20]. Обозначенные выводы могут быть использованы для уточнения положений ст. 1314 ГК РФ в части указания на то, что, если иное не установлено соглашением, руководителем коллектива оркестрантов признается дирижер, а при его отсутствии — первая скрипка. Кроме того, значимым представляется выявление внутри оркестров иерархии, например, указывается, что лидером в каждой секции является первая скрипка, первая флейта, первый тромбон и т.д., и имеется статусное и функциональное различие между солистами и иными исполнителями. Данное обстоятельство также может влиять на определение правового статуса таких лиц, на решение вопроса о том, нужно ли различать правовой статус солиста/примы и иных исполнителей, относимых к артистам второго плана;

— такой феномен групповой деятельности, как «социальное безделье» (*social loafing*), негативно влияющий на эффективность и результативность команды, также может быть рассмотрен через правовую призму. Считается, что явление социального безделья было обнаружено в 1913 г.: Максимильтен Рингельманн заметил, что «когда группа людей коллективно тянула за веревку, результат был хуже, чем когда члены группы тянули за веревку по отдельности»: некоторые индивиды прилагают меньше усилий, выполняя действие в группе, чем выполняя то же действие единолично [23]. При этом впоследствии было доказано, что этот феномен характерен не только для физического группового действия, но и для интеллектуального. Признав данное явление социальной болезнью, психологи и социологи сфокусировались на изучении его причин и способов минимизации последствий. Было выявлено, что предотвращению социального безделья в группе способствовали в том числе индивидуализация вклада каждого участника и процедурная справедливость [23]. Представляется, что первый из названных факторов может быть использован для обоснования необходимости закрепления долевого характера исключительного смежного права на совместное исполнение, поскольку наличие конкретной доли в имущественном праве позволяет идентифицировать

вклад и степень участия конкретного соисполнителя. Процедурная справедливость будет достижима при наличии закрепления в законодательстве общих правил принятия решений, связанных с определением порядка использования совместного результата исполнительского труда, определения юридической судьбы исключительного права, принадлежащего нескольким лицам. В некоторой мере данные предложения коррелируют с содержанием законопроекта № 479514-8 о внесении изменений в часть четвертую ГК РФ¹;

— в теории групповой динамики обоснован вывод, согласно которому если участникам группы позволено принимать участие в разрешении важных вопросов, касающихся ее деятельности, то значительно повышается эффективность [7]. В свете данного утверждения видится необходимым обратиться к положениям п. 2 ст. 1314 ГК РФ: законодателем предусмотрена возможность осуществления исключительного смежного права самими членами коллектива исполнителей совместно, но только если у коллектива отсутствует руководитель. Несмотря на диспозитивность данной нормы, возможность соглашением соисполнителей установить иной порядок соосуществления права, остается неочевидным, почему в качестве общего правила разрешение всех вопросов по поводу соосуществления права отдается руководителю коллектива. Кроме того, употребление слова «совместно» применительно к характеру соосуществления права обладает чрезмерной степенью неопределенности, допускает различное толкование и может привести к невозможности принятия решения о порядке осуществления права при отказе хотя бы одного члена коллектива исполнителей выразить волю по какому-либо вопросу. Представляется, что более удачный механизм принятия решений лицами, связанными общностью права, установлен гл. 9.1 ГК РФ;

— в контексте значимости определения порядка принятия решений по поводу соосуществления исключительного смежного права и распоряжения им внимания правоведов также заслуживает парадокс Абилина: к дисфункциональности коллектива и принятию неэффективных решений может привести молчаливое согласие, а не конфликт [11]. Обосновано, что «открытое противостояние и возможность высказать собственное мнение нередко лучше, чем подавленные эмоции и неразделенные предпочтения» [1];

— также в рамках теории групповой динамики утверждается, что сменяемость руководителя коллектива исполнителей положительно

¹ Проект федерального закона № 479514-8 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в первом чтении 6 декабря 2023 г.) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/>.

влияет на эффективность коллектива, в связи с чем актуальным становится вопрос о нормативном определении порядке выбора руководителя коллектива исполнителей, а также его смены [12];

— основные положения концепции внутригруппового конфликта позволяют заключить, что природа конфликта в группе сводится к противопоставлению интересов, в том числе правовых интересов. Специфика коллективной творческой деятельности состоит в том, что, помимо общей групповой цели и общего правового интереса, у каждого из участников есть и индивидуальный интерес, который может конфронтировать с интересами иных членов коллектива. В работах, посвященных изучению театральных конфликтов, отмечено, что творческая среда характеризуется как особо конфликтотензионная, а специфика театрального конфликта обусловлена в первую очередь психологическими особенностями творческих деятелей, сложностью театральной деятельности, а также характером связки «артист — режиссер» [2]. Минимизация конфликтов возможна также путем нормативного закрепления сдерживающих механизмов. В ст. 1314 ГК РФ содержится положение, направленное на предотвращение конфронтации: «если совместное исполнение образует неразрывное целое, ни один из членов коллектива исполнителей не вправе без достаточных оснований запретить его использование». Однако данное правило содержит аксиологическое понятие: в законодательстве не конкретизирован термин «достаточный», что порождает неопределенность в применении. При этом в ГК РФ отсутствует механизм «вытеснения» нарушителя из группы, что негативно влияет на функциональность группы, поскольку участники, соблюдающие стандарт поведения, ощущают несправедливость. Возможным выходом из данной ситуации видится установление в законодательстве механизма принудительного исключения соисполнителя из числа коллектива исполнителей с выкупом доли такого участника в случае, если его поведение послужило причиной возникновения конфликта и привело к невозможности соосуществления исключительного смежного права, принадлежащего нескольким лицам.

Пределы теории групповой динамики для исследования института совместного исполнения

Помимо очевидной эмпирической и методологической ресурсности теории групповой динамики, следует отметить и наличие болевых точек, рисков и ограничений в использовании обозначенной концепции для целей исследования института совместного исполнения:

— гетерогенность субтеорий групповой динамики, их некоторая рассогласованность: теория социальной идентичности, группового мышления, самокатегоризации, социального обмена и иные направления, сформированные внутри теории групповой динамики, объясняют (не)эффективность результата командной работы с разных позиций, называют несовпадающий перечень факторов, влияющих на групповое поведение [4]. Данное обстоятельство может быть причиной критического отношения к утверждениям, сформулированным в рамках какой-либо субтеории групповой динамики, а значит, и формирования недоверия к их использованию для цивилистических исследований;

— дескриптивный характер исследований групповой динамики: ряд ученых критикует обозначенное научное направление из-за описательного характера изысканий, линейности предлагаемых моделей [9]. В опровержение данного тезиса следует привести достижения в области стохастического динамического сетевого моделирования, которые позволяют осуществить визуализацию и построить не статичную, а динамическую модель взаимозависимости участников группы на основе собранных данных [15]. Кроме того, в развитие и на основе теории групповой динамики появляются и новые концепции. Так, явление создания результатов интеллектуальной деятельности трудом нескольких лиц стало рассматриваться через призму социальных сетей, что позволило использовать методы кластеризации, а также «сетевые методы», которые, как правило, используются для интерпретации взаимодействий между игроками путем составления матриц, отражающих сетевые структуры [18; 24]. Относительной новеллой являются экспериментальные психологические испытания в виде лабиринта радиальных ответвлений (*radial arm maze*), которые в настоящее время используются для изучения коллективного поведения и принятия решений внутри группы животных [13]. Применение обозначенного метода позволяет оценить, в какой момент члены группы принимают индивидуальное решение, каким образом достигают согласования воли в группе. В научных трудах указывается на то, что данный инструмент может быть полезен при изучении конфликтов во время принятия решений группой [13];

— необходимость учета групповых различий в зависимости от субъектного состава и вида групповой деятельности: помимо общих паттернов групповой динамики, которые справедливы для любых команд, существует значительная специфика творческих коллективов, игнорирование которой может привести к формированию некорректных исходных данных о группах, их участниках, чьи отношения необходимо урегулировать на законодательном уровне.

Заключение

Природа коллектива исполнителей, задействованного в создании совместного исполнения, предполагает необходимость обращения цивилистического взора на исследования, предметом которых выступают непосредственно группа и взаимоотношения внутри такой группы. Представляется, что инструментарий и эмпирические данные, накопленные в рамках теории групповой динамики, возможно использовать в следующих целях:

1) оценки регулирования *de lege lata* на предмет соответствия установленных в Гражданском кодексе РФ норм о совместном исполнении социально-психологическим законам, выявленным исследователями групповой динамики;

2) выработки надлежащего и наиболее эффективного регулирования с позиций теории групповой динамики;

3) определения действенных путей медиации и вариантов досудебного урегулирования спора между членами коллектива исполнителей.

Безусловно, обращение к теории групповой динамики не может подменять общенаучные и специально-юридические методы исследования института совместного исполнения, но должно быть сопутствующим способом познания природы создания совместного результата исполнительского труда.

Библиографический список

1. Далчер Д. Групповая динамика и риски согласия // Управление проектами и программами. 2018. № 2. С. 140–144.

2. Мадонова Е.Н. Социально-психологические особенности театральных конфликтов и их профилактика: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 172 с.

3. Abdullah Almaatouq, Mohammed Alsobay, Ming Yin, Duncan J. Watts the Effects of Group Composition and Dynamics on Collective Performance // Topics in Cognitive Science 00. 2023. P. 1–20.

4. Abu A. Challenging the statement «Understanding the group dynamics within teams does not provide insight into the factors that influence our behaviour and that of our team members. It neither facilitates effective team leadership to promote team cohesion and success». 2023. URL: <https://www.researchgate.net/publication/373603623>

5. Allsop J.S., Vaitkus T., Marie D., Miles L.K. Coordination and Collective Performance: Cooperative Goals Boost Interpersonal Synchrony and Task Outcomes // Frontiers in Psychology September 2016. Vol. 7. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2016.01462/full>. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.01462.

6. *Amelkin V., Askarisichani O., Kim Y.J., Malone T.W., Singh A.K.* Dynamics of collective performance in collaboration networks // PLoS ONE. 2018. Issue 13 (10). URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0204547> DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0204547>.

7. *Amir Khushk, Zhang Zengtian, Yang Hui, Cynthia Atamba.* Understanding Group Dynamics: Theories, Practices, and Future Directions. Malaysian E Commerce Journal, 2022. Issue 6(1). URL: <https://journals.indexcopernicus.com/api/file/viewByFileId/1659225>

8. *Bickerstaff J.* Collaborative Theatre/Creative Process // Communication and Theater Association of Minnesota Journal. 2011. Issue 38 (1). URL: <https://cornerstone.lib.mnsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1053&context=ctamj>. DOI: <https://doi.org/10.56816/2471-0032.1053>.

9. *Burnes B.* The Origins of Lewin's Three-Step Model of Change // The Journal of Applied Behavioral Science. 2020. Vol. 56. Issue 1. P. 32–59.

10. *Gençer H.* Group Dynamics and Behaviour // Universal Journal of Educational Research. 2019. Issue 7(1). P. 223–229. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1201477.pdf>.

11. *Harvey J.B.* The Abilene Paradox: The Management of Agreement // Organizational Dynamics, Summer 1988. P. 17–43. URL: http://web.mit.edu/curhan/www/docs/Articles/15341_Readings/Group_Dynamics/Harvey_Abilene_Paradox.pdf

12. *Jay Raj Bhattarai.* Group Dynamics in Theatre // Journal of NCC, BBA Group Batch. 2004. URL: https://www.academia.edu/42478655/Group_Dynamics_in_Theatre.

13. *Johann Delcourt & Noam Y. Miller & Iain D. Couzin & Simon Garnier* Methods for the effective study of collective behavior in a radial arm maze // Behavior Research Methods. 2018. Issue 50. P. 1673–1685. URL: <https://doi.org/10.3758/s13428-018-1024-9>.

14. *Lewin K.* Frontiers in group dynamics: concept, method and reality in social science; social equilibria and social change. Human Relations. 1947. Issue 1. P. 5–41.

15. *Light J.M., Jason, L.A., Stevens E.B., Callahan S., Stone A.* A Mathematical Framework for the Complex System Approach to Group Dynamics: The Case of Recovery House Social Integration // Group Dynamics: Theory, Research, and Practice. 2016. No. 20 (1). URL: <https://psycnet.apa.org/manuscript/2016-04500-001.pdf>.

16. *Maria Christina Meyers, Marianne van Woerkom, Robin Bauwens.* Stronger together: A multilevel study of collective strengths use and team performance // Journal of Business Research. 2023. Issue 159. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0148296323000863>.

17. *Mark Marotto, Johan Roos, Bart Victor*. Collective Virtuosity in Organizations: A Study of Peak Performance in an Orchestra // *Journal of Management Studies*. 2007. P. 388–413.

18. *Mohammadamin Erfanmanesh, Vala Ali Rohani, A.Abrizah*. Co-authorship network of scientometrics research collaboration // *Malaysian Journal of Library & Information Science*. 2012. Vol. 17. Issue 3. P. 73–93.

19. *Moreno J.L.* *How Kurt Lewin's*. Research Center for Group Dynamics» Started // *Sociometry*. 1953. Vol. 16. Issue 1. P. 101–104.

20. *Rouse W.B., Rouse R.K.* Teamwork in the Performing Arts // *Proceedings of The Ieee*. 2004. Vol. 92. Issue 4. URL: <https://web.media.mit.edu/~rebklein/downloads/papers/Engineering%20and%20Music/07-Teamwork%20in%20the%20performing%20arts.pdf>.

21. *Rovira-Esteva S., Aixelá J.F., Olalla-Soler C.* A bibliometric study of co-authorship in Translation Studies // *Journal of linguistics, philology and translation*. 2020. Issue 47. P. 159–194.

22. *Short J.F., Strodbeck F.L.* *Group Process and Gang Delinquency*. Chicago: University of Chicago Press, 1965. 321 p.

23. *Simms A., Nichols T.* Social Loafing: A Review of the Literature // *Journal of Management Policy and Practice*. 2014. Vol. 15 (1). URL: http://www.na-businesspress.com/jmpp/nicholst_web15_1.pdf.

24. *Simon Isserte, Cyrille Gaudin, Sebastien Chalties*. Methods for studying collective performance in sports: a systematic literature review // *Performance Improvement Quarterly*. 2022. Vol. 35. Issue 1–4. P. 31–51.

References

1. *Daler D.* Gruppovaya dinamika i riski soglasiya [Group dynamics and risks of consent]. *Upravlenie proektami i programmami – Project and program management*. 2018. Issue 2. P. 140–144. (In Russ.)

2. *Madonova E.N.* Social'no-psihologicheskie osobennosti teatral'-nyh konfliktov i ih profilaktika: dis. ... kand. psihol. nauk [Socio-psychological features of theatrical conflicts and their prevention: Synopsis of Cand. psych. sci. diss.]. Moscow, 2008. 172 p. (In Russ.)

3. *Abdullah Almaatouq, Mohammed Alsobay, Ming Yin, Duncan J.* Watts the Effects of Group Composition and Dynamics on Collective Performance // *Topics in Cognitive Science* 00. 2023. P. 1–20. (In Eng.)

4. *Abu A.* Challenging the statement «Understanding the group dynamics within teams does not provide insight into the factors that influence our behaviour and that of our team members. It neither facilitates effective team leadership to promote team cohesion and success». 2023. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/373603623> (In Eng.)

5. *Allsop J.S., Vaitkus T., Marie D., Miles L.K.* Coordination and Collective Performance: Cooperative Goals Boost Interpersonal Synchrony and Task Outcomes // *Frontiers in Psychology* September 2016. Vol. 7. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2016.01462/full>. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.01462. (In Eng.)

6. *Amelkin V., Askarisichani O., Kim Y.J., Malone T.W., Singh A.K.* Dynamics of collective performance in collaboration networks // *PLoS ONE*. 2018. Issue 13 (10). Available at: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0204547> DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0204547>. (In Eng.)

7. *Amir Khushk, Zhang Zengtian, Yang Hui, Cynthia Atamba.* Understanding Group Dynamics: Theories, Practices, and Future Directions. *Malaysian E Commerce Journal*, 2022. Issue 6 (1). Available at: <https://journals.index-copernicus.com/api/file/viewByFileId/1659225>. (In Eng.)

8. *Bickerstaff J.* Collaborative Theatre/Creative Process // *Communication and Theater Association of Minnesota Journal*. 2011. Issue 38 (1). Available at: <https://cornerstone.lib.mnsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1053&context=ctamj>. DOI: <https://doi.org/10.56816/2471-0032.1053>. (In Eng.)

9. *Burnes B.* The Origins of Lewin's Three-Step Model of Change // *The Journal of Applied Behavioral Science*. 2020. Vol. 56. Issue 1. P. 32–59. (In Eng.)

10. *Gençer H.* Group Dynamics and Behaviour // *Universal Journal of Educational Research*. 2019. Issue 7 (1). P. 223–229. Available at: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1201477.pdf>. (In Eng.)

11. *Harvey J.B.* The Abilene Paradox: The Management of Agreement // *Organizational Dynamics*, Summer 1988. P. 17–43. Available at: http://web.mit.edu/curhan/www/docs/Articles/15341_Readings/Group_Dynamics/Harvey_Abilene_Paradox.pdf. (In Eng.)

12. *Jay Raj Bhattarai.* Group Dynamics in Theatre // *Journal of NCC, BBA Group Batch*. 2004. Available at: https://www.academia.edu/42478655/Group_Dynamics_in_Theatre. (In Eng.)

13. *Johann Delcourt & Noam Y. Miller & Iain D. Couzin & Simon Garnier* Methods for the effective study of collective behavior in a radial arm maze // *Behavior Research Methods*. 2018. Issue 50. P. 1673–1685. Available at: <https://doi.org/10.3758/s13428-018-1024-9>. (In Eng.)

14. *Lewin K.* Frontiers in group dynamics: concept, method and reality in social science; social equilibria and social change. *Human Relations*. 1947. Issue 1. P. 5–41. (In Eng.)

15. *Light J.M., Jason, L.A., Stevens E.B., Callahan S., Stone A.* A Mathematical Framework for the Complex System Approach to Group Dynamics:

The Case of Recovery House Social Integration // *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*. 2016. Issue 20 (1). Available at: <https://psycnet.apa.org/manuscript/2016-04500-001.pdf>. (In Eng.)

16. *Maria Christina Meyers, Marianne van Woerkom, Robin Bauwens*. Stronger together: A multilevel study of collective strengths use and team performance // *Journal of Business Research*. 2023. Issue 159. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0148296323000863>. (In Eng.)

17. *Mark Marotto, Johan Roos, Bart Victor*. Collective Virtuosity in Organizations: A Study of Peak Performance in an Orchestra // *Journal of Management Studies*. 2007. P. 388–413. (In Eng.)

18. *Mohammadamin Erfanmanesh, Vala Ali Rohani, A.Abrizah*. Co-authorship network of scientometrics research collaboration // *Malaysian Journal of Library & Information Science*. 2012. Vol. 17. Issue 3. P. 73–93. (In Eng.)

19. *Moreno J.L.* How Kurt Lewin's. Research Center for Group Dynamics» Started // *Sociometry*. 1953. Vol. 16. Issue 1. P. 101–104. (In Eng.)

20. *Rouse W.B., Rouse R.K.* Teamwork in the Performing Arts // *Proceedings of The Ieee*. 2004. Vol. 92. Issue 4. Available at: <https://web.media.mit.edu/~rebklein/downloads/papers/Engineering%20and%20Music/07-Teamwork%20in%20the%20performing%20arts.pdf>. (In Eng.)

21. *Rovira-Esteva S., Aixelá J.F., Olalla-Soler C.* A bibliometric study of co-authorship in Translation Studies // *Journal of linguistics, philology and translation*. 2020. Issue 47. P. 159–194. (In Eng.)

22. *Short J.F., Strodbeck F.L.* Group Process and Gang Delinquency. Chicago: University of Chicago Press, 1965. 321 p. (In Eng.)

23. *Simms A., Nichols T.* Social Loafing: A Review of the Literature // *Journal of Management Policy and Practice*. 2014. Vol. 15 (1). Available at: http://www.na-businesspress.com/jmpp/nicholst_web15_1.pdf. (In Eng.)

24. *Simon Isserte, Cyrille Gaudin, Sebastien Chalias*. Methods for studying collective performance in sports: a systematic literature review // *Performance Improvement Quarterly*. 2022. Vol. 35. Issue 1–4. P. 31–51. (In Eng.)

Информация об авторе:

Е.Ю. Мартянова

Доцент кафедры гражданского права

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0002-2935-1846

ResearcherID: AAJ-7547-2020

Information about the author:**E.Y. Martyanova**

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

ORCID: 0000-0002-2935-1846

ResearcherID: AAJ-7547-2020

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

УДК 340, 347

DOI: <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2024-6-6-247-264>

ВЗГЛЯД НА ЦИВИЛИСТИЧЕСКУЮ МЕТОДОЛОГИЮ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А.В. Барков

Военный университет им. князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: barkov_a_v@mail.ru

Я.С. Гришина

Российский государственный университет правосудия,
Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: grishinel@inbox.ru

Введение: в статье обосновывается актуальность постановки и решения проблемы рассмотрения цивилистической методологии через призму национальной безопасности, обусловленной необходимостью обеспечения «суверенизации науки». **Цель:** обосновать необходимость рассмотрения цивилистической методологии в сложной современной обстановке в мире и России под углом зрения национальной безопасности. **Методы исследования:** эмпирические (наблюдение, сравнение, описание); теоретические (формальной и диалектической логики, прогнозирования). **Результаты:**

доказана перспективность рассмотрения воспитания традиционных ценностей в качестве ключевого направления цивилистической науки, что позволяет судить о необходимости идеологизации науки в аспекте обеспечения национальной безопасности и, следовательно, повышения эффективности ее воспитательной роли и функции. **Выводы:** Рассмотрение цивилистической методологии под углом зрения национальной безопасности позволило сформулировать вывод о том, что все аспекты методологии отражают мировоззренческую позицию исследователя. В современных условиях при обосновании методологического аппарата научного исследования должна учитываться актуальность военно-политического аспекта проблематики, прорабатываться правовой инструментарий решения различных частноправовых проблем, имеющих отношение к обеспечению различных аспектов национальной безопасности. При этом есть основания полагать, что некоторые элементы системы безопасности могут рассматриваться и под углом зрения не только публично-правовой, но и цивилистической методологии, определяющей проблематику перспективных направлений будущих частноправовых исследований. В этом контексте особую значимость приобретают исследования в сфере обеспечения духовной безопасности, имеющие, помимо научной ценности, огромный воспитательный потенциал. Необходимость идеологизации цивилистической науки требует пересмотра гражданско-правовой методологии через призму национальной безопасности, оценки существующих господствующих догм и вновь разрабатываемых учений под углом зрения их полезности для воспитания высоко нравственного правосознания и традиционных ценностей, определения личной мировоззренческой позиции ученого.

Ключевые слова: цивилистическая методология; суверенизация науки; идеологизация цивилистической науки; воспитательная функция.

A LOOK AT THE CIVIL METHODOLOGY THROUGH THE PRISM OF NATIONAL SECURITY

A.V. Barkov

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry
of Defense of the Russian Federation,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Saratov State Law Academy
E-mail: barkov_a_v@mail.ru

Ya.S. Grishina

Russian State University of Justice;
Saratov State Law Academy
E-mail: grishinel@inbox.ru

Introduction: the article substantiates the relevance of the formulation and solution of the problem of considering the civil methodology through the prism of national security, due to the need for the «sovereignization of science». **Objective:** to substantiate the need to consider the civil methodology in a complex modern situation in the world and Russia from the point of view of national security. **Research methods:** empirical (observation, comparison, description); theoretical (formal and dialectical logic, forecasting). **Results:** the perspective of considering the education of traditional values as a key direction of civil science is proved, which makes it possible to judge the need for the ideologization of science in the aspect of ensuring national security, and, consequently, increasing the effectiveness of its educational role and function. **Conclusions:** consideration of the civil methodology from the point of view of national security allowed us to formulate a conclusion that all aspects of the methodology reflect the worldview of the researcher. In modern conditions, when substantiating the methodological apparatus of scientific research, the relevance of the military-political aspect of the problem should be taken into account, legal tools for solving various private law problems related to ensuring various aspects of national security should be worked out. At the same time, there is reason to believe that some elements of the security system can also be considered from the point of view of not only public law, but also civil methodology, which determines the problems of promising areas of future private law research. In this context, research in the field of ensuring spiritual security, which, in addition to scientific value, has a huge educational potential, is of particular importance. The need for the ideologization of civil science requires a revision of the civil law methodology through the prism of national security, an assessment of the existing prevailing dogmas and newly developed doctrines from the point of view of their usefulness for the education of a highly moral sense of justice and traditional values, determining the personal ideological position of the scientist.

Keywords: civilistic methodology; sovereignty of science; ideologization of civilistic science; educational function.

Введение

Об актуальности постановки проблемного вопроса

Актуальность постановки в рамках юбилейных Пермских методологических чтений, посвященных памяти Михаила Юрьевича Челышева, проблемы рассмотрения цивилистической методологии через призму (под углом зрения, в контексте) национальной безопасности обусловлена современной реальностью. Менее месяца назад, выступая на ежегодном пленарном заседании научного совета при Совете безопасности Российской Федерации, его секретарь, Николай Патрушев,

обращая внимание на сложность военно-политической обстановки, отметил, что «Запад не оставляет надежды нанести поражение России. Его идеологи в качестве одной из приоритетных задач ставят уничтожение российской науки, ее дискредитацию и лишение конкурентоспособного кадрового потенциала». [14]. В обращении к лидерам научного сообщества было сформулировано предназначение ответственного за судьбу Отечества ученого: «развивать подлинно российскую науку, нацеленную на укрепление благосостояния, стабильности и безопасности России» [14]. Представляется, что необходимость обеспечения «суверенизации науки» потребует решения задач, стоящих перед цивилистической методологией, на патриотической мировоззренческой позиции исследователя. Уверен, что Михаил Юрьевич Челышев, как истинный патриот Отечества, каким он сохранился в нашей памяти, одобрил бы такой подход к методологии цивилистического исследования.

Мировоззренческий аспект цивилистической методологии

Постановка вопроса о мировоззренческой позиции исследователя-цивилиста представляется корректной, поскольку в настоящее время методология понимается не только в узком теоретическом и практическом значении как учение о методах научного исследования или системе принципов и подходов исследовательской деятельности в частноправовой сфере [19, с.121], но и в широком смысле термина. По мнению авторитетных ученых В.В. Зайцева и В.А. Рыбакова, под методологией в широком смысле, со ссылкой на позицию, обоснованную в известном монографическом труде Д.А. Керимова [10, с.47], следует понимать сложное и многогранное научное явление, включающее «два основных блока» элементов (компонентов), состоящих из «теоретико-мировоззренческих концепций и системы методов познания различного уровня» [5, с. 59]. В развитии данной позиции исследователи в составе методологии науки гражданского права выделяют такие «органично связанные между собой элементы», как «мировоззрение, фундаментальные общетеоретические концепции, всеобщие философские законы и категории, обще- и частнонаучные методы» [5, с. 59]. При этом они приходят к выводу, что мировоззрение является наиболее «важным элементом методологии гражданского права», определяющим «исходные творческие позиции» исследователя и «философские начала его доктрины» [6, с.23], т.е. его мировоззренческую позицию.

С.В. Вишновецкая, определяя назначение отраслевой методологии, разделяет научную позицию о ее многоуровневом — пятиуровневом

структурном составе. По представлению ученого, первый уровень методологии является мировоззренческим. Он определяет «основные направления и общие принципы познания в целом» [4, с. 59]. Второй уровень – «общенаучный (междисциплинарный)» [4, с. 59]. Этот уровень применяется «при познании особой группы однотипных объектов» [4, с. 59]. Третий «конкретно-научный», он используется «в процессе познания специфики отдельного объекта группой наук» [4, с. 59]. Четвертый – «специально-научный» – определяет исследование «отдельных свойств объекта в пределах конкретной науки» [4, с. 59]. Пятый уровень методологии – это «уровень процедур и методик». Этот уровень соответствует «конкретному научному исследованию того или иного свойства объекта» [4, с. 59].

По мнению С.В. Вишневецкой, «каждый уровень методологических исследований имеет свою вполне специфическую функцию, свое целевое назначение» [4, с. 58]. Первый уровень методологии – это философский уровень, определяющий «общую стратегию научного познания», обосновывающий мировоззренческие и гносеологические основы познавательной деятельности [4, с. 58]. На возможность встраивания цивилистической методологии в «общие контексты философско-правового характера», определяющие «цели, ценности» результатов исследования, как одной из наиболее важных ее характеристик, т.е. на мировоззренческий аспект цивилистической методологии, обращают внимание и другие ученые [12, с. 103]. Представляется, что в настоящих условиях нацеленность научного исследования на обеспечение национальной безопасности должна найти отражение именно на мировоззренческом уровне цивилистической методологии, выполняющем соответствующую методологическую функцию аксиологической ориентации.

Таким образом, следует согласиться с научной позицией ученых, разделяющих мнение, что под цивилистической методологией как многоаспектным явлением возможно понимать: а) и совокупность мировоззренческих принципов, определяющих общую стратегию научного познания, инструментов их применения к решению проблемных теоретических и практических задач, стоящих перед наукой гражданского права; б) и теоретическое учение о методах познания, обосновывающее научно-исследовательские возможности этих способов; в) и обосновывающее исходные методические подходы к практическому применению научно-исследовательских методов при решении конкретной научной проблемы, составляющих научно-методологический аппарат цивилистического исследования. При этом несомненно, что все аспекты цивилистической методологии отражают мировоззренческую позицию исследователя.

Идеологизация методологии и научно-методологического аппарата цивилистического исследования

Под мировоззрением понимается «система обобщенных взглядов на мир и место человека в нем, на отношение людей к окружающей их действительности и самим себе, а также обусловленные этими взглядами их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности» [15]. Мировоззрение исследователя — это совокупность ценностей, на которых он основывается в процессе научного познания. Вместе с тем результаты исследования, основанные на избранной методологии, обращены не к самому себе, а к общественности, широкой группе лиц. В связи с этим вполне обоснованно выделять идеологическую функцию цивилистической методологии, формулирующей ценности и отражающей потребности общества в современной реальности, что обуславливает возможность говорить о идеологической нацеленности самого исследования и, соответственно, его методологии, научно-методологического аппарата [3, с. 21–22].

По мнению С.Ю. Филипповой, идеологическая функция цивилистической науки является универсальной для любого государства [17, с. 163]. По ее предположению, именно необходимость выполнения государства и права идеологической функции и привела к образованию юридической науки [17, с. 163]. В подтверждение тезиса Софья Юрьевна приводит цитату Я.А. Канторовича о том, что задача права заключается «в общественном служении» [9, с. 52], а творческая работа ученого «требуется четкого понимания сущности и процесса развития социально-экономических явлений и одухотворения общими идеями и началами, которыми движется современная наука» [9, с. 53].

В настоящее время востребованными представляются такие наивысшие идеологические ценности, как национальная безопасность, отражающие интересы всех граждан, объединяющие их в единый российский народ. Сегодня обеспечение национальной безопасности становится вопросом жизни и смерти, выживания России, российского общества, каждого россиянина, поскольку воинствующий Запад не остановится не только перед уничтожением науки, но и перед физическим расчленением российского государства и народа. Представляется, что отстаиваемые идеологические ценности должны найти творческое отражение в работе исследователя, а конкретно в научно-методологическом аппарате цивилистического исследования, где обосновывается «актуальность, границы, направления исследования, раскрывающие и подтверждающие актуальность исследования, система методологических принципов и подходов исследовательской деятельности, позволяющая достичь актуальные, оригинальные, до-

стоверные, обоснованные, научно и практически значимые решения научной проблемы, а также непосредственно сами эти результаты» [1, с. 16]. В связи с этим на современном этапе развития науки гражданского права вполне обоснованно говорить об идеологизации методологии и соответственно научно-методологического аппарата цивилистического исследования, а реализацию идеологической функции цивилистической науки следует считать одним из факторов обеспечения национальной безопасности.

В этих условиях при обосновании методологического аппарата научного исследования должна учитываться актуальность военно-политического аспекта современной проблематики, прорабатываться правовой инструментарий решения различных частноправовых проблем, проявляющихся в новых реалиях формирования мобилизационной экономики, имеющих отношение к обеспечению различных аспектов национальной безопасности. При этом есть основания полагать, что некоторые элементы системы безопасности могут рассматриваться и под углом зрения цивилистической методологии, определяющей в прямой постановке проблематику перспективных направлений будущих частноправовых исследований.

Взгляд на исследования национальной безопасности через призму цивилистической методологии

При поверхностном взгляде может создаться впечатление, что проблематика правового обеспечения национальной безопасности относится исключительно к сфере публично-правового регулирования. Действительно, в п. 13 и 27 Паспорта научной специальности 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки»¹ к направлениям исследований прямым текстом традиционно отнесен публично-правовой механизм обеспечения различных аспектов безопасности, определенных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации² (далее – Стратегия НБ) в качестве «национальных интересов и стратегических национальных приоритетов» (п. 25, 26 Стратегии НБ), и оспаривать данный научно-специальный подход не имеет пер-

¹ Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104060043>.

² СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.

спектив. Вместе с тем вопрос о предметном отношении исследования вопросов национальной безопасности исключительно к сфере научных интересов административного права следует считать дискуссионным.

Д.В. Ирошников, изучая особенности методологии при исследовании вопросов безопасности в гражданском праве, пришел к обоснованному выводу, что «безопасность личности, общества и государства обеспечивается нормами как публичных, так и частных отраслей права» [8, с. 364]. В то же время частноправовое исследование безопасности «должно иметь методологическую основу, отражающую специфику предмета» [8, с. 364]. Следовательно, правомерным представляется не только постановка вопроса рассмотрения цивилистической методологии под углом зрения национальной безопасности, но и исследования различных ее элементов через призму цивилистической методологии, включая соответствующую частноправовую формулировку научной проблемы [11 с. 316].

С учетом выявленных методологических особенностей Д.В. Ирошниковым выделялись такие перспективные направления возможных исследований безопасности, как: 1) нематериальное благо и объект гражданско-правовой охраны; 2) элемент объекта правоотношений, возникающих при заключении гражданско-правовых договоров; 3) имущественная безопасность и гражданско-правовые средства ее обеспечения [8, с. 372]. При этом, признал исследователь, одним из наиболее оптимальных методов исследования выявленной проблематики является межотраслевой метод исследования [8, с. 367], что в контексте учения М.Ю. Чельшева о межотраслевых связях гражданского права сомнений не вызывает [20].

В этом контексте А.А. Мохов в целом делает научный прогноз о перспективности комплексных межотраслевых исследований, прежде всего в тех сферах обеспечения национальной безопасности, где необходимо обеспечить баланс частных и публичных интересов [13, с. 22]. Следует отметить, что такие диссертационные работы по проблемам обеспечения антитеррористической защищенности объектов гражданских прав [21], в том числе докторского уровня, по гражданско-правовому регулированию охранной деятельности [22] уже не редкость.

На примере актуальной для цивилистики проблематики банкротства А.А. Мохов показывает необходимость и перспективность учета различий в режимах обеспечения безопасности «при изменениях условий хозяйствования: в обычных, текущих условиях; при введении военного, чрезвычайного положения» [13, с. 22]. Изучение изменения правовых режимов «при смене режима экономической деятельности с общего на специальный или с общего на особый (экстраординарный)» [13, с. 22]

должно найти отражение в методологии междотраслевого исследования, что, несомненно, повысит ценность его научных результатов.

Вместе с тем А.А. Мохов также обращает внимание на то, что в силу «новизны, нетипичности, чужеродности» некоторых элементов национальной безопасности, таких как, например, «демографическая, ментальная, научная, технологическая» и другие ее виды, правовое обеспечение ряда отношений еще не попало в предмет публично-правовой науки [13, с. 21], а такие отношения, нуждающиеся в обеспечении безопасности, как брачно-семейные, «отношения в сфере науки, технологий, инновационного развития, образования, культуры», без сомнений, являются предметом науки не публичного, а частного права [13, с. 21], что обуславливает возможность рассмотрения исследования данной актуальной проблематики через призму цивилистической методологии. Следует согласиться с А.А. Моховым в том, что эти «исследования могут стать новым трендом, отвечающим на запросы современного государства и общества; восполнять пробелы в юридической доктрине; способствовать совершенствованию значительного массива отечественного законодательства» [13, с. 22].

В этом контексте особую значимость приобретают исследования в свете реализации стратегических положений в аспекте необходимости обеспечения духовной безопасности, посвященные укреплению «традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранению культурного и исторического наследия народа России» (п. 25 Стратегии НБ), относящиеся, как видится, к предмету науки частного права и имеющие, помимо научной ценности, огромный воспитательный потенциал.

О воспитательной роли идеологизации цивилистической науки и методологии

В настоящее время воспитательная функция науки гражданского права не подвергается сомнению и отмечается большинством ученых [7, 16, 23]. С.Ю. Филиппова акцентирует внимание на пропагандистском значении этой функции [18, с. 112] как инструмента правового воспитания населения и ставит ее по значимости на второе место вслед за идеологической функцией науки гражданского права, подчеркивая их взаимосвязь [18, с. 113]. Делая исторический экскурс реализации пропагандистско-воспитательной функции в советском временном периоде, исследователь сожалеет, что «в настоящее время такая практика утрачена, вопрос правового воспитания населения не заботит ни юридическую науку в целом, ни цивилистическую науку, как одно из ключевых ее направлений» [18, с. 115], подчеркивает значимость

этой функции, заключающейся «в формировании правосознания граждан, улучшении правовой культуры населения» [18, с.115].

Особенно актуально звучит данная мысль именно сегодня, когда порой господствует в умах россиян, прежде всего среди молодежи, чуждая российскому обществу потребительская идеология, навязанная извне либеральными западными идеологами, стремящимися изнутри уничтожить наше государство, что создает угрозу «традиционным российским духовно-нравственным ценностям» (далее — традиционные ценности) и негативно отражается на национальной безопасности. В современных реалиях именно воспитание традиционных ценностей — «нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России, передаваемых от поколения к поколению и лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны»,¹ должно составлять основу формирования правосознания граждан. Формирование таких традиционных ценностей, как «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»,² должно составлять ключевое направление цивилистической науки. Представляется, что при таком подходе обоснованно говорить о необходимости идеологизации науки в аспекте обеспечения национальной безопасности и, следовательно, повышении эффективности ее воспитательной роли и функции.

К сожалению, сегодня в отсутствие достаточной степени духовности нашей молодежи следует упрекнуть в первую очередь и всех нас — научное цивилистическое сообщество, представляющее и формирующее науку гражданского права. К примеру, на протяжении 30 лет мы вдалбливаем в качестве аксиомы в сознание школьников, студентов, аспирантов, что ценность предпринимательской деятельности заключается в нацеленности на извлечение прибыли, что и формирует потребительское мировоззрение. К счастью, этот подход к пониманию сути предпринимательской деятельности не является аксиомой, а отражает лишь один из возможных взглядов на ее содержание. Нравственный, ответственный подход к определению ценности предпринимательской

¹ Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 8093) // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

² Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

деятельности заключается в том, что предпринимательство должно служить обществу, а прибыль – средством решения многочисленных социально-экономических проблем, что существуют не только акционероориентированные модели корпоративного управления бизнесом, но и альтернативные, миссия-ориентированные, нацеленные не столько на прибыль, сколько на служение обществу [2, с.107].

Представляется, что необходимость идеологизации цивилистической науки требует пересмотра цивилистической методологии через призму национальной безопасности, оценки существующих господствующих догм и вновь разрабатываемых учений под углом зрения их полезности для воспитания высоконравственного правосознания и традиционных ценностей. И для того «чтобы не было мучительно больно» впоследствии за некоторые случаи бездуховности нашей молодежи, не задаваться вопросом о том, почему наши выпускники-юристы не записываются в массовом порядке в ряды добровольцев для участия в специальной военной операции, когда Отечеству угрожает реальная опасность, начинать нужно с себя, определить свою личную мировоззренческую позицию ученого.

Выводы

Актуальность постановки проблемы рассмотрения цивилистической методологии через призму национальной безопасности обусловлена современной реальностью, необходимостью обеспечения «суверенизации науки». Рассмотрение цивилистической методологии как многоаспектного явления позволило сформулировать вывод, что все аспекты методологии отражают мировоззренческую позицию исследователя.

Сформулирован вывод, что в современных условиях при обосновании методологического аппарата научного исследования должна учитываться актуальность военно-политического аспекта проблематики, прорабатываться правовой инструментарий решения различных частноправовых проблем, имеющих отношение к обеспечению различных аспектов национальной безопасности. При этом есть основания полагать, что некоторые элементы системы безопасности могут рассматриваться и под углом зрения не только публично-правовой, но и цивилистической методологии, определяющей в прямой постановке проблематику перспективных направлений будущих частноправовых исследований. В этом контексте особую значимость приобретают исследования в сфере обеспечения духовной безопасности, посвященные укреплению духовно-нравственных ценностей, имеющие, помимо научной ценности, огромный воспитательный потенциал.

Доказана перспективность рассмотрения воспитания традиционных ценностей в качестве ключевого направления цивилистической науки, что позволяет судить о необходимости идеологизации науки в аспекте обеспечения национальной безопасности и, следовательно, повышении эффективности ее воспитательной роли и функции. Необходимость идеологизации цивилистической науки требует пересмотра гражданско-правовой методологии через призму национальной безопасности, оценки существующих господствующих догм и вновь разрабатываемых учений под углом зрения их полезности для воспитания высоконравственного правосознания и традиционных ценностей, определения своей личной мировоззренческой позиции ученого.

Библиографический список

1. Барков А.В., Гришина Я.С. Обоснование актуальности научной проблемы в цивилистических исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований. Периодический научный журнал. Ежегодник. / Глав. ред. О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2023. Вып. 5. С. 9–25.
2. Барков А.В., Гришина Я.С. Эмпирическая основа цивилистического исследования: методологическое значение социально-предпринимательской правотворческой практики // Методологические проблемы цивилистических исследований. Периодический научный журнал. Ежегодник / Глав. ред. О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2020. № 2. С. 106–125.
3. Белкин А.С., Ткаченко Е.В. Идеология, методология, научный аппарат историко-педагогического исследования // Образование и наука. 2006. № 1 (37). С. 21–29.
4. Вишновецкая С.В. К вопросу о назначении методологии науки трудового права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. Вып. 3 (21). 2013. С. 58–64.
5. Зайцев В.В., Рыбаков В.А. О науке гражданского права: методологические и доктринальные аспекты // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 4 (111). С. 58–64.
6. Зайцев В.В., Рыбаков В.А. О мировоззренческом аспекте методологии гражданского права // Методологические проблемы цивилистических исследований: Сб. науч. ст. Ежегодник. Вып. 2. М.: Статут, 2017. С. 22–32.
7. Ибрагимова С.В. Воспитательная функция гражданского права // Балтийский гуманитарный журнал. Т. 7. № 2. С. 381–384.
8. Ирошников Д.В., Пулик А. Методологические аспекты исследования безопасности в гражданском праве // Методологические проблемы

цивилистических исследований. Периодический научный журнал. Ежегодник. М.: Статут. 2021. Вып. 3. С. 364–378.

9. *Канторович Я.А.* Основные идеи гражданского права. Харьков: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1928. 309 с.

10. *Керимов Д.А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М., 2001. 560 с.

11. *Кузнецова О.А.* Научная проблема и названия цивилистических исследований // Вестник Пермского университета. Юридические науки. Вып. 4 (22). 2013. С. 316–324.

12. *Латынин О.А.* Цивилистическая методология: понятие и основные этапы развития // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 3. Ч. 2. С. 103–114.

13. *Мохов А.А.* Частноправовые (цивилистические) науки и правовые исследования в сфере обеспечения национальной безопасности // Современное право. 2023. № 7. С. 19–24.

14. *Патрушев Н.* Запад не оставляет надежды нанести поражение России. URL: <https://rg.ru/2023/04/25/dumat-bystree-vraga.html>.

15. Политическая наука: словарь-справочник. URL: <https://znachenie-slova.ru/%D0%>.

16. *Рыбаков В.А.* Функции права, правовые функции, гражданско-правовые функции. О функциях гражданско-правового регулирования // Гражданское право. 2009. № 1. С. 17–21.

17. *Филиппова С.Ю.* Цивилистическая наука России: становление, функции, методология. М.: Статут. 2017. 384 с.

18. *Филиппова С.Ю.* Функции науки гражданского права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. Санкт-Петербургский государственный университет. 2017. № 4. С. 102–136.

19. *Чельшев М.Ю., Сафин З.Ф.* О методологии цивилистических исследований // Вестник СГАП. 2011. № 6. С. 120–125.

20. *Чельшев М.Ю.* Концепция оптимизации межотраслевых связей гражданского права: постановка проблемы. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та. 2006. 160 с.

21. *Шаповалов Я.А.* Частноправовые средства обеспечения антитеррористической защищенности объектов гражданских прав: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 32 с.

22. *Шаронов С.А.* Гражданско-правовое регулирование охранной деятельности в Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2015. 58 с.

23. *Щенникова Л.В.* Воспитательная функция гражданского права и роль модернизации гражданского законодательства в ее осуществлении // Седьмой пермский конгресс ученых-юристов. Материалы

Всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. В.Г. Голубцов; О.А. Кузнецова; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь: Изд-во: ПГНИУ, 2016. С. 222–223.

References

1. *Barkov A.V., Grishina Ya.S.* Obosnovaniye aktualnosti nauchnoy problemy v tsivilisticheskikh issledovaniyakh [Substantiation of the relevance of the scientific problem in civil studies]. Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovaniy. Periodicheskij nauchnyy zhurnal. Ezhegodnik – Methodological problems of civil studies. Periodical scientific journal. Yearbook. 2023, Issue 5. P. 9–25. (In Russ.)

2. *Barkov A.V., Grishina Ya.S.* Empiricheskaya osnova tsivilisticheskogo issledovaniya: metodologicheskoye znachenije sotsialno-predprinimatelskoy pravotvorcheskoy praktiki [Empirical basis of civilistic research: methodological significance of socioentrepreneurial lawmaking practice]. Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovaniy. Periodicheskij nauchnyy zhurnal. Ezhegodnik – Methodological problems of civil studies. Periodical scientific journal. Yearbook. 2020. Issue 2. P. 106–125. (In Russ.)

3. *Belkin A.S., Tkachenko E.V.* Ideologiya, metodologiya, nauchnyy apparat istoriko-pedagogicheskogo issledovaniya [Ideology, methodology, scientific apparatus of historical and pedagogical research]. Obrazovaniye i nauka – Education and science. 2006. Issue 1 (37). P. 21–29. (In Russ.)

4. *Vishnovetskaya S.V.* K voprosu o naznachении metodologii nauki trudovogo prava [To the question of the purpose of the methodology of the science of labor law]. Vestnik permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki – Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2013. Issue 3 (21). P. 58–64. (In Russ.)

5. *Zaytsev V.V., Rybakov V.A.* O nauke grazhdanskogo prava: metodologicheskiye i doktrinalnyye aspekty [About the science of civil law: methodological and doctrinal aspects.] Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2016. Issue 4 (111). P. 58–64. (In Russ.)

6. *Zaytsev V.V., Rybakov V.A.* O mirovozzrencheskom aspekte metodologii grazhdanskogo prava [On the ideological aspect of the methodology of civil law]. Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovaniy. Periodicheskij nauchnyy zhurnal. Ezhegodnik – Methodological problems of civil studies. Periodical scientific journal. Yearbook. 2017. Issue 3. P. 22–32. (In Russ.)

7. *Ibragimova S.V.* Vospitatelnaya funktsiya grazhdanskogo prava [Educational function of civil law]. Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal – Baltic Humanitarian Journal. Vol. 7. Issue 2. P. 381–384. (In Russ.)

8. *Iroshnikov D.V., Pulik A.* Metodologicheskiye aspekty issledovaniya bezopasnosti v grazhdanskom prave [Methodological aspects of security research in civil law]. Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovaniy. Periodicheskiy nauchnyy zhurnal. Ezhegodnik – Methodological problems of civil studies. Periodical scientific journal. Yearbook. 2021, Issue 3. P. 9–25. (In Russ.)

9. *Kantorovich Ya.A.* Osnovnyye idei grazhdanskogo prava [The main ideas of civil law]. Kharkiv, 1928. 309 p. (In Russ.)

10. *Kerimov D.A.* Metodologiya prava (predmet, funktsii, problemy filosofii prava) [Methodology of law (subject, functions, problems of philosophy of law).] 2nd ed. Moscow, 2001. 560 p. (In Russ.)

11. *Kuznecova O.A.* Nauchnaya problema i nazvaniya civilisticheskikh issledovaniy [The scientific problem and the names of civil studies. Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki – Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2013. Issue 4 (22). P. 316–324. (In Russ.)

12. *Latynin O. A.* Tsivilisticheskaya metodologiya: ponyatiye i osnovnyye etapy razvitiya [Civilistic methodology: the concept and main stages of development]. Uchenyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki – Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2021. Vol. 7 (73). Issue 3. Part 2. P. 103–114. (In Russ.)

13. *Mokhov A.A.* Chastnopravovyye (tsivilisticheskiye) nauki i pravovyye issledovaniya v sfere obespecheniya natsionalnoy bezopasnosti [On the methodology of civil studies]. Sovremennoye pravo – Modern Law. 2023. Issue 7. P. 19–24. (In Russ.)

14. *Patrushev Nikolay.* Zapad ne ostavlyayet nadezhdy nanesti porazheniye Rossii [The West does not give up hope of defeating Russia]. Available at: <https://rg.ru/2023/04/25/dumat-bystree-vraga.html>.

15. *Politicheskaya nauka: slovar–spravochnik* [Political Science: dictionary-reference]. Available at: <https://znachenie-slova.ru/%D0%>.

16. *Ry'bakov V.A.* Funkcii prava, pravov'y'e funkcii, grazhdansko–pravov'y'e funkcii. O funkciyax grazhdansko–pravovogo regulirovaniya [Functions of law, legal functions, civil law functions. About the functions of civil law regulation]. Grazhdanskoe parvo – Civil law. 2009. Issue 1. P. 17–21. (In Russ.)

17. *Filippova S.Yu.* Civilisticheskaya nauka Rossii: stanovlenie, funkcii, metodologiya [Civil Science of Russia: formation, functions, methodology.]. Moscow: Statute, 2017. 384 p. (In Russ.)

18. *Filippova S.Yu.* Funkcii nauki grazhdanskogo prava [Functions of the science of civil law]. Izvestiya vy'sshix uchebny'x zavedenij. Pravovedenie. Sankt-Peterburgskij gosudarstvenny'j universitet – News of higher educational institutions. Jurisprudence. St. Petersburg State University. 2017. Issue 4. P. 102–136. (In Russ.)

19. *CHelyshev M.YU., Safin Z.F.* O metodologii civilisticheskikh issledovanij [On the methodology of civil studies]. Vestnik SGAP – Bulletin of the SGAP. 2011. Issue 6. P. 120–125. (In Russ.)

20. *CHelyshev M.YU.* Konceptiya optimizatsii mezhotraslevykh svyazey grazhdanskogo prava: postanovka problemy [Concept of optimization of intersectoral relations of civil law: problem statement] Kazan, 2006. 160 p. (In Russ.)

21. *Shapovalov Ya.A.* Chastnopravovy'e sredstva obespecheniya antiteroristicheskoy zashchishhennosti ob`ektov grazhdanskikh prav [Private law means of ensuring antiterrorist protection of objects of civil rights]: avtoref. dis. ... cand. jurid. M. 2023. 32 p. (In Russ.)

22. *Sharonov S.A.* Grazhdansko-pravovoe regulirovanie ohrannoy deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii [Civil law regulation of security activities in the Russian Federation]: avtoref. dis. ... Dr. jurid. sciences. Volgograd. 2015. 58 p. (In Russ.)

23. *Shhennikova L.V.* Vospitatel'naya funkciya grazhdanskogo prava i rol' modernizatsii grazhdanskogo zakonodatel'stva v ee osushhestvlenii [The educational function of civil law and the role of modernization of civil legislation in its implementation] Sed'moj permskij kongress ucheny'x-yuristov. Materialy' Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii – The Seventh Perm Congress of Legal Scientists. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Perm, 2016. P. 222–223.

Информация об авторах:

А.В. Барков

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права
Военный университет им. князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации
123001, Россия, г. Москва, ул. Б. Садовая, 14
профессор департамента правового регулирования
экономической деятельности
Финансовый университет при Правительстве РФ
125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, 49
профессор кафедры гражданского права,
Саратовская государственная юридическая академия
410056, Россия, г. Саратов, Вольская улица, 1
ORCID: 0000-0002-5236-1954
Researcher ID: H-1263-2016
Статьи в БД Scopus / Web of Science:
DOI: 10.14505/jarle.v9.3 (33).10

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-33-268-280

DOI: 10.1007/978-3-030-45913-0_39

DOI: 10.33397/2619-0559-2021-3-3

Я.С. Гришина

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права
Российский государственный университет правосудия
117418, Россия, г. Москва, Новочеремушкинская, 69
125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, 49
профессор кафедры гражданского права
Саратовская государственная юридическая академия,
410056, Россия, г. Саратов, Вольская улица, 1
ORCID: 0000-0002-6339-7565

Researcher ID: A-1979-2017

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-33-268-280

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-47-45-65

DOI: /10.33397/2619-0559-2021-3-3

Information about the authors:

A.V. Barkov

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry
of Defense of the Russian Federation
14 B. Sadovaya Str., Moscow, 123001, Russia
Financial University under the Government of the Russian Federation,
49 Leningradsky Ave., Moscow, 125993, Russia
Saratov State Law Academy,
1 Volskaya St., Saratov, 410056, Russia
ORCID: 0000-0002-5236-1954

Researcher ID: H-1263-2016

Articles in the database Scopus / Web of Science:

DOI: 10.14505/jarle.v9.3 (33).10

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-33-268-280

DOI: 10.1007/978-3-030-45913-0_39

DOI: 10.33397/2619-0559-2021-3-3

Ya.S. Grishina

Russian State University of Justice
Novocheremushkinskaya 69, Moscow, 117418, Russia
49 Leningradsky Ave., Moscow, 125993, Russia

Saratov State Law Academy
1 Volskaya St., Saratov, 410056, Russia
ORCID: 0000-0002-6339-7565
Researcher ID: A-1979-2017
Articles in the database Scopus / Web of Science:
DOI: 10.17072/1995-4190-2016-33-268-280
DOI: 10.17072/1995-4190-2020-47-45-65
DOI: /10.33397/2619-0559-2021-3-3

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ПРОБЛЕМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ И ЧАСТНОПРАВОВЫХ
НАЧАЛ В СФЕРЕ АНТИМОНОПОЛЬНОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ НА ТОВАРНЫХ РЫНКАХ**

Е.Е. Богданова

Московский государственный юридический университет

им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: eebogdanova@msal.ru

Введение: статья посвящена анализу совокупности методов исследования проблем взаимодействия публично-правовых и частноправовых начал в сфере антимонопольного регулирования. В статье отмечается, что существующая в правоприменительной деятельности неопределенность толкования ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции, которая выражается в том, что в одних случаях суды считают достаточным запрет картельных соглашений вне зависимости от их исполнения, влияния на рынок и других факторов, а в других требуют от антимонопольных органов доказывания последствий заключения такого рода соглашений, которые к тому же не определены законодательством, не способствуют эффективной защите прав потребителей. В связи с этим исследуется вопрос о необходимости расширения сферы легального горизонтального сотрудничества между хозяйствующими субъектами. **Цель:** выявить методологические особенности при изучении проблем взаимодействия публично-правовых и частноправовых начал в сфере антимонопольного регулирования, проанализировать значение и роль методов научного познания при цивилистическом исследовании сферы легального сотрудничества между хозяйствующими субъектами. **Методы:** методологической основой настоящего исследования является преимущественно диалектический метод научного познания, также использовались как общенаучные методы познания: анализ, синтез, сравнение, описание и др., так и специально-юридические, особенно — юридико-догматический, и др. **Результаты:** не следует придавать исключительное значение одному методу научного познания, поскольку только в системной взаимосвязи методов возможно раскрыть механизм взаимодействия публично-правовых и частноправовых начал в сфере антимонопольного регулирования, определить их баланс

в целях совершенствования законодательства о защите конкуренции для достижения положительного эффекта, связанного с ростом благополучия потребителей.

Ключевые слова: юридическая методология, цивилистическая методология, методы научного познания, системно-структурный метод, частноправовые начала, публично-правовые начала, антимонопольное регулирование, конкуренция, горизонтальные соглашения, запрет картелей.

A METHODOLOGICAL STUDY OF THE PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN PUBLIC LAW AND PRIVATE LAW PRINCIPLES IN THE FIELD OF ANTIMONOPOLY REGULATION IN COMMODITY MARKETS

E.E. Bogdanova

Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

E-mail: eebogdanova@msal.ru

Introduction: the article is devoted to the analysis of a set of methods for studying the problems of interaction between public law and private law principles in the field of antimonopoly regulation. The article notes that the uncertainty in the interpretation of Part 1 of Art. 11 of the Law on Protection of Competition, which is expressed in the fact that in some cases the courts consider it sufficient to prohibit cartel agreements, regardless of their execution, influence on the market and other factors; and in others they require antimonopoly authorities to prove the consequences of concluding such agreements, which, moreover, are not defined by law and do not contribute to the effective protection of consumer rights. In this connection, the question of the need to expand the scope of legal horizontal cooperation between business entities is being explored. **Goal:** to identify methodological features when studying the problems of interaction between public law and private law principles in the field of antimonopoly regulation, to analyze the significance and role of methods of scientific knowledge in the civil law study of the sphere of legal cooperation between business entities. **Methods:** the methodological basis of this study is predominantly the dialectical method of scientific knowledge; both general scientific methods of knowledge were also used: analysis, synthesis, comparison, description, etc., as well as special legal ones, especially legal-dogmatic ones, etc. **Results:** not necessary attach exceptional importance to one method of scientific knowledge, since only in the systemic interrelation of methods is it possible to reveal the mechanism of interaction between public law and private law principles in the field of antimonopoly regulation, to determine their balance in order to improve competition legislation in order to achieve a positive effect associated with the growth of consumer well-being.

Key words: *legal methodology, civil methodology, methods of scientific knowledge, systemic-structural method, private law principles, public law principles, antimonopoly regulation, competition, horizontal agreements, cartel ban.*

Введение

Сложная внешнеэкономическая ситуация, сопровождающаяся введением рядом стран односторонних экономических санкций в отношении Российской Федерации, обусловила рост цен на отдельные категории товаров, что негативным образом повлияло на платежеспособность значительного числа граждан. Государство в этой ситуации вынуждено осуществить ряд мер по снижению цен и поддержке их на нормальном уровне.

Однако продолжающийся рост цен позволяет заключить, что действующее антимонопольное законодательство нуждается в совершенствовании в целях обеспечения эффективного развития экономики страны, обеспечения защиты прав граждан, развития конкурентной среды¹. Следует учитывать, что основными факторами роста цен выступают монополизация и сдерживание конкуренции в торговой сфере, а также недостаточно эффективная деятельность антимонопольных органов, сговоры производителей или продавцов, слабая поддержка малого и среднего бизнеса. Таким образом, одними из основных задач устойчивого экономического развития государства являются эффективное антимонопольное регулирование и развитие конкуренции.

Анализ существующих теоретических подходов к антимонопольному регулированию на товарных рынках

В российской литературе высказываются позиции как в пользу формального (действующего) подхода к антимонопольному регулированию (правило запрета по букве закона — *per se*), так и в пользу экономического «разумного» подхода (правило взвешенного подхода — *the rule of reason*), ориентированного на учет положительного эффекта от действий, которые формально могут быть квалифицированы в качестве антиконкурентных.

¹ См., например: постановление Правительства РФ от 21 сентября 2023 г. № 1537 «О введении временного запрета на вывоз бензина товарного и дизельного топлива из Российской Федерации» (Доступ из СПС «КонсультантПлюс»). Правительство обосновывает введение заградительных мер тем, что ограничения помогут насытить рынок топлива, что, в свою очередь, позволит снизить цены для потребителей.

Так, формальный подход последовательно отстаивается в работах А.П. Тенишева и М.А. Хамукова. Авторы указывают, что безусловная вредоносность, подтвержденная эмпирическими данными, и процессуальная экономия легли в основу запрета картельных соглашений *per se* или по объекту (*object-based enforcement*) во всех развитых экономиках мира. Примеров успеха иных подходов нет [10]. Аналогичную позицию высказывают А.Ю. Кинев [5, с. 315] и С.А. Пузыревский [9].

М.А. Егорова указывает на неопровержимую презумпцию ограничения конкуренции, возникающего в результате нарушения участниками картеля запретов *per se* [3]. При этом, по мнению М.А. Егоровой, в российском антимонопольном законодательстве правовой режим *per se* следует признать более мягким, чем, например, аналогичный режим в европейском законодательстве, так как отечественный правовой режим запретов *per se* предусматривает возможность допустимости отдельных видов соглашений и действий [4, с. 34].

Строгий подход к картелям Н.Н. Мосунова объясняет тем, что согласно эмпирическим исследованиям на рынках, где оперируют картели, потребители платят за товары или услуги в среднем на 18% больше, если это национальный картель, и на 23 %, если картель международный. Именно эта безусловная вредоносность отличает картели от прочих нарушений в области конкуренции. Влияние картелей на благосостояние потребителей особенно заметно в слабых и развивающихся экономиках. Исключительный вред картелей, подтвержденный эмпирическими данными, и процессуальная экономия легли в основу запрета картельных соглашений *per se* или «по объекту» (*object-based enforcement*). Примеров успеха иных подходов нет [8].

Н.Н. Мосунова указывает на то, что в Европейском союзе используется идентичный подход к применению ст. 101(1) Договора о функционировании Европейского союза (далее — ТФЕУ)¹, запрещающей горизонтальные соглашения: «различие между соглашениями, запрещенными по объекту, и соглашениями, запрещенными по их эффекту, происходит из того факта, что степень вредоносности определенных форм сговоров между компаниями настолько существенна, что нет необходимости изучать их реальный или потенциальный эффект»².

Следует отметить, что в европейской науке формальный подход к картелю (*per se*) подвергается критике [11] по причине распространения запрета соглашений «по объекту» на соглашения, которые не всегда

¹ Договор о функционировании Европейского союза (Treaty on the Functioning of the European Union, TFEU). Рим. 25 марта 1957 г. URL: <https://eulaw.ru/>.

² Judgments of the Court of Justice in Case C-67/13. Groupement des Cartes Bancaires v. Commission, ECLI:EU:C:2014:2204, para 49; Case C-286/13 P Dole v. Commission, ECLI:EU:C:2015:184, para 113.

являются антиконкурентными (отсутствует негативный эффект) или позволяют достичь положительного социально-экономического эффекта. Однако, как указывает Н.Н. Мосунова, с 1990-х гг. эти дискуссии стали стихать благодаря сужению и конкретизации круга соглашений, запрещенных «по объекту» [8, с. 99]. Н.Н. Мосунова отмечает, что в европейских правилах легализованы различные горизонтальные соглашения. Исходя из процессуальной экономии и ограниченных ресурсов, европейские антимонопольные органы занимаются преследованием только тех горизонтальных соглашений, которые могут ощутимо воздействовать на торговлю между странами. Эта позиция поддержана европейскими судами. Участники картелей не могут формально ссылаться на доктрину *De minimis* (доктрину Минимального уведомления), ограничивающую совокупную долю нарушителей на рынке 10%¹. Однако на практике Европейская комиссия не начинает расследования в отношении соглашений, затрагивающих меньшую долю рынка [11]. В качестве критериев такой существенности европейская доктрина рассматривает комбинацию факторов: предполагается, что до достижения в совокупности 5% от доли на рынке и 40 млн евро оборота соглашение не оказывает существенного влияния на торговлю².

Сторонником «разумного» подхода к антимонопольному регулированию, отстаивающим отказ от абсолютизации правила *per se*, является И.В. Башлаков-Николаев. По его мнению, «экономика нуждается в отказе в антимонопольном регулировании от принципа «предпочтения удобства и простоты действий регулятора» и во введении принципа «презумпции допустимости разумных и правомерных действий хозяйствующих субъектов» [2, с. 18].

Названный автор признает необходимость определенных шагов в отношении совершенствования антимонопольного регулирования общественных отношений. Так, целесообразно ослабить давление законодательного регулирования на данные отношения, в частности, этому будут способствовать отказ регулятора от презумпции запрета картелей *per se* для того, чтобы в качестве картелей признавались только соглашения, которые ведут или могут привести к ограничению конкуренции; принятие правила о допустимости любых предпринимательских соглашений, в том числе между конкурентами, которые не ведут

¹ Notice on agreements of minor importance which do not appreciably restrict competition under Article 101(1) of the Treaty on the functioning of the European Union (De Minimis Notice) (Уведомление о соглашениях незначительной важности, которые существенно не ограничивают конкуренцию в соответствии со статьей 101(1) Договора о функционировании Европейского союза (Минимальное уведомление)) (ОJ C 291. 2014, С. 1–4).

² См.: Commission Notice – Guidelines on the effect on trade concept contained in Articles 81 and 82 of the Treaty (ОJ 2004. P. 81. С 101). P. 44–57. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2004:101:0081:0096:EN:PDF>.

к ограничению конкуренции, что обеспечит возможность объединения предпринимательских усилий бизнеса и создания инновационной продукции, а также уравниванию сил торговых сетей и поставщиков при создании закупочных союзов; отказ от концепции и института «коллективного» доминирования как «недокартеля», предоставляющего регулятору достаточно простой способ воздействия на олигопольный рынок в условиях правовой неопределенности, объективного вменения и при отсутствии доказательств картеля и согласованных действий на товарном рынке; введение полного антимонопольного иммунитета (а не только ограниченного иммунитета по нескольким видам лиц и ограниченному числу запретов) для малого и среднего бизнеса [2].

Заслуживают внимания исследования экономистов по данной проблематике. Так, А.В. Макаров указывает на тенденцию отказа в США для многих типов соглашений от *per se* запретов в пользу правила взвешенного подхода (*rule of reason*). Для Европейского союза произошел сдвиг от принципа *category-based enforcement* к подходу, заключающемуся в анализе эффектов в применении антимонопольного законодательства (*effect-based enforcement*). Аналогичные процессы происходят и в странах переходной экономики в ходе импортирования антимонопольных институтов. По мнению названного автора, сложился консенсус о необходимости применения взвешенного подхода для вертикальных соглашений. В отношении горизонтальных соглашений такой подход используется более осторожно и может быть применен, например, в случае существенных изменений условий функционирования рынка. В то же время переход к преобладанию правила взвешенного подхода требует переосмысления стратегического выбора регулятора в контексте как соразмерности санкций, так и целей политики с учетом издержек по их достижению [6].

В другой работе авторы отмечают, что увеличение роли подхода анализа эффектов (*effect-based enforcement*) в правоприменении способно повысить общественное благосостояние. Однако действующее законодательство и система мотивации, допускающие оценку эффектов, не стимулируют ее применение антимонопольным органом [1].

Проблемы взаимодействия публично-правовых и частноправовых начал при заключении соглашений между конкурентами на товарных рынках

Согласно ч. 1 ст. 11 Закона о конкуренции¹ признаются картелем и запрещаются соглашения между хозяйствующими субъектами-кон-

¹ Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (последняя редакция) (Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

курентами, т.е. между хозяйствующими субъектами, осуществляющими продажу товаров на одном товарном рынке, или между хозяйствующими субъектами, осуществляющими приобретение товаров на одном товарном рынке, если такие соглашения приводят или могут привести в том числе:

- 1) к установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и (или) наценок;
- 2) повышению, снижению или поддержанию цен на торгах.

Следует отметить, что Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в своем Постановлении от 21 декабря 2010 г. № 9966/10 по одному из споров подчеркнул, что «нарушение состоит в достижении участниками союза договоренности, которая приводит или может привести к перечисленным в части 1 статьи 11 Закона о защите конкуренции последствиям». Он отверг доводы нижестоящих судов о том, что для привлечения к ответственности необходимо не только заключение, но и исполнение соглашения, а также о том, что Федеральная антимонопольная служба обязана была доказать негативное влияние соглашения на рынок реализации алкогольной продукции, причем этот эффект должен был повлечь ограничение, ущемление, устранение конкуренции на рынке¹.

Таким образом, Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ ориентировал суды на то, что нарушение антикартельного запрета состоит уже в достижении договоренности между участниками рынка, которая приводит или может привести к перечисленным в ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции последствиям, в связи с чем необходимость доказывания антимонопольным органом фактического исполнения участниками условий соглашения отсутствует. Длительное время суды применяли рекомендованный подход при рассмотрении такого рода споров.

Однако в дальнейшем в ряде «картельных споров» суды стали демонстрировать иной подход, в частности, требовать от антимонопольных органов доказывания таких материальных последствий картеля, как «влияние на снижение объемов импорта по данной товарной группе» и «влияние установленных соглашением конкурентов цен на рынок»².

Так, в деле о «картеле норвежской рыбы» суды требовали оценки эффекта соглашения начиная с решения Арбитражного суда г. Москвы от 9 февраля 2015 г., поддержанного впоследствии Верховным

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 21 декабря 2010 г. № 9966/10 по делу № А27-12323/2009 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 4.

² См.: Определение ВС РФ от 17 февраля 2016 г. № 305-АД15-10488 (Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

Судом РФ в Определении от 16 февраля 2016 г. В данном деле суды в качестве элементов картельного сговора требовали доказательств его влияния «на экономические процессы на товарном рынке» и состоявшийся раздел территории Российской Федерации между продавцами. Дело о «норвежском картеле» продемонстрировало спорность подхода, требующего анализа эффекта, оказываемого картелями на рынок, и анализа рынка как обязательного элемента. Основанием отмены решения ФАС явилось то, что суд не только анализировал доказанность горизонтального соглашения, но и исследовал «альтернативный» анализ рынка, подготовленный частной организацией по заказу сторон спора, которым было установлено, что соглашение «имеет определенные благоприятные последствия для рынка норвежской рыбы на территории Российской Федерации»¹, несмотря на отсутствие в законе условий допустимости соглашений подобного рода.

Таким образом, в соответствии с п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 марта 2021 г. № 2 наличие конкурентных отношений между участниками картеля подтверждается результатами проведенного анализа состояния конкуренции на товарном рынке. В этой связи можно заключить, что Верховный Суд РФ возвращается к подходу о недопустимости самого факта наличия картельных соглашений, однако требует подтверждения наличия конкурентных отношений между участниками таких соглашений путем анализа состояния конкуренции на товарном рынке.

Представляется, что существующая в правоприменительной деятельности неопределенность толкования ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции, которая выражается в том, что в одних случаях суды считают достаточным запрет картельных соглашений вне зависимости от их исполнения, влияния на рынок и других факторов, а в других требуют от антимонопольных органов доказывания последствий заключения такого рода соглашений, которые к тому же не определены законодательством, не способствуют эффективной защите прав потребителей.

Однако, как уже отмечалось выше, в зарубежной практике становится все более заметной тенденция, связанная с усилением экономического подхода к регулированию отношений в сфере защиты конкуренции (*the rule of reason*). Как известно, конкуренция действует как механизм отбора, когда более эффективные фирмы заменяют менее эффективные. Поэтому конкуренция является ключевым элементом,

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 октября 2015 г. № Ф05-11070/2014 по делу № А40-97512/13-130-921 (Доступ из СПС «Консультант-Плюс»).

содействующим более быстрому росту ориентированной на потребителя экономики. Экономический подход требует тщательного анализа конкретной стратегии компании, ее влияния на благосостояние потребителей. Посредством акцента на последствия, а не на форму поведения создаются препятствия для совершения антиконкурентных действий в обход закона. Экономический подход гарантирует, что законодательные положения не будут создавать чрезмерных препятствий для стратегий, способствующих развитию конкуренции, поскольку учитывается, что многие методы ведения бизнеса могут иметь разные последствия при различных обстоятельствах. Последствием может быть как ограничение конкуренции, так и повышение эффективности или внедрение инноваций.

Так, Европейская комиссия признает, что большинство форм горизонтального сотрудничества не являются антиконкурентными соглашениями, если в них участвуют компании, не обладающие большой рыночной властью. Данный подход Европейской комиссии в отношении горизонтальной кооперации между конкурентами (горизонтальные соглашения) нашел свое отражение в ее Руководстве от 14 января 2011 г.¹ Оно основывается на «экономическом» подходе, учитывающем положительный эффект от горизонтальной кооперации между конкурентами. Положительный эффект может заключаться в объединении навыков и активов, распределении рисков, экономии затрат, росте инвестиций, повышении качества продукции, внедрении инноваций и т.д.

Одновременно горизонтальное сотрудничество между хозяйствующими субъектами может оказать и негативное влияние на конкуренцию в результате концентрации экономической власти, фиксирование цен на товары и услуги, разделение рынка и т.д.

Названное Руководство охватывает также ситуации горизонтального сотрудничества между неконкурирующими хозяйствующими субъектами (например, действующими на разных рынках, определяемых по территориальному признаку).

В связи с этим представляет интерес так называемое Уведомление *De minimis* (доктрина Минимального уведомления)², в котором Европейская комиссия дала разъяснения относительно малозначительных соглашений, которые не создают антиконкурентных рисков. Согласно Уведомлению *De minimis* соглашения между предприятиями малого

¹ Guidelines on the applicability of Art. 101 to horizontal co-operation agreements (OJ 2011 C11, 2011).

² Notice on agreements of minor importance which do not appreciably restrict competition under Article 101(1) of the Treaty on the Functioning of the European Union (*De Minimis Notice*) 2014/C 291/01. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ%3AJOC_2014_291_R_0001.

и среднего бизнеса (численность работников менее 250 человек, годовой оборот до 50 млн евро или активами, не превышающими 43 млн евро) не создают рисков для конкуренции. В отношении крупных компаний также установлены пороговые значения, связанные с долей товарного рынка, контролируемого ими. Так, не порождают риски горизонтальные соглашения между конкурентами (как фактическими, так и потенциальными), если они в совокупности контролируют не более 10% товарного рынка. Для горизонтальных соглашений между неконкурирующими субъектами пороговое значение составляет 15%. При наличии сомнений в природе соглашения (заключено ли оно между конкурентами или неконкурирующими субъектами) пороговое значение составляет 10% рынка.

Горизонтальное соглашение может охватываться «иммунитетом» от расследования согласно Уведомлению De minimis только в том случае, если целью такого соглашения не является ограничение конкуренции. Например, не подпадают под иммунитет соглашения, направленные на фиксирование цен, раздел рынка или ограничение объема производства товаров.

Экономический подход проявляется также в том, что Руководство от 14 января 2011 г. дифференцирует горизонтальные соглашения, определяя перечень таких соглашений, для которых установлены иные пороговые значения. Так, к социально полезным горизонтальным соглашениям, для которых установлены повышенные пороговые значения антиконкурентных рисков, относятся:

- соглашения, связанные с проведением НИОКР (доля рынка 25%);
- производственные соглашения (доля рынка 20%);
- закупочные соглашения и соглашения о коммерциализации (доля рынка 15%).

Указанные соглашения, соответствующие специальным правилам, утвержденным Европейской комиссией, обозначают как «блоковые исключения» (*block exemption*). Такие соглашения рассматриваются в качестве действительных и подлежат исполнению в соответствии с законодательством Европейского союза (если они не связаны со злоупотреблением доминирующим положением на рынке согласно ст. 102 TFEU).

В этой связи представляет интерес Руководство Европейской комиссии от 27 апреля 2004 г. относительно концепции оказания эффекта на торговлю, содержащейся в ст. 81 и 82 Договора о функционировании Европейского союза (TFEU)¹ (после внесения изменений — ст. 101, 102 TFEU).

¹ COMMISSION NOTICE Guidelines on the effect on trade concept contained in Articles 81 and 82 of the Treaty (2004/C 101/07) 27.04.2004 (Уведомления комиссии:

В п. 50 Руководства от 27 апреля 2004 г. отмечается, что невозможно установить общие правила количественной оценки в отношении всех категорий соглашений, которые определяют, в каком случае торговля между государствами-членами будет существенно затронута. Однако можно определить, когда торговля, как правило, не может быть существенно затронута.

Во-первых, в своем Уведомлении De minimis notice 2014/C 291/01 Комиссия указала, что соглашения между малыми и средними предприятиями (МСП) по общему правилу не способны повлиять на торговлю между государствами-членами. Обоснованием данной презумпции является тот факт, что деятельность МСП, как правило, носит местный или региональный характер.

Во-вторых, Комиссия посчитала целесообразным изложить общие принципы, указывающие, когда торговля по общему правилу не может быть существенно затронута, т.е. стандарт, определяющий отсутствие заметного влияния на торговлю между государствами-членами (NAAT-rule).

При применении ст. 81 Комиссия будет рассматривать этот стандарт как отрицательную опровержимую презумпцию, применяемую ко всем соглашениям по смыслу ст. 81(1), независимо от характера ограничений, содержащихся в соглашении, включая ограничения, которые были определены как жесткие ограничения (*hardcore restrictions*) в правилах и руководствах Комиссии об общих (блоковых) исключениях (*block exemption*). Если презумпция может быть применена, то по таким делам Комиссия не будет возбуждать производство как по своей инициативе, так и по заявлению другого лица. Если предприятия добросовестно предполагают, что их соглашения подпадают под действие этой негативной презумпции, Комиссия не будет налагать штрафы.

В п. 52 Руководства от 27 апреля 2004 г. Комиссия установила, что соглашения не способны существенно повлиять на торговлю между государствами-членами при соблюдении следующих совокупных условий:

(a) Совокупная доля сторон на любом соответствующем рынке в Сообществе, затронутом соглашением, не превышает 5%, и

(b) В случае горизонтальных соглашений совокупный годовой оборот соответствующих предприятий по товарам, охватываемым соглашением, не должен превышать 40 млн евро. Для соглашений о совместной закупке товаров (закупочный союз) соответствующим

оборотом являются совместные закупки сторонами товаров, охватываемых соглашением.

Презумпция подлежит применению, если в течение двух последовательных календарных лет указанный оборот не будет превышен более чем на 10% (оборот до 44 млн евро), а указанная пороговая доля в рынке не будет превышена более чем на 2% (доля в рынке до 7%).

Однако в п. 51 Руководства от 27 апреля 2004 г. отмечается, что соглашения, не подпадающие под данные критерии, не будут автоматически квалифицироваться как способные существенно повлиять на торговлю между государствами-членами, поскольку необходим анализ каждого конкретного случая. Таким образом, Европейская комиссия не квалифицирует подобные соглашения как нелегальные *per se*, так как в каждом конкретном случае требуется установить негативный эффект от таких соглашений.

В этой связи представляются не вполне корректными утверждения отдельных российских ученых, указывающих на неопровержимую презумпцию ограничения конкуренции, возникающую в результате нарушения участниками картеля запретов *per se* [3, с. 12]. Установленный в российском антимонопольном законодательстве правовой режим *per se* следует признать более мягким, чем, например, аналогичный режим в европейском законодательстве, так как отечественный правовой режим запретов *per se* предусматривает допустимость отдельных видов соглашений и действий [4].

В отношении презумпции нелегальности картеля *per se* в п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ предусматривается, что ограничение конкуренции картелем в случаях, упомянутых в п. 1–5 ч. 1 ст. 11 Закона, в силу закона предполагается¹. Из буквального толкования данного пункта следует, что презумпция является опровержимой.

Таким образом, представляется, что включение аналогичных правил (Уведомление *De minimis*) в российский Закон о защите конкуренции устранил риски возбуждения административных дел по «надуманным» картелям, не порождающим рисков для конкуренции. На этом основании представляется необходимым включить в ст. 12 «Допустимость соглашений» Закона о защите конкуренции правило *De minimis*, поскольку это устранил риски негативного эффекта для экономики, возбуждение дел по «надуманным картелям».

В ст. 12 Закона о защите конкуренции следует признать допустимость горизонтальных соглашений между хозяйствующими субъек-

¹ Постановление Пленума ВС РФ от 4 марта 2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

тами, отнесенными в установленном законом порядке к субъектам малого и среднего предпринимательства.

В отношении лиц, которые не могут быть отнесены к субъектам малого и среднего предпринимательства, следует установить допустимость следующих соглашений:

- горизонтальных соглашений между конкурентами (как фактическими, так и потенциальными), если они в совокупности контролируют не более 10% товарного рынка;

- горизонтальных соглашений между неконкурирующими субъектами, если они в совокупности контролируют не более 15% товарного рынка.

Учитывая то, что сговор на торгах является самостоятельным незаконным горизонтальным соглашением, отличным от классического картеля [7], необходимо сохранить запрет согласованных действий на торгах, поскольку они имеют большой негативный социально-экономический эффект и посягают на публичные интересы. Поэтому в ст. 12 Закона о защите конкуренции следует указать на исключение, согласно которому допустимость горизонтальных соглашений не распространяется на действия, предусмотренные подп. 2 п. 1 ст. 11 данного Закона (повышение, снижение или поддержание цен на торгах).

Выводы

В результате проведенного исследования следует признать необходимость устранения неопределенности в формулировках Закона о защите конкуренции для обеспечения предсказуемости правового регулирования отношений в сфере обеспечения конкуренции в целях стимулирования участия бизнеса в крупномасштабных соглашениях о сотрудничестве.

Так, в настоящее время наблюдается усиление экономического (взвешенного) подхода. Согласно Уведомлению De minimis Еврокомиссии допустимы соглашения между предприятиями малого и среднего бизнеса. Представляется, что включение аналогичных правил в российский Закон о защите конкуренции устранил риски возбуждения административных дел по «надуманным» картелям, не порождающих рисков для конкуренции. Необходимо включить правило De minimis в ст. 13 «Допустимость действий (бездействия), соглашений, согласованных действий, сделок, иных действий» Закона о защите конкуренции. Признать допустимость соглашений между субъектами малого и среднего предпринимательства, а также соглашения между конкурентами с пороговым значением контроля не более 10% товарного рынка.

Учитывая, что сговор на торгах отличен от классического картеля, необходимо сохранить запрет согласованных действий на торгах, поскольку они связаны с негативным социально-экономическим эффектом и посягают на публичные интересы.

Таким образом, расширение сферы легального горизонтального сотрудничества между хозяйствующими субъектами указывает на то, что формальный подход все более дополняется «экономическим». Концептуально законодательство о защите конкуренции становится более социально ориентированным, учитывающим положительный эффект, связанный с ростом благополучия потребителей.

Библиографический список

1. *Авдашева С.Б., Макаров А.В.* Оценка эффектов при запрете антиконкурентных соглашений: решения арбитражных судов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 3. С. 51–71.
2. *Башлаков-Николаев И.В.* Подходы к антикартельным запретам: что уже изменила и каких изменений требует в будущем пандемия COVID-19? // Конкурентное право. 2020. № 4. С. 16–20.
3. *Егорова М.А.* Проблемы в правоприменении запретов *per se* на современном этапе // Право и экономика. 2017. № 6. С. 5–14.
4. *Егорова М.А.* Правовые режимы антиконкурентных действий: Монография. М.: Юстицинформ, 2021. 244 с.
5. Конкурентное право: Учебник / Под общ. ред. М.А. Егоровой, А.Ю. Кинева. М.: Юстицинформ, 2018. 632 с.
6. *Макаров А.В.* Переход к правилу взвешенного подхода (ROR): преимущества и риски // Вестник Московского университета. Серия 6, Экономика. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-pravilu-vzveshennogo-podhoda-ror-preimuschestva-i-riski>.
7. *Максимов С.В., Башлаков-Николаев И.В., Васин Ю.Г.* О пользе теоретического моделирования антикартельной политики (уроки чрезвычайного экономического положения, вызванного пандемией COVID-19) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 9. С. 64–78.
8. *Мосунова Н.Н.* Картели в России: *per se* или эффект? // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 2. С. 95–109.
9. *Пузыревский С.А.* Развитие антимонопольного законодательства: третий антимонопольный пакет. 2012 (Доступ из СПС «Консультант-Плюс»).
10. *Тенишев А.П., Хамуков М.А.* Новый «антикартельный пакет»: защита общественных интересов или мифы о давлении на бизнес? // Закон. 2020. № 2. С. 65–73.
11. *Whish R., Bailey D.* Competition Law. 7th ed. Oxford, 2012. 355 p.

References

1. *Avdasheva S. B., Makarov A. V.* Otsenka effektivov pri zaprete anti-konkurentnykh soglasheniy: resheniya arbitrazhnykh sudov [Assessment of the effects of banning anti-competitive agreements: decisions of arbitration courts]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. [Issues of state and municipal management]. 2017. Issue 3. P. 51–71.

2. *Bashlakov-Nikolaev I.V.* Podkhody k antikartel'ny'm zapretam: chto uzhe izmenila i kakikh izmeneniy trebuyet v budushchem pandemiya COVID-19? [Approaches to anti-cartel bans: what has already changed and what changes does the COVID-19 pandemic require in the future?]. *Konkurentnoye pravo – Competition law*] 2020. Issue 4. P. 16–20.

3. *Egorova M.A.* Problemy v pravoprimenenii zapretov per se na sovremennoy etape [Problems in the enforcement of prohibitions per se at the present stage]. *Pravo i ekonomika – Law and Economics*. 2017. Issue 6. P. 5–14.

4. *Egorova M.A.* Pravovyye rezhimy antikontekurentnykh deystviy: monografiya. [Legal regimes of anti-competitive actions: monograph]. Moscow, 2021. 244 p.

5. *Konkurentnoye pravo: uchebnik* [Competition law: textbook] / pod obshch. red. M.A. Yegorovoy, A.YU. Kineva. [under general. ed. M.A. Egorova, A.Yu. Kineva]. Moscow, 2018. 632 p.

6. *Makarov A. V.* Perehod k pravilu vzveshennogo podkhoda (ROR): preimushchestva i riski [Transition to the rule of weighted approach (ROR): advantages and risks]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika – Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics*. 2018. Issue 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-pravilu-vzveshennogo-podkhoda-ror-preimushchestva-i-riski>.

7. *Maksimov S.V., Bashlakov-Nikolaev I.V., Vasin Yu.G.* O pol'ze teoreticheskogo modelirovaniya antikartel'noy politiki (uroki chrezvychaynogo ekonomicheskogo polozheniya, vyzvannogo pandemiyei COVID-19) [On the benefits of theoretical modeling of anti-cartel policy (lessons from the economic emergency caused by the COVID-19 pandemic)]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2020. Issue 9. P. 64–78.

8. *Mosunova N.N.* Karteli v Rossii: per se ili effekt? [Cartels in Russia: per se or effect?]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii – Bulletin of economic justice of the Russian Federation*. 2017. Issue 2. P. 95–109.

9. *Puzyrevsky S.A.* Razvitiye antimonopol'nogo zakonodatel'stva: tretiy antimonopol'nyy paket [Development of antimonopoly legislation: the third antimonopoly package]. ConsultantPlus. Moscow, 2012.

10. *Tenishev A.P., Khamukov M.A.* Novyy «antikartel'nyy paket»: zashchita obshchestvennykh interesov ili mify o davlenii na biznes? [New «anti-cartel package»: protection of public interests or myths about pressure on business?]. *Zakon* — Law. 2020. Issue 2. P. 65–73.

11. *Whish R., Bailey D.* Competition Law. 7th ed. Oxford, 2012. 355 p.

Информация об авторе:

Е.Е. Богданова

Доктор юридических наук,
профессор кафедры жилищного и семейного права
Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
123995, Россия, Москва, Садовая Кудринская, 9
Researcher ID: I-7586-2018
ORCHID 0000-0001-6181-9018

Information about the author:

E.E. Bogdanova

Kutafin Moscow State Law University (MSLA)
9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 123995, Russia
Researcher ID: I-7586-2018
ORCHID 0000-0001-6181-9018

УДК 347.1:001

DOI: <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2024-6-6-281-303>

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЗНАНИЯ
ПРИНЦИПОВ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ДИССЕРТАЦИОННЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ)**

В.Г. Голубцов

Пермский государственный национальный
исследовательский университет
E-mail: predprim.pravo@gmail.com

Д.Х. Валеев

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
E-mail: valeev55@gmail.com

Введение: статья содержит анализ диссертационных исследований, посвященных принципам гражданского и арбитражного процессов с целью обнаружения методологических проблем научного познания принципов цивилистического процесса и их системы. При любом диссертационном исследовании важно правильно выбрать и обосновать его методологическую логику, последовательность научной работы, очертить понятийные границы предмета исследования. Особенно это важно для изучения принципов права, поскольку они определяют основные правовые идеи каждой отрасли права, непосредственно влияя на все иные отраслевые правовые явления. **Цель:** выявить основные методологические проблемы исследования принципов цивилистического процесса на основе материалов диссертаций, показать возможные пути их решения. **Методы:** использовались общенаучные методы познания (анализ, синтез, обобщение, сравнение, сопоставление и др.) и специально-юридический метод анализа научного юридического материала, а также применялся метод юридической догматики. **Результаты:** основные методологические проблемы исследования принципов цивилистического процесса заключаются в отсутствии четкого понятия таких принципов, в неотграничении принципов цивилистического процесса от иных правовых явлений, в неучете многоаспектности заложенных законодателем в цивилистический процесс правовых идей. Обнаружена отдельная методологическая проблема исследования принципов

цивилистического процесса — авторская субъективность в формировании их системы и ее структуры. Показана необходимость научного конструирования структуры системы принципов цивилистического процесса (конституционные, отраслевые, межотраслевые, институциональные и др.). Цифровизация судопроизводства оказывает непосредственное влияние на принципы цивилистического процесса, система которых должна быть трансформирована с учетом этого обстоятельства, в том числе на диссертационном уровне исследований.

Ключевые слова: цивилистическая методология, принципы гражданского процесса, принципы арбитражного процесса, принципы цивилистического процесса, диссертационные исследования в праве.

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF THE COGNITION OF CIVIL PROCEDURE PRINCIPLES (BASED ON THE MATERIALS OF DISSERTATION RESEARCH)

V. G. Golubtsov

Perm State University

E-mail: predprim.pravo@gmail.com

D.Kh. Valeev

Kazan (Volga area) Federal University,

Perm State University

E-mail: valeev55@gmail.com

Introduction: the article is devoted to the analysis of dissertational research covering the principles of civil and arbitration proceeding for identifying methodological problems of scientific cognition of the civil procedure principles and their system. For any dissertational research, it is important to correctly select and justify its methodological logic, the sequence of scientific study, and outline the conceptual scope of the subject of research. This is especially important for studying the principles of law since they define the basic legal ideas of each branch of law and directly affect all other branch legal phenomena. **Purpose:** to identify the main methodological problems of the civil procedure study based on the materials of dissertations, to show possible ways to solve them. **Methods:** general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, generalization, comparison, contrasting, etc.) and a special legal method of analyzing scientific legal material were used, as well as the method of legal dogmatics. **Results:** the main methodological problems of studying the civil procedure principles are the absence of a clear concept of such principles, non-distinguishing of the civil

procedure principles from other legal phenomena, non-taking into account of the multidimensional nature of the legal ideas laid down by the legislator in the civil procedure. A separate methodological problem of the civil procedure principles study is revealed — the author's subjectivity in the formation of the principles system and this system structure. The necessity of the scientific constructing of the structure of the system of civil procedure principles (constitutional, branch, inter-branch, institutional, etc.) is shown. The digitalization of judicial proceedings has a direct impact on the principles of the civil procedure; the system of the principles must be transformed in accordance with this circumstance, including at the dissertational research level.

Keywords: *civil methodology, principles of civil procedure, principles of arbitration procedure, dissertational research in law.*

Введение

Принципы права в целом и отраслевые правовые принципы никогда не остаются на периферии юридических научных исследований. Будучи основными идеями правового регулирования, определяющими смысл и содержание всех остальных правовых норм, они всегда находятся в постоянном фокусе внимания ученых. При этом, являясь элементами идеологии законодателя, они имеют наиболее абстрактное содержание и максимально консервативную природу: от их стабильности зависит определенность всего правового регулирования, поэтому законодатель должен быть очень последователен и аккуратен в их трансформации. Кроме того, для принятия любых нормотворческих решений относительно преобразования, изменения, дополнения системы отраслевых принципов права должна быть создана прочная научная основа, учитывающая и традиционные, и новационные представления об основных началах отраслевого регулирования. Сегодня важно и ответить на вопрос, насколько изменение общественных отношений, технологический детерминизм, технический прогресс, информатизация и цифровизация судопроизводства могут преобразовать систему принципов цивилистического процесса.

Несмотря на обилие научных статей и комментариев законодательства о принципах цивилистического процесса, наибольший вклад в изучение и познание любого явления призваны делать авторы диссертаций. Именно диссертационные произведения характеризуются не только комплексностью и системностью, но и научной новизной и специальной направленностью на решение стоящих перед юридической наукой задач.

Основной контент

Еще в 2009 г. А.Ф. Воронов заметил, что «одну из задач науки гражданского процесса следует определить как четкое формулирование названия и содержания принципов гражданского процессуального права для их нормативного закрепления» [10, с. 16]. Однако до формулирования названий и содержательного наполнения принципов гражданского процесса важно определиться с доктринальным пониманием того, «что есть принцип гражданского процесса». В большинстве диссертаций, посвященных рассматриваемым принципам, авторы исходят из того, что правовые принципы — это понятие общеизвестное и всем понятное, хотя это далеко не так.

Определение понятия принципа цивилистического процесса в диссертациях, им посвященных, является обязательным требованием определения предмета исследований. Это представляется особенно важным, с учетом того, что, к примеру, в Гражданском процессуальном кодексе РФ законодатель непосредственно не называет те или иные положения «основными началами судопроизводства» («принципами гражданского процесса» или «принципами судопроизводства») в отличие, например, от материально-правовых кодексов. Так, в ГПК РФ упоминаются: в ч. 4 ст. 1 — термин «принципы осуществления правосудия», ч. 1 ст. 107 — принцип разумности, ч. 2 ст. 153.1 — принципы добровольности, сотрудничества, равноправия и конфиденциальности как основы судебного примирения; ч. 2 ст. 153.6 — принципы независимости, беспристрастности и добросовестности судебного примирителя; ч. 3 ст. 206 — принципы справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения как критерии определения денежной суммы, подлежащей взысканию с ответчика на случай неисполнения судебного акта; ст. 391.11 — принципы состязательности и равноправия сторон как основы справедливого судебного разбирательства; ст. 417.9 — принцип взаимности. Очевидно, что далеко не все из перечисленных принципов являются принципами гражданского процесса, некоторые носят исключительно институциональный характер, другие имеют материально-правовую основу. В связи с этим выяснение границ содержания понятия «принцип цивилистического процесса» представляется доктринально необходимым. Следует заметить, что в советской диссертационной практике вопрос о понятии принципов процессуального права являлся «работообразующим», ему уделялось самостоятельное внимание [7; 13; 36].

Однако из большинства современных защищенных диссертаций о принципах цивилистического процесса практически невозможно

установить понятие правового принципа. Многие диссертанты исходят из того, что «приставление» слова «принцип» к тому или иному правовому явлению априори делает это явление правовым принципом. К примеру, в работах, посвященных **принципам** диспозитивности, равноправия, гласности и проч., даются определения именно диспозитивности, равноправия и гласности, а не соответствующим принципам.

Так, в диссертации о принципе диспозитивности в гражданском процессе слово «принцип» не упоминается в названиях параграфов, которые посвящены развитию диспозитивности гражданского судопроизводства, понятию и сущности диспозитивности, содержанию диспозитивности, сфере действия диспозитивности, механизму действия диспозитивности и прочим вопросам диспозитивности, а сам принцип диспозитивности определяется как «как обусловленность судебной защиты охраняемого законом интереса волей материально заинтересованного лица, а при пороках его воли — волей других лиц, указанных в законе» [31, с. 7]. В другой работе о принципе диспозитивности в арбитражном процессе слово «принцип» хотя и упоминается в названиях почти всех параграфов, сам принцип диспозитивности определяется также как «свободный выбор субъективно материально заинтересованными лицами вариантов поведения в рамках закона и под контролем суда, а также возможность распоряжаться процессуальными правами, осуществление которых влияет на движение арбитражного процесса, если такие волеизъявления не противоречат закону и не нарушают права и законные интересы других лиц» [42, с. 8]. Аналогичное определение другой автор диссертации дает и принципу диспозитивности в гражданском процессе: «осуществляемое в рамках закона волеизъявление сторон по распоряжению своими материальными правами и процессуальными средствами их защиты, осуществляемое под контролем суда и направленное на возникновение, изменение и прекращение гражданских процессуальных правоотношений, если оно не противоречит закону и не нарушает права и законные интересы других лиц» [26, с. 24].

При таких подходах возникает вопрос о разграничении *принципа* диспозитивности и *самой* диспозитивности. Мы в целом не возражаем против подобных определений диспозитивности, но из них трудно понять, что диспозитивность — это именно принцип, основное начало цивилистического процесса, а не рядовая норма права.

Удачным в методологическом плане выглядит последовательное исследование явления как правового принципа и как иного феномена, ведь у любого правового явления может быть выделено несколько аспектов и сторон для исследования. К примеру, процессуальная экономия в гражданском процессе может рассматриваться как

«принцип гражданского процесса (правоприменительный аспект), цель которого — обеспечить снижение временных, трудовых и финансовых затрат субъектов гражданского процесса при рассмотрении и разрешении дела, и одно из приоритетных направлений гражданской процессуальной правовой политики (правотворческий аспект), цель которого — обеспечить эффективную судебную защиту нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов субъектов гражданских правоотношений посредством разработки научно обоснованных подходов к упрощению процессуального законодательства и ускорению судопроизводства и принятия для этого соответствующих нормативно-правовых актов» [14, с. 9–10]. Другой пример: диспозитивность рассматривается как «правовой принцип» и как «начало» гражданского процесса [25].

Однако, если название диссертации предполагает многоаспектное исследование правового явления, а автор исследует его только как принцип, на наш взгляд, это методологически неверно. Например, диссертации выполняются на тему объективности судебного разбирательства, а в самих работах речь идет лишь о принципе объективности [41; 44]. В некоторых работах трудно понять, в каком аспекте рассматривается явление. К примеру, беспристрастность сопоставляется с «независимостью, объективностью, принципами законности, состязательности и процессуального равноправия сторон», при этом сама беспристрастность не называется принципом права [1, с. 11].

Попытки дефинирования принципов гражданского процесса чаще всего базируются на общеправовых представлениях о принципах права как об основных, фундаментальных, руководящих нормах права. Так, в работе А.Ф. Воронова содержится глава под названием «Понятие, значение и нормативное закрепление принципов гражданского процесса», а принципы определяются как «нормы главные, исторически определенные, наиболее стабильные, определяющие в совокупности содержание других процессуальных норм, раскрывающих особенности содержания принципов, устанавливающих исключения из действия принципов, гарантирующих их исполнение и содействующих их соблюдению» [10, с. 12–18]. В диссертации о принципе гласности он определяется как «основополагающая идея, нормативно закрепленная и обеспечивающая своевременное предоставление достоверной и достаточной информации по делу любому лицу в зависимости от его процессуального статуса» [9, с. 7]. В диссертации о принципе состязательности автор пишет, что этот принцип «представляет собой нормативно-руководящее положение, в силу которого лица, участвующие в деле, и, прежде всего, стороны, имеют право и обязанность при содействии суда представлять доказательства и участвовать в их

исследовании, а также в особом строе процесса — его состязательной форме, в максимальной степени способствующей установлению действительных обстоятельств дела, всесторонней проверке доводов и соображений участников процесса» [35, с. 11]. Указанные определения процессуальных принципов, безусловно, созвучны теории права, но на их основе довольно трудно их квалифицировать, систематизировать и структурировать.

Проблему определения понятия принципов цивилистического процесса продолжает и вопрос соотношения принципов цивилистического процесса и принципов процессуального права. Из одних диссертаций мы видим их четкое разграничение. Так, принципы процесса определяют «деятельность суда и других участников в процессе осуществления правосудия» (формальность, субъектная определенность, срочность, ответственность, судебное руководство), а принципы процессуального права «определяют формирование, развитие и функционирование норм и институтов процессуального права» (процессуального равноправия, диспозитивности, состязательности, юридической истины) [17, с. 9]. В других диссертациях принцип диспозитивности гражданского процессуального права «есть деятельность сторон и третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, от которой зависит возникновение, развитие и прекращение процессуальных правоотношений» [40, с. 6]. Возникает вопрос: диспозитивность как деятельность — это принцип цивилистического процессуального права или процесса? В работе, посвященной принципу свободной оценки доказательств, рассматриваемый принцип назван и принципом судопроизводства, и принципом гражданского процесса, и принципом гражданского процессуального права, и никакого различия между этими ипостасями принципа не производится [28, с. 14–15].

Подчеркнем, что уяснение понятия «принцип цивилистического процесса» является первичной задачей в диссертациях о них, поскольку методология научного исследования всегда диктуется базовой категорией, непосредственным предметом исследования. «Авторские» определения отраслевых принципов права или их отсутствие влекут «авторские» названия и классификации принципов, критерии соотношения принципов и, в конце концов, авторские системы таких принципов. В результате образуется множество хотя и доктринальных, но все-таки очень субъективных представлений о фундаментальных (!) началах процессуально-правового регулирования.

Так, из диссертаций мы можем узнать, что принципами гражданского процесса в разных авторских соотношениях являются принципы гласности, публичности, транспарентности, открытости. В одной дис-

сертации «гласность рассматривается как составляющая публичности, транспарентность — как наиболее широкое понятие, включающее в себя и публичность, и гласность», а принцип публичности — это демократическое конституционное положение, нормативно закрепленное в гражданском процессуальном законодательстве, которое детерминирует выполнение задач гражданского судопроизводства, обеспечивает доступность правосудия и адекватное восприятие обществом судебных актов и в целом деятельности судов» [38].

В другой диссертации транспарентность «отражается в системе правовых принципов (гласность судопроизводства, государственный язык судопроизводства, сочетание устного и письменного начал судопроизводства)» [33, с. 10].

В третьей работе принцип гласности обеспечивает своевременное предоставление достоверной и достаточной информации по делу и предполагает «1) право быть извещенным/информированным; 2) право на ознакомление; 3) право присутствовать на судебном заседании; 4) право на публичное объявление судебных актов, а также 5) обязанность суда обеспечивать предоставление и получение процессуальной информации, создавать условия для ее доступности при рассмотрении и разрешении гражданского дела любому интересующемуся лицу» [9, с. 7].

Еще в одной диссертационной работе «предлагается использовать два термина: гласность — применительно к судебному разбирательству и открытость — в отношении деятельности суда как государственного органа». Понятие «транспарентность» выработано западной наукой и в силу иноязычного происхождения и непривычного звучания нежелательно в плане юридической техники.

Что касается термина «публичность», то в современном языковом употреблении он является многозначным «публичность» толкуется как осуществление чего-либо открыто, в присутствии публики. Именно в этом значении данное понятие использовано в российском законодательстве применительно к оглашению судебного решения» [3, с. 10]. Доказывается также, что «транспарентность является самостоятельным свойством цивилистической процессуальной формы, которое организует и оформляет цивилистическое судопроизводство в направлении обеспечения его информационной открытости, общедоступности и гласности, что обусловлено наличием публично-правовых начал современного цивилистического процесса» и «предполагает обязательное информирование сторон и публики о движении конкретного дела по стадиям» [21, с. 9].

Несмотря на то что указанные диссертации успешно защищены и согласно нормативным критериям к кандидатским диссертациям

решили задачи, стоящие перед наукой гражданского процесса, при их сопоставлении трудно однозначно ответить на вопрос, все ли эти категории являются принципами цивилистического процесса и как они все-таки соотносятся между собой.

Такой же вопрос возникает при анализе диссертаций о гражданско-процессуальном принципе концентрации: в одних случаях он отграничивается от принципа процессуальной экономии, в других — категорически утверждается о том, что «доктринальные принципы концентрации процесса и концентрации доказательств, в сущности, совпадают с принципом процессуальной экономии» [14, с. 12].

Диалектика научного поиска, методологические требования к диссертационным исследованиям принципов цивилистического процесса предполагают уяснение системы таких принципов и определение места каждого исследуемого принципа в ней. К сожалению, увидеть стройную систему принципов гражданского /арбитражного процесса в диссертационных работах очень сложно. Напротив, зачастую мы видим чрезвычайно пеструю картину множества авторских систем.

К принципам цивилистического процесса относят: принципы состязательности, диспозитивности, равноправия, объективной истины, непосредственности, устности и непрерывности судебного разбирательства [10]; принципы законности, диспозитивности, состязательности, независимости судей и подчинения их только закону [37, с. 7]; принципы концентрации, устности, непосредственности, состязательности, диспозитивности, процессуальной экономии [22, с. 15]; принципы концентрации, разумности, состязательности, диспозитивности, процессуальной экономии [5, с. 11]; принципы свободной оценки доказательств, независимости судей, гласности и непосредственности судебного заседания, законности [28, с. 15]; принципы состязательности, процессуального равноправия сторон, диспозитивности, законности [35, с. 13—14]; принцип доступности правосудия [32]; принципы законности, состязательности, равенства и судебной истины [30]; принципы разумности, справедливости и верховенства права [15] и др.

Из некоторых работ, несмотря на наличие соответствующих по названию параграфов, вообще невозможно установить, в рамках системы каких именно принципов гражданского процессуального права проводится предметное исследование [39, с. 13—15].

Самостоятельная методологическая проблема исследования принципов цивилистического процесса — это выяснение структуры системы отраслевых принципов, их субординированности и подчиненности. Многие принципы права, сопровождающие гражданское судопроизводство, закреплены в конституциях государств. Являются ли эти

принципы и отраслевыми или они лишь «проявляются» в отдельных отраслях права?

К примеру, в работе о принципах процессуального права Народной Демократической Республики Йемен принципы гражданского процессуального права строго поделены на принципы, закрепленные в Конституции (принцип демократической законности, принцип осуществления правосудия только судами, принцип независимости судей и подчинения их только Конституции и закону, принцип осуществления правосудия именем и с участием народа, принцип выборности и подотчетности судей и народных заседателей и возможности их досрочного отзыва, принцип гласности судебного разбирательства, принцип обеспечения судебной защиты гражданских прав, принцип официального языка судопроизводства, принцип равенства граждан перед законом и судом) и закрепленные в процессуальном законодательстве (принцип объективной истины, принцип коллегиальности судебного разбирательства, принцип процессуального равноправия сторон, принцип диспозитивности, принцип непосредственности, принцип устности, принцип правдивости и добросовестности ведения дела) [2].

В российской науке в систему «конституционных принципов правосудия» включают «судебную защиту прав человека; равенство граждан перед судом и законом; осуществление правосудия только судом; осуществление правосудия в точном соответствии с законом; самостоятельность судов и независимость судей, народных, присяжных и арбитражных заседателей; неприкосновенность судей; несменяемость судей; участие граждан в осуществлении правосудия; состязательность и равноправие сторон; национальный язык судопроизводства; открытое разбирательство дел во всех судах; единство судебной системы и ее установление Конституцией и Федеральным конституционным законом; гласность судопроизводства» [11].

Принципы осуществления правосудия, закрепленные на конституционном уровне, изучаются диссертантами не только в рамках процессуальных правовых наук, но и в рамках науки конституционного права [6; 4; 19]. При этом отделить конституционное содержание этих принципов от их отраслевого содержания не представляется возможным. В связи с этим возникает вопрос, являются ли указанные принципы гражданско-процессуальными и, если да, то в какой мере? Есть ли в цивилистическом процессе собственные принципы, или все они лишь проявление конституционных принципов?

В структуре системы принципов цивилистического процесса должны быть выделены и названы институциональные принципы, однако авторы диссертаций очень редко заостряют на этом внимание. К примеру, в одной работе в системе принципов гражданского процесса

обнаружены следующие принципы судебного доказывания: принцип обязательности доказывания, принцип представления доказательств в установленный срок, принцип своевременного раскрытия доказательств, принцип всестороннего, полного, объективного и непосредственного исследования доказательств, принцип установления значимости доказательств [29]. Вероятно, это принципы института доказывания. Другая диссертационная работа посвящена принципу свободной оценки доказательств в гражданском процессе [28]. В других диссертациях описываются и принципы концентрации доказательств [5]. Эти принципы также выглядят как принципы института доказывания, однако в работе, полностью посвященной принципам судебного доказывания, они к таким принципам не отнесены. К принципам судебного разбирательства отнесены принципы публичности и гласности, своевременности, устности и непосредственности, справедливости, беспристрастности, уважения к закону и суду [12]. Это отраслевые принципы цивилистического процесса или это принципы только института судебного разбирательства?

Заметим наличие диссертаций, специально посвященных институциональным принципам цивилистического процесса [23; 43].

Новые цифровые реалии существенным образом преобразили цивилистический процесс и науку о нем. В 2009 г. в диссертационном исследовании лишь предполагалось, что «возможное в будущем глобальное расширение видеозаписи значимых юридических фактов может облегчить получение сведений об обстоятельствах дела из первоисточников информации, а также привести к расширению исключений из принципа устности судебного разбирательства при воспроизведении записей указанных фактов в судебном заседании. Развитие технологий в области связи может привести к появлению новых исключений из принципа непосредственности судебного разбирательства, вплоть до проведения судебного разбирательства в виде теле-, интернет- и подобного рода и конференций без обязательной физической явки участников разбирательства в суд» [10, с. 10–11]. Однако сегодня, спустя 15 лет, эти предположения уже стали реальностью цифрового, электронного судопроизводства.

Это обстоятельство влечет необходимость существенного преобразования принципов цивилистического процесса. Однако исследователи любых правовых явлений в новом цифровом ключе не должны утрачивать методологическую связь и с традиционными представлениями об этих явлениях и одновременно создавать новые методологические подходы. Если цифровизация меняет понятие, содержание или систему принципов цивилистического процесса, это должно находить отражение в диссертациях.

Так, автор диссертации о реализации принципа состязательности в гражданском процессе в условиях развития информационных технологий пишет, что «принцип состязательности гражданского судопроизводства *при неизменности его идеи* (выделено нами. — В.Г., Д.В.) адаптируется к внедрению информационно-коммуникативных технологий», при этом обновленное понятие указанного принципа не приводится, но само исследование проводится при помощи нового категориального аппарата (состязательная коммуникация, цифровая среда доверия, цифровая грамотность, риски коммуникации, когнитивные способности к восприятию информации через информационно-коммуникативные технологии) [34, с. 10–11]. Все это заставляет сильно сомневаться в *неизменности* существующих представлений о состязательности, которые были сформулированы в иной категориальной парадигме.

Следует заметить и формирование принципиально новой системы принципов цивилистического процесса в условиях информатизации и цифровизации общественных отношений. Например, сформулирована самостоятельная система принципов электронного правосудия: принцип дистанционности, принцип информационной открытости правосудия, принцип доступности информации о деятельности органов судебной власти [8, с. 25]. Здесь представляется важным научное сопряжение новых принципов цивилистического процесса с существующей системой принципов неэлектронного правосудия. Такие диссертации уже появились [16; 20; 27].

Должно вызывать научный интерес диссертантов и проецирование традиционных принципов цивилистического процесса на новые цифровые процессуальные отношения. Так, в диссертации, посвященной реализации принципов гражданского процессуального права при использовании систем видео-конференц-связи, отмечается, что «в группе общеправовых принципов наиболее эффективно реализуются посредством применения систем ВКС принципы социальной справедливости, законности, равенства перед законом и судом, демократизма; в группе межотраслевых принципов принципы доступности правосудия, равноправия и состязательности сторон, процессуальной экономии, гласности и открытости судебного разбирательства, разумности, непосредственности, транспарентности и информатизации судопроизводства; в группе отраслевых принципов — принципы диспозитивности, сочетания устности и письменности» [24, с. 11].

В работе об инновационных средствах фиксации информации в арбитражном судопроизводстве обосновывается, что «инновационные средства фиксации информации являются объективным фактором трансформации системы принципов арбитражного процессуального

права. Некоторые такие руководящие начала теряют свою актуальность, поэтому исчезают из указанной системы, например принцип непрерывности; другие — в частности непосредственность судебного разбирательства — приобретают иной смысловой оттенок (появляется дистанционная или телеуправляемая непосредственность). Кроме того, следует выделять совершенно новые принципы, такие как доверие к информационно-коммуникационным технологиям и транспарентность их использования, общая доступность онлайн-ового разрешения споров и др.» [18, с. 11].

Представляется, что подобные методологические подходы к исследованию трансформации принципов цивилистического процесса являются правильными. Требуется научное разяснение того, какие принципы цивилистического процесса в условиях цифровизации утрачивают свой «принципиальный» статус и исчезают, какие трансформируются и меняют свое содержание, а какие идеи формируются в качестве новых правовых принципов.

Заключение

Любой научный продукт должен производиться в строгих методологических рамках. Особенно это требование значимо для диссертационных исследований и результатов. Научная методология предполагает развертывание научного исследования с формулировки понятия и четких границ его предмета. У автора и читателей диссертаций должно быть представление о том, о каком конкретно правовом явлении идет речь и в рамках какой понятийной системы оно рассматривается. Особенно это важно при исследовании принципов права, которые являются наиболее абстрактными правовыми идеями с трудно очерченными законодателями нормативными рамками.

Анализ десятков диссертаций, посвященных принципам цивилистического процесса, показал, что в них нередко отсутствуют авторские границы понятия таких принципов, что затрудняет их квалификацию и дальнейшее научное познание; не учитывается, что правовые, в том числе принципиальные, идеи могут иметь несколько аспектов (сторон) и не все они должны быть охарактеризованы как «принцип права»; дефинируется понятие принципа цивилистического процесса исключительно через общетеоретические характеристики принципов права как главных, основных, руководящих идей, что не всегда позволяет отграничить «принципиальные» процессуальные правовые идеи от иных, «непринципиальных»; не учитывается специфика цивилистических принципов судопроизводства, гражданского процесса и гражданского процессуального права.

Самостоятельной методологической проблемой исследования принципов цивилистического процесса является формирование их системы и структуры такой системы. В диссертационных работах представлено множество авторских взглядов на систему цивилистических принципов, причем без необходимых попыток их научного сравнения и сопоставления. Если одному и тому же принципу посвящено несколько диссертаций, то в каждой из них принципу «назначается» авторское место в системе процессуальных принципов, что приводит к определенной исследовательской запутанности и сомнениям в логичности такой системы в целом.

Структура системы принципов цивилистического процесса предполагает ответ на вопрос о ее иерархических уровнях. В диссертациях о принципах цивилистического процесса невозможно проследить структуру «конституционные — межотраслевые — отраслевые — институциональные — субинституциональные принципы». Конституционные принципы осуществления правосудия исследуются диссертантами и в рамках конституционных, и в рамках процессуальных наук, причем нередко с абсолютно совпадающим содержанием, что оставляет открытым вопрос об их отраслевой или внеотраслевой природе. В цивилистической процессуальной науке не построены институциональные принципы права, при их фрагментарном исследовании они все называются принципами процесса в целом.

Наука цивилистического процесса сегодня получила новый методологический вызов, обусловленный цифровизацией и общественных отношений в целом, и судопроизводства в частности. В новых условиях жизни традиционные принципы цивилистического процесса требуют научного пересмотра и ответов на следующие вопросы: какие принципы теряют свою актуальность и должны быть исключены, какие — нуждаются в преобразовании, а какие — должны быть включены в качестве новых элементов системы принципов цивилистического процесса.

Библиографический список

1. *Абакумова М.Г.* Обеспечение беспристрастности судей в гражданском судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 29 с.
2. *Али Салех Аль-Куайти.* Принципы гражданского процессуального права Народной Демократической Республики Йемен: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. 170 с.
3. *Аносова Л.С.* Конституционный принцип гласности судопроизводства: правовое регулирование и практика реализации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 26 с.

4. *Бабинков А.М.* Конституционный принцип состязательности и равноправия сторон при осуществлении правосудия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 24 с.

5. *Бегдан О.Л.* Концентрация доказательств в гражданском судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 28 с.

6. *Бондарь А.Н.* Конституционный принцип состязательности и равноправия сторон: особенности его реализации в гражданском судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. 26 с.

7. *Букина В.С.* Принципы советского гражданского процессуального права: теоретические вопросы понятия и системы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1975. 15 с.

8. *Василькова С.В.* Электронное правосудие в гражданском процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 25 с.

9. *Вдовина Е.И.* Принцип гласности в гражданском процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 27 с.

10. *Воронов А.Ф.* Эволюция функциональных принципов гражданского процесса: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 46 с.

11. *Гумба М.Р.* Система конституционных принципов правосудия и формы их реализации в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 19 с.

12. *Зиатдинов А.В.* Принципы судебного разбирательства в арбитражном процессуальном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 25 с.

13. *Кайгородов В.Д.* Принцип независимости судей и подчинения их только закону в советском гражданском процессуальном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. 21 с.

14. *Каратаев И.А.* Процессуальная экономия в гражданском процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 25 с.

15. *Комарова Т.А.* Разумность, справедливость и верховенство права как основные начала гражданского судопроизводства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 22 с.

16. *Кондюрина Ю.А.* Принципы гражданского процесса в системе электронного правосудия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020. 25 с.

17. *Костина С.Е.* Развитие принципов диспозитивности и состязательности в арбитражном процессуальном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 24 с.

18. *Кружалова А.В.* Инновационные средства фиксации информации в арбитражном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. 24 с.

19. *Курохтин Ю.А.* Конституционно-правовое регулирование и реализация принципа состязательности судопроизводства в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 28 с.

20. *Луконина Ю.А.* Цифровая цивилистическая процессуальная форма: теоретико-прикладные аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 239 с.

21. *Магомедова К.К.* Проблема транспарентности в цивилистической процессуальной науке и практике: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2019. 28 с.

22. *Малюкина А.В.* Принцип концентрации гражданского процесса: основные теоретические положения и их реализация: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 27 с.

23. *Малюшин К.А.* Принципы гражданского исполнительного права: теоретические проблемы понятия и системы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 27 с.

24. *Миронова Ю.В.* Реализация принципов гражданского процессуального права при использовании систем видео-конференц-связи: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. 27 с.

25. *Плешанов А.Г.* Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 30 с.

26. *Полянская Н.Ю.* Реализация принципа диспозитивности в механизме гражданского процессуального регулирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 24 с.

27. *Русакова Е.П.* Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского союза, США, ЮАР и некоторых других стран: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 45 с.

28. *Рыжков К.Б.* Принцип свободной оценки доказательств и его реализация в гражданском процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 28 с.

29. *Салманидина А.С.* Принципы судебного доказывания в гражданском процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. 26 с.

30. *Самсонов В.В.* Состязательность в гражданском процессуальном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 27 с.

31. *Сапожников С.А.* Принцип диспозитивности в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 200 с.

32. *Сидоренко В.М.* Принцип доступности правосудия и проблемы его реализации в гражданском и арбитражном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 24 с.

33. *Спицин И.Н.* Проблемы транспарентности в гражданском и арбитражном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011. 34 с.

34. *Томак А.И.* Реализация принципа состязательности в гражданском процессе в условиях развития информационных технологий: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 29 с.

35. *Томина А.П.* Принцип состязательности на стадиях проверки судебных постановлений в гражданском процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 26 с.

36. *Треушников М.К.* Допустимость доказательств в советском гражданском процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973. 21 с.

37. *Федина А.С.* Реализация принципа законности в гражданском процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2002. 27 с.

38. *Фоменко Е.Г.* Принцип публичности гражданского процесса: истоки и современность: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. 206 с.

39. *Чапанов Т.И.* Организационно-правовое обеспечение реализации принципа справедливости в гражданском и арбитражном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 25 с.

40. *Шананин А.А.* Принцип диспозитивности гражданского процессуального права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 20 с.

41. *Ширяева К.А.* Объективность судебного разбирательства в гражданском судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 25 с.

42. *Щербакова Л.Г.* Принцип диспозитивности и его реализация в арбитражном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 22 с.

43. *Юрова М.В.* Международное гражданское процессуальное право: проблемы реализации норм в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 23 с.

44. *Якимова Т.Ю.* Объективность суда в стадии судебного разбирательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 30 с.

References

1. *Abakumova M.G.* Obespechenie bespristrastnosti sudej v grazhdanskom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Ensuring the Impartiality of Judges in Civil Proceedings: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2011. 29 p. (In Russ.)

2. *Ali Salekh Al'-Kuajti.* Principy grazhdanskogo processual'nogo prava Narodnoj Demokraticheskoy Respubliki Jemen: dis. ... kand. yurid. nauk [Principles of Civil Procedure Law of the People's Democratic Republic of Yemen: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1989. 170 p. (In Russ.)

3. *Anosova L.S.* Konstitucionnyj princip glasnosti sudoproizvodstva: pravovoe regulirovanie i praktika realizacii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [The Constitutional Principle of Transparency of Legal Proceedings: Legal regulation and Practice of Implementation: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2012. 26 p. (In Russ.)

4. *Babinkov A.M.* Konstitucionnyj princip sostyazatel'nosti i ravnopraviya storon pri osushchestvlenii pravosudiya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [The Constitutional Principle of Competition and Equality of the Parties in the Administration of Justice: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2004. 24 p. (In Russ.)

5. *Begdan O.L.* Koncentraciya dokazatel'stv v grazhdanskom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Concentration of Evidence in Civil Proceedings: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2018. 28 p. (In Russ.)

6. *Bondar A.N.* Konstitucionnyj princip sostyazatel'nosti i ravnopraviya storon: osobennosti ego realizacii v grazhdanskom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [The Constitutional Principle of Competition and Equality of the Parties: Features of its Implementation in Civil Proceedings: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Rostov n/D, 2006. 26 p. (In Russ.)

7. *Bukina V.S.* Principy sovetskogo grazhdanskogo processual'nogo prava: teoreticheskie voprosy ponyatiya i sistemy: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Principles of Soviet Civil Procedure Law: Theoretical Issues of the Concept and System: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Leningrad, 1975. 15 s. (In Russ.)

8. *Vasilkova S.V.* Elektronnoe pravosudie v civilisticheskom processe: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Electronic Justice in the Civil Process: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2018. 25 p. (In Russ.)

9. *Vdovina E.I.* Princip glasnosti v grazhdanskom processe: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [The Principle of Transparency in Civil Procedure: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2011. 27 p. (In Russ.)

10. *Voronov A.F.* Evolyuciya funkcional'nyh principov grazhdanskogo processa: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk [Evolution of Functional Principles of Civil Procedure: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2009. 46 p. (In Russ.)

11. *Gumba M.R.* Sistema konstitucionnyh principov pravosudiya i formy ih realizacii v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [The System of Constitutional Principles of Justice and Forms of their Implementation in the Russian Federation: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2002. 19 p. (In Russ.)

12. *Ziatdinov A.V.* Principy sudebnogo razbiratel'stva v arbitrazhnom processual'nom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Principles of Judicial Proceedings in Arbitration Procedural Law: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2011. 25 p. (In Russ.)

13. *Kajgorodov V.D.* Princip nezavisimosti sudej i podchineniya ih tol'ko zakonu v sovetskom grazhdanskom processual'nom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [The Principle of Independence of Judges and Their Subordination Only to the Law in Soviet Civil Procedural law: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Sverdlovsk, 1975. 21 p. (In Russ.)

14. *Karataev I.A.* Processual'naya ekonomiya v grazhdanskom processe: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Procedural Economy in Civil Proceedings: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2023. 25 p. (In Russ.)

15. *Komarova T.A.* Razumnost', spravedlivost' i verhovenstvo prava kak osnovnye nachala grazhdanskogo sudoproizvodstva: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Reasonableness, Fairness and the Rule of Law as the Main Principles of Civil Proceedings: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2018. 22 p. (In Russ.)

16. *Kondyurina YU.A.* Principy civilisticheskogo processa v sisteme elektronnoho pravosudiya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Principles of the Civil Process in the E-justice System: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2020. 25 p. (In Russ.)

17. *Kostina S.E.* Razvitie principov dispozitivnosti i sostyazatel'nosti v arbitrazhnom processual'nom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Development of the Principles of Discretion and Adversarial Law in Arbitration Procedural Law: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2007. 24 p. (In Russ.)

18. *Kruzhalova A.V.* Innovacionnye sredstva fiksacii informacii v arbitrazhnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Innovative Means of Recording Information in Arbitration Proceedings: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2022. 24 p. (In Russ.)

19. *Kurohtin YU.A.* Konstitucionno-pravovoe regulirovanie i realizaciya principa sostyazatel'nosti sudoproizvodstva v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Constitutional and Legal Regulation and Implementation of the Principle of Adversarial Proceedings in the Russian Federation: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2007. 28 p. (In Russ.)

20. *Lukonina YU.A.* Cifrovaya civilisticheskaya processual'naya forma: teoretiko-prikladnye aspekty: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Digital Civil Procedural Form: Theoretical and Applied Aspects: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2023. 239 p. (In Russ.)

21. *Magomedova K.K.* Problema transparentnosti v civilisticheskoy processual'noj nauke i praktike: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [The Problem of Transparency in Civil Procedural Science and Practice: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2019. 28 p. (In Russ.)

22. *Malyukina A.V.* Princip koncentracii grazhdanskogo processa: osnovnye teoreticheskie polozheniya i ih realizaciya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [The Principle of Concentration of Civil Proceedings: Basic Theoretical Principles and Their Implementation: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2008. 27 p. (In Russ.)

23. *Malyushin K.A.* Principy grazhdanskogo ispolnitel'nogo prava: teoreticheskie problemy ponyatiya i sistemy: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Principles of Civil Enforcement Law: Theoretical Problems of the Concept

and System: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2010. 27 p. (In Russ.)

24. *Mironova YU.V.* Realizaciya principov grazhdanskogo processual'nogo prava pri ispol'zovanii sistem videokonferenc-svyazi: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Implementation of the Principles of Civil Procedural Law When Using Videoconferencing Systems: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2021. 27 p. (In Russ.)

25. *Pleshanov A.G.* Dispozitivnoe nachalo v sfere grazhdanskoj yurisdikcii: problemy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Dispositive Principle in the Sphere of Civil Jurisdiction: Problems of Theory and Practice: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2001. 30 p. (In Russ.)

26. *Polyanskaya N.YU.* Realizaciya principa dispozitivnosti v mekhanizme grazhdanskogo processual'nogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Implementation of the Principle of Discretion in the Mechanism of Civil Procedural Regulation: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2005. 24 p. (In Russ.)

27. *Rusakova E.P.* Vozdejstvie cifrovizacii na grazhdanskoe sudoproizvodstvo v Rossii i za rubezhom: opyt Kitaya, Indii, Singapura, Evropejskogo Soyuza, SSHA, YUAR i nekotoryh drugih stran: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [The Impact of Digitalization on Civil Proceedings in Russia and Abroad: the Experience of China, India, Singapore, the European Union, the USA, South Africa and Some Other Countries: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2022. 45 p. (In Russ.)

28. *Ryzhkov K.B.* Princip svobodnoj ocenki dokazatel'stv i ego realizaciya v grazhdanskom processe: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [The Principle of Free Assessment of Evidence and Its Implementation in Civil Proceedings: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. St. Petersburg, 2011. 28 p. (In Russ.)

29. *Salmanidina A.S.* Principy sudebnogo dokazyvaniya v grazhdanskom processe: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Principles of Judicial Evidence in Civil Proceedings: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2022. 26 p. (In Russ.)

30. *Samsonov V.V.* Sostyazatel'nost' v grazhdanskom processual'nom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Adversarialism in Civil Procedural Law: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 1999. 27 p. (In Russ.)

31. *Sapozhnikov S.A.* Princip dispozitivnosti v grazhdanskom processe: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [The Principle of Discretion in Civil Proceedings: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2006. 200 p. (In Russ.)

32. *Sidorenko V.M.* Princip dostupnosti pravosudiya i problemy ego realizacii v grazhdanskom i arbitrazhnom processe: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [The Principle of Accessibility of Justice and Problems of Its Implementation in Civil and Arbitration Proceedings: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2002. 24 p. (In Russ.)

33. *Spicin I.N.* Problemy transparentnosti v grazhdanskom i arbitrazhnom processe: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Problems of Transparency in Civil and Arbitration Proceedings: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2011. 34 p. (In Russ.)

34. *Tomak A.I.* Realizaciya principa sostyazatel'nosti v grazhdanskom processe v usloviyah razvitiya informacionnyh tekhnologij: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Implementation of the Principle of Competition in Civil Proceedings in the Context of the Development of Information Technology: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2022. 29 p. (In Russ.)

35. *Tomina A.P.* Princip sostyazatel'nosti na stadiyah proverki sudebnyh postanovlenij v grazhdanskom processe: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [The Principle of Adversarialism at the Stages of Verification of Court Decisions in Civil Proceedings: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2008. 26 p. (In Russ.)

36. *Treushnikov M.K.* Dopustimost' dokazatel'stv v sovetskom grazhdanskom processe: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Admissibility of Evidence in Soviet Civil Proceedings: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1973. 21 p. (In Russ.)

37. *Fedina A.S.* Realizaciya principa zakonnosti v grazhdanskom processe: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Implementation of the Principle of Legality in Civil Proceedings: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Tver, 2002. 27 p. (In Russ.)

38. *Fomenko E.G.* Princip publichnosti grazhdanskogo processa: istoki i sovremennost': avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [The Principle of Publicity of Civil Proceedings: Origins and Modernity: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Tomsk, 2006. 206 p. (In Russ.)

39. *Chapanov T.I.* Organizacionno-pravovoe obespechenie realizacii principa spravedlivosti v grazhdanskom i arbitrazhnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Organizational and Legal Support for the Implementation of the Principle of Fairness in Civil and Arbitration Proceedings: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2013. 25 p. (In Russ.)

40. *Shananin A.A.* Princip dispozitivnosti grazhdanskogo processual'nogo prava: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [The Principle of Dispositivity of Civil Procedural Law: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 1999. 20 p. (In Russ.)

41. *Shiryayeva K.A.* Ob"ektivnost' sudebnogo razbiratel'stva v grazhdanskom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Objectivity of Judicial Proceedings in Civil Proceedings: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2023. 25 p. (In Russ.)

42. *Shcherbakova L.G.* Princip dispozitivnosti i ego realizaciya v arbitrazhnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [The Principle of

Discretion and Its Implementation in Arbitration Proceedings: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2010. 22 p. (In Russ.)

43. *Yurova M.V.* Mezhdunarodnoe grazhdanskoe processual'noe pravo: problemy realizacii norm v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [International Civil Procedural Law: Problems of Implementation of Norms in the Russian Federation: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2006. 23 p. (In Russ.)

44. *Yakimova T.Yu.* Ob'ektivnost' suda v stadii sudebnogo razbiratel'stva: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Objectivity of the Court During the Trial Stage: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2004. 30 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

В.Г. Голубцов

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0003-3505-2348
ResearcherID: H-4690-2015

Д.Х. Валеев

Доктор юридических наук, профессор,
заместитель декана юридического факультета
Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18
профессор кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Information about the authors:

V.G. Golubtsov

Perm State University
15 Bukirev st., Perm, 614068, Russia
ORCID: 0000-0003-3505-2348
ResearcherID: H-4690-2015

D.Kh. Valeev

Kazan (Volga area) Federal University

18 ul. Kremlin, Kazan, 420008, Russia

Perm State University

15 Bukirev st., Perm, 614068, Russia

ORCID: 0000-0002-3233-2400

ResearcherID: K-7345-2016

О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПОРТСМЕНА

В.П. Васькевич

Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: vaskevich_vlad@mail.ru

А.Г. Демиева

Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: ainuraa@bk.ru

Введение: статья посвящена поиску оптимального подхода к исследованию правового регулирования профессиональной деятельности спортсмена. **Цель:** выявить проблемные моменты, возникающие у исследователей, связанные с правильным выбором методов научного познания, в частности, в сфере правового воздействия на деятельность профессионального спортсмена. **Методы:** теоретические методы формальной и диалектической логики; сравнительно-правовой метод, межотраслевой метод, эмпирические методы, описания, интерпретации. **Результаты:** проведенный анализ позволяет утверждать, что при построении и организации правового материала, содержащего комплексное (иноотраслевое и нетипичное) регулирование отношений в спорте, было бы правильно воспользоваться приемами международного частного права, опирающегося на различные коллизионные привязки. **Выводы:** методология исследования правовой регламентации профессиональной деятельности спортсмена исходит из того, что при правовом воздействии на указанную деятельность применяются практически те же способы и приемы, что и при регулировании иных отношений. Но особые задачи самого спорта и его организации, специфическая структура регламентирующих источников (форм) ведут к тому, что обычная характеристика методов получает особую окраску и наблюдается их эволюция с явной гуманистической интенцией. Ключевыми в этой области регламентации являются принципы Олимпийской хартии, направленные на обеспечение разумного баланса между различными принципами олимпизма, и достаточного единства правил, применяемых к профессиональному спорту. Они способны выполнять и функцию межотраслевого подхода, но поскольку они направлены лишь

на организацию спортивной деятельности, выполнение совокупностью принципов данной функции ограничено.

Ключевые слова: метод, методология науки; методология права; методы научного исследования; правовое регулирование, профессиональная деятельность спортсмена.

ON THE METHODOLOGY OF THE STUDY OF THE LEGAL REGULATION OF THE PROFESSORIAL ACTIVITY OF AN ATHLETE

V.P. Vaskevich

Kazan (Volga Region) Federal University

E-mail: vaskevich_vlad@mail.ru

A.G. Demieva

Kazan (Volga Region) Federal University

E-mail: ainuraa@bk.ru

Introduction: the article is devoted to the search for an optimal approach to the study of the legal regulation of the professional activity of an athlete. **Objective:** to identify problematic issues that arise among researchers related to the correct choice of methods of scientific cognition, in particular, in the field of legal impact on the activities of a professional athlete. **Methods:** theoretical methods of formal and dialectical logic; comparative legal method, intersectoral method, empirical methods, descriptions, interpretations. **Results:** the analysis allows us to assert that when constructing and organizing legal material containing complex (non-sectoral and atypical) regulation of relations in sports, it would be correct to use the techniques of private international law based on various conflict-of-laws bindings. **Conclusions:** the methodology of the study of the legal regulation of an athlete's professional activity proceeds from the fact that practically the same methods and techniques are used in the legal impact on this activity as in the regulation of other relations. But the special tasks of the sport itself and its organization, the specific structure of the regulatory sources (forms) lead to the fact that the usual characteristic of the methods gets a special coloring and their evolution is observed with a clear humanistic intention. The principles of the Olympic Charter play a decisive role in this area of regulation, aimed, firstly, at ensuring a reasonable balance between the various principles of Olympism, and, secondly, to ensure sufficient unity of the rules applied to professional sports. They are also capable of performing the function of an intersectoral approach, but since they are aimed only at organizing sports activities, their performance of this function is limited by their totality.

Keywords: *method, methodology of science; methodology of law; methods of scientific research; legal regulation, professional activity of an athlete.*

Введение

Для определения адекватных способов и средств правового регулирования первостепенным является поиск соответствующего ключа к исследованию предмета правовой регламентации. Традиционно правовое регулирование в различных сферах деятельности и отраслях (подотраслях) права использует определенную комбинацию (сочетание) методов воздействия. Это наблюдается даже в тех случаях, когда в целом направленность регламентации строится как «дозволительная» или «разрешительная».

Основной контент

В отечественном правоведении всегда было заметно стремление выделить «генеральные» и «дополнительные» методы правового регулирования. Так, В.А. Тархов полагал, что все известные подходы к правовой регламентации сводятся или к «автономному», или к «гетерономному» методу, остальные лишь их комбинация [22, с. 6–16]. С.С. Алексеев предлагал считать, что есть первичные и вторичные методы, относя к первым «централизованное» (императивное) и «децентрализованное» (диспозитивное) регулирование [2, с. 215–216]. Представляется, такое положение дел естественно для современного права, где в силу многообразия субъектов и сложных задач приходится опираться на различные подходы для эффективного воздействия и достижения желаемого результата.

Признавая, что обычные методы правового регулирования (предписания, запреты, дозволения и т.д.) продолжают действовать, ученые все чаще прибегают к их обобщениям или построениям моделей регулирования, стараясь отразить специфику направленности регламентации в данной сфере. Например, Г.А. Волков, говоря о правовом регулировании экологических отношений, выделяет «уровни» регулирования [11]. Тем более это касается случаев, когда методология правового регулирования увязывается с выделением так называемых публичного и частного права [27]. Так или иначе, но заметно стремление исследователей не ограничиваться простым указанием на отдельные используемые методы и их функциональное значение, ставятся вопросы об их структуре, соотношении, преобладании, взаимном влиянии.

В принципе, то же наблюдается и относительно методов регламентации отношений при осуществлении профессиональной деятельности спортсменов. В данной сфере, если оставить в стороне вопрос о возможности и целесообразности приоритетно применять правила трудового или гражданского законодательства [9], используются практически все известные методы, но все же (при любом оформлении отношений) заметно преобладание совокупности диспозитивных методов в различном их сочетании. С нашей точки зрения, здесь есть два аспекта. Во-первых, изначально смешиваются отношения в спорте в целом, где вполне успешно может быть использован трудовой договор как основание возникновения отношений со спортсменом, и в профессиональном спорте, которые преимущественно нуждаются в гражданско-правовой форме регулирования отношений со спортсменом. Второй аспект связан с тем, что несколько преувеличивается (применительно к профессиональному спорту) различие между трудовым договором и современным спортивным контрактом. Затрагивая и случаи, когда распространение на субъекта правоотношений определенных норм требует или даже предполагает те или иные формы его согласия [6]. Это разумно, поскольку в сфере гражданско-правового регулирования существует масса случаев неочевидного, в том числе не оформленного письменно одобрения (в литературе такие нормы иногда именуются «факультативными»).

Именно личная воля (решение) спортсменов определяет данную деятельность в основных юридических фактах и чертах: от выбора вида спорта и начала спортивной деятельности до заключения профессионального контракта и участия в конкретных соревнованиях. Остальные приемы и способы регулирования могут применяться и фактически применяются, но они лишь сопровождают текущую деятельность спортсмена. Основная масса императивных («централизованных») методов регламентации (запреты, ограничения и пр.) проявляется преимущественно как «условия спортивной практики», диспозитивной в своей основе. Например, для включения в сборную команду или для участия в определенном турнире спортсмен должен показать необходимый результат, но из этого не следует, что он именно «ограничивается» в правах.

Связь предмета и методов правового регулирования заключается не только в том, что они взаимодополняют друг друга при разрешении вопросов правоприменения и научных исследованиях. Основная задача всякого метода — обеспечить свойственным ему образом реализацию того или иного правового положения. Профессиональная деятельность спортсменов (независимо от методической работы и тренировок) выражается прежде всего в виде соревновательных

действий, что и предопределяет нацеленность методов или их модификаций на достижение лучших результатов, а равно саму возможность проведения состязаний.

Под влиянием этих задач содержание (характеристика) методов регламентации во многом отражает структуру правового воздействия и ее регуляторные компоненты в данной сфере. Имеется в виду, что значительная часть отношений профессиональных спортсменов находится под воздействием правил МОК (Международного олимпийского комитета) и международных спортивных федераций. Впрочем, сама возможность рассматривать эти положения как правовые и имеющие значение для оценки действий в спорте вытекает из ст. 3 Федерального закона «О физической культуре и спорте»¹. Еще более определенно о правовом значении данных правил говорится в ст. 36.2 данного Закона. В результате не всегда определенно можно сказать, имеет ли прием регламентации «диспозитивный» или «императивный» («разрешительный») характер и что именно в нем преобладает. Если, например, вопросы ведения (или, наоборот, неведения) профессиональной деятельности в спорте, вхождения или невхождения в тот или иной клуб в решающей степени определяются самим спортсменом (независимо от того, какой вид договора связывает спортсмена со спортивной организацией), то вопросы его участия в конкретных соревнованиях по общему правилу зависят от спортивной организации или даже федерации (лиги); за исключением редкого случая, когда спортсмен вообще не входит ни в какую организацию. Спортивные регламенты большинства федераций прямо предусматривают, что спортсмен обязан участвовать в соревнованиях (по указанию руководства клуба), собственно, то же предусматривает и ст. 348.2 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ). И оказывается, что на одних этапах преобладают одни способы, а на других — иные. Разумеется, можно увидеть и более сложные случаи, когда сами приемы не столько не то чтобы смешиваются, сколько происходит их своеобразная контаминация. Например, метод обязывания явно меняется на метод поощрения в случаях, когда решается вопрос о том, будет ли спортсмен участвовать в сборной команде: у нас нет оснований считать, что вхождение в такие команды есть именно обязанность спортсмена, и здесь традиционно используются различного рода стимулирующие средства. В литературе правильно отмечается, что в силу ст. 386.1 ТК РФ устанавливается лишь обязанность работодателей «направить» спортсменов в сборные команды. Обязанности же самого спортсмена отбыть в такую команду

¹ Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

нет, что совершенно правильно, поскольку существенно изменяются условия профессиональной деятельности. Обеспечение же их участия в подобных командах достигается за счет поддержания высокого престижа и материальных стимулов [4].

При исследовании и оценке методов регламентации профессиональной деятельности спортсменов надо учитывать также наличие специфических правовых режимов, в рамках которых известные способы воздействия нередко приобретают иной смысл. Так, значительная часть способов, сдерживающих правоспособность профессиональных спортсменов, вряд ли может быть отнесена к случаям именно «запрета», поскольку в действительности представляет собой лишь своеобразные условия осуществления профессиональной деятельности. Например, трудно именовать «ограничением» отсутствие права на свободный переход в другой клуб, поскольку по общему правилу сам спортсмен, заключая соответствующий контракт, заранее соглашается с таким порядком. Иначе говоря, возможность перехода в другой клуб существует лишь в увязке с правилами соответствующей спортивной федерации и составляет базовый (исходный) элемент правового статуса профессионального спортсмена. Собственно, это и есть условия деятельности спортсмена. То же можно сказать и об использовании запрещенных средств (допинга), хотя на бытовом языке, видимо, допустимо говорить, что «спортсмену запрещено принимать допинг». Однако с юридической точки зрения надо учитывать, что этот запрет действует для всех спортсменов: установлена общая и тотальная недопустимость принимать запрещенные Всемирным антидопинговым кодексом¹ препараты и их фракции. При любой интерпретации понятия «запрет» им все же является отсутствие правовых оснований действовать определенным образом в определенных случаях (т.е. названных в гипотезе нормы) [3, с. 48–50], [17]. Следовательно, в рамках конкретного правового режима и, в частности, в отношениях с клубом подчинение указанному правилу есть лишь следование необходимым условиям осуществления профессиональной деятельности, в том числе для реализации одного из основных положений Олимпийской хартии — обеспечения права всех спортсменов на равные условия соревновательной практики. Что, разумеется, не исключает наличия в том или ином национальном законодательстве норм, сформулированных как именно запретительные для случаев использования допинга.

Нет также сомнений, что проблема действенности средств правового регулирования и более точного их применения хотя бы отчасти

¹ См.: Официальный сайт Российского антидопингового агентства «РУСАДА» // URL: <http://www.rusada.ru/>.

разрешается в результате специфического адаптационного механизма, позволяющего сделать тот или иной правовой режим работоспособным, снять основные проблемы, вызванные несовершенством норм, и приспособить их к правовым реалиям. Исследователи отмечают, что перманентное отставание законодательства от практики регулирования и задач на деле вызывают механизмы, позволяющие (хотя бы отчасти) снять проблему. Именно так появляются особые способы толкования, понимания, применения норм, в том числе путем разработки экспериментальных положений, а также постоянно проводимых реформ и уточнений [13].

К сожалению, специальных исследований о методах правовой регламентации профессиональной деятельности спортсменов пока не проводилось. Хотя под влиянием особенностей задач и природы регулирующих источников здесь немало особенностей. Как известно, правила спорта, включая Олимпийскую хартию, акты Международного олимпийского комитета (МОК), правила международных и национальных спортивных федераций составляют особый и, скорее всего, наиболее внушительный по объему правил компонент регулирования в спорте. Данная ветвь регламентирующих правил часто сравнивается с *lex mercatoria* как сводом положений и унифицированных обычаев международной торговли (бизнеса), их — по аналогии — именуют *lex sportiva* (или *lex ludica*). При всем внешнем сходстве и связи с автономностью выработки положений того и другого плана регулирования заметны и отличия между ними. Так, если *lex mercatoria* существует независимо от государственных образований, то *lex sportiva* как минимум учитывает существование национального законодательства и старается гармонично взаимодействовать с ним. Например, решение ряда вопросов (подготовки и проведения спортивных мероприятий, контроля и т.п.) увязано с тем, как они определены их национальными правилами. Полагаем, поскольку *lex ludica* используется для обозначения суммы правил спортивных игр и соответствующих спортивных судейских решений, то она отчасти может признаваться элементом *lex sportiva* [19, с. 171]. Но только отчасти, поскольку далеко не все правила в спорте носят очевидный правовой характер.

При этом, как это ни удивительно, уровень директивности (обязательности применения) положений данных актов, в целом относящихся к «негосударственному» или «автономному» [20, с. 32–34], весьма высок. Здесь, судя по всему, проявляется их природа как сводов именно организационных, упорядочивающих документов (неслучайно часто они носят наименование «регламент»). Задачей ставится утверждение универсальных (международных) правил для соответствующих соревнований (включая отбор, ход игры, порядок проведения и установления

победителей), внесение ясности и определенности в этих вопросах, что весьма важно и даже необходимо при очень большом количестве участников, наличии национального колорита и пестроте фактических условий (еще в начале XX в. во многих странах правила не совпадали). Разумеется, императивный характер этих положений проявляется не всегда, а лишь при разрешении ключевых, определяющих аспектов и в основном относящихся к самой игре (например, параметров дистанции, количества игроков, правил замены участвующих и т.п.).

Значительным фактором, обеспечивающим единство правовой регламентации в области спорта и даже позволяющим «примирить», нейтрализовать разнонаправленность регуляторных действий, являются принципы Олимпийской хартии (своеобразного устава МОК). Они изложены в начале данного акта в качестве особого компонента, а возможность признать их не только регуляторным механизмом, определяющим предмет регулирования, но и специфическим методом связана с тем, что практически все отдельные положения как самой Хартии, так и иных олимпийских актов, включая правила международных спортивных федераций, непременно должны им соответствовать. Поэтому, например, при решении вопросов о том, как именно и в какой форме допустимо ограничивать участие отдельных спортсменов, решения непременно проверяются с точки зрения четвертого принципа Олимпийской хартии (в кратком изложении: каждый вправе заниматься спортом — это одно из основных прав человека). Данное положение можно рассматривать и как вопрос о реализации правосубъектности [10]. Практика показала, что реализация данного принципа нуждается в уточнении и сверке с реалиями. В этом контексте представляет интерес ряд вопросов, поставленных С. Юрловым, в том числе о том, может ли отдельный спортсмен, не входя в какую-либо спортивную организацию, участвовать в международных соревнованиях [26]. Показательным может быть и спор спортсменки Б. Антивари, которой так и не удалось принять участие в Олимпиаде по той простой причине, что в ее маленькой стране (Гренаде) просто нет национального олимпийского комитета (см. Официальные разъяснения к Правилу 33 Олимпийской хартии). В литературе в подобных случаях отмечается отсутствие «абсолютного права на занятие спортом») [16].

Надо заметить, что эта линия — расширение возможностей участвовать в соревнованиях вне вхождения в команду национального олимпийского комитета — развивается в различных формах. Так, все чаще спортсмены выступают как «нейтральные» (на их форме указывается INA (ANA) — Individual Neutral Athletes). Вопрос о том, насколько это нормально и допустимо, имеет различные срезы, критерии оценки и дополнительные коннотации, но следует напомнить,

что сами Олимпийские игры проводятся с участием спортсменов, а не государств. Но строго говоря, национальные олимпийские комитеты нужны лишь для организации отбора спортсменов на игры, и само их влияние следует максимально сокращать без утраты возможности специальной подготовки спортсменов и материальной основы для их стимулирования.

Мы не можем сказать, что «индивидуальное» выступление спортсмена — непременно желательный и предпочтительный вариант его участия на крупных соревнованиях, но при всем этом нельзя отрицать, что одной из задач Олимпийского движения является реализация правоспособности спортсменов.

Возможна также расширительная трактовка четвертого принципа Олимпийской хартии, позволяющая, при сохранении сложившейся сегодня роли национальных олимпийских комитетов, предоставить возможность спортсменам принимать участие в соревнованиях. В частности, в тех случаях, когда спортсмены соответствующей сборной не допущены к Олимпийским играм, чемпионатам по отдельным видам спорта, могли бы принять участие в таких соревнованиях под флагом МОК (или международной или национальной федерации в соответствии с п. 4 Официального комментария к Правилам 7—14). Это, с одной стороны, позволило бы следовать принципам олимпизма, а с другой — давать возможность отдельным спортсменам реализовать свою правоспособность. Потенциально это положение уместно было бы закрепить в самой Олимпийской хартии, но такую работу можно начать на национальном уровне, закрепив возможность спортсмена участвовать вне сборной в «стандарте организатора соревнований» (минимальном наборе требований, предъявляемых к лицу, организующему соревнования и отвечающему за его надлежащее и безопасное проведение).

Общий смысл положения заключается в том, что если по каким-либо причинам (этическим, политическим, конфессиональным и иным) конкретный спортсмен не может участвовать в составе сборной команды, то организатор соревнований должен, осуществив проверку уровня спортивной квалификации по данным федерации, проведя иные необходимые процедуры, обеспечить участие профессионального спортсмена под флагом МОК или символики федерации.

Как видим, принципы Олимпийской хартии, с одной стороны, служат и своеобразным «оселком», позволяющим сверить содержание принимаемых актов с общими задачами олимпизма, и, с другой, элементом механизма, направленного на выработку тех приемов регламентации, которые направлены на оптимальный баланс интересов всех участников.

Генеральные положения Олимпийской хартии выполняют еще несколько важных методических функций: придают соревновательную составляющую спорту, разрабатывают условия безопасности соревнований и т.д. Так, именно они, а не национальное законодательство обеспечивают единство и цельность большого спорта, что, не исключая развития национальных игр, ведет к возможности развития спортивного движения во всем мире по понятным, единообразным правилам. Гармонизация достигается и за счет того, что акты международных федераций обязательны для участия в них (что не исключает выработки других правил, так когда-то была создана борьба самбо), и за счет специфического действия рекомендательных правил. Примером могут быть рекомендации МОК об условиях занятия спортом подростков, об условиях участия в спортивных мероприятиях трансгендеров, а также известные рекомендации МОК «Олимпийская повестка. 20 + 20 рекомендаций»¹. Как правило, такие рекомендации не требуют непременно отражения в национальном законодательстве, но обязательно учитываются как МОК, так и связанными с ним структурами [12]. Правила проведения игр разрабатываются федерациями спорта с учетом положений и рекомендаций международных федераций и МОК, а затем утверждаются Минспорта России². В результате положения Олимпийского движения оказываются «встроены» в национальное право и, наоборот, национальное законодательство получает возможность развития. Государство одобрило существование автономных спортивных организаций, очертило предмет их ведения, допустило возможность осуществления ими регуляторной деятельности и готово защищать данный правопорядок. К сожалению, на этот аспект редко обращается внимание, и чаще всего оценка правил спортивных корпораций ведется на основе подхода, исключающего признание относящимися к праву положений, созданных не государством [14, с. 4–5]. Сходная позиция у С.В. Алексеева, предложившего для обозначения таких правил наименование «квазиправо» [1].

Но могут ли данные положения быть отнесены к своеобразному межотраслевому способу (подходу) регламентации общественных отношений? В основе методологии межотраслевого подхода лежит признание наличия межотраслевых взаимоотношений между различ-

¹ Олимпийская повестка. 20 + 20 рекомендаций: Материалы внеочередной сессии Международного олимпийского комитета – декабрь 2014 г. // Стрелковый союз России: сайт. URL: <http://shooting-russia.ru/upload/iblock/41a/41ac5804db873a671e5b3543868fc018.pdf>.

² См.: приказ Министерства спорта РФ от 31 мая 2018 г. № 506 «Об утверждении порядка разработки общероссийскими спортивными федерациями правил вида спорта или видов спорта и представления их на утверждение». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ными компонентами регламентации (регуляторными актами). В этом смысле межотраслевое регулирование и способы его реализации было бы правильно воспринимать как форму проявления межотраслевых связей (т.е. сущность межотраслевого регулирования заключается в самом факте определенного единства реальных общественных отношений). Данная идея отстаивалась М.Ю. Чельшевым, подробно описавшим взаимозависимость между существованием данных связей и необходимостью именно межотраслевого регулирования [24, с. 86–145]. В практическом плане наличие такой общности может вызвать разнообразные последствия, однако только в силу применения к соответствующим взаимосвязям также и норм другой отрасли или института природа основной группы регулируемых отношений обычно не меняется. Именно в такой ситуации И.С. Шиткина отмечает, что сам по себе факт возможности применения к корпоративным отношениям норм различных отраслей не превращает данные отношения в «комплексные» [15, с. 46–47]. Дело в том, что применение иноотраслевого элемента, если не брать в расчет вероятность переквалификации основных отношений, возможна только как коррекция, уточнение или дополнение уже имеющегося регуляторного воздействия. Это, на наш взгляд, не исключает смены основных правоотношений на иные, с другим типом регулирования (подобное наблюдается, например, когда перспективный юниор, достигнув необходимого возраста, заключает профессиональный контракт). Чаще всего в регулировании спортивной деятельности встречается одновременное влияние правил трудового и гражданского законодательства, административного законодательства и корпоративных правил организации спорта.

Представляется, еще следует определиться с тем, в чем именно и как данный подход проявляется при регламентации профессиональной деятельности спортсменов. Идет ли речь о его применении при «регулировании» или же только при «исследовании» эффектов регулирования, ставится ли задачей использовать различные приемы при правовой регламентации некоторых сложных ситуаций или же этот метод совершенно особый ... На наш взгляд, все случаи, когда более или менее успешно применялся межотраслевой подход, исчерпываются кумулятивным воздействием на соответствующие отношения средств и методов разных отраслей, когда при регулировании группы определенных отношений в расчет принимаются и задачи, характерные для других сфер регулирования. Поэтому, видимо, лучше говорить только о «межотраслевом подходе», а не «межотраслевом методе» регулирования и только в указанном смысле. Впрочем, успешно и эффективно исследовать правоотношения с точки зрения разных отраслей (обла-

стей знаний) в связи с объемностью задач могут именно коллективы ученых, именно поэтому работы об использовании межотраслевого метода исследования в праве большая редкость.

Применение межотраслевого подхода важно для правоотношений, возникающих в профессиональной деятельности спортсменов, и хотя основная масса вопросов разрешается в рамках гражданско-правового регулирования и соответствующих методов, следует учитывать следующее. Спортсмен на практике находится в разных правоотношениях (с тренером, обслуживающим персоналом, страховщиком, работодателем, с таможенными органами — при пересечении границы и т.д.). Поэтому очевидная причина обращения к этому методу состоит в том, что конкретные отношения (и спортсменов, и спортивных организаций) находятся также под воздействием различных правовых отраслей, институтов (субинститутов) и норм (трудового, гражданского, административного и иного законодательства). И совсем нелишним было бы добиться сквозного регулирования всей этой сферы (пока это делается в виде отдельных законодательных актов соответствующих государств).

Полагаем, что принципы олимпизма выполняют задачу межотраслевого подхода, но только в той части, которая связана с организацией спорта, включая права спортсменов (условное наименование — «спортивное право»). Одновременно заметим, что положения *Lex sportiva* вообще направлены на регламентацию технических, организационных, медицинских вопросов, безопасности проведения мероприятий и практически не вступают в коллизию с нормами какой-либо отрасли права.

К сожалению, законодатель не всегда учитывает необходимость опираться на имеющуюся систему межотраслевых связей и пытается (по тем или иным соображениям) выстроить регуляторное воздействие в волевом порядке. Именно так, с нашей точки зрения, получилось и при переменах в правовом регулировании при принятии Федерального закона о спорте. По существу, произошел отказ от формального признания этой области самостоятельной сферой деятельности (или разновидностью предпринимательской деятельности). Однако гражданско-правовое регулирование в области профессионального спорта также не исключено. Это подтверждает само определение профессионального спорта, закрепленное в ст. 2 Закона о спорте: это часть спорта, направленная на организацию и проведение спортивных соревнований, за участие в которых и подготовку к которым в качестве своей основной деятельности спортсмены получают вознаграждение от организаторов таких соревнований и (или) заработную плату. «Заработная плата», несомненно, есть понятие трудового

права, а «вознаграждение» — гражданско-правовая категория¹. Таким образом, возможность спортсменов получать как вознаграждение, так и заработную плату означает допустимость использования двух правовых инструментов в сфере профессионального спорта — трудового и гражданско-правового договоров.

Данное обстоятельство подтверждает как практика развития профессионального спорта², толкование законодательства судами³, так и доктринальные разработки. Исследователи отмечают, что консервативный характер содержания и формата трудового договора требует внедрения и использования «межотраслевого трудового договора профессионального спортсмена и спортивной организации» [21]. Полагаем, решающей причиной отмеченного решения законодателя было то, что оно принималось в условиях, когда не были разграничены различные правоотношения в сфере спорта: а) любительские — по занятию спортом и физкультурой и б) отношения в профессиональном спорте. Между тем у них не совпадают мотивация субъектов, экономическая составляющая, состав юридических фактов, служащих для формирования отношений, и т.д.

Исторически изменчивый характер системы межотраслевых связей гражданского права косвенным образом может быть подтвержден и динамикой научных исследований отдельных сфер правового регулирования. Так, анализ спортивной проблематики в юридических научных трудах развивался от рассмотрения соответствующих вопросов преимущественно с публично-правовых позиций [23] к комплексному изучению отмеченной сферы с точки зрения трудового [25], гражданского, административного права [7] и теории права [18].

¹ См., например: ст. 64, 184, 185, 229, 232, 709 и др. ГК РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (часть первая, вторая, третья, четвертая) // Часть первая — Российская газета. 1994. № 238–239; часть вторая — Российская газета. 1996. № 23, 1996. № 24, 1996. № 25, 1996. № 2 7; часть третья — Российская газета. 2001. № 233; часть четвертая — Российская газета. 2006. № 282.

² Отметим, что примерный договор боксера в профессиональном спорте в настоящее время не предусматривает обязанности опираться ни на трудовое, ни на гражданское законодательство. В соответствии с п. 7.2 «также права и обязанности Сторон настоящего Договора подлежат регулированию законодательством Российской Федерации».

³ Еще в постановлении Пленума ВС РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» было отмечено (см. п. 2): «Если возник спор по поводу неисполнения либо ненадлежащего исполнения условий трудового договора, носящих гражданско-правовой характер... то, несмотря на то, что эти условия включены в содержание трудового договора, они по своему характеру являются гражданско-правовыми обязательствами работодателя» (в ред. Постановления Пленума от 28 декабря 2006 г. № 63, с изм., внесенными постановлениями Пленума от 28 сентября 2010 г. № 22 и от 24 ноября 2015 г. № 52) // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://www.vsr.ru/documents/own/8223/>.

Данная картина связана с трансформацией правового регулирования области спорта, главным образом от публичного к частно-публичному, т.е. комплексному регламентированию. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», как и ранее действовавший аналогичный Федеральный закон от 29 апреля 1999 г. № 80-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (с изм. и доп.)¹, подтверждает данное заключение о комплексном правовом регулировании в сфере спорта вообще и профессионального в частности. Действительно, это частно-публичное регулирование, поскольку в его основе лежит сочетание норм трудового, гражданского, административного и финансового права.

При формировании подходов к научному осмыслению и применению межотраслевого метода в сфере регламентации профессиональной деятельности спортсменов надо учитывать его потенциальную многофункциональность. В одних случаях его использование может приводить к гармонизации действия различных правил. В других случаях данный метод позволяет уточнить реализацию норм при сохранении ведущего регуляторного влияния.

Выводы

Изложенные обстоятельства позволяют говорить о необходимости продолжить работу по оптимизации приемов регламентации отношений в профессиональном спорте. При построении и организации правового материала, содержащего комплексное (иноотраслевое и нетипичное) регулирование отношений в спорте, было бы правильно воспользоваться приемами международного частного права, опирающегося на различные коллизионные привязки. Общий смысл коллизионных привязок заключается в том, что они способны разрешить разнообразные коллизии между национальными системами права и потенциально дают основания для лучшего выбора [5, с. 5–17].

Если подытожить, то следует отметить следующее. При правовой организации профессиональной деятельности спортсменов применяются практически те же способы и приемы правового воздействия, что и при регулировании иных отношений. Но особые задачи самого спорта и его организации, специфическая структура регламентирующих источников (форм) ведут к тому, что обычная характеристика методов получает особую окраску и наблюдается их эволюция с явной гуманистической интенцией. Ключевыми в этой области регламентации являются принципы Олимпийской хартии, направленные на обеспечение разумного баланса

¹ СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2206. Данный акт не действует с 30 марта 2008 г.

между различными принципами олимпизма и достаточного единства правил, применяемых к профессиональному спорту. Они способны выполнять и функцию межотраслевого подхода, но поскольку они направлены лишь на организацию спортивной деятельности, выполнение их совокупностью данной функции ограничено.

Библиографический список

1. *Алексеев С.В.* Международное спортивное право: Учебник / Под ред. П.В. Крашенинникова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. 894 с.
2. *Алексеев С.С.* Общая теория права: Учебник. М.: ТК «Велби», Проспект, 2008. 565 с.
3. *Алексеев С.С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1989. 286 с.
4. *Алексеевская А.* Трудовые права спортсменов: споры по условиям контрактов // Трудовое право. 2018. № 10. С. 75–84.
5. *Асосков А.В.* Основы коллизионного права. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 335 с.
6. *Брагинский М.И.* Договорное право. Общие положения. Кн. 1 / Брагинский М.И., Витрянский В.В.; 2-е изд., испр. М.: Статут, 1999. 681 с.
7. *Братановский С.Н.* Управление физической культурой и спортом в условиях реформ (организационно-правовые проблемы): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1997. 49 с.
8. *Бугров Л.Ю.* Трудовой договор в России и за рубежом: Монография. Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2013. 641 с.
9. *Буянова М.О.* К вопросу о предмете спортивного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1. С. 158–175.
10. *Васькевич В.П.* Правосубъектность как предпосылка ведения профессиональной деятельности спортсмена // Гражданское право. 2022. № 4. С. 13–16.
11. *Волков Г.А.* Уровни нормативного регулирования экологических отношений // Экологическое право. 2018. № 6. С. 5–9.
12. *Джантаев Х.М.* Международный олимпийский комитет и его регламенты в системе международного права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2011. № 1. С. 135–146.
13. *Дмитрик Н.А.* Экспериментальные правовые режимы: теоретико-правовой аспект // Закон. 2020. № 6. С. 64–70.
14. *Захарова Л.И.* Международное спортивное право: Учебник для бакалавров / Отв. ред. К.А. Бекашев. М.: Проспект, 2017. 270 с.

15. Корпоративное право: Учебник для студентов вузов / Афанасьева Е.Г., Бакшинская В.Ю., Губин Е.П. и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Волтерс Клувер, 2014. 1031 с.

16. Магденко А.Д., Юрлов С.А. Индивид как субъект международного спортивного права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 85–89.

17. Малько А.В. Запреты в современной России: от теории к правовой политике и практике // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 1. С. 5–15.

18. Маргулис М.А. Нормотворчество корпоративных объединений в области спорта: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 31 с.

19. Мельник В.Н. Гармонизация структуры *lex sportiva* // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11. С. 100–110.

20. Спортивное право России: Учебник / Отв. ред. Д.И. Рогачев. М.: Проспект, 2016. 637 с.

21. Таль Л.С. Трудовой договор. Цивилистические исследования. Ч. 1. Общие положения / Под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2010. 212 с.

22. Тархов В.А. Советское гражданское право. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1978. 230 с.

23. Уваров В.Н. Государственно-правовые проблемы развития физической культуры и спорта в СССР: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ташкент, 1987. 50 с.

24. Чельшев М.Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права: Монография / Науч. ред. Б.М. Гонгало. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2008. С. 86–145.

25. Шевченко О.А. Особенности правового регулирования труда профессиональных спортсменов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 22 с.

26. Юрлов С.А. Право не вступать в общественные объединения: практика Европейского суда по правам человека и ее значение для мира спорта // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. № 4. С. 51–56.

27. Яковлев В.Ф., Талапина Э.В. Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал российского права. 2012. № 2. С. 5–16.

References:

1. Alekseev S.V. *Mezhdunarodnoe sportivnoe pravo: uchebnik* [International sports law: textbook] / pod red. P.V. Krashenninnikova. Moscow, 2008. 894 p. (In Russ.)

2. *Alekseev S.S.* Obshchaya teoriya prava: uchebnik [General theory rights: textbook]. Moscow, 2008. 565 p. (In Russ.)

3. *Alekseev S.S.* Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave [General permits and general prohibitions in Soviet law]. Moscow, 1989. 286 p. (In Russ.)

4. *Alekseevskaya A.* Trudovye prava sportsmenov: spory po usloviyam kontraktov [Labor rights of athletes: disputes under the terms of contracts]. Trudovoe pravo – Labor law. 2018. Issue 10. P. 75–84. (In Russ.)

5. *Asoskov A.V.* Osnovy kollizionnogo prava [Fundamentals of conflict of Laws]. Moscow, 2012. 335 p. (In Russ.)

6. *Braginskij M.I.* Dogovornoe pravo. Obshchie polozheniya. Kniga 1 [Contractual law. General provisions. Book 1] / Braginskij M.I., Vitryanskij V.V.; izd. 2-e, ispr. Moscow, 1999. 681 p. (In Russ.)

7. *Bratanovskij S.N.* Upravlenie fizicheskoy kul'turoj i sportom v usloviyah reform (organizacionno-pravovye problemy) [Management of physical culture and sports in the context of reforms (organizational and legal problems)]: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Saratov, 1997. 49 p. (In Russ.)

8. *Bugrov L.YU.* Trudovoj dogovor v Rossii i za rubezhom [Labor contract in Russia and abroad]: monografiya. Perm, 2013. 641 p. (In Russ.)

9. *Buyanova M.O.* K voprosu o predmete sportivnogo prava [On the subject of sports law]. Pravo. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki – Right. Journal of the Higher School of Economics. 2019. Issue 1. P. 158–175. (In Russ.)

10. *Vas'kevich V.P.* Pravosubektnost' kak predposylka vedeniya professional'noj deyatel'nosti sportsmena [Legal personality as a prerequisite for conducting professional activity of an athlete]. Grazhdanskoe pravo – Civil law. 2022. Issue 4. P. 13–16. (In Russ.)

11. *Volkov G.A.* Urovni normativnogo regulirovaniya ekologicheskikh ot-noshenij [Levels of regulatory regulation of environmental relations]. Ekologicheskoe pravo – Environmental law. 2018. Issue 6. P. 5–9. (In Russ.)

12. *Dzhantaev H.M.* Mezhdunarodnyj olimpijskij komitet i ego reglamenty v sisteme mezhdunarodnogo prava [The International Olympic Committee and its regulations in the system of international law]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya YUridicheskie nauki – Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series of Legal Sciences. 2011. Issue 1. P. 135–146. (In Russ.)

13. *Dmitrik N.A.* Eksperimental'nye pravovye rezhimy: teoretiko-pravovoj aspekt [Experimental legal regimes: theoretical and legal aspect]. Zakon – Law. 2020. Issue 6. P. 64–70. (In Russ.)

14. *Zaharova L.I.* Mezhdunarodnoe sportivnoe pravo: uchebnik dlya bakalavrov [International sports law: textbook for bachelors] / otv. red. K.A. Bekyashev. Moscow, 2017. 270 p. (In Russ.)

15. Korporativnoe pravo: uchebnik dlya studentov vuzov [Corporate law: textbook for university students] / Afanas'eva E.G., Bakshinskas V.YU., Gubin E.P. i dr.; otv. red. I.S. SHitkina. Moscow, 2014. 1031 p. (In Russ.)

16. *Magdenko A.D.*, YUrlov S.A. Individ kak sub"ekt mezhdunarodnogo sportivnogo prava [The individual as a subject of international sports law]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2016. Issue 2. P. 85–89. (In Russ.)

17. *Mal'ko A.V.* Zaprety v sovremennoj Rossii: ot teorii k pravovoj politike i praktike [An individual as a subject of international sports law]. Pravovaya politika i pravovaya zhizn' – Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2017. Issue 1. P. 5–15. (In Russ.)

18. *Margulis M.A.* Normotvorchestvo korporativnyh ob"edinenij v oblasti sporta [Margulis M.A. Rulemaking of corporate associations in the field of sports]: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 2005. 31 p. (In Russ.)

19. *Mel'nik V.N.* Garmonizaciya struktury lex sportiva [Harmonization of the lex sportiva structure]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual problems of Russian law. 2022. Issue 11. P. 100–110. (In Russ.)

20. Sportivnoe pravo Rossii [Sports law of Russia]: uchebnik. Otv. red. D.I. Rogachev. Moscow, 2016. 637 p. (In Russ.)

21. *Tal' L.S.* Trudovoj dogovor. Civilisticheskie issledovaniya. Chast' 1. Obshchie polozheniya [Labor contract. Civil studies. Part 1. General provisions] / pod red. V.A. Tomsinova. Moscow, 2010. 212 p. (In Russ.)

22. *Tarhov V.A.* Sovetskoe grazhdanskoe pravo [Soviet civil law]. Saratov, 1978. 230 p. (In Russ.)

23. *Uvarov V.N.* Gosudarstvenno-pravovye problemy razvitiya fizicheskoy kul'tury i sporta v SSSR [State-legal problems of the development of physical culture and sports in the USSR]: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Tashkent, 1987. 50 p. (In Russ.)

24. *CHelyshev M.YU.* Osnovy ucheniya o mezhotraslevykh svyazyah grazhdanskogo prava [Fundamentals of the doctrine of intersectoral relations of civil law]: monografiya / nauch. red. Gongalo B.M. Kazan, 2008. P. 86–145. (In Russ.)

25. *SHevchenko O.A.* Osobennosti pravovogo regulirovaniya truda professional'nyh sportsmenov [Features of legal regulation of labor of professional athletes]: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 2005. 22 p. (In Russ.)

26. *YUrlov S.A.* Pravo ne vstupat' v obshchestvennye ob"edineniya: praktika Evropejskogo suda po pravam cheloveka i ee znachenie dlya mira sporta [The right not to join public associations: the practice of the European Court of Human Rights and its significance for the world of sports]. Precedenty Evropejskogo suda po pravam cheloveka – Precedents of the European Court of Human Rights. 2018. Issue 4. P. 51–56. (In Russ.)

27. *Yakovlev V.F., Talapina E.V.* Rol' publichnogo i chastnogo prava v regulirovanii ekonomiki [The role of public and private law in the regulation of the economy]. *ZHurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. 2012. Issue 2. P. 5–16. (In Russ.)

Информация об авторах:

А.Г. Демиева

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18
ORCID: 0000-0003-0211-5701
ResearcherID: J-3521-2017

В.П. Васькевич

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры предпринимательского и энергетического права
Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18

Informatin about the authors:

A.G. Demieva

Kazan (Volga Region) Federal University
18 Kremlyovskaya St., Kazan, 420008, Russia
ORCID: 0000-0003-0211-5701
ResearcherID: J-3521-2017

V.P. Vaskevich

Kazan (Volga Region) Federal University
18, Kremlyovskaya st., Kazan, 420008, Russia
E-mail: vaskevich_vlad@mail.ru

УДК 347.6

DOI: <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2024-6-6-323-350>

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ НАСЛЕДСТВЕННОГО И СЕМЕЙНОГО ПРАВА

А.В. Фиошин

Российский государственный университет правосудия,
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации
E-mail: avfioshin@bk.ru

Введение: оценочные понятия наследственного и семейного права известны едва ли не всем правовым порядкам мира с древнейших времен. Будучи неотъемлемой составляющей законодательства и периодически попадая в поле зрения ученых-юристов, с методологической точки зрения они практически не исследуются. **Цель:** определить перечень методов исследования оценочных понятий наследственного и семейного права, которые бы позволили выявить причины их появления, динамику, национальную специфику и особенности. **Методы:** при проведении исследования применялись общенаучные (анализ, синтез, сравнение, описание) и частнонаучные методы познания, в том числе междотраслевой метод юридических исследований. **Результаты:** исследование оценочных понятий наследственного и семейного права наиболее логично осуществлять посредством следующих методов: историко-правового, компаративного, аксиологического, анализа судебной практики, системного и междотраслевого метода правовых исследований.

Ключевые слова: методология, оценочные понятия, наследственное право, семейное право.

METHODOLOGY OF THE STUDY OF EVALUATIVE CONCEPTS OF INHERITANCE AND FAMILY LAW

A.V. Fioshin

Russian State University of Justice
Moscow Academy of the Investigative committee
of the Russian Federation
E-mail: avfioshin@bk.ru

Introduction: *the evaluative concepts of inheritance and family law have been known to almost all legal systems of the world since ancient times. Being an integral part of legislation and periodically coming to the attention of legal scholars from a methodological point of view, they are practically not investigated. Goal:* to define a list of methods for the study of evaluative concepts of inheritance and family law, which would allow to identify the causes of their appearance, dynamics, national specifics and features. **Methods:** *general scientific (analysis, synthesis, comparison, description) and private scientific methods of cognition, including the intersectoral method of legal research, were used in the research. Results:* the study of the evaluative concepts of inheritance and family law is most logically carried out through the following methods: historical-legal, comparative, axiological, analysis of judicial practice, systemic and intersectoral method of legal research.

Keywords: *methodology, evaluative concepts, inheritance law, family law.*

Введение

Методология в жизни практически любого ученого имеет фундаментальное значение. «Методология на мирском языке, — отмечает Е.Г. Комиссарова, — это правила благоразумного научного поведения для исследователя, необходимая связь научного исследования с задачами правового регулирования и функциями научного познания, определенность и осознанность выбираемых внутринаучных критериев, ориентированных в том числе и на практику правоприменения» [7, с. 96]. «Смысл и призвание методологии — научный поиск оптимальных, наиболее рациональных путей, методов и средств познания объектов» [13, с. 415]. От того, как и какой инструментарий используется ученым при исследованиях (вне зависимости от сферы приложения сил), во многом зависит их результат. Чем обширнее и разнообразнее арсенал методов исследователя, тем больше вероятность получения им научно обоснованных выводов. На оценочные понятия как предмет исследования это также распространяется. Будучи специфическим правовым явлением, имеющим место в подавляющем большинстве правов порядков мира, оценочные понятия наследственного и семейного права с методологической точки зрения представляют особый интерес. Помимо всего прочего, это обусловлено отсутствием комплексных методологических исследований рассматриваемых оценочных понятий. На восполнение данного пробела и направлена настоящая работа.

Историко-правовой метод исследования оценочных понятий наследственного и семейного права

Широчайшая распространенность исследования частноправовых явлений с помощью историко-правового метода вполне оправдана. По верному замечанию О.А. Кузнецовой: «Современное знание о том или ином правовом феномене не будет достоверным без понимания и уяснения причин и условий, вызвавших, способствовавших его появлению в законодательстве и правоведении» [8, с. 116]. Применение данного метода позволяет проанализировать как количественную, так и качественную составляющую предмета исследования в исторической ретроспективе. «Без познания исторического развития права, — пишет М.Ф. Лукьяненко, — невозможно исследовать современное позитивное право, которое в весьма значительной мере является продуктом исторических условий и воздействия права прошлого» [9]. Кроме этого, использование историко-правового метода научного анализа позволяет осуществлять и прогностическую функцию. «Выявление причин возникновения правового явления и логики его исторического развития, — отмечает О.А. Кузнецова, — предсказывает и перспективы его развития в будущем, и соответствующую корректировку законодательства и практики» [8, с. 116].

Рассматриваемый метод исследования соответствующих оценочных понятий позволяет сделать вывод о том, что их существование известно праву с очень давних времен. Так, в ст. 168, 169 Законов Хаммурапи¹ содержалось понятие «тяжкий грех, достаточный для лишения наследства»², а в ст. 185 — «усыновление малолетнего находящегося в пренебрежении»³. Статья 78 гл. IX Законов Ману⁴ закрепляла понятие «неуважение к мужу»⁵, ст. 79 — «отвращение к мужу», ст. 81 — «сварливая жена», ст. 82 — «неуважаемая жена», «высоконравственная жена». Наличествовали оценочные понятия и в Институтциях Гая⁶. Так, в ст. 226 Книги второй «О вещах» упоминалась «незначительная выгода наследника», а ст. 3 титула II Книги двадцать четвертой «О разводах и заявлении о расторжении брака» включала в себя положение, согласно которому: «если женщина в пылу заявит об отказе

¹ Царь Хаммурапи правил Вавилоном и объединенной Месопотамией (Вавилонией) в 1792–1750 гг. до н.э.

² Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: Учеб. пособие: В 2 т. / Под ред. К.И. Батыра и Е.В. Поликарповой. М.: Проспект, 2015. Т. 1. С. 19.

³ Там же С. 20.

⁴ Законы Ману — древнеиндийский сборник права, датируемый II в. до н.э. — II н.э.

⁵ Там же. С. 48.

⁶ Институтции Гая — знаменитый учебник римского права (II в. н.э.), имевший силу закона. URL: <https://bigenc.ru/c/institutsii-3c0fea>.

(от брака) и быстро возвратится (к мужу), то она не рассматривается как расторгнувшая брак»¹.

Представляется, что основных причин возникновения исследуемого правового явления две. Во-первых, практически любой человеческий язык содержит в себе нечеткие понятия. Они являются естественными при словоупотреблении. Формулируя нормы права, законодатель оперирует языком, понятным для граждан, и законодательный дискурс также вполне может быть несвободным от нечетких понятий. При этом в отношении их смысловой нагрузки в обществе будет наблюдаться конвенциональное единство. Во-вторых, уже древнейшие законодатели понимали, что регламентация всех жизненных ситуаций посредством конкретного описания их в законе невозможна. Жизнь многообразнее и динамичнее любой правовой системы.

«Анализ российского законодательства X–XX вв. (особенно Русской Правды, Судебников 1497 и 1550 гг., Соборного уложения 1649 г.), — пишет М.Ф. Лукьяненко, — показывает, что большинство его статей построено на казуистической основе. Стержнем статей этих правовых актов выступает конкретный юридический случай, вполне определенный и, как правило, несложный прецедент. Сами правовые нормы отличаются относительной простотой. Оценочные понятия в этих памятниках российского права встречаются редко» [9]. Но, встречаются!

Полагаем, также что представленный вывод верен, прежде всего, для периода Средневековья (VI–XV вв.) и Нового времени (XVI–XIX вв.)². Что касается Новейшего времени (особенно XX в.), то здесь суждения многоуважаемого ученого, как представляется, подлежат определенной корректировке.

В пространной редакции Русской Правды³ мы нашли два положения⁴, содержащие оценочные понятия в интересующих нас сферах. Так, согласно ст. 99: «Аже будуть в дому дѣти мали, а не джи ся будуть сами собою печаловати, а мати имъ поидеть за мужъ, то кто имъ ближии будетъ, тому же дати на руцѣ и с добыткомъ и с домоомъ, донелѣ же возмогутъ; а товаръ дати перед людьми; а что срѣзить товаромъ тѣмъ ли пригостить, то то ему собѣ, а истый товаръ воротить имъ; а прикупъ ему собѣ, зане кормить и печаловаться ими; яже от челяди плод или

¹ Там же. С. 235.

² Исключение — Свод законов Российской империи, включающий в себя значительное количество исследуемых оценочных понятий.

³ Пространная редакция Русской Правды (Троицкий список) датируется второй половиной XIV в.

⁴ В цитируемой фундаментальной монографии М.Ф. Лукьяненко указано, что в пространной редакции Русской Правды автору удалось найти лишь одно оценочное понятие.

от скота, то то все поимати лицемъ; что ли будетъ ростеряль, то то все ему платити дѣтемъ тѣм; аче же и отчимъ приметъ дѣти съ задницею, то тако же есть рядь»¹. Согласно данной норме: «Если будут в доме дети малые, а не дюжи будут сами о себе позаботиться, а мать их пойдет замуж, то тому, кто им ближний будет, дать их на руки и с добытком и с домом, пока не возмужают; а товар дать перед людьми; а что тем товаром наживет ростовщицеством и торговлей, это ему <взять> себе, а исходный товар вернуть им; а доход ему <взять> себе, поскольку кормил и заботился о них; если же от челяди плод или от скота, то все это получить наличием; если что растеряет, то за все это ему платить детям; если же и отчим возьмет детей с наследством, то такой же»². Оценочными понятиями в представленном положении являются «малые дети, не могущие о себе позаботиться» и «пока они не возмужают».

Согласно же ст. 106: «А матери, которыи сын добръ, перваго ли мужа, другаго ли, тому же дать свое; аче и вси сынове еи будут лиси, а дчери может дати, кто ю кормить»³. В соответствии с приведенной нормой: «А мать <пусть> даст свое <имущество> тому сыну, который был <к ней> добр, — от первого ли мужа или от второго; если же все сыновья будут к ней лихими, то может отдать дочери, которая ее кормит»⁴. Здесь к оценочным понятиям можно отнести «доброту» сына к матери.

Со временем количество оценочных понятий в исследуемых нами разделах отечественного законодательства только увеличивалось. К примеру, т. X (Свод законов гражданских. Свод законов межевых) Свода законов Российской империи содержал в себе анализируемые нами понятия в существенно большем объеме. Так, в ст. 46 закреплялось понятие «обязательства или иные акты, заключающие в себе какие-либо другие условия, клонящиеся к разрыву супружеского союза». Статья 47 включала в себя «доказательства, несомненно подтверждающие прелюбодеяние». Статья 67 — подписку иноверцев о том, что они не будут «ни поносить своих супругов за Православие, ни склонять их через прельщение, угрозы или иным образом, к принятию своей веры». Статья 76 — воспрещение всяких предварительных произвольных между супругами «актов, клонящихся к разрыву супружеского союза».

¹ Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. I. Законодательство Древней Руси / Под ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984. С. 70.

² Пространная редакция Русской Правды буквальный перевод («калька»). Троицкий список (вторая половина XIV в.). URL: <https://studfile.net/preview/16811869/>.

³ Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. I. Законодательство Древней Руси / Под ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984. С. 71.

⁴ Пространная редакция Русской Правды буквальный перевод («калька»). Троицкий список (вторая половина XIV в.). URL: <https://studfile.net/preview/16811869/>.

Статья 80 — обязательство иноверного мужа «ни прельщениями, ни угрозами, ниже другими какими-либо способами», не приводить в свой закон будущих детей от православной жены. По сути, аналогичное понятие имело место и в ст. 81. В ст. 103 было закреплено, что строго воспрещаются «всякие акты, клонящиеся к самовольному разлучению супругов». Изобилующие оценочными понятиями ст. 106 и 107 заслуживают дословного цитирования. Итак: «106. Мужъ обязанъ любить свою жену, какъ собственное свое тѣло, жить съ нею въ согласіи, уважать, защищать, извинять ея недостатки и облегчать ея немощи. Онъ обязанъ доставлять женѣ пропитаніе и содержаніе по состоянію и возможности своей. 107. Жена обязана повиноваться мужу своему, какъ главѣ семейства, пребывать къ нему въ любви, почтеніи и въ неограниченномъ послушаніи, оказывать ему всякое угожденіе и привязанность, какъ хозяйка дома»¹. В ст. 132/5 говорилось о внебрачном ребенке, который «в состоянии сам себя содержать». В ст. 132/7 — о том, что отец внебрачного ребенка, в случае «недостаточности средств его матери, обязан оплатить необходимые расходы, вызванные разрешением ее от бремени, и доставить ей насущное содержание впредь до ее выздоровления». Статья 132/8 закрепляла правило, по которому размер содержания внебрачного ребенка, однажды определенный, может быть увеличиваем или уменьшаем в зависимости от «изменившихся обстоятельств». В ст. 133 упоминались «обстоятельства, заслуживающие снисхождения». Значительное количество оценочных понятий имело место и в ст. 165. К ним можно отнести: «строптивых детей», «упорное неповиновение родительской власти», «развратная жизнь», «другие явные пороки». В ст. 172 закреплялась обязанность родителей дать детям «доброе и честное» воспитание. Статью 177 надлежит привести дословно. В ней было сказано: «Дѣти должны оказывать родителямъ чистосердечное почтеніе, послушаніе, покорность и любовь; служить имъ на самомъ дѣлѣ, отзываться объ нихъ съ почтеніемъ, и сносить родительскія увѣщанія и исправленія терпѣливо и безъ ропота. Почтеніе дѣтей къ памяти родителей должно продолжаться и по кончинѣ родителей». В ст. 194 говорилось об обязанности отделенных от родителей детей доставлять оным пропитание и содержание по причине их «бедности, дряхлости или немощи». В ст. 1026 были упомянуты завещания, учиненные «с очевидною ошибкой в лице». В ст. 1180 — наследники, когда в их «преданности и благонадежности не будет явного сомнения». В примечании к ст. 1231 — «немедленное»

¹ Свод законов Российской империи. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&empire=1&collection=0&volume=100013&pg=1&contentsname=%CE%EF%F0%E0%E2%E0%F5+%E8+%EE%E1%FF%E7%E0%ED%EE%F1%F2%FF%F5+%F1%E5%EC%E5%E9%F1%F2%E2%E5%ED%ED%FB%F5.&sort=1>

составление капитаном парохода акта о смерти и описи имущества умершего. В ст. 1256 — наследники Черниговской и Полтавской губерний, которые «по бедности своей, или другим каким-либо причинам, не будут в состоянии» или не захотят отыскивать открывшегося наследства. В ст. 1293 — движимые вещи умершего «хранение коих сопряжено с особенными издержками».

Известные события октября 1917 г. повлекли коренные изменения в регулировании общественных отношений в стране. Семейно-правовые вопросы стали регламентироваться Кодексом законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г.¹ (далее — Кодекс 1918 г.). Данный нормативно-правовой акт от оценочных понятий также свободен не был. Так, в примечании к ст. 59 говорилось о том, что личность вступающих в брак могла быть засвидетельствована удостоверениями, документами, свидетельскими показаниями и «всеми другими способами», которые должностным лицом будут признаны «достаточными». В ст. 63 упоминался «явно необоснованный» протест против брака. В ст. 78 — недействительные браки, заключенные лицами, находившимися в таком состоянии, в котором они не могли действовать «рассудительно и понимать значение своих действий». В ст. 107 — супруг, который «в состоянии оказывать поддержку» не имеющему прожиточного минимума и нетрудоспособному супругу. В ст. 153 — «интересы детей». В ст. 159 — «вредно и пагубно» отражающиеся на детях свидания с родителями, лишенными родительских прав. В ст. 175 — «уважительные причины» для установления различного размера содержания обязанным лицам. В ст. 180 — «наиболее нуждающиеся» лица.

Гражданский кодекс РСФСР 1922 г.² (далее — ГК РСФСР 1922 г.) также содержал в себе оценочные понятия, но в сфере наследственного права. Так, в ст. 417 было положение об установлении совместного владения наследственным имуществом, раздел которого представлялся «хозяйственно-невыгодным и неудобным» и «в интересах государства». В ст. 418 — о «нетрудоспособных и неимущих» лицах³. В ст. 421 упоминались имущество, «относящееся к обычной домашней обстановке и обиходу», и «предметы роскоши».

¹ Кодекс законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/kodeksy_18.

² Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/grk_22.

³ Любопытно отметить, что Кодекс законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. давал определение нуждающегося супруга. В ст. 107 под ним понимался не имеющий прожиточного минимума и нетрудоспособный супруг.

В 1926 г. был принят Кодекс законов о браке, семье и опеке¹ (далее — Кодекс 1926 г.). Одной из отличительных черт данного нормативного акта было увеличение в нем количества оценочных понятий. К таковым можно отнести: «нуждающегося» нетрудоспособного супруга, имевшего право на получение содержания от другого супруга, если последний по признанию суда «в состоянии оказывать ему поддержку» (ст. 14); «издержки по содержанию детей» (ст. 22); «интересы детей» (ст. 24); «интересы ребенка» (ст. 28); расходы, «связанные с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка» (ст. 31); «подготовка к общественно полезной деятельности» (ст. 41); «нуждающиеся, нетрудоспособные дети» (ст. 42); «жестокое обращение с детьми» (ст. 46); свидания с родителями, «вредные» для детей (ст. 47); «уважительные» причины изменения размера участия в доставлении содержания (ст. 52); «нуждающиеся» братья и сестры и братья и сестры, обладающие «достаточными» средствами (ст. 54); «нуждающиеся» дед и бабушка (ст. 55); «злоупотребления» со стороны третьих лиц (ст. 70); лица, «интересы коих противоположны интересам» подлежащих опеке или попечительству, а равно лица, «находящиеся во враждебных к ним отношениях» (ст. 77); расходы на содержание подопечного, признанные органом опеки и попечительства «необходимыми и полезными» (ст. 82); «злоупотребления» полномочиями опекунов или попечителей (ст. 92).

Таким образом, количество оценочных понятий в данном Кодексе по сравнению с Кодексом 1918 г. возросло практически вдвое.

Налиествовали исследуемые оценочные понятия и в принятом в 1964 г. Гражданском кодексе РСФСР² (далее — ГК РСФСР 1964 г.). Так, в ст. 531 упоминались родители и совершеннолетние дети, «злостно уклонявшиеся» от выполнения лежавших на них в силу закона обязанностей по содержанию наследодателя. В ст. 533, 534 — наследование предметов «обычной домашней обстановки и обихода». В ст. 539 — исполнение наследником «каких-либо действий, направленных на осуществление какой-либо общепользующей цели» при завещательном возложении. В ст. 547 — «уважительные» причины пропуска срока принятия наследства. В ст. 559 — «интересы неродившегося наследника». Как видим, в сравнении с ГК РСФСР 1922 г. количество оценочных понятий наследственного права возросло.

¹ Кодекс законов о браке, семье и опеке от 19 ноября 1926 г. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/kodeksy_26.

² Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/grazhd_kodeks1964.

30 июля 1969 г. был принят и с 1 ноября того же года введен в действие Кодекс о браке и семье РСФСР¹ (далее – КоБС). В сравнении с Кодексом 1926 г. количество оценочных понятий в КоБС возросло более чем в два раза. Так, в ст. 13 упоминались «государственные и общественные интересы». В ст. 14 – «уважительные причины» сокращения или увеличения срока, по истечении которого осуществляется регистрация брака и «торжественная обстановка» заключения брака. В ст. 15 – «исключительные случаи» снижения брачного возраста. В ст. 19 – «вопросы воспитания детей и другие вопросы жизни семьи». В ст. 20 – «уважительные причины» отсутствия у супруга самостоятельного заработка. В ст. 21 – «интересы несовершеннолетних детей или заслуживающие внимания интересы одного из супругов» и расходование общего имущества супругов «в ущерб интересам» семьи. В ст. 22 – «предметы роскоши» и вложения, «значительно увеличившие» стоимость имущества каждого из супругов. В ст. 25 – «нуждающийся в материальной помощи нетрудоспособный супруг» и супруг, который «в состоянии» представить другому супругу содержание. В ст. 26 – «нуждающийся нетрудоспособный супруг» и нахождение «длительного времени» в брачных отношениях. В ст. 27 – «непродолжительность» срока пребывания супругов в браке и «недостойное поведение» супруга. В ст. 33 – установление судом того, что «дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи стали невозможными» и принятие судом «в необходимых случаях» мер к защите «интересов несовершеннолетних детей» и нетрудоспособного супруга. В ст. 43 – «брак без намерения создать семью (фиктивный брак)» и «фактическое создание семьи». В ст. 45 – «интересы супруга, вступившего в брак до достижения брачного возраста». В ст. 48 – «доказательства, с достоверностью подтверждающие» признание ответчиком отцовства. В ст. 51, 58, 64 – «интересы ребенка». В ст. 52 – подготовка к «общественно полезной деятельности». В ст. 52, 55, 63 – «интересы детей». В ст. 56 и 57 – «нормальное воспитание ребенка» и «вредное влияние» на ребенка. В ст. 59 – «злоупотребление родительскими правами», «жестокое обращение с детьми», оказывание «вредного влияния на детей своим аморальным, антиобщественным поведением». В ст. 62 – «вредное влияние» на детей. В ст. 64 – «опасность» для ребенка. В ст. 67 – «дети, нуждающиеся в помощи». В ст. 68 – «достаточный заработок» детей. В ст. 69 – «материальное положение родителей». В ст. 73 – «дополнительные расходы, вызванные исключительными обстоятельствами». В ст. 76 – «нуждающиеся в помощи»

¹ Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 г. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sem-kodex1969>.

нетрудоспособные совершеннолетние дети. В ст. 77 — «забота о нетрудоспособных, нуждающихся родителях». В ст. 80 — «достаточные средства на содержание». В ст. 81 — «невыполнение надлежащим образом обязанностей по воспитанию» пасынков и падчериц. В ст. 82, 83, 84 — «достаточные средства». В ст. 93 — «злостное уклонение» от уплаты алиментов. В ст. 101 — «непроявление в отношении ребенка родительского внимания и заботы». В ст. 113 — «интересы усыновленного». В ст. 123 — «обязанности по воспитанию ребенка». В ст. 129 — «обязанность воспитывать подопечных в духе морального кодекса строителя коммунизма» и «интересы подопечного». В ст. 132 — «необходимые» сделки и «злоупотребления со стороны третьих лиц». В ст. 134 — «достаточные основания» для лишения несовершеннолетнего от 15 до 18 лет права самостоятельно распоряжаться своим заработком или стипендией. В ст. 137 — «уважительные причины» освобождения опекунов/попечителей от выполнения ими своих обязанностей. В ст. 138 — «ненадлежащее выполнение опекуном или попечителем возложенных на него обязанностей». В ст. 153 — «уважительные причины» неявки в органы ЗАГС на регистрацию расторжения брака.

Ныне действующий Семейный кодекс РФ 1995 г. (далее — СК РФ) также изобилует оценочными понятиями. Во многом они аналогичны имеющимся в КоБСе. От некоторых законодатель отказался (например, «государственные и общественные интересы», «обязанность воспитывать подопечных в духе морального кодекса строителя коммунизма», «торжественная обстановка» заключения брака, подготовка к «общественно полезной деятельности»). Другие, наоборот, ввел (к примеру, «всестороннее развитие» ребенка; «уважение его человеческого достоинства»; «эксплуатация» детей; «особые обстоятельства», наличие которых является основанием для заключения брака в день подачи заявления; несообщение «по неуважительной причине» сведений о перемене места работы или жительства, наличии дополнительного заработка или иного дохода лица, обязанного уплачивать алименты; недопустимость использования в имени ребенка «бранных» слов; «добросовестный» супруг). Общее количество оценочных понятий в действующем семейном законодательстве возросло. Думается, что это обусловлено не только увеличением количества статей в Кодексе, но и изменением общественно-экономических отношений в России.

Содержатся оценочные понятия и в ч. 3 действующего Гражданского кодекса РФ 2001 г. (далее — ГК РФ), включающей в себя раздел V «Наследственное право». В сравнении с ГК РСФСР 1964 г. их количество увеличилось более чем вдвое. Помимо упоминаемых в ранее дей-

ствовавшем кодексе, ГК РФ дополнен такими понятиями, как: «необходимые расходы», вызванные предсмертной болезнью наследодателя (п. 1 ст. 1174); «достойные» похороны (п. 1, п. 3 ст. 1174); отправление компетентным лицам завещания, приравняемого к нотариально удостоверенному, «как только для этого представится возможность» (п. 3 ст. 1127); «разумная» возможность пригласить нотариуса для совершения завещания (п. 4 ст. 1127); физические недостатки граждан, которые «явно не позволяют им в полной мере» осознавать существо происходящего (п. 2 ст. 1124); положение завещателя, «явно» угрожающее его жизни (п. 1 ст. 1129); «незначительные» нарушения порядка составления, подписания или удостоверения завещания (п. 3 ст. 1131); обстоятельства, свидетельствующие о «ненадлежащем» исполнении своих обязанностей исполнителем завещания (п. 2 ст. 1134); «необходимый надзор и уход» за домашними животными завещателя (п. 1 ст. 1139); «достоверные» данные об отсутствии иных наследников (п. 2 ст. 1163).

Применение историко-правового метода исследования позволяет констатировать, что количество содержащихся в нормативных актах оценочных понятий в сфере наследственного и семейного права с течением времени, как правило, увеличивается. Во многом это объясняется как развитием отраслевого законодательства, так и совершенствованием юридической техники. Думается, что процесс этот будет продолжаться не только в связи с тенденцией увеличения абстрактности и уменьшения казуистичных нормативных предписаний, но и по причине расширения законодворцем поля индивидуального регулирования в обозначенных сферах. Не следует забывать и о перманентной тенденции увеличения количества и объема нормативных актов. Практика показывает, что чем объемнее нормативно-правовой акт, регулирующий анализируемые сферы законодательства, тем большее количество оценочных понятий в нем содержится. Полагаем, что рассматриваемые понятия будут присутствовать и в новых законодательных конструкциях-эндемиках, появление которых обусловлено развитием соответствующих общественных отношений.

Компаративный (сравнительно-правовой) метод исследования оценочных понятий наследственного и семейного права

Хайн Кетц писал: «Решения, предлагаемые правовой наукой по улучшению и реформированию правопорядка, станут эффективными лишь в том случае, если будут опираться на сравнительно-правовой метод. Именно этот метод позволяет выявить, как решается данная проблема в иностранных правовых системах, и определить, в какой

мере ее решение может оказаться полезным и применимым в интересах национального правопорядка» [17, с. 5].

Поскольку современная правовая система России при всех ее особенностях наиболее родственна романо-германской правовой семье, логичным представляется обратить внимание прежде всего на правовые порядки Франции и Германии.

Во Франции основным нормативно-правовым актом, регулирующим вопросы наследственного и семейного права, является Code civil¹ – Гражданский кодекс (далее – ФГК).

В ФГК имеется значительное количество «семейно-правовых» оценочных понятий. Так, в ст. 75 упоминаются «серьезные препятствия» для присутствия в мэрии лиц, намеревающихся вступить в брак. В ст. 145 – «серьезные основания» отступления от возрастных ограничений при вступлении в брак. В ст. 164 – «серьезные основания» отступления от запрета регистрации брака между дядькой и племянницей, между теткой и племянником². В ст. 169 – «серьезные основания» освобождения от обязанности делать объявление о регистрации брака³. В ст. 171 – «серьезные основания» регистрации брака в случае смерти одного из будущих супругов, если имеется «достаточная» совокупность фактов, которые «со всей определенностью» свидетельствуют о его согласии. В ст. 205 – «нуждающиеся» родственники по восходящей линии. В ст. 207 – «грубое» нарушение обязанностей по отношению к плательщику алиментов. В ст. 208 – соразмерность «нуждаемости» алиментополучателя и «имущественного положения» плательщика алиментов. В ст. 209 – положение плательщика алиментов, при котором он «не в состоянии» их платить. В ст. 212 – обязанность супругов «уважать друг друга, хранить верность, оказывать помощь и поддержку друг другу». В ст. 213 – «духовное и материальное развитие» семьи. В ст. 220-1 – «грубое нарушение» обязанности супругом, «ставящим под угрозу интересы семьи». В ст. 232 – соглашение о расторжении брака, «недостаточно защищающее интересы детей или одного из супругов». В ст. 242 – «действия, свидетельствующие о грубом или о неоднократном нарушении супружеского долга», когда эти обстоятельства делают продолжение совместной жизни «невозможным». В ст. 311 и 371-1 – «интересы ребенка». В ст. 371 – обязанность ребенка «почи-

¹ Code civil. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/2023-07-10/.

² Такой запрет предусматривается ст. 163 ФГК.

³ В силу ст. 63 ФГК перед регистрацией брака регистратор актов гражданского состояния делает объявление, вывесившая соответствующую афишу на двери мэрии. Это объявление содержит имена, фамилии, профессии, местожительство и место постоянного пребывания будущих супругов, а также место, где должна будет проходить регистрация.

тать и уважать» своих отца и мать. В ст. 371-2 — «нуждаемость» ребенка. В ст. 371-4 — «серьезные» основания, препятствующие поддерживать ребенку личные неимущественные отношения с родственниками по восходящей линии. В ст. 372-2 — «обычный акт родительской власти в отношении личности ребенка». В ст. 373-2 — «уважение личных отношений» ребенка с отдельно проживающим родителем. В ст. 373-2-1 — «серьезные основания» для отказа отдельно проживающему родителю в общении с ребенком. В ст. 378-1 — «жестокое обращение» с ребенком и отсутствие «заботы или наставлений», подвергающие «явной угрозе» безопасность, здоровье или нравственность ребенка и др.

Помимо ФГК, во Франции действует Code de l'action sociale et des familles¹ — Кодекс социального обеспечения и семьи. Первая и основная задача данного нормативного акта — регламентация оказания материальной, образовательной и психологической поддержки как несовершеннолетним, так и их семьям или любому лицу, осуществляющему родительские права, столкнувшемуся с трудностями, которые могут поставить под угрозу здоровье, безопасность, нравственность этих несовершеннолетних или серьезно угрожать их физическому, эмоциональному, интеллектуальному и психологическому развитию (ст. L. 221-1).

Данный Кодекс также содержит оценочные понятия. Тут и «жестокое обращение» (ст. L. 119-1), и «интересы ребенка» (ст. L. 223-1), и «уважение к родительским правам» (L. 214-1-1), и отношения, «необходимые для физического и психологического» развития ребенка (ст. L. 224-6), и любая информация, «вызывающая беспокойство» о несовершеннолетнем (ст. L. 226-2-1) etc.

Что касается «наследственно-правовых» оценочных понятий, то они в ФГК также присутствуют. К ним можно отнести: «интересы наследства» (ст. 784); отказ наследника от долга наследодателя, если его погашение может «серьезным образом сказаться на его материальном положении» (ст. 786); «грубые упущения», допущенные наследником при управлении наследственным имуществом (ст. 800); расходы, «связанные с погребением» родственника (806); наследственные долги, «не терпящие отлагательств» (ст. 810-4); освобождение наследственного поверенного от обязанностей в случае допущения им «явных нарушений» (ст. 813-7); «серьезные основания» освобождения исполнителя завещания от его обязанностей (ст. 1026) и др.

Сравнение российского и французского законодательства в части оценочных понятий семейного и наследственного права позволяет

¹ Code de l'action sociale et des familles. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006074069/2023-07-10/.

сделать ряд выводов. Во-первых, количество «семейно-правовых» оценочных понятий на уровне кодексов в обоих правопорядках в целом сопоставимо. Если учесть, что семейное законодательство России находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, которые имеют свои региональные семейно-правовые акты, также содержащие оценочные понятия, то по общему их количеству мы Францию опережаем. Во-вторых, «наследственно-правовых» оценочных понятий в отечественном законодательстве значительно больше. В-третьих, и в российском, и во французском законодательстве количество «семейно-правовых» оценочных понятий значительно превышает количество «наследственно-правовых». В-четвертых, в обоих правопорядках наличествуют как схожие (например, «интересы» ребенка, «недостойные» наследники), так и отличающиеся (к примеру, у них — «уважение личных отношений» ребенка с отдельно проживающим родителем, «интересы» наследства; у нас — «добросовестный» супруг, «достойные» похороны) оценочные понятия. В-пятых, как в отечественном, так и во французском законодательстве можно констатировать наличие содержательной общности однородных элементов оценочных понятий наследственного и семейного права. К примеру, в ст. 1026 ФГК упомянуты «серьезные основания» освобождения исполнителя завещания от его обязанностей, а в ст. 145 — «серьезные основания» отступления от возрастных ограничений при вступлении в брак. В свою очередь, в России это «уважительные причины» восстановления срока принятия наследства (п. 1 ст. 1155 ГК РФ) и «уважительные причины», по которым орган ЗАГС может разрешить заключение брака до истечения месяца со дня подачи соответствующего заявления (п. 1 ст. 11 СК РФ).

В Германии основным нормативным правовым актом, регулирующим вопросы наследственного и семейного права, является *Bürgerliches Gesetzbuch*¹ — Германское гражданское уложение (далее — ГГУ).

ГГУ изобилует как «семейно-правовыми», так и «наследственно-правовыми» оценочными понятиями. Среди первых можно выделить: «злоупотребление правом» супруга, «интересы» семьи (§ 1353); «надлежащее содержание» семьи (§ 1360); «предметы домашнего обихода» (§ 1361a, § 1932); «серьезное намерение» супруга вернуться (§ 1361b); «несправедливые» причины продолжения брака (§ 1565); «интересы» несовершеннолетних детей (§ 1568); «предметы домашнего обихода» (§ 1568b); «разумные» жизненные потребности (§ 1578b); «интересы» общего ребенка, «незначительная» продолжительность брака, «существенные» имущественные интересы, «очевидно неправильное

¹ Bürgerliches Gesetzbuch. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/index.html>.

поведение» (§ 1579); собственное «надлежащее» содержание (§ 1581); «серьезное» основание, «несправедливое» обременение (§ 1585); значительный вред благо несовершеннолетнего (§ 1598а); получение доходов в «значительно» большем размере (§ 1605); «продолжительный» брак (§ 1609); «грубая несправедливость» (§ 1611); «интересы» ребенка (§ 1612); расходы «на погребение» матери (§1615m); «помощь и проявление уважения» (§ 1618а); «посильный» способ, «домашние» работы (§ 1619); «благо» ребенка (§ 1626); «существенное значение» для ребенка (§ 1628); «незамедлительно» (§ 1629); «иные меры, посягающие, на достоинство» ребенка (§ 1631); во исполнение «нравственного долга» или ради соблюдения «приличий» (§ 1641, § 1804); опасность для «духовного» здоровья ребенка (§ 1666); «фактическое» осуществление «родительской заботы» (§ 1674); «ухудшение отношения» ребенка к другому родителю либо «осложнение» его воспитания (§ 1684); «любые юридические действия, необходимые для блага ребенка», если их отсрочка «связана с опасностью» (§1687b); «разумный» срок (§ 1744); «интересы» усыновляемого или детей усыновителя (§ 1745); «серьезное» основание (§ 1746); «общественные интересы» (§ 1758); «морально оправданное» усыновление (§ 1767); «преимущественные интересы» детей (§ 1769); «срочные» расходы (§ 1806). Ко вторым можно отнести: «надлежащее содержание» за счет наследства (§ 1963); «разумный» срок, назначенный исходя из обстоятельств (§ 1964, 2193, 2307), «не-соизмеримо великие» в сравнении с составом наследства расходы (§ 1965); «расходы на погребение» (§ 1968); «без промедления», «не-соизмеримо великие издержки» (§ 1980); «достаточные» основания (§ 1994); «значительная неполнота» (§ 2005); «достаточно уважительная» для неявки наследника причина (§ 2006); «немедленное» извещение сонаследников (§ 2035); «справедливое» усмотрение третьего лица, «явно» несправедливо (§ 2048); «значительные» денежные выплаты (§ 2057а); «обычные расходы по сохранению имущества», «иные расходы, которые, в зависимости от обстоятельств, основной наследник вправе считать необходимыми» для сохранения предметов из состава наследства (§ 2124); «неблагоприятное имущественное положение», «существенное нарушение» прав дополнительного наследника, «особые обстоятельства» (§ 2128); «нравственный долг или правила приличия» (§ 2205); «незамедлительно» (§ 2215); «значительная угроза» для наследства (§ 2216); «чрезвычайные обстоятельства», «непосредственная угроза смертельной опасности», «достаточная степень» владения языком (§ 2250); «такие изменения, которые достаточно очевидно выражают намерение отменить письменное волеизъявление» (§ 2255); «злостное» нарушение обязанности предоставлять содержание наследодателю (§ 2333); «расточительный образ жизни», «значительный

риск» (§ 2338); «несоразмерные» трудности, «другие» доказательства, «очевидные» для суда факты (§ 2356); «необходимые расходы» (§ 2381).

Анализ оценочных понятий наследственного и семейного права при сопоставлении российского и германского законодательства приводит к следующим умозаключениям. Во-первых, количество «семейно-правовых» оценочных понятий на уровне кодексов в обоих правопорядках примерно одинаково. Во-вторых, «наследственно-правовых» оценочных понятий в германском законодательстве существенно больше, чем в отечественном. В-третьих, если в российском законодательстве количество «семейно-правовых» оценочных понятий значительно превышает количество «наследственно-правовых», то в германском их количество почти одинаковое. В-четвертых, в обоих правопорядках наличествуют как схожие (например, «интересы» ребенка, «недостойные» наследники), так и отличающиеся (к примеру, у них — «серьезное намерение» супруга вернуться, исполнение «нравственного долга» или ради соблюдения «приличий», «расточительный образ жизни»; у нас — «добросовестный» супруг, «необходимый надзор и уход» за домашними животными завещателя) оценочные понятия. В-пятых, как в российском, так и в германском законодательстве имеет место содержательная общность однородных элементов оценочных понятий наследственного и семейного права. К примеру, в ст. 1744 ГГУ упомянут «разумный» срок нахождения ребенка на попечении усыновителя, а в ст. 1964 — «разумный» срок выявления наследника. В свою очередь, в России это «злостное уклонение» граждан от выполнения лежавших на них в силу закона обязанностей по содержанию наследодателя (п. 2 ст. 1117 ГК РФ) и «злостное уклонение» от уплаты алиментов (ст. 69 СК РФ).

Аксиологический метод исследования оценочных понятий наследственного и семейного права

«Термин «аксиология» происходит от греч. *Axios* — «ценность» и *logos* — «слово», «понятие». Им обозначается направление в философии, которое изучает основания ценностного отношения человека к миру, ценностное сознание и ценностное действие. Ценностное отношение — это положительная, нейтральная или отрицательная значимость любых объектов, при отвлечении от их экзистенциальных и качественных характеристик» [2, с. 4].

В юриспруденции также существует «самостоятельное научное направление — правовая аксиология, в основе которой лежит стремление обосновать особую ценность права как регулятора общественных отношений, как социально-нормативный феномен, определяющий и регулирующий общественные отношения на основе общечелове-

ческих ценностей. При этом аксиология под понятием «ценность» понимает такие явления, которые имеют социальную полезность, несут благо для человечества в целом, человеческих сообществ либо отдельных индивидов. Ценностный характер объекта подтверждается в процессе жизнедеятельности общества и признается большинством» [3, с. 75].

Аксиологический метод исследования оценочных понятий наследственного и семейного права представляется весьма любопытным и перспективным. Его использование предполагает постановку ряда следующих вопросов. В чем ценность оценочных понятий? Можно ли обойтись без них вовсе? Существуют ли особенности оценочных понятий, имеющих место в наследственном и семейном праве?

Отвечая на первый из поставленных вопросов, следует сказать, что безусловным плюсом оценочных понятий является то, что с их помощью учитывается разнообразие многочисленных жизненных обстоятельств и динамика их развития в будущем. «Оценочные понятия, — пишет Н.А. Власенко, — предоставляют субъектам правоприменения определенную свободу в толковании правовой нормы, посредством феномена «наполнения» оценочного термина или сочетания конкретным фактическим содержанием в зависимости от существующих условий. Использование оценочной терминологии — условие динамизма права, его приспособляемости к изменяющимся конкретно-историческим ситуациям» [4, с. 42].

Велика значимость оценочных понятий и для судебного правоприменения. «Они выполняют функцию привязки юридического формализма к конкретным условиям жизни. Судебная практика, прежде всего официальная, призвана конкретизировать, уточнять оценочные понятия. Здесь также проявление важнейшего свойства правового регулирования — гибкости» [4, с. 42]. Следует также отметить, что конструкция оценочного понятия неразрывно связана с судебским усмотрением. Данная синергия позволяет судье разрешать «сложные» («трудные») казусы, в которых возможно несколько вариантов разрешения дела. Причем каждый из них законен.

Применительно к семейному праву О.Ю. Ильина совершенно справедливо отмечает, что «многообразие и разнообразие семейных отношений объективно не позволяют привести их к одной какой-либо формуле, в связи с чем именно оценочные категории, их применение могут обеспечить эффективность правоприменения» [6, с. 605]. Представляется, что аналогичный вывод можно экстраполировать и на оценочные понятия наследственного права.

Ответ на второй вопрос легче всего найти, используя *contradictio in contrarium* (от лат. — доказательство от противного). Если предста-

вить, что из законодательства изъяты все оценочные понятия, то мы столкнемся с «зияющими» пустотами практически во всех кодексах (и не только в них). «Исключение оценочных понятий из нормативных источников, как представляется, может повлечь за собой не только излишнюю косность и неповоротливость законодательного инструментария (и как следствие, проблем при правоприменении), но и послужить «палкой в колесе» гражданского оборота. Негативный эффект от этого, несомненно, может сказаться и на всем правопорядке» [16, с. 92]. По справедливому замечанию М.Ф. Лукьяненко: «Современное гражданское законодательство невозможно представить без гражданско-правовых норм, содержащих оценочные понятия» [9]. «Оценочные понятия в гражданском праве, — отмечает В.Г. Голубцов, — естественный и необходимый атрибут законодательства, внутренне свойственный гражданскому праву как одно из средств конструирования его правовых норм» [5]. Думается, что представленные выводы многоуважаемых ученых можно распространить и на семейное право, вся ткань которого буквально «испещрена» оценочными понятиями. Элиминирование оценочных понятий, особенно из нормативных актов наследственного и семейного права, лишит правоприменителя необходимой свободы в разрешении многообразных, подчас витиеватых казусов в этих весьма непростых и «чувствительных» для каждого человека сферах. В некотором смысле механистический подход может убить справедливость.

Уместно вспомнить и о том, что существование оценочных понятий (в том числе в исследуемых нами областях законодательства) проверено веками практически каждым правопорядком мира.

Поиск ответа на третий вопрос приводит к выводу, в соответствии с которым некоторые оценочные понятия наследственного и семейного права имеют свои особенности. К первой из них можно отнести связь рассматриваемых оценочных понятий с традицией. Под ней обычно понимается исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение опыт, практика в какой-либо области общественной жизни, действительности и т.п.¹ Содержательное наполнение соответствующих оценочных понятий, осуществляемое через традицию, имеет прямую корреляцию с ней. В наследственном праве к таковым можно отнести «достойные похороны» (п. 1, 3 ст. 1174 ГК РФ), в семейном — «бранные слова» (п. 2 ст. 58 СК РФ). Второй особенностью выступает связь рассматриваемых оценочных

¹ Исторический словарь галлицизмов русского языка. URL: http://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D1%86%D0%B8%D1%8F&from=xx&to=ru&did=illustrated_dictionary&style.

понятий с религиозными нормами¹. «Так, уже упоминаемые нами нормы наследственного права о возмещении расходов на достойные похороны, как показывает правоприменительная практика, имеют отношение к культовым объектам и религиозным установлениям» [14, с. 34]. В семейном праве к таковым можно отнести положения ст. 123 СК РФ, согласно которым при устройстве ребенка, оставшегося без попечения родителей, должны учитываться его этническое происхождение, принадлежность к определенной религии и культуре, родной язык, возможность обеспечения «преемственности в воспитании и образовании». В данном случае корреляция усматривается в возможности обеспечения предшествующего религиозного воспитания и образования ребенка. В качестве третьей особенности можно назвать связь исследуемых оценочных понятий с нормами морали. «Моралью принято считать совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и к обществу. Связь оценочных понятий наследственного права с нормами морали обнаруживается при анализе института недостойных наследников. Так, в силу п. 2 ст. 1117 ГК РФ по требованию заинтересованного лица суд отстраняет от наследования по закону граждан, злостно уклонявшихся от выполнения лежавших на них в силу закона обязанностей по содержанию наследодателя. Злостный характер уклонения, как сказано в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 9), в каждом случае должен определяться с учетом продолжительности и причин неуплаты соответствующих средств. Думается, что при квалификации злостности не последнее значение будет иметь и моральная оценка выявленных причин.

В семейном праве такая корреляция выявляется при оценивании недостойного поведения в семье супруга, требующего выплаты алиментов. Так, согласно ст. 92 СК РФ суд может освободить супруга от обязанности содержать другого нетрудоспособного нуждающегося в помощи супруга или ограничить эту обязанность определенным сроком как в период брака, так и после его расторжения: в случае недостойного поведения в семье супруга, требующего выплаты алиментов. Что как не нормы морали послужит той призмой, сквозь которую суд будет квалифицировать поведение супруга в семье в качестве недостойного? Риторический характер вопроса представляется очевидным» [15, с. 335–336]. Уместно вспомнить и слова В.Б. Паничкина, который,

¹ Примечательными в этой связи являются следующие слова К.А. Неволлина: «Религия имеет влияние, более или менее прямое, на все части гражданского законодательства. Но особенно очевидным образом она обнаруживает свое влияние в законах о семействе» [10, с. 220].

характеризуя наследственное право в целом, очень точно отметил: «опираясь не только и не столько на сиюминутную прихоть законодателя и чей-то внезапный коммерческий интерес, но прежде всего на мало поддающиеся регулированию социальные категории, традиции и мораль, из всех подотраслей права оно в наибольшей степени стабильно» [11, с. 7]. Думается, что именно в оценочных понятиях связь наследственного права с традициями, моралью, религиозными нормами проявляется наиболее ярко. Аналогичный вывод можно сделать и по отношению к праву семейному.

Системный метод исследования оценочных понятий наследственного и семейного права

Системный метод позволяет определить внутренние компоненты исследуемого явления, а также их взаимодействие между собой и с другими правовыми явлениями [12, с. 202].

Применение данного метода позволяет сделать вывод о системном характере взаимодействия оценочных понятий наследственного и семейного права.

М.Ю. Челышев очень точно заметил, что «любая совокупность некоторых однородных элементов, как известно, приобретает качество системы не только при наличии определенной содержательной общности соответствующих элементов, но и в случае существования взаимосвязи между данными элементами» [18, с. 18].

Представляется, что взаимосвязь оценочных понятий наследственного и семейного права складывается из нескольких составляющих (компонентов). К таковым можно отнести: обычаи, традицию, религиозные нормы, нормы морали и широкую правоприменительную дискрецию. Если взаимную связь оценочных понятий наследственного и семейного права в части традиции, норм религии и морали мы затронули выше, то на обычаях и широте правоприменительной дискреции подробнее остановимся здесь.

Под обычаем понимается стереотипный способ поведения, который воспроизводится в определенном обществе или социальной группе и является привычным для их членов¹. Или, как его определяет ГК РФ: сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе.

¹ Современная энциклопедия. 2000 // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/33870>.

В нормах наследственного права, содержащих в себе оценочные понятия, обычай упоминается применительно к разделу наследства. Так, согласно ст. 1169 ГК РФ наследник, проживавший на день открытия наследства совместно с наследодателем, имеет при разделе наследства преимущественное право на получение в счет своей наследственной доли предметов **обычной** домашней обстановки и обихода. «Вопрос о том, какие именно вещи могут быть отнесены к предметам быта, всякий раз решается индивидуально с учетом местных обычаев» [1, с. 358].

Нормы семейного права, сопряженные с оценочными понятиями, содержат ссылку на обычаи при решении вопроса о присвоении ребенку отчества. Так, согласно п. 2 ст. 58 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ, Семейный кодекс) имя ребенку дается по соглашению родителей, отчество присваивается по имени отца, если иное не предусмотрено законами субъектов Российской Федерации или не основано на **национальном обычае**. При выборе родителями имени ребенка не допускается использование в его имени цифр, буквенно-цифровых обозначений, числительных, символов и не являющихся буквами знаков, за исключением знака «дефис», или их любой комбинации либо бранных слов, указаний на ранги, должности, титулы.

Относительно широты правоприменительной дискреционности или, иными словами, возможности относительно свободного правоприменительного усмотрения (прежде всего судебного) можно сказать следующее. В отличие от иных норм частного права «семейно-правовые», а в некоторых случаях и «наследственно-правовые» законоположения, содержащие оценочные понятия, могут быть истолкованы правоприменителем в самом широком спектре их значений. Обусловлено это тем, что линейка ориентиров при правоприменении соответствующих законоположений несколько обширнее, нежели в случаях с оценочными понятиями, присутствующими в нормах, регулирующих исключительно хозяйственные отношения. К примеру, нам неоднократно встречались судебные акты, разрешающие споры, которые были связаны с оценочными понятиями в сфере наследственного и семейного права и в них правоприменитель опирался на религиозные нормы и традицию. Аналогичная судебная практика, связанная с оценочными понятиями, присутствующими в нормах, регулирующих исключительно хозяйственные отношения, нам не встречалась. В любом случае прямая корреляция здесь едва ли возможна.

Выше уже указывалось, что системный характер оценочных понятий наследственного и семейного права выражается не только в их взаимной связи, но и в содержательной общности однородных элементов. Отметим, что в ряде случаев даже их наименование полностью совпа-

дает. «Так, пункт 1 статьи 1155 ГК РФ, регламентирующей принятие наследства по истечении установленного срока, содержит положение, согласно которому суд может восстановить срок для принятия наследства, если наследник пропустил его по уважительным причинам. В свою очередь, абзац 2 пункта 1 статьи 11 СК РФ содержит норму, в соответствии с которой при наличии уважительных причин орган ЗАГС может разрешить заключение брака до истечения месяца со дня подачи заявления о заключении брака. В пункте 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (далее — Постановление Пленума ВС №9), сказано, что к числу таких причин следует относить обстоятельства, связанные с личностью истца, которые позволяют признать уважительными причины пропуска срока исковой давности. И в первом, и во втором случае к таким причинам можно отнести, например, тяжелую болезнь как наследника, пропустившего в этой связи срок принятия наследства, так и лица, желающего вступить в брак, возможность излечения которого находится под вопросом» [14, с. 34].

Анализ судебной практики

Анализ судебной практики позволяет в рамках реалистического правопонимания определить, как именно развивается исследуемое правовое явление, как оно понимается в реальной жизни, а не в тексте закона [12, с. 201].

Особое значение в этом деле имеет практика высших судов (речь прежде всего идет о постановлениях Конституционного Суда РФ и Пленумах Верховного Суда РФ). Данные акты могут определять (зачастую в общих чертах) направления в разрешении споров, связанных с оценочными понятиями наследственного и семейного права. Несомненная польза постановлений высших судов заключается в приведении ими примеров, способствующих уяснению сути оценочных понятий. Так, разъясняя положения п. 3 ст. 1131 ГК РФ, Пленум ВС РФ № 9 отметил, что «не могут служить основанием недействительности завещания отдельные нарушения порядка составления завещания, его подписания или удостоверения, например отсутствие или неверное указание времени и места совершения завещания, исправления и описки, если судом установлено, что они не влияют на понимание волеизъявления наследодателя»¹. Приведенные в Пленуме № 9 примеры того, что же следует понимать под незначительными нарушениями

¹ Постановление Пленума ВС РФ от 29 мая 2012 г. № 9 (ред. от 24 декабря 2020 г.) «О судебной практике по делам о наследовании». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

порядка составления, подписания или удостоверения завещания, способствуют формированию некоторого представления о том, что можно отнести к таким нарушениям. Полагаем, что в ряде случаев, особенно применительно к оценочным понятиям наследственного и семейного права, акты высших судов носят нормативный характер. При отсутствии соответствующих актов Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ следует обратить внимание на судебную практику, складывающуюся в нижестоящих судебных инстанциях. Многообразные жизненные ситуации и их квалификация в различных судебных актах могут помочь судье правильно применить нормы с оценочными понятиями. Единообразие судебной практики в данном случае имеет колоссальное значение. Как отметил Н.А. Власенко: «Целью судебной практики является не только расширение оценочных понятий с позиции увеличения их объема, но и установление логико-семантических пределов их толкования» [4, с. 44].

Межотраслевой метод юридических исследований

Как известно, основоположником современного учения о межотраслевых связях гражданского права был выдающийся представитель Казанской юридической школы, доктор юридических наук, профессор М.Ю. Чельшев.

Характеризуя межотраслевой метод юридических исследований, М.Ю. Чельшев отмечал, что он носит комплексный характер и сочетает в себе элементы (черты) других методов юридических исследований, в первую очередь сравнительно-правового и системного. Вместе с тем он имеет относительно самостоятельное значение, поскольку позволяет оценивать правовые явления несколько по-другому, чем указанные методы. С его помощью объекты правовых исследований анализируются и в статике, и, самое главное, одновременно в динамике с использованием в допустимых пределах инструментария различных правовых научных дисциплин [18, с. 135].

Межотраслевой метод исследования оценочных понятий наследственного и семейного права позволяет выявить не только взаимную связь исследуемых правовых явлений в динамике (в ходе правоприменения), но и определить их взаимное влияние. Так, п. 20 Постановления Пленума ВС РФ № 9, посвященный разъяснению злостного уклонения наследников от выполнения обязанности по содержанию наследодателя, гласит, что злостный характер уклонения в каждом случае должен определяться с учетом продолжительности и причин неуплаты соответствующих средств. По сути, аналогичный подход можно видеть и в утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 20 июля 2011 г.

Обзоре практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей¹. «В качестве злостного уклонения от выполнения указанных обязанностей могут признаваться не только непредоставление содержания без уважительных причин, но и сокрытие алиментнообязанным лицом действительного размера своего заработка и (или) дохода, смена им места работы или места жительства, совершение иных действий в этих же целях», — сказано в Постановлении Пленума ВС РФ № 9. Думается, что использование межотраслевого метода исследования позволяет сделать вывод о том, что процитированное разъяснение высшей судебной инстанции вполне применимо не только к рассматриваемым нормам наследственного права (п. 2 ст. 1117 ГК РФ), но и к соответствующим положениям права семейного (ст. 69 СК РФ). Возможное заимствование и взаимовлияние в данном случае выглядит вполне органичным. Представляется, что рассмотренное правовое явление является микрокомпонентом системы межотраслевых связей гражданского права, о которой так замечательно писал М.Ю. Чельшев.

Заключение

Количество содержащихся в нормативных актах оценочных понятий в сфере наследственного и семейного права с течением времени, как правило, увеличивается. Полагаем, что данная тенденция будет только возрастать. Компаративный анализ оценочных понятий наследственного и семейного права России, Франции и Германии показывает, что в данных правовых порядках в отношении исследуемых понятий есть как сходства, так и отличия. В судебных актах, оперирующих оценочными понятиями наследственного и семейного права, наиболее ярко высвечивается связь правоприменения с традициями, моралью и религиозными нормами. Анализ актов высших судов, затрагивающих оценочные понятия наследственного и семейного права, показывает, что в ряде случаев они носят нормативный характер. Использование межотраслевого метода исследования оценочных понятий наследственного и семейного права позволяет не только выявить взаимную связь исследуемых правовых явлений в динамике, но и определить их взаимное влияние.

Библиографический список

1. *Абраменков М.С., Чугунов П.В.* Наследственное право: Учебник для магистров / Отв. ред. В.А. Белов. М.: Юрайт, 2013. 423 с.

¹ См.: Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом ВС РФ 20 июля 2011 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. *Барышков В.П.* Аксиология: Учеб. пособие. Саратов: Изд. центр «Наука», 2009. 65 с.

3. *Вершинина С.И.* Аксиологический подход в исследовании проблем государственного принуждения // Вектор науки ТГУ. 2010. № 1 (11). С. 75–78.

4. *Власенко Н.А.* Неопределенность в праве и правовое регулирование // Судебное правоприменение: проблемы теории и практики. М.: РАП, 2007. С. 37–50.

5. *Голубцов В.Г.* Оценочные понятия в российских кодификациях гражданского права // Lex russica. 2019. № 8. С. 37–50.

6. *Ильина О.Ю.* Оценочные категории в Семейном кодексе Российской Федерации. Гармонизация частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. Научная школа доктора юридических наук, профессора, почетного работника сферы образования РФ О.Ю. Ильиной: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2023. 639 с.

7. *Комиссарова Е.Г.* Влияние методологии на выбор методов исследования в цивилистике. // Методологические проблемы цивилистических исследований: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. 192 с.

8. *Кузнецова О.А.* Историко-правовой метод в отраслевых юридических исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований: Сб. науч. ст. М.: Статут, 2023. Вып. 5. 223 с.

9. *Лукьяненко М.Ф.* Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. 423 с.

10. *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Часть первая: Введение и книга первая о союзах семейственных. М.: Статут, 2005. 588 с.

11. *Паничкин В.Б.* Наследование в англо-американском и российском праве: общие положения и наследование по закону (сравнительный анализ): Монография. М.: Проспект, 2021. 560 с.

12. *Подшивалов Т.П.* Методология исследования вещных исков // Методологические проблемы цивилистических исследований: Сб. науч. ст. М.: Статут, 2023. Вып. 5. 223 с.

13. *Серебрякова А.А.* Методология научного исследования в сфере алиментирования // Методологические проблемы цивилистических исследований: Сб. науч. ст. Ежегодник / Отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. Вып. 2. 424 с.

14. *Фиошин А.В.* К вопросу о системе оценочных понятий наследственного и семейного права // Нотариус. 2018. № 1. С. 32–36.

15. *Фиошин А.В.* Оценочные понятия наследственного и семейного права: межотраслевой аспект. Межотраслевые связи в частном и пуб-

личном праве / Отв. ред. Д.Х. Валеев, А.В. Михайлов. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2022. 376 с.

16. *Фиошин А.В.* Об оценочных понятиях частного и публичного права // Вестник гражданского процесса. 2022. № 5. С. 90–113.

17. *Цвайгерт К. Кетц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 2000. Т. 1. 480 с.

18. *Челышев М.Ю.* Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2008. 206 с.

References

1. *Abramenkov M.S., Chugunov P.V.* Nasledstvennoe pravo: Uchebnik dlja magistrrov [Inheritance law: Textbook for masters]. Moscow, 2013. 423 p. (In Russ.)

2. *Baryshkov V.P.* Aksiologija: Uchebnoe posobie [Axiology: a textbook] Saratov, 2009. 65 p. (In Russ.)

3. *Vershinina S.I.* Aksiologicheskij podhod v issledovanii problem gosudarstvennogo prinuzhdenija [Axiological approach in the study of problems of state coercion]. Vektor Nauki TGU – Vector of Science TSU. Issue 1 (11). 2010. P. 75–78. (In Russ.)

4. *Vlasenko N.A.* Neopredelennost' v prave i pravovoe regulirovanie [Uncertainty in law and legal regulation]. Sudebnoe pravoprimerenie: problemy teorii i praktiki – Judicial enforcement: problems of theory and practice. Moscow, 2007. P. 37–50. (In Russ.)

5. *Golubtsov V.G.* Ocenochnye ponjatija v rossijskikh kodifikacijah grazhdanskogo prava [Evaluative concepts in Russian codifications of civil law]. Lex russica. 2019. Issue 8. P. 37–50. (In Russ.)

6. *Ilyina O.Ju.* Ocenochnye kategorii v Semejnom kodekse Rossijskoj Federacii [Evaluation categories in the Family Code of the Russian Federation]. Garmonizacija chastnyh i publicnyh interesov v semejnom prave Rossijskoj Federacii. Nauchnaja shkola doktora juridicheskikh nauk, professora, pochetnogo rabotnika sfery obrazovanija RF O.Ju. II'inoj – Harmonization of private and public interests in family law of the Russian Federation. Scientific School of Doctor of Law, Professor, Honorary worker of Education of the Russian Federation O.Y. Ilyina. Moscow, 2023. 639 p. (In Russ.)

7. *Komissarova E.G.* Vlijanie metodologii na vybor metodov issledovanija v civilistike [The influence of methodology on the choice of research methods in civil law]. Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovanij: Sbornik nauchnyh statej / Отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кувнецова – Methodological problems of civil studies: Collection of scientific

articles / Ed. A.V. Gabov, V.G. Golubtsov, O.A. Kuznetsova. Moscow, 2016. 192 p. (In Russ.)

8. *Kuznetsova O.A.* Istoriko-pravovoj metod v otraslevykh juridicheskikh issledovaniyakh [Historical and legal method in branch legal research] Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovaniy: Sbornik nauchnykh statej — Methodological problems of civil studies: Collection of scientific articles. Moscow, 2023. Issue 5. 223 p. (In Russ.)

9. *Lukyanenko M.F.* Ochenochnye ponjatija grazhdanskogo prava: razumnost', dobrosovestnost', sushhestvennost' [Evaluative concepts of civil law: reasonableness, conscientiousness, materiality]. Moscow, 2010. 423 p. (In Russ.)

10. *Nevolin K.A.* Istorija rossijskikh grazhdanskikh zakonov. Chast' pervaja: Vvedenie i kniga pervaja o sojuzah semejstvennykh [History of Russian civil laws. Part One: Introduction and book one about familial unions]. Moscow, 2005. 588 p. (In Russ.)

11. *Panichkin V.B.* Nasledovanie v anglo-amerikanskom i rossijskom prave: obshhie polozhenija i nasledovanie po zakonu (sravnitel'nyj analiz) [Inheritance in Anglo-American and Russian law: general provisions and inheritance by law (comparative analysis)]. Moscow, 2021. 560 p. (In Russ.)

12. *Podshivalov T.P.* Metodologija issledovaniya veshhnykh iskov [Methodology of research of property claims]. Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovaniy: Sbornik nauchnykh statej — Methodological problems of civil studies: Collection of scientific articles. Moscow, 2023. Issue 5. 223 p. (In Russ.)

13. *Serebrjakova A.A.* Metodologija nauchnogo issledovaniya v sfere alimentirovaniya [Methodology of scientific research in the field of alimony] Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovaniy: Sbornik nauchnykh statej. Ezhegodnik. Vyp. 2. 2017 / Otv. red. A.V. Gabov, V.G. Golubcov, O.A. Kuznecova. — Methodological problems of civil studies: A collection of scientific articles. Yearbook. Issue 2. 2017 / Ed. A.V. Gabov, V.G. Golubtsov, O.A. Kuznetsova. 2017. 424 p. (In Russ.)

14. *Fioshin A.V.* K voprosu o sisteme ocenocnykh ponjatij nasledstvennogo i semejnogo prava [On the question of the system of evaluative concepts of inheritance and family law]. Notarius — Notary. 2018. Issue 1. P. 32–36. (In Russ.)

15. *Fioshin A.V.* Ochenochnye ponjatija nasledstvennogo i semejnogo prava: mezhotraslevoj aspect [Evaluative concepts of inheritance and family law: intersectoral aspect]. Mezhotraslevye svyazi v chastnom i publicnom prave / otv. red.: D.H. Valeev, A.V. Mihajlov — Intersectoral relations in private and public law / ed.: D.H. Valeev, A.V. Mikhailov. Kazan, 2022. 376 p. (In Russ.)

16. *Fioshin A.V.* Ob ocenocnykh ponjatijah chastnogo i publicnogo prava [On evaluative concepts of private and public law]. Vestnik grazhdanskogo processa — Bulletin of Civil Procedure. 2022. Issue 5. P. 90–113. (In Russ.)

17. *Cvaigert K. Kjtoc H. Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava: V 2-h. Per. s nem.* [Introduction to Comparative Jurisprudence in the Field of Private Law: In 2 vols. Trans. from German]. Moscow, 2000. 480 p. (In Russ.)

18. *Chelyshev M.Ju. Osnovy uchenija o mezhotraslevykh svyazjah grazhdanskogo prava* [Fundamentals of the doctrine of intersectoral relations of civil law]. Kazan, 2008. 206 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

А.В. Фиошин

Кандидат юридических наук, доцент,
Доцент кафедры гражданского права
Российский государственный университет правосудия
117418, г. Москва, улица Новочеремушкинская, 69
Профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации
125080, г. Москва, ул. Врубеля, 12
ORCID: 0000-0002-4664-1976

Information about the author:

A.V. Fioshin

Russian State University of Justice
69 Novocheremushkinskaya st., Moscow, 117418, Russia
Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation
12 Vrubel st., Moscow, 125080, Russia

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

Е.А. Ходырева

Удмуртский государственный университет

E-mail: eay.07@mail.ru

Введение: несмотря на долголетнюю историю развития учения о наследственном правопреемстве, в науке до сегодняшнего дня не сложилось единой, общепризнанной концепции наследственного правоотношения. Разнообразие взглядов делает актуальной задачу по их обобщению и выработке наиболее приемлемой концепции, в рамках которой право наследования как субъективное право получит надлежащее правовое отображение. **Цель:** на основе анализа доктринальных источников, норм действующего законодательства, практики их применения предложить оптимальную модель наследственного правоотношения. **Методы:** применялись общенаучные и частнонаучные методы исследования: формальной и диалектической логики, системный, методы описания, сравнения, интерпретации, юридико-догматический, исторический и метод толкования правовых норм. **Результаты:** определены основные позиции авторов относительно обоснованности возникновения наследственного правоотношения и его существования. Теория отрицания наследственного правоотношения не находит подтверждения с учетом норм действующего законодательства. Концепция множественности наследственных правоотношений, предполагающая дробление наследственного правоотношения на несколько видов, реализуемых как до открытия наследства, так и после, противоречит понятию и сути наследственного правоотношения. **Выводы:** наследственное правоотношение является единым и не подлежит дроблению на различные виды или этапы развития. Оно выступает необходимой правовой формой взаимодействия наследников. Будучи участником наследственного правоотношения, управомоченный субъект реализует принадлежащее ему право наследования, которое, будучи субъективным, подлежит судебной защите.

Ключевые слова: наследственные распоряжения, наследственный договор, совместное завещание, супруги, исполнение обязательств, условные распоряжения, изменение и отмена распоряжений, право на односторонний отказ.

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF THE STUDY OF HEREDITARY LEGAL RELATIONS

E.A. Khodyreva

Udmurt State University

E-mail: eay.07@mail.ru

Introduction: despite the long history of the development of the doctrine of hereditary succession in science, to date there has not been a single, universally recognized concept of hereditary legal relations. The diversity of views makes it urgent to generalize them and develop the most acceptable concept, within which the right of inheritance as a subjective right will receive a proper legal representation. **Purpose:** based on the analysis of doctrinal sources, the norms of current legislation, and the practice of their application, to propose an optimal model of hereditary legal relations. **Methods:** general scientific and private scientific research methods were used: formal and dialectical logic, systematic, methods of description, comparison, interpretation, legal-dogmatic, historical and method of interpretation of legal norms. **Results:** the main positions of the authors regarding the validity of the emergence of a hereditary legal relationship and its essence are determined. The theory of denial of the hereditary legal relationship is not confirmed, taking into account the norms of current legislation. The concept of the plurality of hereditary legal relations, which implies the fragmentation of the hereditary legal relationship into several types, implemented both before and after the opening of the inheritance, contradicts the concept and essence of the hereditary legal relationship. **Conclusions:** the hereditary legal relationship is unified and cannot be divided into different types or stages of development. It acts as a necessary legal form of interaction between heirs. Being a participant in the hereditary legal relationship, the authorized subject implements the right of inheritance belonging to him, which, being subjective, will be subject to judicial protection.

Keywords: hereditary orders, hereditary contract, joint will, spouses, fulfillment of obligations, conditional orders, modification and cancellation of orders, the right to unilateral refusal.

Введение

Категория наследственного правоотношения — одна из сложных в науке гражданского права. Дискуссионными при этом становятся многие вопросы, в частности, определение субъектов, оснований возникновения, содержания наследственного правоотношения. Нет определенности по вопросу о том, является ли наследственное право-

отношение единым или состоит из множества разнообразных правовых связей. Под сомнение ставится и сам факт возникновения наследственного правоотношения. Отсутствие единой общепризнанной, устоявшейся концепции наследственного правоотношения может быть обусловлено как особенностями самого изучаемого правоотношения, так и разницей в методологических подходах к его познанию. Изучение сущности наследственного правоотношения имеет важное значение, ибо любое познание, по выражению З.Ф. Сафина и М.Ю. Челышева, имеет ближайшей целью «обеспечение эффективности правовой регламентации соответствующих отношений», а конечной — «формирование и совершенствование системы гарантированного осуществления субъективных прав» [19, с. 122]. Потому абсолютно очевидно, что выбранная методология изучения наследственного правоотношения влияет на понимание права наследования как правовой категории и выработку эффективных механизмов его реализации.

Исследование наследственного правоотношения в исторической ретроспективе

В дореволюционной цивилистике сложно найти высказывания относительно сути наследственного правоотношения. Предметом исследования становились общие вопросы наследственного права: открытие наследства, наследники, основания наследования, принятие наследства, ответственность наследников, раздел наследства и др. По этим вопросам известны работы Я.В. Абрамова, А.А. Башмакова, В.Г. Демченко, Л.А. Кассо, В.А. Рязановского и других ученых. В частности, К.П. Победоносцев, И.А. Покровский и Д.И. Мейер в своих трудах рассматривали наследование как вид преемства, не связывая его сущность с правоотношением. В.Н. Никольский называл наследование особым универсальным способом преемства, заключающимся в перенесении «юридических отношений умершего на новое лицо», что становится возможным благодаря юридической фикции о непрерывности «юридических отношений, юридической жизни» [16, с. 10]. Наличие фикции, по мнению автора, исключает необходимость совершения акта передачи имущества и делает необходимым лишь его принятие [16, с. 51]. Г.Ф. Шершеневич, развивая мысль о преемстве при наследовании, писал: «Наследование представляет собой общее преемство. Оно является одновременным переходом всего комплекса, а не только суммы юридических отношений» [30, с. 616].

В.И. Синайский с сожалением отмечал сложившийся взгляд на наследование «преимущественно как на способ (порядок) приобретения имущества» [21, с. 547] довольно узким, не позволяющим изучить

право наследования. Эту тенденцию замечал К.Н. Анненков, указывая, в частности, на отсутствие в трудах К.П. Победоносцева и К.Д. Кавелина самого определения права наследования [2, с. 3], связывая это обстоятельство с отсутствием законодательных положений на этот счет. Объяснение такому феномену, вероятно, можно найти в работах О.С. Иоффе. Автор указывал: «...наследственное право имеет значение для его обладателя не столько как право, сколько как юридический факт», увязывая ценность наследственного права не с его наличием у обладателя или с его содержанием, а с его значением как основанием «для возникновения нового права — права собственности» [10, с. 183]. Усматривая близость наследственного права с правом собственности, О.С. Иоффе определял схожую для соответствующих правоотношений конструкцию, называя в качестве активных, управомоченных субъектов наследственного правоотношения наследников, которым «противостоят все третьи лица, обязанные воздерживаться от действий, препятствующих осуществлению этого права» [10, с. 183]. Аналогичную юридическую связь между наследниками и третьими лицами выстраивает Ю.К. Толстой, не отрицая возникновение наследственного правоотношения с момента открытия наследства [22, с. 13, 34].

А.Г. Певзнер усматривал в пассивном поведении субъекта наследственного правоотношения не выполнение им какой-либо обязанности, а состояние связанности. Именно взаимная связанность поведения участников, по его мнению, составляет содержание наследственного правоотношения, а «возможность требовать определенного поведения появляется у наследника только после принятия наследства» [18]. Высказанная автором позиция активно поддерживается в настоящее время сторонниками рассмотрения права на принятие наследства (или права наследования) в качестве секундарного, но в этом случае, как правило, реализацию такого права не связывают с правоотношением.

Однако характеристика права в качестве секундарного предполагает в качестве одного из его определяющих признаков невозможность судебной защиты. Между тем сложно не усмотреть в случаях оспаривания завещания, признания наследника отказавшимся от наследства и других защиту принадлежащего лицу права признаваться или не признаваться наследником (права наследования). Именно судебная практика может стать индикатором, позволяющим решить теоретические проблемы. «Каково практическое значение теории правоотношения, как отражена в ней практика правового регулирования?» [26, с. 11]. Ответы на эти вопросы, по выражению Р.О. Халфиной, составляет необходимую методологическую предпосылку теории правоотношения.

П.С. Никитюк в содержание наследственного отношения включал различные права и обязанности наследников, а наследственное право в субъективном смысле, по его мнению, состоит из трех основных правомочий: принятие наследства или отказ от него; раздел наследственной массы; подтверждение законности приобретения наследственного имущества нотариальными, судебными или иными компетентными органами [15, с. 163, 24]. Не акцентируя внимание на характеристике наследственного правоотношения, автор предложил рассматривать «совокупность действий участников наследственного отношения, опосредствующих его динамику и имеющих процессуальное значение» [15, с. 168] в качестве отдельного института процессуального права — наследственного процесса и был подвергнут критике за искусственность конструкции и непродуманность понятий [28, с. 129–130].

Встречалась в науке позиция и о необходимости отождествления наследственного правопреемства и правоотношения. Так, Н.В. Орлова, отвечая на вопрос о том, какие коллизионные нормы подлежат применению, формулирует: «какой правопорядок — советский или иностранный — должен определить, является ли конкретное правоотношение наследственным правопреемством или же переход имущества имеет иное правовое основание» [17, с. 247–248]. Представляется, что при подобном подходе обнаруживается необходимость считать правопредшественника (наследодателя) как субъектом правопреемства, так и субъектом правоотношения, что с точки зрения учения о правосубъектности недопустимо.

Распространенный взгляд на наследование как на правопреемство (а не правоотношение) тем не менее позволял ученым выделять в его составе право наследования и формулировать положения о нем как о наследственном праве в субъективном смысле. В.И. Серебровский определял два значения для «права наследования»: 1) как право на приобретение наследства, которое «должно быть признано субъективным гражданским правом», «хотя этому праву не противостоит соответствующая обязанность на стороне сонаследников (или третьих лиц)» [20, с. 75]; 2) право, возникшее из приобретения наследства, которое «является субъективным гражданским правом наследника, охраняемым против всякого и каждого» [20, с. 76]. Б.С. Антимонов и К.А. Граве, развивая эту идею, определяли, что субъектами того и другого права становятся наследники, но их правомочия различны [3, с. 48]. Причем «правомочие наследника может развиваться — право принять наследство может по воле наследника преобразоваться в правопреемство» [3, с. 48]. Следует заметить, что мысль о двояком значении права наследования была в то время не новой, ибо высказывалась и ранее. Так, раскрывая систему римского гражданского права, Ю. Барон определял

наследственное право в субъективном смысле как право лица на приобретение наследства и право из приобретения наследства [5, с. 85].

Таким образом, категория «наследственное правоотношение» как предмет науки относительно новое явление, о сущности которого говорили немногие.

Современные подходы к изучению наследственного правоотношения

В настоящее время вопрос о существовании наследственного правоотношения продолжает оставаться дискуссионным. Г.С. Лиманский считает существенной методологической ошибкой не установить сущность наследственного правоотношения как формы, в которой осуществляется наследственное правопреемство, ибо «вообще что-либо юридически значимое может возникнуть только в рамках правоотношения» [13].

Немногочисленные сторонники концепции отрицания наследственного правоотношения, как правило, исходят из того, что возникновение у наследника прав на имущество умершего происходит благодаря совокупности постепенно накапливаемых юридических фактов, а «смерть гражданина всего лишь запускает процесс накопления юридического состава» [8]. Но, во-первых, накопление юридического состава может начаться гораздо раньше смерти гражданина (например, составление завещания или заключение наследственного договора), а во-вторых, этот аргумент лишь может подтверждать мысль о наличии наследственного правоотношения, так как распространена теория о том, что всякое правоотношение возникает при наличии общих предпосылок — правовой нормы и правоспособности, а также частных предпосылок — юридических фактов [22, с. 3].

Облечение складывающихся отношений в правовую форму необходимо для того, чтобы предоставить его участникам защиту при реализации права. Более того, если предположить, что наследственное правоотношение не возникает, то тогда, как указывал Г.Ф. Шершеневич, заступление наследника на место наследодателя осуществлялось бы «силой только того факта, с которым связывается открытие наследства», что делало бы принятие наследства излишним [30, с. 681], а соответственно, не требовало бы наличия правовой формы, в которой осуществлялось право наследования. Основная цель наследственного правоотношения заключается не столько в перенесении прав и обязанностей умершего на иное лицо, сколько в установлении правопреемника, который приобрел бы права и обязанности умершего гражданина. Если бы такой цели не было, то перенести права и обязанности на кого бы то ни было действительно стало бы возможным и при отсутствии

наследственного правоотношения. Именно взаимодействие наследников становится основой возникшего наследственного правоотношения, в рамках которого субъект вправе принять наследство, отказаться от наследства или не принять наследство. Предоставленные субъекту правомочия только в рамках правовой формы (правоотношения) могут стать предметом защиты.

Научная мысль о двояком значении права наследования в большей степени заинтересовывает современных исследователей, и учение о наследственном правоотношении отчасти выстраивается относительно высказанных в советский период позиций. Во-первых, наследственное право в субъективном смысле предлагают рассматривать в качестве секундарного права (или правомочия), возникшего при отсутствии правоотношения и не подкрепленного чьей-либо субъективной обязанностью (Е.Н. Киминчижи [11], М.С. Абраменков [1] и др.). В ряде случаев секундарный, правообразовательный характер усматривают не в праве наследования, а в праве на принятие наследства (Е.М. Денисевич [9, с. 51–56], Е.М. Тужилова-Орданская [25] и др.). Во-вторых, сообразно определяемым правам наследника, возникающим в связи с открытием или принятием наследства, предлагают говорить о нескольких видах наследственных правоотношений или о разных этапах существования наследственного правоотношения.

Однако можно возразить против подобных взглядов. Во-первых, с точки зрения системного подхода и доказанности положения о том, что наследственное правоотношение все-таки возникает, невозможно рассматривать право наследования как секундарное право. И здесь вполне оказывается права Р.О. Халфина в том, что реализация прав односторонним волеизъявлением субъекта вполне укладывается в содержание правоотношения, которым связаны его участники [26, с. 235]. При отсутствии правоотношения между сторонами осуществление секундарного права привело бы к его установлению. Этим объясняется и тот факт, что основное отличие субъективного права от секундарного состоит в отсутствии чей-либо обязанности [6; 11; 24]. Секундарному праву «противостоит не обязанность, а лишь связанность пассивного субъекта» [4, с. 11]. Для некоторых исследователей основным отличием секундарных прав от иных прав становится реализация первых «исключительно действиями управомоченного лица без обращения в суд» [12]. Сторонники секундарной теории права наследования отмечают невозможность его нарушения и невозможность самостоятельной судебной защиты [12]. Значим для них и аргумент о том, что право наследования не предполагает необходимости совершения конкретных действий обязанным лицом. Но обязанность субъектов не всегда может предполагать совершение ими активных, положительных дей-

ствий, приводящих к осуществлению права управомоченным лицом. Как известно управомоченный субъект, «может требовать лишь того, чтобы ему не препятствовали в дозволенном законом поведении» [31, с. 386]. Причем понятие «связанность» не означает исключительную характеристику секундарного права. Так, еще Д.М. Чечот, размышляя о субъективном праве, писал: «Субъективное право дает своему обладателю возможность определенного дозволенного поведения, одновременно **связывая** обязанное (выделено мной. — Е.Х.) лицо необходимостью должного поведения» [29, с. 27].

В случае с правом наследования обязанные лица не должны чинить препятствий управомоченному субъекту в осуществлении принадлежащего ему права. Они (препятствия), в частности, могут заключаться в создании помех для фактического принятия наследства, в принуждении к отказу от наследства, совершении умышленных противоправных действий против наследника с целью призвания к наследованию или увеличения доли. Неисполнение пассивной обязанности может привести к нарушению права наследования, что будет являться основанием для его защиты в судебном порядке.

Во-вторых, сообразно определяемым правам наследника, возникающим в связи с открытием или принятием наследства, предлагают говорить о нескольких видах наследственных правоотношений. Как пишет Б.А. Булаевский, «методологически верным представляется исследовать две группы наследственных правоотношений (правоотношения «до принятия наследства» и правоотношения «после принятия наследства»), что традиционно и осуществлялось специалистами в области отечественного наследственного права» [7]. Однако обозначение прав, привязанных к определенному юридическому факту, еще не дает оснований для выделения сообразно возникшим правам различных разновидностей наследственных правоотношений. А.В. Трапезникова считает методологической ошибкой деление наследственного правоотношения на самостоятельные части, связывая с «традиционным пониманием гражданского правоотношения как некой статичной системы, как простой совокупности элементов, что не позволяет проследить динамику правоотношения во взаимодействии с другими системами (их элементами)» [23].

Системный подход к изучению наследственного правоотношения

Для разрешения возникшего противоречия необходимым становится обращение к понятию наследственного правоотношения и определению его места среди других правоотношений. Исследуе-

мый объект при этом должен рассматриваться как целостное образование с присущими ему интегративными свойствами, структурой и функциями. Под наследственным правоотношением можно понимать не любое отношение, возникшее на основе норм части третьей ГК РФ, а лишь то, которое возникло в связи с открытием наследства по поводу имущества и направлено на определение преемника умершего гражданина. Только наследственное правоотношение опосредует реализацию права наследования. Все иные отношения, регламентированные частью третьей ГК РФ, причинно обусловлены фактом открытия наследства и являются сопутствующими или связанными с наследственным (охрана наследства и управление им, оформление наследства, раздел наследства, исполнение наследственных распоряжений). У каждой из указанных групп отношений присущая им группа юридических фактов как оснований возникновения, свой субъект и содержание.

Возражая против мысли о развитии и динамике наследственного правоотношения, вследствие чего становится возможным выделение различных его групп, можно обратиться к научным взглядам О.С. Иоффе. Исследуя значение юридических фактов, автор рассматривал возникновение и прекращение правовых отношений как «исходную и заключительную стадии их движения, в промежутке между которыми входящие в их состав элементы — субъекты и объекты, правомочия и обязанности — могут подвергнуться частичному или полному изменению, отражающему на себе изменение и движение правового отношения в целом» [10, с. 157–158]. Соответственно в тех случаях, когда в основе правоотношения будет находиться отличный состав юридических фактов, речь должна идти о возникновении иного правоотношения с иным субъектным составом и содержанием, а не о динамике ранее возникшего. Значит, и правоотношения по оформлению наследства, его разделу и другие (сопутствующие) не выражают собой динамику наследственного правоотношения и не могут быть определены в качестве следующей стадии его развития.

В юридической литературе есть сторонники множественности правоотношений, возникающих при наследовании, каждое из которых «имеет целью реализовать конкретное право субъекта наследования, возникшее с фактом смерти наследодателя» [14]. Аргументами к этому, в частности, служит довод о том, что «весь процесс наследования не может быть охвачен одним правоотношением» [14]. Ю.Ф. Беспалов указывает на наследственное правоотношение как на комплекс правовых отношений, который включает в себя имущественные и личные неимущественные правоотношения, возникающие «в связи с составлением завещания всех форм; ...открытием наследства; ...принятием

наследства; ...отказом от принятия наследства; ...охраной наследства и др.» [27].

Но допустить множественность наследственных правоотношений, включая в круг его возможных субъектов не только наследников, но и душеприказчика, нотариуса, свидетелей, наследодателя и иных субъектов, невозможно. Иные лица, не из числа наследников, становятся субъектами иных правоотношений, связанных с наследственным. Этим лицам не принадлежит право наследования, но у них есть иные права и обязанности, виды и содержание которых предопределено особенностями правоотношения, в которых эти лица участвуют. Наследники, которым принадлежит право наследования, становятся субъектами единого наследственного правоотношения со множественностью лиц. Если считать, что каждый из наследников становится субъектом в правоотношении, возникшем только для него одного, то непонятным становится применение правил о приращении наследственных долей, о возможности отказа в пользу другого наследника, ибо должно быть объединяющее, связующее начало, благодаря которому у наследников появится определенное взаимодействие друг с другом, а взаимодействие лиц — основа любого правоотношения.

Содержание наследственного правоотношения образует субъективное право наследования, принадлежащее наследнику. Реализуя право, наследник вправе принять наследство, не принять его или отказаться от наследства. Наследник, призванный к наследованию и наделенный правом наследования, становится управомоченным лицом в наследственном правоотношении. Обязанными лицами выступают иные лица, из числа наследников, но не призванные к наследованию, а также субъекты выморочного наследства. Их обязанность в правоотношении носит пассивный характер, поскольку они не должны препятствовать преемникам наследодателя осуществлять их право наследования и не вправе осуществлять собственные действия по отношению к наследственной массе в целях стать наследниками.

Сложно согласиться с тем, что к числу обязанных субъектов наследственного правоотношения относится неопределенный круг лиц (любой и каждый). Круг лиц, которые связаны волеизъявлением наследника, призванного к наследованию, ограничен конкретными лицами из числа иных наследников. Именно они могут стать нарушителями субъективного права наследования, а не любой и каждый (как, например, по отношению к праву собственности). Другие лица не из числа наследников не имеют интереса в наследственной массе, им не может быть присуждена доля в наследственном имуществе, а значит, и выступать субъектами наследственного правоотношения эти лица не могут.

Спорные вопросы отнесения к числу наследников субъектов выморочного наследства и наследственного фонда

Относить ли к числу наследников субъектов выморочного наследства? По содержанию ГК РФ такие лица включены в число наследников по закону (ст. 1151). Тем не менее в силу установленных законом особенностей их правовой статус отличается от статуса наследника. Выморочное имущество приобретается лицом *ipso jure* и не опосредовано актом принятия наследства (п. 1 ст. 1152 ГК РФ). Отсутствует у субъекта выморочного наследства возможность отказаться от наследства или не принять его. Различное содержание права (права наследования и права на получение выморочного имущества) позволяет говорить о наличии разных прав у наследников и субъектов выморочного наследства. Право на приобретение выморочного наследства можно отнести к категории иных наследственных прав, причинно-обусловленных фактом смерти, но не связанных с осуществлением права наследования. Между тем субъекты выморочного наследства становятся обязанными лицами в наследственном правоотношении, поскольку потенциально могут рассчитывать на приобретение наследственного имущества.

Своеобразными с точки зрения закона являются правила о лишении наследства субъектов выморочного имущества. De-facto таких субъектов нельзя лишить наследства по условиям завещания или наследственного договора, хотя формально норма ст. 1119 ГК РФ не устанавливает ограничений по осуществлению данного правомочия. Между тем в ситуации отсутствия наследников и наличия условия о лишении публично-правовых образований права на получение выморочного имущества возникла бы правовая неопределенность в части дальнейшей судьбы наследственного имущества и необходимость в применении правил о бесхозяйном имуществе. Их соблюдение существенно бы усложнило процесс получения имущества умершего гражданина, предоставило бы простор для завладения имуществом умершего третьими лицами, привело бы к ущемлению прав и интересов кредиторов. В отношении иных объектов, не относящихся к вещам, вопрос о том, каков их правовой режим при отсутствии правообладателя, законом в принципе не решен. С таких позиций абсолютно целесообразным выглядел бы законодательный запрет на возможность лишения наследства субъектов выморочного имущества либо изменение подхода к определению круга наследников. Например, по ГК РСФСР 1922 г. завещателю предоставлялась возможность лишить прав законного наследования одного, некоторых или всех лиц, указанных в ст. 418, но в круг указанных в статье лиц не входило государство, наследственные права которого устанавливались в особом порядке (ст. 417, примечание к ст. 422 ГК РСФСР). При подобной

регламентации не могло возникнуть сомнений по поводу того, кого можно было лишить наследства. Право лишения не распространялось на государство.

В нормах ГК РСФСР 1964 г. содержалось аналогичное положение о лишении по завещанию права наследования одного, нескольких или всех наследников по закону (ст. 534), перечень которых устанавливался в ст. 532 ГК РСФСР. Нормы о переходе имущества к государству структурно были расположены после оснований наследования (закон и завещание) и правилах принятия или отказа от наследства. Сама ст. 552 ГК РСФСР именовалась «Переход наследства к государству», чем подчеркивался особый характер приобретения выморочного имущества. Поэтому нормы о лишении наследства на государство также не распространялись.

В настоящее время ст. 1151 ГК РФ говорит уже о наследовании выморочного имущества, нормы о котором структурно расположены в гл. 63 «Наследование по закону». В связи с этим законодатель подчеркивает, что переход имущества осуществляется не в каком-то особом порядке, как это было по нормам предшествующих гражданских кодексов, а в общем порядке наследования по закону. Представлялось бы необходимым исключение норм о переходе выморочного имущества из гл. 63 «Наследование по закону» и размещение их в гл. 64 «Приобретение наследства», в положениях которой предусматривались бы правила об особом характере приобретения государством, муниципальными образованиями прав на выморочное имущество. При таком расположении становилось бы понятным, что субъекты выморочного наследства не включаются в круг законных наследников, а значит, и правила об устранении от наследования на них не распространяются.

Сходная ситуация с приобретением имущества возникает у наследственного фонда, который, будучи отнесенным к числу наследников, тем не менее не может отказаться от наследства или не принять его. Он намеренно создается с целью управления имуществом наследодателя, а для этого он обязан принять имущество. Потому применительно к наследственному фонду так же, как и к субъектам выморочного наследства, срабатывает правило о приобретении имущества *ipso jure*, без акта принятия наследства, что, однако, не поддержано законодательно. Право наследственного фонда на получение имущества не является правом наследования и также может быть отнесено к категории иных наследственных прав.

Выводы

По результатам обобщения можно резюмировать, что в науке сложилось два основных подхода как по обоснованности возникновения

наследственного правоотношения (от отрицания до признания), так и по его сущности (от единства до множества). Наследственное правоотношение является единым и не подлежит дроблению на различные виды или этапы развития. Оно возникает между участниками (наследниками) в силу наступления определенных законом юридических фактов независимо от их волеизъявления. Соответственно возникшие у наследников обязанности могут носить только пассивный характер, выражаясь в воздержании от всяких нарушений волеизъявления управомоченного лица. Управомоченному лицу как субъекту наследственного правоотношения принадлежит субъективное гражданское право — право наследования.

Наследственное правоотношение возникает как правовая форма взаимодействия наследников и приводит к завершению процесса замены субъектов в конкретных правоотношениях. Только в рамках наследственного правоотношения происходит реализация права наследования, которое, будучи субъективным, имеет свое содержание, субъектов и подлежит защите при наличии нарушений. Помимо права наследования в рамках сопутствующих отношений, субъекты вправе реализовать иные права, предусмотренные частью третьей ГК РФ (например, право на получение имущества субъектами выморочного имущества и наследственным фондом).

Библиографический список

1. *Абраменков М.С.* Раздел наследственного имущества и оформление прав на него // *Наследственное право.* 2014. № 2. С. 23—28.
2. *Анненков К. Н.* Система русского гражданского права. 1902. Т. 6. 520 с.
3. *Антимонов Б.С., Граве К.А.* Советское наследственное право. М.: Юрид. лит., 1955. 264 с.
4. *Бабаев А.Б.* Проблема секундарных прав в российской цивилистике: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 22 с.
5. *Барон Ю.* Система римского гражданского права. Вып. 4. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих (влад. А.Э. Коллинс), 1908. Кн. 5. Кн. 6. VIII. 244 с.
6. *Богатырев Ф.О.* Секундарное право на примере Постановления Президиума Верховного Суда России // *Журнал российского права.* 2005. № 2. С. 68—72.
7. *Булаевский Б.А.* Некоторые аспекты существования наследственных правоотношений в системе наследственного права // *Наследственное право.* 2019. № 3. С. 8—12.
8. *Груздев В.В.* Дифференциация в гражданском праве // *Нотариус.* 2018. № 8. С. 8—12.

9. *Денисевич Е.М.* Односторонние сделки в гражданском праве Российской Федерации: понятие, виды и значение: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 173 с.

10. *Иоффе О.С.* Избранные труды: В 4 т. СПб., 2003. Т. 1. 574 с.

11. *Киминчижи Е.Н.* Право наследования как секундарное право // Наследственное право. 2010. № 4. С. 17–19.

12. *Кравченко А.А.* К вопросу об определении правовой природы секундарных прав // Законодательство и экономика. 2015. № 2. С. 49–52.

13. *Лиманский Г.С.* Наследственное правоотношение: общие теоретико-методологические проблемы учения // Наследственное право. 2007. № 1. С. 2–8.

14. *Михайлова А.С.* Институт наследования: проблемы теории и практики // Нотариус. 2013. № 2. С. 11–13.

15. *Никитюк П.С.* Наследственное право и наследственный процесс. Кишинев. 1973. 258 с.

16. *Никольский В.Н.* Об основных моментах наследования: Сравнительное изложение В. Никольского. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1871. 365 с.

17. *Орлова Н.В.* Вопросы наследования в международном частном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Всесоюзный институт юридических наук. М., 1951. 326 с.

18. *Певзнер А.Г.* Понятие и виды субъективных гражданских прав: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1961. 238 с.

19. *Сафин З.Ф., Челышев М.Ю.* О методологии цивилистических исследований // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 6. С. 120–125.

20. *Серебровский В.И.* Избранные труды по наследственному и страховому праву. М., Статут. 2003. 558 с.

21. *Синайский В.И.* Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. 638 с.

22. *Толстой Ю.К.* К теории правоотношения. Л., 1959. 87 с.

23. *Трапезникова А.В.* Наследственное правоотношение: концепция и суть // Наследственное право. 2012. № 4. С. 22–25.

24. *Третьяков С.В.* Формирование концепции секундарных прав в германской цивилистической доктрине (к публикации русского перевода работы Э. Зеккеля «Секундарные права в гражданском праве» // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 253–270.

25. *Тужилова-Орданская Е.М.* Классификация секундарных прав // Гражданское право. 2020. № 1. С. 16–19.

26. *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. М., 1974. 351 с.

27. Частное право: проблемы теории и практики / А.Ю. Беспалов, Ю.Ф. Беспалов, Д.В. Гордеюк и др.; Отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2016. 144 с.

28. *Ченига Т.Д.* Проблемы наследственного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 1. С. 124–130.
29. *Чечот Д.М.* Субъективное право и формы его защиты. Л., 1968. 72 с.
30. *Шершеневич Г.Ф.* Курс гражданского права. Тула, 2001. 720 с.
31. *Яковлев В.Ф.* Структура гражданских правоотношений // Антология уральской цивилистики. 1925–1989. М., 2001. 431 с.

References

1. *Abramenkov M.S.* Razdel nasledstvennogo imushchestva i oformlenie prav na nego [Division of Hereditary Property and Registration of Rights to It]. *Nasledstvennoe pravo – Inheritance law*. 2014. Issue 2. P. 23–28. (In Russ.)
2. *Annenkov K.N.* Sistema russkogo grazhdanskogo prava [System of Russian Civil Law.]. 1902. Vol. VI. 520 p. (In Russ.)
3. *Antimonov B.S., Grave K.A.* Sovetskoe nasledstvennoe pravo [Soviet inheritance law]. Moscow, 1955. 264 p. (In Russ.)
4. *Babaev A.B.* Problema sekundarnyh prav v rossijskoj civilistike: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [The problem of second rights in Russian civil law: abstract. dis. ... cand. Jurid]. Moscow, 2006. 22 p. (In Russ.)
5. *Baron YU.* Sistema rimskogo grazhdanskogo prava. Vyp. 4. Sankt-Peterburg: tip. YU.N. Erlih (vlad. A.E. Kollins). Kn. 5. Semejstvennoe pravo; Kn. 6. Nasledstvennoe pravo [The system of Roman civil law. Issue 4. St. Petersburg: type. Yu.N. Ehrlich (vlad. A.E. Collins). Book 5. Family Law; Book 6. Inheritance law]. 1908. VIII. 244 p. (In Russ.)
6. *Bogatyrev F.O.* Sekundarnoe pravo na primere Postanovleniya Prezidiuma Verhovnogo Suda Rossii [Secondary Law on the Example of the Decree of the Presidium of the Supreme Court of Russia]. *ZHurnal rossijskogo prava—Journal of Russian Law*. 2005. Issue 2. P. 68–72. (In Russ.)
7. *Bulaevskij B.A.* Nekotorye aspekty sushchestvovaniya nasledstvennyh pravootnoshenij v sisteme nasledstvennogo prava [Some Aspects of the Existence of Hereditary Legal Relations in the System of Inheritance Law]. *Nasledstvennoe pravo—Inheritances. right*. 2019. Issue 3. Pp. 8–12. (In Russ.)
8. *Gruzdev V.V.* Differenciatsiya v grazhdanskom prave [Differentiation in Civil Law]. *Notarius – Notary*. 2018. Issue 8. P. 8–12. (In Russ.)
9. *Denisevich E.M.* Odnostoronnie sdelki v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii: ponyatie, vidy i znachenie: dis. ... kand. jurid. nauk [Unilateral transactions in the civil law of the Russian Federation: concept, types and meaning: Cand. jurid. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2004. 173 p. (In Russ.)
10. *Ioffe O.S.* Izbrannye trudy: v 4 t. T.1 Pravootnoshenie po sovetскому grazhdanskomu pravu. Otvetstvennost' po sovetскому grazhdanskomu pravu

[Selected works: in 4 vols. Vol. 1 Legal relations under Soviet civil law. Responsibility under Soviet civil law]. SPb., 2003. 574 p. (In Russ.)

11. *Kiminchizhi E.N.* Pravo nasledovaniya kak sekundarnoe pravo [The Right of Inheritance as a Second Right]. *Nasledstvennoe Pravo – Inheritance Law*. 2010. Issue 4. P. 17–19. (In Russ.)

12. *Kravchenko A.A.* K Voprosu ob opredelenii pravovoj prirody sekundarnykh prav [On the Question of Determining the Legal Nature of Second Rights]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika – Legislation and economics*. 2015. Issue 2. P. 49–52. (In Russ.)

13. *Limanskij G.S.* Nasledstvennoe pravootnoshenie: obshchie teoretiko-metodologicheskie problemy ucheniya [Hereditary Legal Relationship: General Theoretical and Methodological Problems of Teaching]. *Nasledstvennoe pravo–Inheritance law*. 2007. Issue 1. P. 2–8. (In Russ.)

14. *Mihajlova A.S.* Institut nasledovaniya: problemy teorii i praktiki [Institute of Inheritance: Problems of Theory and Practice]. *Notarius – Notary*. 2013. Issue 2. P. 11–13. (In Russ.)

15. *Nikityuk P.S.* Nasledstvennoe pravo i nasledstvennyj process [Inheritance law and the inheritance process]. Kishinev. 1973. 258 p. (In Russ.)

16. *Nikol'skij V.N.* Ob osnovnykh momentah nasledovaniya: Svrnit. izlozh. V. Nikol'skogo [On the main points of inheritance: Compare. narrated by V. Nikolsky]. Moscow, 1871. 365 p. (In Russ.)

17. *Orlova N.V.* Voprosy nasledovaniya v mezhdunarodnom chastnom prave: dis. ... kand. jurid. nauk [Questions of inheritance in private international law: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1951. 326 p. (In Russ.)

18. *Pevzner A.G.* Ponyatie i vidy sub"ektivnykh grazhdanskikh prav: dis ... kand.yurid.nauk [The concept and types of subjective civil rights: diss... Candidate of Legal Sciences]. Moscow, 1961. 238 p. (In Russ.)

19. *Safin Z.F., CHelyshev M.YU.* O metodologii civilisticheskikh issledovanij [On the methodology of civil studies]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava – Bulletin of the Saratov State Academy of Law*. 2011. Issue 6. P. 120–125. (In Russ.)

20. *Serebrovskij V.I.* Izbrannye trudy po nasledstvennomu i strahovomu pravu [Selected works on inheritance and insurance law]. Moscow, 2003. 558 p. (In Russ.)

21. *Sinajskij V.I.* Russkoe grazhdanskoe pravo [Russian civil law]. Moscow, 2002. 638 p. (In Russ.)

22. *Tolstoj YU.K.* K teorii pravootnosheniya [To the theory of legal relations] Leningrad, 1959. 87 p. (In Russ.)

23. *Trapeznikova A.V.* Nasledstvennoe pravootnoshenie: koncepciya i sut' [Hereditary legal relationship: concept and essence]. *Nasledstvennoe pravo – Hereditary law*. 2012. Issue 4. P. 22–25. (In Russ.)

24. *Tret'yakov S.V.* Formirovanie koncepcii sekundarnykh prav v germanskoj civilisticheskoy doktrine (k publikacii russkogo perevoda raboty E. Zekkelya

«Sekundarnye prava v grazhdanskom prave» [Formation of the concept of second rights in the German civil doctrine (to the publication of the Russian translation of the work of E. Zekkel «Second rights in civil law»]. Vestnik grazhdanskogo prava – Bulletin of Civil Law. 2007. Issue 2. P. 253–270. (In Russ.)

25. *Tuzhilova-Ordanskaya E.M.* Klassifikaciya sekundarnyh prav [Classification of second rights]. Grazhdanskoe pravo – Civil law. 2020. Issue 1. P. 16–19. (In Russ.)

26. *Halfina R.O.* Obshchee uchenie o pravootnoshenii [General doctrine of legal relations]. Moscow, 1974. 351 p. (In Russ.)

27. Chastnoe pravo: problemy teorii i praktiki / A.YU. Bespalov, YU.F. Bespalov, D.V. Gordeyuk i dr.; otv. red. YU.F. Bespalov [Private law: problems of theory and practice / A.Yu. Bespalov, Yu.F. Bespalov, D.V. Gordeyuk, etc.; ed. Yu.F. Bespalov] Moscow, 2016. 144 p. (In Russ.)

28. *Chepiga T.D.* Problemy nasledstvennogo prava [Problems of inheritance law]. Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie – News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1975. Issue 1. P. 124–130. (In Russ.)

29. *Chechot D.M.* Sub”ektivnoe pravo i formy ego zashchity [Subjective law and forms of its protection]. Leningrad, 1968. 72 p. (In Russ.)

30. *Shershenevich G.F.* Kurs grazhdanskogo prava [Course of civil law]. Tula, 2001. 720 p. (In Russ.)

31. *Yakovlev V.F.* Struktura grazhdanskih pravootnoshenij [Structure of civil legal relations]. Antologiya ural’skoj civilistiki – Anthology of the Ural civilistics. 1925–1989. Moscow, 2001. 431 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Е.А. Ходырева

Доктор юридических наук,

доцент, профессор кафедры гражданского права

Удмуртский государственный университет

426000, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, к. 4

ORCID: 0000-0001-6767-2387

Information about the author:

E.A. Khodyreva

Udmurt State University

4 bldg., Universitetskaya str., 1, Izhevsk, 426000, Russia

ORCID: 0000-0001-6767-2387

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2024 • Выпуск 6

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ – ЕЖЕГОДНИК

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF THE CIVIL LAW RESEARCHES

2024 • Volume 6

YEARLY PERIODICAL SCIENTIFIC JOURNAL

Выпускающий редактор: *Я.В. Бродневская*

Дизайн и верстка: *А.С. Резниченко*

Подписано в печать 22.04.2024. Дата выхода в свет 06.05.2024.

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Newton.

Усл. печ. л. 23. Тираж 200 экз.

Распространяется по свободной цене

ISSN 2619-0559

9 772619 055009 >